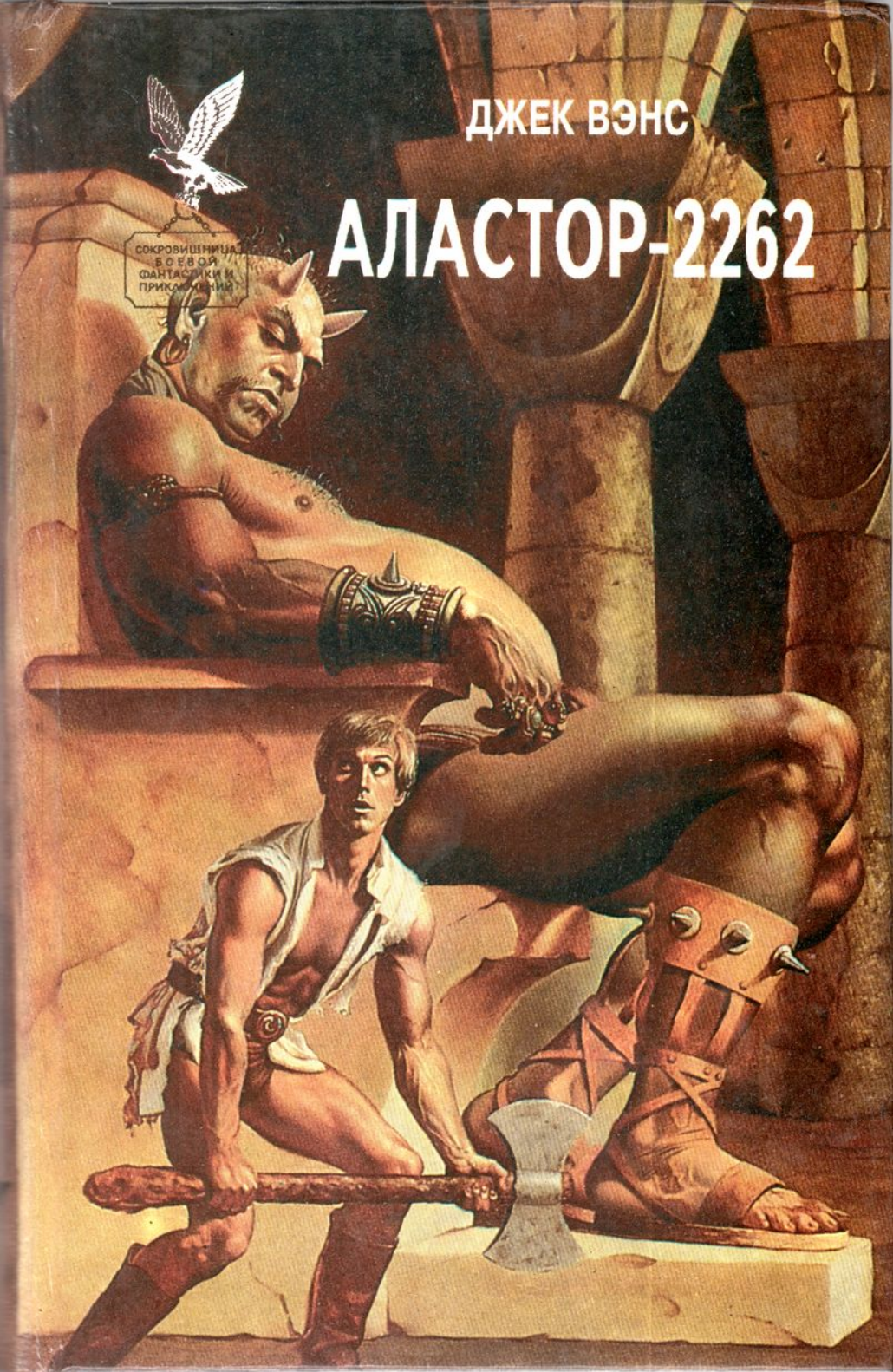

ДЖЕК ВЭНС

АЛАСТОР-2262

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ
ФАНТАСТИКИ И
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЖЕК ВЭНС

АЛАСТОР-2262

TALLINN

1995

И /США/

Серия основана в 1993 году.

ДЖЕК ВЭНС.

"Аластор-2262". Составитель А. Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1995, 416 стр, ил. /"Сокровищница боевой фантастики и приключений"/.

Издательство "Мелор" в этом томе "Сокровищницы" знакомит Вас с новым фантастическим боевиком Джека Вэнса "Аластор-2262", впервые издающимся на русском языке".

Действие романа разворачивается на планете Тралльон, расположенной в звездном скоплении Аластор. Главный герой возвращается домой после десяти лет службы в звездной гвардии императора Аластора и узнает, что его младший брат заложил их родовой замок секте фэнтэдов и, чтобы имение не перешло в чужие руки, ему срочно необходимо внести ыкуп — 12 тысяч озов.

Глиннэс, так зовут главного героя, решил создать команду и принять участие в хассэиде — игре очень распространенной в звездном скоплении.

Денежного приза команде-победителю вполне хватит для выкупа родового замка. Хассэйд в полном разгаре. Команда Глиннэса выигрывает, но тут над стадионом висает армада кораблей звездных пиратов...

ИТАК, "АЛАСТОР - 2262".

В $\frac{470310100-022}{8УЗ/03/-95}$

ISBN 5-87005-022-7

© «MELOR», 1995г.

ЭЛАСТОР 2262

ПРОЛОГ

Для стороннего наблюдателя звездное скопление Аластор может показаться всего лишь завитком на самом дальнем конце одной из спиральных ветвей Галактики, хотя в действительности это неправильной формы свод поперечником от двадцати до тридцати световых лет, заполненный тридцатью тысячами ярких звезд. Если пренебречь несколькими обособившимися звездами, то со всех сторон его окружает уже совершенно пустынное межгалактическое пространство. При более близком рассмотрении Аластор предстает поражающей воображение великолепной мозаикой, составленной из множества звездных струй, растекавшихся по светящейся паутине, инкрустированной в узлах ее ярко искрящимися бриллиантами местных звездных скоплений. Во многих местах великолепия этой мозаики несколько смягчается дымкой пылевидных туманностей, придающей свечению прикрываемых ими звезд коричневатого-красного или дымчато-янтарного оттенка. Целые сонмы невидимых глазу потухших звезд передвигаются среди неисчислимого множества притянутых к ним планетарных осколков из железа, вулканической лавы и льда, составляя в совокупности так называемый «звездный шлак» или «стармент».

Три тысячи обитаемых планет рассеяно по скоплению. Общее население их — примерно пять триллионов человек. Планеты эти значительно разнятся друг от друга. Таким же разнообразием отличаются и заселившие их люди. Тем не менее, все они говорят на одном и том же языке и беспрекословно повинуются власти Вседержителя, резиденция которого расположена в Лутце на планете Ньюменес.

Престол Вседержителя в настоящее время занимает Оман Эршт, шестнадцатый монах династии Айдит, человек весьма заурядной, ничем не примечательной внеш-

ности. На портретах и во время официальных церемоний он предстает перед глазами своих подданных в строгом черном мундире, в черной фуражке на голове, с целью создания имиджа непоколебимого властителя, и именно таким он и является в сознании народов, населяющих скопление Аластор. В неофициальной же обстановке Оман Эршт — спокойный и рассудительный человек, склонный к тому, чтобы в делах государственных проявлять максимальную осмотрительность и ни в коем случае не злоупотреблять своей безграничной властью. Он тщательно обдумывает каждый аспект своего поведения, прекрасно понимая, что даже самый незначительный его поступок — небрежный жест, нечаянно оброненное слово, не вполне соответствующая обстановке интонация — могут послужить толчком к возникновению цепной реакции с непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому он и старается выглядеть правителем суровым, беспристрастным и немногословным.

Стороннему наблюдателю Скопление Аластор может показаться одним из самых мирных и благополучных уголков Галактики. Вседержитель на сей счет придерживается совершенно иного мнения. Он ни на миг не забывает о том, что до тех пор, пока одни люди будут пытаться получить преимущества перед другими, в человеческом обществе всегда будет существовать тенденция к нарушению равновесия. В обществе, лишенном возможности время от времени «выпускать лишний пар», ткань, связующая общество в единое целое, подвергается перенапряжениям и бывает, что и рвется на клочки. Свое главное назначение в структуре общества Вседержитель усматривает в том, чтобы заблаговременно распознавать источники социальной напряженности и устранять их. Иногда он добивается этого реформированием общественных структур, иногда прибегает к тактике отвлекающих маневров. Если же не удастся удержаться от силового вмешательства, то Вседержитель прибегает к помощи своей военизированной организации — Гвардии. Как человек, Оман Эршт болезненно морщится даже при виде того, как причиняется вред насекомому. Как Вседержитель, он без каких бы то ни было угрызений совести распоряжается судьбой миллионов людей. Во многих случаях, отдавая себе отчет в том, что каждая новая ситуация обуславливает возникновение соответствующей контрситуации, он предпочитает оставаться в стороне от опасения ввести третий фактор, который еще больше запутает обстановку. Если сомневаешься, воздержись от

принятия каких-либо мер — таков один из излюбленных основополагающих принципов деятельности Вседержителя...

Следуя издревле заведенной традиции, он много времени проводит в путешествиях инкогнито по всему Скоплению. Для того, чтобы восстановить справедливость, он иногда выдает себя за высокопоставленного сановника. Доброта и самопожертвование — наиболее щедро вознаграждаемые им добродетели. Предметом же особого интереса для него всегда остается повседневная жизнь своих подданных, поэтому он очень внимательно прислушивается, например, к диалогам подобного рода:

Пожилой мужчина (обращаясь к юноше-лодырю): Если у каждого будет все, что только ему захочется, то кто же тогда станет трудиться? Никто.

Юноша: Я уж — так точно.

Пожилой мужчина: И первый же, если станет тебе чего-то не доставать, протестующе завопишь, ибо только труд — источник всех благ. Вот и займись, не мешкая, чем-нибудь полезным. Терпеть не могу праздность.

Юноша (ворчливым тоном): Будь я Вседержителем, я бы устроил все так, чтобы каждый мог удовлетворить любые свои желания. Не ипачить! Хассэйд — бесплатно! Шикарная космическая яхта! Новая одежда — каждый день! Да чтобы слуги подавали самые изысканные деликатесы!

Пожилой мужчина: Вседержителю надобно быть гением, чтобы удовлетворить и тебя и слуг. Ведь самое заветное их желание — это хорошенько отодрать тебя за уши. Так что лучше ступай-ка с миром и берись за любую работу.

Или вот еще:

Парень: Держись подальше от Лутца, умоляю тебя! Вседержитель заберет тебя себе на потеху!

Девушка (с нарочитым лукавством): И что ты в этом случае сделаешь?

Парень: Я взбунтуюсь. Стану самым знаменитым старменером — само небо ужаснется при виде моих злодеяний! В конце концов я сокрошу могущество Аластора. — Гвардию, Вседержителя и все остальное — и завоюю тебя! Ты будешь принадлежать только мне одному и никому больше!

Девушка: Как это по-рыцарски с твоей стороны, но Вседержитель никогда-никогда не обратит свой взор на такую простушку, как я. Ведь в Лутце его уже давно услаждают самые красивые женщины Скопления.

Парень: Ну и завидная же у него жизнь! Оказаться на месте Вседержителя — предел моих мечтаний!

Девушка капризно фыркает и становится холодной, как лед.

Парень явно смущен. Оман Эршт теряется в толпе гуляющих.

Лутц — дворец Вседержителя — сооружение в самом деле замечательное. Оно возвышается над морской поверхностью на высоте более трех тысяч метров, опираясь на пять огромных пилонов. Туристы свободно прогуливаются по нижним ярусам здания. Они прибывают сюда со всех без исключения планет Скопления Аластор и даже с куда более удаленных планет — из Регионов Туманностей — спутников Галактики, из густо населенных районов первоначального освоения, из Сектора Эрдик, из Скопления Рубримар и из всех остальных частей Галактики, которые люди сделали своим родным домом.

Над прогулочными галереями расположены правительственные учреждения, залы для проведения торжественных церемоний, центральный коммуникационный комплекс, а еще выше — знаменитое Кольцо Миров, образованное тремя тысячами просторных залов, содержащих исчерпывающую информацию о каждой из обитаемых планет Скопления. Личные покои Вседержителя размещаются в остроконечных башнях, венчающих сооружение. Они пронизывают облака и временами даже исчезают из виду в дымке, возникающих в верхних слоях атмосферы. Когда солнечные лучи омывают стены дворца, придавая им фосфорический блеск, Лутц, резиденция Вседержителя, являет взору ни с чем не сравнимое зрелище и справедливо расценивается как наиболее вдохновенное творение человеческого рода.

Глава 1

Экспозиция зала за номером 2262 вышеупомянутого Кольца Миров посвящена планете Тралльон, в гордом одиночестве обращающейся вокруг небольшой белой звезды, единственной искорке на фоне струи диффузного газа, завивающейся наружу, в сторону дальнего края Скопления. Тралльон — планета небольшая, почти вся ее поверхность покрыта водой, за исключением

единственного материка Мерланк¹, вытянувшегося вдоль экватора. Огромное количество кучевых облаков, волна за волной набегают на материк со стороны моря и разбиваются о горные цепи в центральной части суши. Сотни рек стекают по широким долинам, почва которых настолько плодородна, что злаки и фрукты практически не представляют из себя какой-либо ценности.

Первопоселенцам Тралльона были свойственны такое трудолюбие и энтузиазм, что позволили довольно быстро освоиться в начале довольно суровом окружении, несмотря на добрую дюжину войн, омрачавших древнюю историю триллов. Эта же эпоха породила тысячу неслетных состояний и касту наследственной аристократии и завершилась постепенным затуханием первоначального динамизма. Община триллов задалась вот каким вопросом: для чего напряженно трудиться, зачем браться то и дело за оружие, когда с таким же успехом жизнь можно проводить в празднествах, веселых пиршествах с плясками и пением, и в общем-то, не особенно перетруждаясь. Через три поколения от прежнего Тралльона остались одни воспоминания. Рядовой обыватель трудится теперь только тогда, когда к этому его побуждают обстоятельства: чтобы подготовить очередное пиршество, удовлетворить свою страсть к хассэйдуду, чтобы заработать на водометный движок для своей лодки, чтобы приобрести кастрюлю для своей кухни или отрез для «парая», похожей на юбку одежды, не стесняющей движений, которую носят как женщины, так и мужчины. От случая к случаю он возделывает плодородную почву на бескрайних полях, ловит рыбу в океане или с помощью переметов на многочисленных речках, собирает дикорастущие фрукты, а когда находит настроение, то и копает изумруды и опалы на горных склонах или собирает «коч»². Работает он, пожалуй, не более часа в день и лишь от случая к случаю два-три часа кряду. Гораздо больше времени он проводит, музицируя на веранде своего полуразвалившегося дома. Он с недоверием относится к большинству технических устройств, находя

¹ Мерланк — разновидность ящерицы. Материк обвивает экватор, как ящерица, прильнувшая к синему стеклянному шару.

² «Коч» — усиливающее сладострастие средство, извлекаемое из спор плесенного грибка и употребляемое в большем или меньшем количестве каждым триллом.

их для себя малопривлекательными, только сбивающими с толку и — что куда более существенно — дорогостоящими, однако, хотя и робко, но прибегает к услугам телефонной связи для направления в нужное русло своего времяпрепровождения и считает само собой разумеющимся наличие водомета на своей лодке.

Как и в большинстве буколических обществ, классовая структура населения Тралльона представляет из себя ступенчатую пирамиду, и каждый трилл знает точное свое местоположение на ней. На самом верху ее, почти как совершенно обособившаяся раса, располагается аристократия. В самом низу — ведущие кочевую жизнь треване, социальная группа столь же не похожая ни на какую другую. Рядовой трилл с большим подозрением относится ко всему непревычному или экзотическому. Обычно спокойный и обходительный, он тем не менее, если его здорово разозлить, впадает в необузданную ярость, а некоторые ритуалы триллов — в особенности, кошмарный «прутаншир» — настолько омерзительны, что скорее к лицу варварам.

Для Тралльона характерен сугубо рудиментарный характер правительства, рядовой трилл практически не проявляет какого-либо интереса к любым вопросам, касающимся государственного управления. Материк Мерланк был с незапамятных времен разделен на двадцать префектур, каждая из которых управлялась ограниченным количеством распорядительных органов и небольшой группой должностных лиц, составивших касту, несколько вышешую по отношению к рядовым триллам, но значительно уступавшую по своей значимости родовой аристократии. Торговля с остальной частью Скопления невелика. На всем Тралльоне имеется всего лишь четыре космопорта: Порт-Гоу на западе Мерланка, Порт-Керубиан на северном побережье, Порт-Мэхьюл — на южном и Вайдаменда — на восточном.

В сотне миль к востоку от Порт-Мэхьюла расположен город Уэлген, известный своими ярмарками, а в еще большей мере — отличным хассэйдным стадионом. Еще дальше к востоку простираются так называемые «Шхеры», местность изумительной красоты. Около десятка могучих рек, стекающих с южных отрогов гор, расположенных в центральной части материка, образуют общую дельту, изрезанную тысячами рукавов и состоящую из неисчислимого множества островов, некоторые из которых имеют весьма внушительные размеры, а некоторые столь невелики, что места на них хватает разве что для

хижины рыбака и дерева, к которому он привязывает свой челн.

Неописуемой красоты пейзажи постоянно сменяются один другим. Серо-зеленые миасы, серебристо-охровые шары помандеров, черные джардины величественными рядами стоят вдоль берегов речных протоков, придавая каждому из островов свой неповторимый, резко отличающийся от других облик. Повсюду на обветшалых верандах сидят за кувшинами домашнего вина островитяне. Иногда они наигрывают незамысловатые мелодии на столь же незатейливых музыкальных инструментах: шестигранных гармониках — концертино, небольших гитарах с круглыми деками, губных гармошках, издающих веселые трели и глиссандо. Природа Шхер настолько своеобразна, что даже солнечный свет здесь по особому нежен и бледен, а переходы цветовой гаммы настолько зыбки и мимолетны, что их едва улавливает неподготовленный глаз. По утрам дали подергиваются туманом, зато закат представляет из себя пышное зрелище, хотя в нем и преобладают приглушенные светло-зеленые и бледно-лиловые тона. По водной глади между бесчисленными островами непрерывно снуют скутеры и небольшие моторки. Время от времени их обгоняют яхты аристократов или паромы, соединяющие Уэлген с деревушками в Шхерах.

В самом центре Шхер, в нескольких милях от поселка Зауркаш, расположен остров Рабендари, где жили Джат Халден, его жена Марча и трое их сыновей. Площадь острова Рабендари — чуть больше сорока гектаров, включая двенадцать гектаров леса из миаса, черного дерева, свечного дерева и семриссимы. К югу от острова Рабендари открывается широкий простор рукава Эмбл. Воды протока Фарван омывают Рабендари с запада, протока Гилвег — с востока, а вдоль северного побережья острова плавно катит свои воды река Заур. Ветхий домишко Халденов стоит между двумя огромными мимозами. Вокруг столбов, поддерживающих крышу веранды, вьются стебли ползучих роз. Их побеги свешиваются с края крыши, создавая восхитительную тень на радость тем, кто проводил досуг в старинных плетеных креслах. К югу открывается живописный вид рукава Эмбл и одноименного с ним острова площадью чуть более полутора гектаров, приютившего немалое количество щеголеватых помандеров, красота которых еще сильнее оттенялась на фоне торжественных миасов и трех гигантов-фанзанилов, взметнувших высоко вверх огромные мохнатые веера. Сквозь густую листву кое-где виднелся бело-

снежный фасад особняка, в котором лорд Эмбл когда-то содержал своих любовниц. Теперь этот особняк принадлежал Джату Халдену, однако новый владелец не очень-то спешил в него переселиться, опасаясь, как бы это не сделало его посмешищем в глазах приятелей.

В молодости Джат Халден играл в хассэйд в составе команды «Зауркашские Змеи». Марча была «шейлой»¹ команды «Уэлгенские Волшебники». Вот так они встретились и поженились, а затем дали жизнь троем сыновьям, Шире и близнецам Глиннесу и Глэю, и дочери Шэйре, которую похитили мерлинги².

Глава 2

Глиннес Халден появился на свет, громко плача и отчаянно брыкаясь. Глэй последовал за ним в настороженной тишине часом позже. С первого же дня жизни братья резко отличались друг от друга — и внешне, и нравом, и во всех повседневных мелочах. Глиннес, подобно Джату и Шире, был доверчивым, добродушным и общительным. Из него вырос красивый парень с открытым румяным лицом и широким, всегда улыбающимся ртом. Глиннес всецело отдавался тем радостям, которые предоставляла жизнь в Шхерах: пиршествам, любовным приключениям, хождению под парусами и любованию звездами, хассэиду, ночной охоте на мерлингов да и самой обычной праздности.

Глэю поначалу доставало крепкого здоровья. В течение первых шести лет он был ребенком капризным, придирчивым и подавленным. Затем он окреп и быстро догнал Глиннеса, а возмужав, обогнал его и в росте. Волосы у него были черные, черты лица тонкие и

¹ Шейла — непереводимый термин из особого словаря игры в хассэйд — прекрасная нимфа, источник иступленной энергии, которая вдохновляет игроков своей команды на невообразимые подвиги силы и ловкости. Шейла — обязательно девственница, которую необходимо тщательно оберегать от позора поражения.

² Мерлинги — квазиразумные амфибии, развившиеся на Тралльоне задолго до заселения его людьми и живущие в туннелях, вырытых в речных берегах. Мерлинги ночами рыщут по суше в поисках падали, небольших животных и детей.

правильные, глаза — сосредоточенные. Глиннес воспринимал события и идеи такими, какими они были, скептицизм был органически чужд ему. Всегда замкнутый Глэй предпочитал угрюмое уединение. Глиннес был прирожденным кудесником хассэйда. Глэй отказывался даже ногой ступить на игровое поле. Будучи по натуре человеком непредубежденным, Джат тем не менее испытывал огромные трудности в своих попытках скрывать предпочтение в пользу Глиннеса. Марча же, сама высокая, темно-волосая, склонная к романтической мечтательности, души не чаяла в Глэе, ей очень хотелось обнаружить в нем те возвышенные чувства, которых так не доставало, как ей казалось, ее мужу и двум другим сыновьям. Она пыталась приобщить Глэя к музыке, терпеливо объясняла, как с помощью музыки он мог бы выражать те чувства, что владели им, и делать их понятными для других. Глэй отнесся совершенно равнодушно к самой мысли об этом и научился извлекать лишь несколько вялых и совсем неблагозвучных аккордов на гитаре матери.

Глэй был тайной даже для самого себя. Самоанализ, которому он себя подверг, так ничего и не выявил, оставив все в том же замешательстве как и его самого, так и остальных членов семьи. Еще когда он был подростком, за всегда суровую внешность и высокомерное самодовольство его наградили кличкой «Лорд Глэй». И хотя это было, скорее всего, лишь случайным совпадением, но он был единственным из всех членов семьи, который хотел переселиться в особняк на Острове Эмбл. Даже Марча выбросила подобную мысль из головы как глупую и достойную только осмеяния затею.

Единственным, с кем Глэй бывал откровенен, был Акади-ментор, живший в замечательном доме на Острове Сарпассант в нескольких милях севернее от Рабендари. Акади, худой длиннорукий мужчина с несуразным лицом, отдельные черты которого совершенно не гармонировали с другими, — в глаза бросались огромный нос, жидкие курчавые красно-каштановые волосы, голубые рыбьи глаза, рот, всегда слегка изогнутый в глуповатой ухмылке — подобно Глэю, он не очень-то вписывался в едва ли не идиллическую атмосферу, царившую в Шхерах. Однако в отличие от Глэя, эти свои отличительные черты он обратил себе на пользу и имел клиентуру даже в аристократической среде.

Профессией Акади было оказание самых разнообразных услуг — таких, как составление эпиграмм и поздравительных адресов и вообще рифмованных текстов, оформление документов и других рукописей каллигра-

фическим почерком, выдача мудрых советов, участие в торжественных церемониях или банкетах в качестве распорядителя или тамады (нанять Акади в качестве украшения попойки означало существенно увеличить расходы на нее). Был он, кроме того, еще и законником, сватом, хранителем местных традиций и источником скандальных сплетен. Лукавое выражение лица, вкрадчивый голос и изысканная речь придавали разносимым им слухам еще более язвительный характер. Джат не доверял Акади и ничего не имел с ним общего — к превеликому сожалению Марчи, которая никак не могла отказаться от своих прежних честолобивых замыслов в отношении своего социального статуса и где-то в глубине души всегда ощущала, что вышла замуж за человека, который не очень-то был ее достоин. Хассэйдные шейлы зачастую выходили замуж за лордов!

Акади много путешествовал и посетил немало других планет. Ночью, во время любования звездами

Впервые корабль старментеров Глиннес увидел, когда ему было шестнадцать лет. Он спикировал с небосвода над Проливом Эмбл и на огромной скорости ринулся к Уэлгену. Подробности рейда сообщались в следовавших непрерывно один за другим экстренных выпусках новостей по радио. Старментеры совершили посадку на центральной площади и с лихорадочной быстротой принялись опустошать банки, ювелирные магазины и кочехранилище, поскольку коч по стоимости намного превышает все остальные товары, производимые на Тралльоне. Они также похитили немалое число состоятельных горожан в надежде получить за них большой выкуп. Рейд оказался скоротечным и отлично организованным и осуществленным. Не прошло и десяти минут, как корабль старментеров оказался до предела загруженным награбленным добром и пленниками. К не-

¹ Ночью звезды Скопления Аластор сверкают так ярко, будто в небе устроена праздничная иллюминация. Атмосфера преломляет их свет, вследствие чего весь небосвод полыхает мириадами ярко сверкающих лучей и колышущимися, непрерывно меняющими свое положение на небе и конфигурацию огненными факелами. Триллы располагаются в приусадебных садах с кувшинами вина, и обсуждают характерные особенности планет, обращающихся вокруг этих звезд. Как раз во время одного из таких любований звездами Шэйра Халден заблудилась в потемках. Прежде, чем ее отсутствие было замечено, ее схватили мерлинги и затащили под воду.

² Пираты и грабители, убежищем которых являются невидимые глазом фрагменты "Звездного шлака", так называемого "Стармента".

счастью для них случилось так, что в это же время в Порт-Мэхьюл направлялся один из крейсеров Гвардии Вседержителя. Едва слышав сигнал тревоги, он тотчас же изменил курс и появился в небе над Уэлгеном. Глиннес опометью сбежал с веранды, чтобы поглядеть на прибытие корабля Гвардии — величественного красавца-звездолета, корпус которого был покрыт светло-коричневой, ярко-алой и черной эмалью. Крейсер, подобно орлу, устремился к Уэлгену и исчез за горизонтом. Голос радио-диктора взволнованно кричал из динамика: «...они поднимаются в воздух... Но, о чудо! Сюда спешит корабль Гвардии! Вот он уже здесь! Старментеры не могут включить гиперпривод — он сгорит от трения в атмосфере! Они вынуждены принять бой!»

Диктор настолько разволновался, что уже не в состоянии был владеть своим голосом. «Гвардейский крейсер атакует!» — надрываясь, вопил он. «Корабль старментеров поврежден! Ура! Он падает снова на площадь. Нет, нет! Какой ужас! Он рухнул на рынок. Сотни людей убиты или искалечены! Внимание! Все бригады скорой помощи, весь медицинский персонал! Немедленно прибывайте в Уэлген! Обстановка требует самых чрезвычайных мер! Я слышу стоны раненых... Корабль старментеров серьезно поврежден, но еще продолжает вести огонь... Ярко-синяя вспышка... Еще одна... Корабль Гвардии открыл ответный огонь. Старментеры прекратили сопротивление... Огневая мощь их корабля подавлена полностью». Диктор примолк на мгновение, затем вновь возбужденно затараторил: «Какое зрелище! Народ охвачен яростью. Людские толпы ринулись к кораблю старментеров. Их выволакивают одного за другим...». Диктор перешел на совсем нечленораздельный лепет, затем дал себе передышку и продолжал уже несколько более сдержанно: «Попытки толпы учинить самосуд над старментерами пресекаются полицейскими. Они отталкивают разъяренные толпы и теперь сами арестовывают старментеров — сами понимаете, к неопишущему ужасу пиратов, которые отчаянно сопротивляются полиции. Отбиваются руками и ногами, изворачиваются, как угри! Ведь им угрожает прутаншир! Они же предпочитают месть разъяренной толпы!.. Какое непоправимое зло учинили они этому несчастному городу Уэлген...».

Джат и Шира в это время работали в дальнем конце фруктового сада, производя прививку яблонь. Глиннес побежал поделиться с ними новостью.

«...и вот наконец старментеры все выловлены и уведены!»

— Тем хуже для них, — грубовато бросил Джат, продолжая работать секатором. Для коренного трилла он был человеком необычайно замкнутым и молчаливым, причем эти черты еще сильнее обострились после гибели Шэйры, похищенной мерлингами.

— Прутаншир ждет их, не дожидется, — заметил Ши́ра. — Мне кажется, не мешало бы послушать новости.

— Все эти мучительные казни одинаковы, — проворчал Джат. — Пламя лижет кожу жертв, колеса рвут на части их тела, веревки выворачивают конечности. Некоторых хлебом не корми, дай только поглазеть на пытки. Меня же лично куда больше захватывает хороший хассэйд.

Ши́ра подмигнул Глиннесу.

— Одна игра ничем не отличается от другой. Форварды мечутся, как угорелые, игроки бултыхаются в воде, шейлы теряют одежды, а животы всех красивых девчонок в общем-то одинаковы.

— Огромный опыт глаголит твоими устами, — произнес Глиннес, и Ши́ра, самый знаменитый на всю округу распутник, весело расхохотался.

Ши́ра все-таки отправился поглазеть на казнь вместе со своей матерью, Марчей, а вот Глиннеса и Глэя Джат Халден не отпустил из дому.

Ши́ра и Марча возвратились с последним паромом. Марча устала и легла спать. Ши́ра, однако, присоединился к Джату, Глиннесу и Глэю на веранде и подробно рассказал обо всем, что видел.

— Были пойманы тридцать три пирата, и всех их выставили в клетках прямо на площади. Все приготовления велись перед их глазами. Все мерзавцы, как на подбор, должен сказать — мне даже не удалось установить их расовой принадлежности. Некоторые из них, возможно, эхалиты, другие — сатагоны, а один высокий бледнокожий малый, говорили, блауэг. Им всем здорово не повезло — дело-то уже прошлое. Все они были совершенно голыми и для большего сраму раскрашены, как попугаи: головы в зеленый цвет, одна нога в синий, другая — в красный. Все, разумеется, кастрированы. Да, прутаншир — препаршивейшее место! Одна музыка чего стоит! Такая сладкая, кружащая голову, как аромат цветов, — и одновременно такая необычная и жестокая! Она настолько глубоко западает в душу, что начинает казаться, будто звуки извлекаются из собственных натянутых, как струны, нервов... Ну и, конечно же, приготовлен был огромный бак с кипящим маслом, а затем подогнали еще и самоходный подъемный кран. Грянула музыка —

оркестр из восьми треван. Трубы и скрипки. Как это такому загрубелому люду удастся такая хватающая за душу музыка? От нее стынут жилы и воротит желудок, во рту начинает ощущаться вкус крови! Был там, как и положено, шериф Филидис, но роль главного палача-порядителя поручили Геренсу. Старментеров одного за другим поддевали крючьями, затем поднимали и погружали в масло, после чего подвешивали к огромной раме. Не знаю даже, чтобы было более ужасным — вопли истязаемых или красивая печальная музыка. Люди падали на колени, некоторые даже катались в истерике и плакали — я так и не разобрался, то ли от ужаса, то ли от радости. Не знаю, что и сказать об этом... Примерно через два часа все были умерщвлены.

— Ммда,— произнес Джат Халден.— Вряд ли они теперь будут особенно торопиться с повторным рейдом сюда. Это уж, можно сказать, по крайней мере, со всей определенностью.

Глиннес, как замороженный, слушал все это, не в силах стряхнуть охватившее его оцепенение.

— Это слишком ужасное наказание — даже для старментеров.

— Как раз таким оно и должно быть,— ответил ему Джат.— Ты догадываешься о причине?

Глиннес, сглотнув слюну, наморщил лоб в нерешительности — он никак не мог отдать предпочтение какой-либо из одной гипотез, зародившихся у него в голове.

— Вот тебе теперь захотелось стать старментером, зная о возможности подобного конца? — спросил у него Джат.

— Ни за что! — с искренним пылом вскричал Глиннес.

Джат повернулся к погрузившемуся в тягостное раздумье Глэю.

— А тебе?

— У меня никогда не было намерений первым делом приняться за грабеж и убийство.

— Одного из двух, по крайней мере, удалось убедить не становиться на стезю преступлений, — не очень-то весело рассмеявшись, произнес Джат.

— Мне не хотелось бы слушать музыку, которая причиняет душевные муки, — признался Глиннес.

— А почему бы и нет? — неожиданно громко спросил Шира.— На хассэйде, когда рушится репутация шейлы,

музыка до того сладкая, что аж за душу берет. Музыка добавляет смака происходящему, как соль пище.

— Акади утверждает, — решил вставить и свое слово Глэй, — что любому из людей необходимо время от времени переживать душевное очищение, даже если толчком к нему будет нечто кошмарное.

— Может быть, так оно и есть, — сказал Джат, — только мне лично не нужно больше никаких кошмаров. Один такой кошмар навсегда застыл у меня перед глазами. — Джат имел в виду, сыновья прекрасно это понимали, исчезновение Шэйры. С той поры он стал буквально одержим ночной охотой на мерлингов.

— Ну что ж, двойняшки, коль вы против того, чтобы стать старменстерами, то кем бы все-таки вам хотелось бы стать? — спросил Шира. — При условии, что вам надоест жизнь в родном доме.

— Мне больше всего по душе хассэйд, — сказал Глиннес. — Я одинаково равнодушен и к рыбалке, и к добыванию коча. — Ему вспомнился красавец-крейсер в светло-коричневых, ярко-алых и черных разводах, который одержал верх над старменстерами. — Или, пожалуй, возьму и вступлю в Гвардию, чтобы наполнить свою жизнь приключениями.

— Мне ничего не известно о Гвардии, — задумчиво произнес Джат, — а вот в отношении хассэйда я могу тебе дать пару-другую полезных советов. Пробегай ежедневно пять миль для развития выносливости. Попрактикуйся перепрыгивать через канавы до такой степени, пока не научишься уверенно приземляться даже с закрытыми глазами. И держись подальше от девчонок, не то во всей префектуре может не оказаться ни одной девственницы, которая могла бы стать твоей шейлой.

— Что же, я не очень-то против такого режима, — сказал Глиннес.

Джат скосил взгляд из-под черных бровей в сторону Глэя.

— Ну а ты? Ты останешься дома?

Глэй только пожал плечами в ответ.

— Если бы я мог, я бы отправился в путешествие, чтобы познакомиться с другими планетами Скопления.

Джат взметнул косматые брови.

— Ну и как бы ты путешествовал, не имея денег?

— Акади утверждает, что такое возможно. Он посетил двадцать две планеты, зарабатывая на каждом средстве, необходимые для перелета на следующую.

— Гм. В этом что-то есть. Только никогда не бери

Акади в качестве примера для подражания. Он ничего не извлек путевого из своих путешествий, кроме никому не нужной учености.

Глэй на мгновение задумался.

— Если это так, — произнес он, — а так оно и должно быть, коль ты так в этом убежден, значит Акади завоевал к себе уважение и расширил умственный кругозор здесь, на Тралльоне, что еще больше говорит в его пользу.

Джат, для которого честное поражение никогда не было обидным, похлопал Глэя по спине.

— В тебе он нашел преданного друга.

— Я очень благодарен Акади, — признался Глэй. — Он многое объяснил мне.

— Постарайся лучше ни в чем не отставать от Глиннеса, — не без лукавства в голосе подпустил ему шпильку Шира, у которого на уме всегда было только то, что у девчонок под юбкой. — И тебе больше уже никогда не понадобятся объяснения Акади.

— Я говорю совершенно о другом.

— О чем же это тогда ты говоришь?

— Мне не хотелось бы вдаваться в подробности. Вы только станете посмеиваться надо мной, а мне это уже и без того надоело.

— Никаких насмешек! — торжественно провозгласил Шира. — Мы слушаем тебя серьезно и благожелательно. Выкладывай!

— Ладно. Мне, в общем-то все равно, станете ли вы надо мной насмехаться или нет. Так вот, я уже давно испытываю нехватку чего-то, какую-то пустоту. Мне хочется приложить свои силы к чему-нибудь по-настоящему стоящему. Я хочу столкнуться лицом к лицу с чем-нибудь таким, чему я мог бы противопоставить свою волю и что мог бы одолеть.

— Дерзкие слова, — с сомнением произнес Шира. — Вот только...

— Только почему меня так страшно одолевают именно такие мысли? Потому что жизнь-то у меня всего лишь одна, прожить ее дано только лишь один раз. Мне хочется оставить свой след, где угодно, каким угодно образом. Когда я об этом задумываюсь, я буквально схожу с ума! Моим врагом является Вселенная — это она отказывает мне в возможности совершить те замечательные деяния, благодаря которым люди еще очень долго вспоминали бы меня! Почему это имя «Глэй Халден» не должно звучать

столь же звонко и четко как «Паро» или «Слабар Велч»¹ И я этого добьюсь — я не соглашусь ни на что меньшее!

— В общем, ты возмечтал заделаться или великим хассэйдером, или великим старментером,— опечаленно произнес Джат.

— Я нагородил чепухи,— промямлил Глэй.— По правде говоря, мне не хочется славы: ни дурной, ни настоящей. Меня не волнует, как я буду выглядеть в чьих-то глазах. Мне просто хочется сделать что-нибудь стоящее, такое, что потребует полного напряжения всех моих сил.

На веранде воцарилось молчание. Тишину нарушали только стрекот ночных насекомых в камышах, да негромкий плеск воды о причал — скорее всего, какой-нибудь мерлинг поднялся на поверхность, чтобы послушать заинтересовавшие его звуки.

— Повышенное честолюбие — не такой уж большой недостаток,— строгим голосом произнес Джат.— И все же, хотелось бы знать, что было бы, если бы каждый с такой же горячностью стремился бы к громкой славе? Сохранились бы мир и спокойствие, если бы всех вдруг обуяло подобное честолюбие?

— Трудный вопрос,— сказал Глиннес.— Я как-то даже никогда раньше и не задумывался над этим. Глэй, ты меня поражаешь! Ты, наверное, единственный в своем роде!

— В этом я не очень-то уверен,— примирительным тоном произнес Глэй.— Людей, всей душой стремящихся выразить себя как можно полно, должно быть много, даже очень много.

— Наверное,— предположил Глиннес,— именно поэтому становятся старментерами.— Им скучно дома, у них нет должных способностей для хассэйда, от них отворачиваются девушки — вот они и срываются с места и объединяются с себе подобными под черным флагом только для того, чтобы отомстить за собственную неполноценность!

— Такое объяснение ничуть не хуже любого другого,— согласился Джат Халден.— Но месть оказывается палкой о двух концах, что сегодня и обнаружили тридцать три мерзавца.

¹ Паро — знаменитый хассэйдер, любимец Скопления, прославившийся особо агрессивной и дерзкой игрой.

— Одного никак не могу уразуметь,— сказал Глиннес.— Ведь Вседержителю известно об их преступлениях. Почему же он не мобилизует всю свою Гвардию и не искоренит их раз и навсегда?

Шира снисходительно рассмеялся.

— Неужели ты думаешь, что Гвардия даром ест свой кусок хлеба? Корабли ее находятся в постоянном боевом дозоре. Но на каждую обитаемую планету приходится сотня необитаемых, не считая спутники планет, астероиды, звездный шлак да и просто корпуса брошенных космических кораблей. Подходящим местам для стармен-теров несть числа. Гвардия же может сделать только то, что в ее силах.

Глиннес повернулся к Глэю.

— Вот как раз то, что тебе нужно! Вступай в Гвардию и любуйся планетами Скопления. И еще получай жалованье, пока будешь путешествовать с одной на другую!

— Неплохая мысль,— ответил Глэй.

Глава 3

Но в конце концов случилось так, что отправился в Порт-Мэхьюл и там записался в Гвардию как раз Глиннес. Тогда ему было семнадцать лет. А Глэй в Гвардию не вступил — как и не стал ни хассэйдером, ни стармен-тером. Вскоре после поступления Глиннеса в Гвардию Глэй тоже покинул родительский дом. Он вдоль и поперек изборо-роздил Мерланк, время от времени подрабатывая здесь и там несколько озовов, а еще чаще питаюсь тем, что могла ему дать щедрая природа планеты. Несколько раз он пытался прибегнуть к тем уловкам, что рекомендовал ему Акади для того, чтобы отправиться в путешествие на другие планеты, но по той или иной причине все эти его попытки так и не увенчались успехом, а средств для того, чтобы оплатить самому такое путешествие, ему никак не удавалось скопить.

Какое-то время он странствовал с ватагой треван¹, находя их напряженный, наполненный динамизмом ритм жизни на удивление противоположным бесшабашности рядовых триллов.

После восьми лет бродячей жизни он вернулся на остров Рабендари, где все осталось таким, как и прежде, хотя Шира наконец оставил хассэйд. Джат все еще продолжал вести ночную войну с мерлингами. Марча все еще не оставила надежд втереться в среду местной, не очень-то титулованной аристократии, которая в свою очередь, совершенно не намерена была позволить ей преуспеть в этом. Джат, уступив настояниям Марчи, называя себя Халденом, сквайром Рабендари, но отказываясь переселиться в имение Эмбл, которому, несмотря на благородные пропорции, просторные палаты и полированные стеновые панели, недоставало широкой веранды с видом на пролив.

Семья регулярно получала весточки от Глиннеса, карьера которого в Гвардии складывалась вполне удачно. Еще в лагере для предварительного обучения он был рекомендован для продолжения курса воинских наук в офицерском училище, по окончании которого был направлен для прохождения службы в оперативных частях 191-й эскадры и назначен командиром десантного катера N 191-539, личный состав которого состоял из двадцати командос.

Перед Глиннесом теперь открывалась прекрасная перспектива быстрого продвижения по службе и внушительного пенсионного обеспечения по ее завершении. И все же полной удовлетворенности он не испытывал. Ему грезились жизнь, насыщенная романтическими приключениями, служба ему представлялась чередой разведывательных полетов на патрульном звездолете по всему Скоплению с целью выискивания гнезд старментеров и краткосрочных отпусков на удаленных экзотических планетах — жизнь куда более динамичная и неупорядоченная, а не до совершенства отработанная рутина, в которой он себя обнаружил. Чтобы скрасить однообразие, он играл в хассэйд. Его команда неизменно занимала вы-

¹ Треване — кочевая народность явно иного расового происхождения, склонная к воровству, черной магии и некоторым другим мелким правонарушениям, люди легко возбудимые, пылкие и мстительные. Коч они считают губительным ядом и оберегают целомудрие своих женщин с фанатичным рвением.

сокие места в первенстве флота и дважды завоевывала титул чемпиона.

В конце концов Глиннес подал рапорт с просьбой о переводе в патрульную службу, но в этой просьбе ему было отказано. Тогда он предстал перед командующим эскадрой, но тот выслушал жалобы и протесты Глиннеса с едва скрываемым равнодушием.

— В переводе отказано по весьма веской причине.

— Какой же именно? — возмущенно спросил Глиннес. — Неужели меня считают настолько незаменимым, что без меня эскадра пропадет ни за грош?

— Отнюдь нет. Тем не менее, нам не хочется снижать боеспособность прекрасно функционирующего подразделения. — Командующий привел в порядок какие-то бумаги у себя на столе, затем откинулся к спинке стула. — Поделюсь с вами одним секретом — прошел слух о том, что в самом ближайшем будущем нас пустят в дело.

— В самом деле? И против кого же?

— В отношении этого я могу только догадываться. Вам когда-нибудь доводилось слышать о Тамархе?

— Доводилось. Я прочел в журнале, что это культ, объединивший вокруг себя фанатичных воинов на планете, название которой я запомнил. Похоже на то, что они сеют вокруг себя разрушение из любви к разрушению как таковому. Или по какой-то иной причине примерно такого же рода.

— Что ж, значит вам известно ровно столько же, сколько и мне, — сказал командующий, — за исключением того, что название планеты — Рамнотис, и того, что тамарчо превратили в пустыню целый округ. Судя по всему, нас намерены послать именно на Рамнотис.

— Вот это уже хоть какое-то объяснение, — сказал Глиннес. — И что же представляет из себя этот Рамнотис? Унылую дыру, сплошную пустыню?

— Совсем наоборот. — Командующий развернулся и пробежался пальцами по кнопкам на пульте управления. Тотчас же вспыхнул цветной экран дисплея, и включилось звуковое сопровождение:

«Аластор 965, Рамнотис. Основные планетарные характеристики...», — диктор прочитал цифровые данные, касающиеся массы тела планеты, ее размеров, силы тяжести, состава атмосферы, климатических особенностей, а экран все это время показывал меркаторову проекцию поверхности планеты. Командующий нажатием нескольких кнопок опустил историческую и антропологическую информацию и включил так называемую «не-

официальную вводную»: «Рамнотис — планета, на которой каждая мелочь, каждый аспект, каждое нововведение должны способствовать повышению благосостояния ее обитателей и приносить им удовольствие. Первопоселенцы, прибывшие сюда с планеты Трискелион, решили больше уже никогда не терпеть те безобразия, из-за которых они были вынуждены оставить родную планету, и клятвенно скрепили торжественный договор об этом. Теперь этот договор является основополагающим документом, регламентирующим все стороны жизни на Рамнотисе, и объектом трепетного благоговения.

В настоящее время обычные язвы цивилизации — общественный разлад, безнравственность, нерациональная растрата ресурсов, засилье бюрократии — почти полностью вытеснены даже из сознания населения. Сегодняшний Рамнотис — это планета, для которой характерно отменное управление. Оптимальные решения стали нормой. Социальная несправедливость неизвестна, бедность — не более, чем вызывающее любопытство слово. Продолжительность рабочей недели — десять часов, трудовая деятельность обязательна для каждого обитателя планеты. Избыточная энергия людей направлена на устройство карнавалов и фантастических феерий, которые привлекают туристов даже с самых далеких планет. Кухня считается на уровне самых лучших во всем Скоплении. Многочисленные пляжи, леса, озера и горы обеспечивают неограниченные возможности для активного проведения досуга на свежем воздухе. Наиболее зрелищным видом спорта является хассэйд, хотя местные команды никогда не добивались особого успеха в состязаниях высокого ранга». Командующий снова опустил часть дикторского текста, переходя к наиболее злободневной информации о планете Рамнотис. «В последние годы особое внимание привлек культ под названием Тамархо. Принципы Тамархо не очень ясны и, похоже, весьма различны для каждого из конкретных его последователей. Общим же для тамархистов является страсть к бессмысленному насилию, разрушению и загрязнению окружающей среды. Они сожгли тысячи гектаров девственных лесов, отравили трупамии, отбросами и сырой нефтью множество озер, водохранилищ и истоков рек. Известны случаи отравления ими водопоев в заповедниках и внесения ядов в приманки для птиц и домашних животных. Они швыряют пакеты с экскрементами в участников карнавальных шествий и мочатся с высоких башен на

толпы прохожих внизу. Они боготворят любые проявления уродства и даже себя называют уродами».

Нажатием кнопки командующий погасил экран.

— Этого, пожалуй, достаточно. Тамархисты захватили значительный участок суши и категорически отказываются разойтись. Похоже на то, что власти Рамнотиса обратились за помощью к Гвардии. Но пока что все это только досужие предположения. Возможно, нас направят на какой-нибудь остров, о название которого язык сломаешь, разгонять проституток. Толком ничего еще не известно.

Стандартная стратегия Гвардии, эффективность которой была подтверждена десятком тысяч успешно проведенных операций, заключалась в концентрации чудовищного количества боевых средств, настолько превышающем любые мыслимые и немыслимые размеры, чтобы одним уже этим так устрашить противника, что ему ничего иного не оставалось, как тотчас же смириться с неизбежным поражением. В большинстве случаев боевой дух мятежников мгновенно испаряется и мощь Гвардии так и остается невостребованной. Для усмирения короля Зэга по прозвищу «Бешеный» на Серой Планете, Аластор 1740, Гвардия расположила над Черным Капитолием тысячу дредноутов класса «Тиран», почти закрыв ими весь небосвод. Чуть ниже «тиранов» описывали концентрические круги несколько эскадр крейсеров, а на небольшой высоте барражировали, подобно осам, тысячи смертоносных «стингеров». На пятый день перед опеченным от ужаса ополчением короля Зэга предстало двадцать миллионов до зубов вооруженных десантников, само же ополчение уже задолго до этого рассталось с мыслью о сопротивлении.

С помощью точно такой же стратегии Гвардия рассчитывала одержать верх и в борьбе с тамархистами. Четыре флотилии линейных кораблей классов «Тиран» и «Потрошитель» сошлись с четырех различных направлений для того, чтобы зависнуть над Серебристыми Горами, прибежищем «Уродов». Высаженная на поверхность планеты разведка доложила о том, что тамархисты внешне никак на это не прореагировали.

«Тираны» опустились чуть ниже, и в течение всей ночи небо было покрыто густой сеткой из зловещих лучей, ярко-синее свечение которых сопровождалось оглушительным треском. Когда же наступило утро, то выяснилось, что тамархисты уничтожили все свои

стойбища и, как потом сообщила наземная разведка, скрылись в лесах.

Тотчас же в направлении их прибежищ были высланы специальные мониторы, громкоговорители на борту которых передавали «Уродам» заранее записанный на пленку приказ строиться в колонны и организованно шагать в ближайший курортный город.

Единственным ответом был ураганный огонь снайперов.

Чтобы нагнать побольше страха, «Тираны» начали неторопливо снижаться. Мониторы передали последний ультиматум: сдаться или подвергнуть себя риску уничтожения. Тамархисты даже не удосужились ответить.

На просторный луг опустились шестнадцать бронированных крепостей — «Армадиллов», в чью задачу входило обеспечение безопасности высадки десанта. Они были встречены не только огнем из пулеметов и винтовок, но и энергетическими залпами из установки, укомплектованной архаичными излучателями. Чтобы невзначай не уничтожить неизвестное количество маньяков, «Армадиллы» предпочли снова подняться в воздух.

Разъяренный главнокомандующий принял решение окружить Серебристые Горы со всех сторон войсками, надеясь на то, что «Уродов» заставит подчиниться последующий за этим голод.

На поверхность планеты опустились две тысячи двести десантных катеров и среди них катер N 191-539 под командованием Глиннеса Халдена, которые и залпombировали наглухо тамархистов в их горном логове. Время от времени войска осторожно продвигались вглубь долин, непременно посылая впереди себя подразделения «Стингеров» для подавления огневых точек снайперов. Появились первые убитые и раненые, и поскольку тамархисты не представляли теперь из себя особой угрозы и можно было не спешить, главнокомандующий отозвал войска из зоны огня тамархистов.

Осада продолжалась целый месяц. Разведка докладывала, что у тамархистов давно уже кончились запасы продовольствия и что теперь они питаются древесной корой, насекомыми, листьями, в общем, всем, что только попадает под руку.

Главнокомандующий снова поднял мониторы над местностью предполагаемого сосредоточения тамархистов, требуя организованной капитуляции. В ответ тамархисты предприняли целую серию попыток прорвать кольцо

окружения, но были отброшены назад с весьма ощутимыми потерями для себя.

Главкомандующий еще раз направил мониторы, угрожая прибегнуть к болестимулирующему газу, если сдача не произойдет в течение ближайших шести часов. Истек назначенный главнокомандующим срок — тамархисты не отвечали. Прибежища тамархистов были подвергнуты бомбардировке картечью из ампул с болестимулирующим газом. Задыхаясь, корчась и извиваясь от боли, катаясь по земле, тамархисты стали один за другим выползать из своих укрытий. Главкомандующий приказал обдать их «живым душем» из ста тысяч десантников, и после нескольких скоротечных перестрелок с очагами сопротивления тамархистов было окончательно покончено. В плену оказались менее двух тысяч мятежников обоего пола. К немалому своему удивлению Глиннес обнаружил, что некоторые из них едва-едва вышли из детского возраста, а старше его — ничтожно мало. У них не было никаких припасов, источников энергии, еды и медикаментов. Они корчили рожи и злобно рычали при виде десантников — они в самом деле были настоящими «Уродами». Изумлению Глиннеса не было предела. Что могло подвигнуть эту молодежь так отчаянно сражаться за дело, явно обреченное на провал? И что, самое главное, подтолкнуло их к решению стать «Уродами»? Почему они с такой настойчивостью все пачкали и оскверняли, уничтожали и портили?

Глиннес попытался спросить об этом одного из пленников, но тот притворился, что не понимает диалекта Глиннеса. Вскоре после этого Глиннесу было приказано отбыть вместе со своим кораблем.

Вернувшись на базу, Глиннес обнаружил в почте на свое имя письмо от Ширы, содержавшее трагическое известие. С некоторого времени Джат Халден слишком уж зачастил охотничьи вылазки. Мерлинги устроили ему западню. Прежде, чем Шира успел прийти к нему на помощь, отец уже захлебнулся в водах протока Фарван.

Это известие повергло Глиннеса в совершенно необъяснимое для него самого изумление. Он обнаружил, что просто не в состоянии представить себе, что может что-нибудь измениться в Шхерах, где, как казалось, давно уже остановился ход времени, и притом измениться настолько коренным образом.

Новым сквайром Рабендари теперь стал Шира. «Какие еще перемены сулит грядущее?» — подумалось Глиннесу. По всей вероятности, никаких — не в характере

Ширы были какие-либо нововведения. Обзаведется женой и детьми — этого, по крайней мере, можно было от него ожидать. Если не раньше, то чуть позже, Глиннес задумался над тем, кому может взбрести в голову выйти замуж за расплывшего и полысевшего Ширу, да еще с такими багровыми щеками и мясистым носом пропойцы. Даже еще в те времена, когда он был хассэйдером, Шира столкнулся с тем, что ему все труднее становится волочить девчонок в укромное темное местечко, ибо хотя сам он считал себя парнем добродушным, приветливым и дружелюбным, другими он уже воспринимался как хвастун, грубиян и развратник.

Глиннесу вспомнилось детство. Утренняя дымка над водами пролива, веселые вечерние часы, любование звездами. Вспомнились наилучшие друзья и их странноватые привычки, вспомнилось, как выглядит рабендарский лес — размытые контуры минасов, нависших над светло-коричневыми помандерами, будто усыпанная серебром зелень березовой листвы, темно-зеленые стройные каштаны. Припомнилось зыбкое марево, висевшее над водой и смягчавшее очертания далеких берегов. Вспомнился обветшалый отчий дом, и тут он обнаружил, какую глубокую тоску ощущает он по родным местам.

Двумя месяцами позже, по истечении десяти лет службы он подал заявление об отставке и вернулся на Тралльон.

Глава 4

Глиннес дал телеграмму домой о своем прибытии, однако когда он ступил на родную землю в Порт-Мэхьюле в Префектуре Стэйвен, там не оказалось никого из домашних, прибывших его встречать, что показалось ему несколько странным.

Погрузив свой багаж на паром, сам он расположился на верхней палубе полюбоваться берегами, мимо которых проплывал паром. Какими беспечными и веселыми были его соплеменники в параях ярко-красного, синего, темно-желтого цвета! Собственная его полувоенная форма — черный френч и бежевые бриджи с концами штанин, засунутыми в высокие черные ботинки — казалась ему панцирем,

стесняющим каждое его движение. Он, скорее всего, больше уже никогда не станет носить такую одежду!

Паром вскоре пришвартовался у одного из причалов Уэлгена. В ноздри пахло восхитительным запахом, исходившим из расположенного неподалеку ларька, где торговали свежезажаренной рыбой. Глиннес сошел на берег и купил пакет с вареными тростниковыми стручками и длинный кусок жареного угря. На всякий случай глянул, нет ли здесь где-то Ширы, Глэя или Марчи, хотя почти не рассчитывал на то, что они могут тут оказаться. Внимание его привлекла группа чужестранцев, состоявшая из трех молодых мужчин в одинаковой, чем-то напоминавшей форменную, одежде — отлично пошитых комбинезонах, подпоясанных в талии — и отполированных до глянцевого блеска, тесно облегающих ступни башмаках и трех молодых женщин в сравнительно простых платьях из плотного белого полотна. Волосы и у мужчин, и у женщин были коротко пострижены, однако таким образом, что это нисколько не портило их лица. У всех шестерых на левом плече красовался небольшой медальон. Они прошли мимо Глиннеса совсем близко к нему, и только тогда он понял, что никакие они не иностранцы, а триллы... Студенты факультета схоластической метафизики какого-нибудь колледжа? Последователи новомодного религиозного культа? Любое из этих предположений могло оказаться верным, так как они несли книги и калькуляторы и, казалось, увлеченно о чем-то спорили. Глиннес присмотрелся к девушкам повнимательнее. Что-то в них было такое, на что он поначалу не обратил внимания. Им явно не доставало женственности, той женственности, которая должна была пробуждать естественный аппетит у мужчин. Девушки на Трилле обычно не очень-то заботятся о том, что на себя надеть, и удовлетворяются любой одеждой, которая первую подвернется под руку, нисколько не смущаясь тем, что она может оказаться мятой, запачканной или поношенной. Делают же нарядной свою одежду они тем, что украшают ее цветами. Эти же девушки выглядят не просто чистюлями, а прямо-таки помешанными на всем, что касается чистоты и аккуратности... Глиннес пожал плечами и вернулся на паром.

Взяв курс на восток, паром теперь все больше и больше углублялся в самую сердцевину Шхер, проходя извилистыми рукавами, наполненными запахом стоячей воды и гниющих камышей, а временами — и острым зловонием, свидетельствующим о скоплении мерлингов. Вот впереди показался затон Рипил и скопление хижин, обра-

зующих поселок Зауркаш, пункт пересадки для Глиннеса. Паром здесь круто сворачивал на север, к деревушкам вдоль берегов острова Большой Воуль. Глиннес выгрузил свои чемоданы на пирс и на какое-то мгновение задержался, глядя на поселок. Главной его достопримечательностью был хассэйдный стадион со старыми обветшалыми трибунами, некогда база команды «Зауркашские Змеи». Почти по соседству располагалась таверна «Чудо-Линь», самая уютная среди трех зауркашских таверн. Глиннес прошел по причалу к павильону, где десятью годами раньше Мило Харрад давал напрокат лодки и заведывал речными такси.

Не заприметив нигде Харрада, Глиннес обратился к незнакомому парню, вздремнувшему в тени.

— Добрый день, дружище, — произнес Глиннес, и парень, проснувшись, поднял на Глиннеса исполненный некоторой укоризны взор. — Может быть, подбросите меня на остров Рабендари?

— Куда вашей душе угодно. — Парень неторопливо осмотрел Глиннеса с головы до ног, затем, слегка пошатываясь из стороны в сторону, поднялся. — Вы ведь, если я не ошибаюсь, Глиннес Халден?

— Совершенно верно. А вот вас я что-то не припоминаю.

— Не стоит напрягать свою память. Я — племянник Харрада, выросший в Воалише. Меня зовут Харрад-младший, и, как мне кажется, так меня будут величать и всю оставшуюся жизнь. Я запомнил вас, когда вы выступали за «Змеев».

— С тех пор прошло не так уж мало лет. У вас прекрасная память.

— Я бы этого не сказал. Просто все Халдены были прирожденными хассэйдерами. Старик Харрад часто вспоминал Джата, лучшего из полузащитников, когда-либо выступавших в Зауркаше. Так, во всяком случае, говорил старина Мило. Шира же был чисто защитником, очень надежным, но медлительным. Насколько мне помнится, я не видел, чтобы он хоть раз исполнил чистый перескок.

— Вполне справедливое суждение. — Глиннес снова обвел взглядом набережную. — Я рассчитывал, что здесь меня будет встречать или он сам, или еще один мой брат Глэй. Очевидно, сейчас они заняты каким-нибудь другим, более неотложным делом.

Харрад-младший глянул на него как-то искоса, затем пожал плечами и подтянул к пирсу один из своих строй-

ных бело-зеленых глиссеров. Глиннес погрузил в него чемоданы, и они взяли курс на восток, следуя изгибам рукава Меллиш.

Харрад-младший прочистил горло.

— Вы рассчитывали на то, что вас будет встречать Шира?

— Естественно.

— Значит вы ничего не слышали о Шире?

— С ним что-то стряслось?

— Он исчез.

— Исчез? — Взгляд Глиннеса стал рассеянным, слегка отвисла нижняя челюсть. Каким образом?

— Никто толком не знает. Скорее всего, попал на обеденный стол мерлингов. Так бывает с большинством исчезнувших.

— Если только не уходят навестить друзей¹.

— На два месяца? Шира был крепким бугаем, так мне говорили, но два месяца на одном только коче — это нечто совсем уже из ряда вон выходящее.

— Мда,— уныло произнес Глиннес и отвернулся, чувствуя, как у него пропала всякая охота разговаривать. Джат исчез, Шира исчез — грустным получилось его возвращение домой. Проплывающие мимо пейзажи, теперь еще более знакомые, теперь ассоциирующиеся со множеством воспоминаний, только еще больше усугубляли охватившую его печаль. Вот глиссер промчался мимо острова Джези, острова, где тренировалась первая команда, в которой он выступал, команда «Молнии из Джези». Вот справа по борту мелькнул остров Кэлсион, где прелестная Лозль Иссаам так и не поддалась на все его уговоры. Впоследствии она стала шейлой команды «Гаспарские Тритоны» и в конце концов, после своего посрамления, вышла замуж за лорда Клойза из Грэйве-Тэйбла, расположенного к северу от Шхер... Воспоминания переполнили его, теперь ему уже стало казаться очень странным, почему он вообще покинул Шхеры, а десять лет, проведенные в Гвардии, казались уже не более, как сном.

Глиссер вошел в широкое русло Сивод, откуда уже было рукой подать до побережья Южного Океана. К югу, на расстоянии в милю, виднелся остров Ближний, а за

¹ уйти навестить друзей — более мягкое выражение, обозначающее исчезновение в каком-нибудь стойбище в лесной глуши обезумевших эротоманов, злоупотребляющих кочем.

ним, чуть побольше и повыше — Средний, а еще дальше, еще более широкий и высокий остров Дальний. Несмотря на легкую дымку над поверхностью воды, все три силуэта четко просматривались как три разные острова, хотя Дальний совсем уже смутно вырисовывался на фоне неба почти у самого горизонта.

Оставив ведущее к океану русло к юго-западу, глассер, не снижая скорости, вошел в идущий строго на восток узкий проток Атенри, где развесистые кроны войлочных деревьев смыкались друг с другом, образуя шатер над темной стоячей водой. Здесь запах мерлингов был особенно заметным, и как Харрад, так и Глиннес с повышенным вниманием следили за появлением кругов на воде. По причинам, лучше известным только им самим, мерлинги в огромных количествах собирались в протоке Атенри — то ли из-за плодов войлочных деревьев, которые были ядовитыми для людей, то ли из-за тени, которую давали их ветви, то ли из-за особого вкуса корней, разветвлявшихся под водой. Однако поверхность воды оставалась безмятежно спокойной. Если мерлинги и были где-то здесь поблизости, то предпочитали держаться поглубже в своих норах. Но вот глассер выскочил на просторы озера Флейриш, и справа по борту показались пять островов, где был расположен старинный особняк лорда Томмаса Генсифера. А вскоре показался и сам лорд, вернее парусник на подводных крыльях, за румпелем которого восседал Таммас Генсифер, крепкий круглолицый мужчина лет на десять старше, чем Глиннес, с мощными плечами и грудью, но весьма худосочными ногами. Умело орудуя шкотами, он круто развернул парусник, вспенив поверхность воды, а затем подтянул парус, вследствие чего яхта легла на параллельный курс с глассером Харрада, который к этому времени тоже притормозил. Потеряв скорость, яхта опустилась на поверхность воды и теперь медленно скользила рядом с глассером.

— Если я не ошибаюсь, то это молодой Глиннес Халден, вернувшийся после странствий среди звезд! — окликнул Глиннеса лорд Генсифер. — Добро пожаловать в родные Шхеры!

Глиннес и Харрад дружно поднялись и почтительно поприветствовали лорда Генсифера в соответствии с его высоким достоинством.

— Спасибо, — произнес Глиннес. — Я очень рад вернуться, в этом у меня нет никаких сомнений.

— Нет нигде такого места, как Шхеры! И каковы ваши планы в отношении родового имения?

Глиннес смутился.

— Планы? Никаких особых... А разве должны быть у меня?

— Я полагаю, что должны. Ведь, как-никак, но вы теперь сквайр Рабендари.

Глиннес скосил взгляд через водный простор в сторону острова Рабендари.

— Может быть, это и так, если Ши́ра на самом деле умер. Я старше Глэя на час.

— Да и жизненного опыта у вас гораздо больше, если хотите знать мое мнение... Мда. В этом вы сами убедитесь, не сомневаюсь.— Лорд Генсифер еще сильнее подобрал парус.— Как там насчет хассэ́йда? Вы, надеюсь, не против организации нового клуба. Мы-то так точно хотели бы иметь Халдена в составе команды.

— Я пока что, лорд Генсифер, не в состоянии сказать что-нибудь определенное. То, что здесь произошло, настолько сбilo меня с толку, что я вряд ли могу дать вам какой-нибудь вразумительный ответ.

— Всею свое время. Свое время.— Лорд Генсифер установил парус под должным углом к ветру. Корпус яхты тотчас же приподнялся над поверхностью воды, стал на подводные крылья, и яхта на большой скорости устремилась к противоположному берегу озера.

— Вот красотища! — с завистью воскликнул Харрад-младший.— Эту штуковину ему доставили с Иллюканта. Межпланетная транспортная компания. Даже страшно подумать, во сколько озовов ему обошлась эта яхта!

— А по-моему, ходить на ней довольно опасно,— заметил Глиннес.— Если она перевернется, он и мерлинги останутся с глазу на глаз.

— Лорд Генсифер — довольно-таки бесшабашный мужик,— сказал Харрад.— К тому же все утверждают, что яхта вполне безопасна. Преде всего, она не может утонуть, даже если и опрокинется. Всегда можно взобраться на корпус и спокойно ждать, пока тебя кто-нибудь подберет.

Дальше путь их лежал к рукаву Илфиш. Промелькнул слева Муниципальный остров площадью в две сотни гектаров, остававшийся по решению руководства префектуры в общественной собственности для пользования треванами, урайями, любителями «навещать друзей» и как место стоянки случайных путешественников, забредших в Шхеры. И вот наконец глissер зашел в рукав Эмбл и впереди показались дорогие сердцу Глиннеса очертания острова Рабендари, его родины. Глиннес за-

жмурился — глаза его подернулись влагой. Весьма печальное, по правде говоря, возвращение домой. А вот остров Эмбл предстал взору Глиннеса в самом лучшем своем виде. Присмотревшись повнимательнее к старому особняку, Глиннес даже, как ему показалось, различил струйку дыма, поднимающуюся из трубы на крыше. Поразительная догадка пришла к нему в голову, подкрепленная туманными намеками лорда Генсифера. Неужели Глэй переселился в особняк на Эмбле? Лорд Генсифер расценил бы такой поступок как достойный осмеяния и даже постыдный — как поступок выскочки, пытающегося, как обезьяна, подражать тем, кто в социальной иерархии стоит гораздо выше его.

Глиссер подошел к причалу Рабендари. Глиннес выгрузил на берег багаж, расплатился с Харрадом-младшим, затем стал внимательно осматривать дом. Неужели он всегда был таким покосившимся и обветшалым? Неужели всегда вокруг него так буйствовал бурьян? Для триллов комфорт и уют, сопутствующие жизни в старом, пусть даже и довольно убогом на вид доме, составляли предмет особой любви и привлекательности, но сейчас состояние отчего дома давно уже перешло ту черту, что позволяла бы мириться с ним дальше. Взираясь по ступенькам на веранду, он явственно слышал, как они трещат, и ощущал их прогиб под своим весом.

В поле зрения его попали какие-то цветные пятна по другую сторону поля, на самой опушке леса Рабендари. Глиннес прищурился. Три палатки: красная, черная, тускло-оранжевая. Палатки треван. Его всего аж затрясло от ярости и ощущения оскорбленного достоинства. Пожалуй, он слишком уж запоздал с возвращением.

— Эй, в доме! — кликнул он. — Здесь есть кто-нибудь, кроме меня?

В дверях показалась высокая фигура матери. Она глядела на него, не веря своим глазам, затем побежала ему навстречу.

— Глиннес! Даже как-то не привычно снова видеть тебя!

Он стиснул ее в объятиях, крепко расцеловал, не обратив внимания на некоторую несуразность слов, которыми она встретила его.

— Да, я вернулся, и мне самому это кажется странным. Где Глэй? .

— Он у одного из своих приятелей. Однако как хорошо ты выглядишь! Ты повзрослел, и теперь мужчина хоть куда!

— А вот ты нисколечко не изменилась, ты все такая же красивая, мама!

— О Глиннес, разве можно так преувеличивать? Я ощущаю себя такой же старой, как вон те холмы, и такой же старой и выгляжу, я уверена в этом... Мне кажется, ты уже слышал печальную новость?

— В отношении Ширы? Да. Меня это ужасно опечалило. Неужели так никто толком и не знает, что же случилось?

— Ничего неизвестно,— ответила Марча довольно сухо.— Садись, Глиннес. Сбрось эти шикарные ботинки и дай отдых ногам. Хочешь вина из яблок?

— Конечно же, хочу, и кусок чего угодно, что под рукой. Я голоден как волк.

Марча принесла вино, хлеб, мелко порубленное холодное мясо, фрукты, рыбный студень, присела и стала смотреть, как он ест.

— Как мне приятно снова глядеть на тебя! Каковы твои планы на будущее?

Голос ее показался Глиннесу чуточку холодноватым. Но она никогда не была особенно пылкой в проявлении своих чувств.

— Пока что у меня нет никаких планов,— ответил он.— Я только вот сейчас услышал о Шире от Харрада-младшего. Он, так, значит, и не женился?

Губы Марчи неодобрительно изогнулись.

— Он так и не смог остановить на ком-нибудь свой выбор... Хотя, естественно, подруг у него было предостаточно.

Глиннес снова почувствовал какую-то недоговоренность, мать знала о чем-то таком, о чем не спешила делиться с сыном. Ему даже стало как-то немного обидно, но он решил не высказываться об этом вслух. Не дело было начинать свою новую жизнь с выяснения отношений.

— А где твоя офицерская форма? — спросила Марча весело, даже как-то задиристо.— Мне так хотелось увидеть тебя в мундире капитана Гвардии.

— Я подал заявление об уходе в отставку и решил вернуться домой.

— Вот оно что,— упавшим голосом произнесла Марча.— Мы, разумеется, рады тому, что ты теперь дома, но ты уверен, что поступаешь разумно, отказываясь от карьеры?

— Я уже от нее отказался.— Несмотря на принятое чуть ранее решение, Глиннес едва сдержал копившийся в

нем гнев.— Я нужен здесь сильнее, чем в Гвардии. Наша усадьба разваливается прямо на глазах. Как это так, что Глэй даже не удосужился хоть что-нибудь сделать?

— Он большую часть времени занят... ну, можно сказать, общественной деятельностью. Он теперь в своем роде весьма важная персона.

— И это помешало ему починить хотя бы ступеньки? Они почти полностью сгнили... Или — я видел дым над Эмблом. Глэй теперь живет там?

— Нет. Мы продали остров Эмбл одному из друзей Глэя.

Глиннес, пораженный этими словами, едва не поперхнулся.

— Вы продали остров Эмбл? Какая же это причина могла...— Он привел в порядок мысли.— Остров Эмбл продал Шира?

— Нет,— холодно ответила Марча.— Отказаться от прав на него решил Глэй и я.

— Но ведь... Глиннес примолк на полуслове, а затем произнес, тщательно подбирая слова:— Я ни в коем случае не жалаю расставаться ни с островом Эмбл, ни с какой-либо иной частью наших земель.

— Мне кажется, что в отношении продажи уже ничего нельзя изменить. Мы исходили из того, что ты намерен сделать карьеру в Гвардии и вряд ли уже вернешься домой. Естественно, знай мы, насколько близко ты примешь это к сердцу, мы бы учли твои чувства.

— Мое непоколебимое мнение заключается в том, что нам следует аннулировать эту сделку,— подчеркнуто вежливо произнес Глиннес.— В наши намерения определенно не входит уступка прав на остров Эмбл.

— Но, мой дорогой Глиннес, они уже уступлены.

— Никоим образом — мы немедленно вернем полученные за остров деньги. Кстати, где они?

— Об этом тебе придется спросить Глэя.

Глиннесу вспомнился язвительно насмешливый Глэй десятилетней давности, который всегда оставался равнодушным к насущным потребностям Рабендари. Тот Глэй вполне бы мог принять серьезные решения, которые ока-

¹ В соответствии с действующим на Тралльоне законодательством договор о продаже земли в течение года после его заключения расценивается только как предварительная договоренность о намерениях для защиты интересов обеих сторон.

зались бы совершенно несуразными и более того, оскорбительными для памяти его отца Джата, который души не чаял в каждой пяди своей земли.

— Сколько же озовов вы взяли за Эмбл?

— Двенадцать тысяч.

Глиннес был настолько разгневан и ошеломлен, что слова его звучали резко, как удары бича.

— Да это же все равно, что отдать задаром! За такое красивейшее место, как остров Эмбл да еще с особняком в прекрасном состоянии? Кто-то точно сошел с ума!

— Кому-кому, но не тебе возмущаться! — сверкнув черными глазами, воскликнула Марча. — Тебя не было здесь, когда ты нам так был нужен, и не тебе донимать нас мелочными придирками.

— Я вовсе не собираюсь ограничиться придирками — я намерен сделать все, чтобы аннулировать сделку. Если Ширы нет в живых, то я — сквайр Рабэндари, и никто, кроме меня, не имеет права продавать мою землю.

— Но ведь мы не знаем, жив Шира или нет, — с наигранным простодушием подчеркнула Марча. — Он, может быть, всего-навсего отправился навестить друзей.

— И тебе знакомы кто-нибудь из таких «друзей» или «подруг»? — вежливо спросил Глиннес.

Марча надменно вздернула плечи.

— Нет, пожалуй. Но ты ведь помнишь Ширу. Он так и не изменился.

— После двух месяцев отсутствия он непременно вернулся бы домой.

— Мы, естественно, надеемся на то, что он жив. Фактически мы не имеем права считать его умершим еще почти четыре года, таков закон.

— Но к тому времени сделка давно уже окажется вступившей в законную силу! Зачем нам расставаться с любой частью нашей такой замечательной земли?

— Нам нужны были деньги. Разве недостаточно одной этой причины?

— А зачем вам вдруг так понадобились деньги?

— Тебе лучше бы задать этот вопрос Глэю.

— Я так и сделаю. Где он?

— В самом деле — не знаю. Но он, по всей вероятности, вернется домой в самом скором времени.

— У меня есть еще один вопрос: это палатки треван на опушке леса?

Марча кивнула. К этому времени им обоим надоело рассыпаться в притворных любезностях.

— Пожалуйста, не вздумай осуждать за это ни меня,

ни Глэя. Ши́ра позволил им расположиться на нашей земле, а вреда от них никакого.

— Пока что, возможно, и нет, но ведь цыплят по осени считают. Тебе известен наш последний опыт общения с треванами. Они украли все кухонные ножи.

— Дроссеты совсем не такие,— возразила Марча.— По сравнению с другими треванами они кажутся вполне заслуживающими доверия.

Глиннес всплеснул руками.

— С тобой бессмысленно спорить. Одно последнее слово об Эмбле. Ши́ра, несомненно, был бы категорически против продажи острова. Если он жив, то вы действовали без разрешения с его стороны. Если он мертв, вы действовали без моего разрешения, и я настаиваю на том, чтобы сделка была аннулирована.

— С этим вопросом разбирайся, пожалуйста, с Глэем,— равнодушно пожав плечами (от внимания Глиннеса не ускользнуло, что плечи у нее все такие же нежные и прекрасные, как и много лет назад), ответила Марча.— Мне, клянусь, очень уж наскучила эта тема.

— Кто приобрел остров Эмбл?

— Некто Лью́т Касагэ́йв, человек очень приятный и хорошо воспитанный. По-моему, он родом с какой-то иной планеты — слишком уж безупречные у него манеры, чтобы принять его за трилла.

Глиннес закончил есть и стал открывать привезенные им чемоданы.

— Я тут привез кое-какие мелочи.— Матери он протянул пакет, который она взяла, ничего не сказав при этом.— Вскрой его. Это тебе.

Она потянула за петельку и извлекла отрез пурпурной ткани с фантастическими птицами, вышитыми зелеными, серебряными и золотыми нитями.

— Какое совершенство! — изумленно воскликнула Марча.— Ну, Глиннес, подарок потрясающий!

— Это еще не все,— сказал Глиннес и стал извлекать другие пакеты, а Марча принялась тут же их раскрывать, не в силах сдерживать свой восторг. В отличие от большинства триллов, обладание ценными вещами приносило ей огромное удовольствие.

— Вот это — звездные кристаллы,— сказал Глиннес.— У них нет никакого другого названия, их как раз такими, с уже как бы отшлифованными гранями и всем остальным, находят среди шлака, покрывающего поверхность потухших звезд. Ничто не может их поцарапать,

даже алмаз, и к тому же у них совершенно необычные оптические свойства.

— О, они такие тяжелые!

— А вот это старинная ваза, никто толком не знает, сколько ей лет. Надпись на днище, говорят, выполнена на языке эрдов.

— Восхитительная вещица!

— Ну а это не имеет такой уж особой ценности, просто привлекло мое внимание своей необычностью — щипцы для орехов в виде морды фантастического зверя. По правде говоря, я откопал их в одной из лавчонок среди всякого старья.

— Но с каким искусством выполнена эта вещица. Она, ты считаешь, для раскалывания орехов?

— Да. Закладываешь орех между вот этими челюстями и прижимаешь сзади... А вот это для Глэя и Ширы — ножи, выкованные из протеума. Режущие кромки представляют из себя единую цепочку из взаимосвязанных молекул — совершенно неразрушаемый сплав. Таким ножом можно сколько угодно ударять о сталь, и он никогда не затупится.

— Глэй будет в восторге, — чуть сдержаннее, чем раньше, произнесла Марча. — И Шира тоже будет очень доволен.

Глиннес скептически фыркнул, а Марча не без душевной борьбы проигнорировала этот выпад сына.

— Большое тебе спасибо за подарки. Они, по-моему, просто замечательные. — Она взглянула на открытую на веранду дверь, из которой просматривался причал. — А вот и Глэй.

Глиннес вышел из дома и стал дожидаться брата на веранде. Глэй, поднимаясь по дорожке, вдруг остановился, но особого удивления не высказал. Затем снова зашагал, но уже медленнее. Глиннес спустился по ступенькам, и братья принялись радостно хлопать друг друга по плечам.

На Глэе, как сразу же заметил Глиннес, был не обычный парай триллов, а серые брюки и темный пиджак.

— Добро пожаловать домой, — произнес Глэй. — Я встретил Харрада-младшего. Он сказал мне, что ты уже здесь.

— Я очень доволен тем, что вернулся домой, — сказал Глиннес. — Тебе и маме было, наверное, очень уютно здесь. Но теперь, когда я здесь, мы быстро сумеем сделать дом таким, каким он всегда был раньше.

— Да, — как-то неопределенно покачав головой,

произнес Глэй.— Жизнь как бы приостановилась. Но теперь все определенно меняется, я надеюсь, к лучшему.

Глиннесу показалось, что он не очень-то понимает, о чем говорит Глэй.

— Нам очень многое нужно обсудить. Но самое главное — я очень рад тебя видеть. Ты теперь выглядишь таким повзрослевшим, таким умудренным жизнью и, как это повернее сказать, таким уверенным в себе.

Глэй рассмеялся.

— Когда я оглядываюсь назад, я вижу, что всегда слишком много размышлял и пытался разгадать слишком уж большое количество загадок. Все это я давно уже забросил. Я, так сказать, разрубил гордиев узел.

— Каким же образом?

Глэй умоляюще закатил глаза.

— Все это слишком сложно, чтобы объяснить так сразу... Ты тоже прекрасно выглядишь. Служба в Гвардии пошла тебе на пользу. Когда ты должен туда вернуться?

— В Гвардию? Никогда. Я взял расчет, поскольку я теперь, кажется, сквайр Рабендари.

— Да,— бесцветно заметил Глэй.— У тебя преимущество в целый час передо мною.

— Пройдем в дом,— предложил Глиннес.— Я привез тебе подарок. И кое-что для Ширы. Сам ты что думаешь — он мертв?

Глэй печально кивнул.

— Другого объяснения не существует.

— И я так считаю. А вот мама уверена в том, что он «в гостях у друзей».

— В течение двух месяцев? Такое исключено.

Они вошли в дом, и Глиннес вынул нож, который он приобрел в Лаборатории новых технологий в Бореаль-Сити на планете Мараньян.

— Будь поосторожнее с лезвием. Можно порезаться даже при малейшем прикосновении к нему. Но им можно перерубить толстый стальной стержень без всякого вреда для него самого.

Глэй осторожно взял нож и с опаской провел взглядом вдоль невидимой кромки.

— Мне как-то даже страшно смотреть на него.

— Да, этот нож почти что волшебный. Второй нож, поскольку Ширы нет в живых, я оставляю у себя.

— У нас нет полной уверенности в том, что Ширы умер,— отозвалась Марча из дальнего конца комнаты.

Оба брата оставили это заявление матери без ответа. Глэй положил свой нож на каменную доску.

— Нам не мешало бы разобраться в отношении острова Эмбл, — произнес, усевшись поудобнее, Глиннес.

Глэй прислонился к стене и исподлобья взглянул на Глиннеса.

— Тут уж ничего не добавить, ни убавить — я продал остров Льюту Касагэйву.

— Эта сделка не только неразумна, она незаконна. Я намерен аннулировать договор о продаже.

— В самом деле? И каким же образом ты этого добьешься?

— Мы вернем деньги и велим Касагэйву убраться. Все крайне просто.

— Если ты располагаешь двенадцатью тысячами озов.

— Я — нет, но вот ты располагаешь.

Глэй медленно покачал головой.

— Их больше нет у меня.

— Тогда где же деньги?

— Я отдал их.

— Кому?

— Некому Джуниусу Фарфану. Я отдал их, он взял. Я не могу забрать их у него назад.

— По-моему, нам следовало бы встретиться с Джуниусом Фарфаном — и сделать это немедленно.

Глэй снова покачал головой.

— Пожалуйста, не ворчи на меня за судьбу этих денег. Твоя доля остается у тебя — ты теперь сквайр Рабендари. А остров Эмбл позволь мне считать своей долей.

— Ни о каких долях даже и речи быть не может. Так же, как и о том, что кому принадлежит, — возразил Глиннес. — Рабендари принадлежит нам обоим в равной степени. Это наша родина.

— Если следовать формальной букве закона, то это действительно так, — сказал Глэй. — Но я предпочитаю рассматривать данный вопрос иначе. Как я уже тебе говорил, все сейчас меняется самым коренным образом.

Глиннес откинулся к спинке стула, не в силах выразить словами охватившее его негодование.

— Давай оставим все так, как есть, — устало произнес Глэй. — Я взял себе Эмбл, ты — Рабендари. Разве это, в конце концов, не справедливо? Я уезжаю отсюда и оставляю тебя полновластным хозяином Рабендари.

Глиннес попытался было громко воспротестовать, но слова застряли у него в горле.

— Выбор за тобой, — единственное, что ему удалось вымолвить. — Надеюсь, ты еще передумаешь.

Глэй в ответ только загадочно улыбнулся, что было истолковано Глиннесом, как желание вообще уклониться от ответа.

— Есть у меня еще один вопрос, — сказал Глиннес. — Относительно расположившихся на нашей земле треван.

— Это Дроссеты, люди, с которыми я странствовал по Тралльону. Ты возражаешь против их присутствия?

— Это твои друзья. Если ты сам так решительно настроен переселиться в другое место, то почему бы тебе не взять с собой и своих друзей?

— Я еще не знаю, куда я отправлюсь, — ответил Глэй. — Если ты хочешь, чтобы они ушли, то возьми и скажи им об этом. Ведь ты — сквайр Рабендари, а не я.

Марча снова вмешалась в разговор братьев.

— Никакой он еще не сквайр, пока окончательно не выяснится до конца судьба Ширы!

— Ширы нет в живых, — сказал Глэй.

— Все равно Глиннес не имеет права, вернувшись домой, сразу же создавать воображаемые трудности. Готова поклясться, он такой же упрямый, как Ширы, и такой же черствый, как его отец.

— Разве я создал трудности? — возмутился Глиннес. — Это вы сами натворили здесь черт знает что, а мне теперь надо раздобыть где-то двенадцать тысяч озов, чтобы спасти Эмбл, затем прогнать отсюда эту шайку треван, пока они не созвали сюда все свое племя. Хорошо, что я еще вовремя вернулся домой, пока у нас есть все-таки свой дом.

Глэй с каменным выражением лица налил себе кружку яблочного вина, всем своим видом показывая, что все это ему до чертиков успело наскучить... С поля за домом донесся стонущий, скрипучий звук, затем чудовищный грохот. Глиннес тотчас же вышел на заднее крыльцо глянуть, что же произошло, затем вернулся и бросил Глэю прямо в лицо:

— Твои друзья только что срубили одно из самых старых наших ореховых деревьев.

— Одно из твоих деревьев, — слегка улыбнувшись, уточнил Глэй.

— Не угодно ли тебе сказать им, чтобы оставили нас в покое?

— Они не обратят на меня никакого внимания. Я за-должал им множество различных любезностей, оказанных ими.

— У них есть имена?

— Глава — Ванг Дроссет. Его спутница — Тинго. Сыновей зовут Эшмор и Харвинг. Дочь — Дьюссана. Старуха — Иммифальда.

Глиннес извлек из багажа оставленный ему за добросовестную службу пистолет и сунул в карман. Глэй наблюдал за этим, скривив губы в язвительной усмешке, затем шепнул что-то Марче.

Глиннес быстрым шагом пересек луг. Приятный, не слепящий свет послеполуденного солнца, казалось, проявлял цветовую гамму ближнего плана и создавал впечатление, будто дали сами по себе издают мерцающий блеск. Множество самых различных чувств переполняло сердце Глиннеса: печаль, тоска по добрым старым временам, гнев на Глэя, который ему никак не удавалось смягчить.

Он подошел к стоянке треван. Шесть пар глаз настороженно следили за каждым его шагом, пытаясь еще по внешнему виду и манере держаться выяснить, что он из себя представляет. Особой опрятностью стоянка не отличалась, хотя, с другой стороны, была не такой уж и грязной — Глиннесу доводилось видеть стоянки в куда более худшем состоянии. Разведены были сразу два костра. У одного из них мальчик время от времени поворачивал шампур с нанизанными на него от одного конца до другого пухлыми лесными курочками, по сути еще цыплятами. Из котла над другим костром исходил острый запах полевых трав — Дроссеты варили специфическое треванское пиво, от частого употребления которого их глазные яблоки приобретали поразительно желто-золотистый оттенок. У женщины, помешивающей пиво, было сосредоточенное, с острыми чертами лицо. Волосы ее были выкрашены в ярко-красный цвет и свешивались с затылка двумя косами. Глиннес предпочел держаться от нее подальше, сторонясь зловония.

Навстречу ему, оставив в покое сваленное дерево, с ветвей которого он собирал орехи, вышел мужчина. За ним, стараясь не отставать от него, показались двое здоровенных парней. У всех троих черные брюки были засунуты в черные сапоги с голенищами «гармошкой», свободные рубахи из светло-коричневого шелка, цветные платки на шее — типичный наряд треван. На голове у Ванга Дроссета была плоская черная шляпа, из-под которой непослушно выбивались роскошные каштановые волосы. Кожа у него была необычного бисквитно-коричневого цвета, глаза, как бы подсвеченные изнутри, источали желтоватый блеск. Всем своим видом он производил

очень внушительное впечатление. «С таким человеком шутки плохи», — подумалось Глиннесу.

— Это вы — Ванг Дроссет? А я — Глиннес Халден, сквайр острова Рабендари. Настоятельно рекомендую покинуть эту стоянку.

Ванг Дроссет подал знак сыновьям, и они принесли пару плетеных стульев.

— Садитесь и подкрепитесь слегка чаем, — предложил Ванг Дроссет. — А уж после этого и обсудим наш уход отсюда.

Глиннес улыбнулся и отрицательно мотнул головой.

— Я предпочитаю стоять.

Если он сядет и разопьет с треванами чай, он тем самым станет им хоть чем-то обязанным, и они тогда смогут выпрашивать у него определенные послабления. Чтобы не встречаться с взглядом Ванга Дроссета, он посмотрел на мальчика, переворачивавшего шампур, и только теперь обнаружил, что это не мальчик, а изящная, хорошо сложенная девушка лет семнадцати-восемнадцати. Ванг Дроссет что-то коротко бросил ей через плечо. Девушка выпрямилась и направилась к поблекшей красной палатке. Перед самым входом в нее она обернулась. Даже одного мимолетного взгляда хватило Глиннесу, чтобы увидеть, какое красивое у нее лицо, какие от рождения золотые глаза и золотисто-огненные волнистые волосы, пышной короной обрамлявшие голову и спадавшие, прикрывая уши, на шею и плечи.

Ванг Дроссет осклабился, сверкнув белизной отличных зубов.

— Что касается стоянки, то я прошу разрешить нам остаться. Мы здесь ничему не причиняем вреда.

— В этом я не очень-то уверен. Соседство треван вызывает массу неудобств. Исчезает скот и домашняя птица, не говоря уже обо всякой утвари.

— Мы не украли у вас ни единой животины, — кротко произнес Ванг Дроссет.

— Вы только что уничтожили великолепное дерево — и только для того, чтобы было легче снимать с него орехи.

— В лесу полным-полно деревьев. Нам понадобились дрова. Не так уж велика потеря, не сомневаюсь в этом.

— Это для вас — невелика. А вы знаете, что я еще мальчиком играл на этом дереве? Вот, посмотрите. Это я поставил здесь отметину. А вот на этой развилке я соорудил шалаш, в котором даже иногда спал по ночам. Как я любил это дерево!

Ванг Дроссет слегка скривился при мысли о том, что

человек может полюбить дерево. Двое его сыновей презрительно рассмеялись и, отойдя чуть в сторону, начали упражняться в метании ножей в цель.

— Дрова? — возмутился Глиннес. — В лесу навалом сушняка. Вам нужно только принести его сюда.

— Очень далекий путь для людей с больной спиной.

Глиннес показал на шампур.

— Эти птицы еще даже наполовину не выросли. Они еще не вывели потомства. Мы охотимся только на трехлетнюю дичь, которую, не сомневаюсь, вы уже всю выбили и съели, как, наверное, и двухлетнюю. А после того, как вы разделаетесь с однолетками, в этом лесу больше уже не будет птицы. А вон на том блюде — земляные яблоки. Вы их повырывали целыми пучками вместе со всей корневой системой, и тем самым уничтожили весь наш будущий урожай. А еще говорите, что вы не причиняете вреда! Вы зверски обращаетесь с почвой. Ее плодородие не восстановится и через десять лет. Сво-
рачивайте палатки, грузите свои фуры и уходите¹.

— Ваши слова звучат невежливо, сквайр Халден, — смиренно произнес Ванг.

— А разве выбирают выражения, когда отстаивают сохранность своей собственности? — спросил Глиннес. — Нет, конечно же. Вы слишком многое от меня требуете.

Ванг Дроссет отвернулся, прямо-таки шипя от злости, и стал смотреть куда-то вдаль. Эшмор и Харвинг теперь упражнялись еще в одном поразительном треванском искусстве, демонстрации которого Глиннесу никогда раньше не доводилось быть свидетелем. Они расположились на удалении примерно в десятков метров друг от друга, и каждый из них бросал по очереди нож в голову другого. Тот, в голову которого целился напарник, неуловимым взмахом своего ножа отбрасывал брошенный в его сторону нож и притом столь удивительным образом, что он, быстро вращаясь, взлетал высоко в воздух.

— Треване могут быть не только добрыми друзьями, но и заклятыми противниками, — тихо произнес Ванг Дроссет.

¹ На Тралльоне «фурами» называют используемые треванами массивные лодки с колесами, способные передвигаться как по суше, так и по воде.

— Вы, наверное, слышали поговорку: «Хорошие треване живут восточнее Занзамара»¹, — ответил ему Глиннес.

— Неужели мы на самом деле такие плохие, как вам кажется? — спросил Ванг Дроссет елеинно-вкрадчивым голосом. — Ведь наше присутствие на острове делает жизнь на нем более приятною! Мы будем играть чудесные мелодии на ваших праздниках, тешить ваши взоры замечательными танцами с ножами...

Он взмахом руки показал на своих сыновей, которые, высоко подпрыгивая и дергаясь всем телом, так быстро размахивали своими ножами, что они образовывали ярко сверкающие дуги.

То ли случайно, то ли в шутку, а может быть, и из жажды крови иноплеменика, но один из ножей оказался брошен прямо в голову Глиннеса. Ванг Дроссет издал хриплый нечленораздельный звук — может быть, пытаясь предупредить Глиннеса, а может быть, ликуя в душе. Глиннес же, давно уже предчувствуя недоброе, быстро пригнулся, и нож воткнулся в цель у него за спиной. Взметнулся его пистолет и исторг сноп синей плазмы. Один из концов шампура вспыхнул, и птичьи тушки попадали в уголья костра.

Из палатки стрелою вылетела Дьюссана, в глазах ее пылал огонь такой же безжалостный, как и плазма пистолета. Она схватила шампур и, не обращая внимания на то, что он обжигал ей руку, принялась сбрасывать с него дымящиеся тушки на землю, не переставая ни на мгновение выкрикивать ругательства и проклятья.

— Подлый уруш², ты погубил наш ужин. Чтоб у тебя на языке выросла борода. Убирайся отсюда прочь со всеми своими потрохами, пока ноги целы. Мы тебя раскусили, фаншер ты этакий! Тебя сюда пригнал спэг³, от которого ума у тебя стало еще меньше, чем у такого бугая, как твой старший братец. А таких, как он, совсем немного...

Ванг Дроссет поднял сжатую в кулак ладонь. Девушка приомкнула и принялась со злостью счищать землю с

¹ Занзамар — город на крайней восточной оконечности Мыса «Восход Солнца».

² Уруш — на жаргоне треван унизительное прозвище любого

³ мужчины из триллов.

Спэг — состояние крайнего умопомрачения, вызванное половым влечением, или мужчина в таком состоянии.

птичьих тушек. Когда Ванг Дроссет снова повернулся к Глиннесу, злорадная улыбка играла на его лице.

— Это очень недружественный поступок,— сказал он.— Вам не по душе наши забавы с ножами?

— Особого восторга не испытываю,— ответил Глиннес, после чего извлек свой собственный новый нож и, вытащив из цели треванский нож, снял с его лезвия стружку столь же легко, будто это был ивовый прутик. Дроссет, как замороженные, следили за его действиями. Он же спрятал свой чудо-нож в чехол.

— Общедоступные земли всего лишь в миле отсюда, на левом берегу рукава Илфиш,— произнес Глиннес.— Если вы разобьете стоянку там, то это не вызовет чьего-либо неудовольствия.

— Как раз оттуда мы сюда и перебрались,— вскричала Дьюссана.— Нас пригласил спэг Шира. Вам этого разве недостаточно?

Глиннес никак не мог постичь причин для такой щедрости Ширы.

— Я считал, что это сделал путешествовавший с вами Глэй.

Ванг Дроссет снова подал знак девушке. Она резко развернулась и понесла птичьи тушки к кухонному столу.

— Завтра мы уходим отсюда,— уныло и вместе с тем зловеще произнес Ванг Дроссет.— Все равно нам никуда не деться от «форлоственны»¹. Мы всегда готовы тронуться в путь.

— Возможно, вы еще прихватите с собою и Глэя,— сказал Глиннес.— В нем тоже сидит «форлоственна».

Ванг Дроссет сплюнул на землю.

— Он теперь целиком поглощен «фаншерадом». Мы ему теперь не ровня.

— Как и вы тоже,— пробурчал Харвинг.

Фаншерад? Слово это для него ничего не значило, но не обращаться же за разъяснениями к Дроссетам! Он попрощался с ними и пошел прочь. Когда он пересекал поле, шесть пар глаз жалили его спину. С сердца у него

¹ Форлоственна — на жаргоне треван слово, обозначающее непреодолимое настроение, побуждающее срываться с места в далекие странствия, настроение куда более безотлагательное, чем описываемое выражением «охота к перемене мест».

отлегло только после того, как он вышел за пределы дальности метания ножей.

Глава 5

Эвнесс — так называют в Шхерах тот скупой на свет час, что непосредственно предшествует заходу солнца. Это время тихой печали, когда блекнет все многоцветье природы, а дали просматриваются только в той мере, какую позволяет все более сгущающаяся туманная дымка, постепенно обволакивающая весь мир Шхер. Эвнесс, подобно заре, не очень-то приходящееся по нраву время для триллов. Не таков у них темперамент, чтобы с удовольствием предаваться грустным мечтаниям.

Возвратясь в дом, Глиннес никого в нем не застал. Глэй и Марча куда-то ушли, и отсутствие их повергло Глиннеса в тоскливое состояние. Он вышел на веранду и стал смотреть на палатки Дроссетов, все более склоняясь к тому, чтобы пригласить их на прощальный ужин — имея в виду, в основном, Дьюссану, девушку, несомненно, обворожительную, несмотря даже на крутой ее нрав и все остальное. Глиннес представил себе, как она могла бы выглядеть, будучи в хорошем настроении... Дьюсанна одним своим присутствием развеяла бы все его печали... До чего же нелепая мысль! Ванг Дроссет вырежет из его груди сердце при малейшем же подозрении.

Глиннес снова вернулся внутрь дома и налил себе вина. Затем открыл кладовку и задумался, рассматривая ее скучное содержимое. Куда подевалось то изобилие, которое запомнилось ему с прежних добрых времен!.. Понеслось рокот движка и плеск разрезаемой носом моторки воды. Выйдя на веранду, Глиннес увидел приближающуюся к острову лодку. Но за рулем он увидел вопреки своим ожиданиям не Марчу, а худого длиннорукого мужчину с узкими плечами и острыми локтями, в темно-коричневом бархатном костюме с синей отделкой, пошитом по моде, которой старались придерживаться аристократы. Редкие коричневые волосы его свисали почти до самых плеч, невыразительное, даже кроткое лицо оживляли лукавые глаза и ироничный изгиб рта. В этом мужчине Глиннес узнал Джано Акади-ментора, который запомнился ему говорливым весельча-

ком, хотя временами бывавшим язвительным и даже способным на злые колкости, но умевшим из любого трудного положения выпутаться с помощью кстати вставленной поговорки, туманного намека или глубокомысленного высказывания, что на многих производило глубокое впечатление, но раздражало Джата Халдена.

Глиннес спустился на причал и, поймав швартов, закрепил к кнехту. Акади ловко прыгнул на берег и сразу же рассыпался в горячих приветствиях.

— Я прослышал, что ты вернулся, и понял, что не смогу успокоиться, пока не повидаяюсь с тобой. Мы все очень рады тому, что ты снова среди нас!

Глиннес с признательностью поблагодарил Акади за те приятные слова, что услышал от него, и тот стал трясти его за руку с еще большей горячностью, чем раньше.

— Боюсь, мы очень сильно изменились за время твоего отсутствия — многое, возможно, даже не очень-то придется тебе по душе.

— У меня еще по сути не было времени на то, чтобы разобраться, что к чему, — предусмотрительно произнес Глиннес, но Акади, не обращая внимания на его слова, смотрел на погруженный во тьму дом.

— Твоей дорогой матушки сейчас нет дома?

— Не знаю, куда она подевалась. Но это, как полагаю, не мешает нам пропустить кружку-другую вина.

Акади кивнул, давая понять, что несколько не возражает, после чего они вдвоем направились вдоль причала по направлению к дому.

— Треване, как я вижу, все еще здесь, — заметил Акади, бросив взгляд в сторону леса Рабендари, на опушке которого виднелись оранжевые сполохи костра Дроссетов.

— Они уходят отсюда завтра.

Акади понимающе кивнул.

— Девушка очаровательна, но отмечена какой-то особой печатью — другими словами, она осознает, какая особая судьба ее ждет, и это ляжет тяжким бременем на ее сердце. Хотелось бы знать, с кем разделит она это роковое бремя.

Глиннес в недоумении взметнул брови — ему и в голову не приходило связывать с Дьюссаной столь ужасные мысли, однако оброненное Акади высказывание нашло неожиданно глубокий отклик у него в душе.

— Вы верно подметили — она производит впечатление незаурядной личности.

Акади уселся на одном из старинных соломенных кре-

сел на веранде. Глиннес принес вино, сыр и орехи, и вместе с ним стал любоваться пастельными красками тралльонского заката.

— Ты, как я полагаю, приехал домой провести отпуск?

— Нет. Я ушел из Гвардии. Я теперь, похоже, сквайр Рабендари — если только не вернется Шира, что, как все считают, крайне маловероятно.

— Два месяца, в самом деле, наводят на самые худшие опасения, — несколько нравоучительным тоном изрек Акади.

— Что с ним, по-вашему, случилось?

Акади отпил немного вина, затем ответил:

— Несмотря на всю свою репутацию, мне известно об этом ничуть не больше, чем тебе.

— По правде говоря, для меня совершенно непостижимо создавшееся положение, — признался Глиннес. — Почему Глэй продал Эмбл? До меня это никак не доходит. Он же даже не собирается ни толком разъяснить мне причину, ни вернуть назад деньги, чтобы я мог аннулировать договор. Мне никогда даже в голову не приходило, что могу оказаться в такой запутанной ситуации. Что вы думаете обо всем этом?

Акади осторожно поставил кружку на стол.

— Ты хочешь проконсультироваться со мной, как с профессионалом? Только зря потратишь деньги, поскольку, если уж начистоту, я не вижу средства для решения возникших у тебя трудностей.

Глиннес тяжело вздохнул, призывая себя к терпению. Знакомая ситуация: перед ним снова тот самый Акади, с которым он никогда толком не знал, как себя вести.

— Если вы сможете оказаться полезным, я вам заплачу, — произнес Глиннес и не без удовольствия для себя заметил, как Акади проводит языком по внезапно пересохшим губам.

— Гмм, — промямлил Акади, умышленно затягивая с ответом, чтобы привести в порядок мысли. — Естественно, я не стану требовать платы за досужие сплетни. Я должен доказать свою полезность, как ты верно заметил. Иногда различие между бытовым одолжением и профессиональной помощью совсем незначительно. Я предлагаю четко определить те условия, на которых будем сотрудничать.

— Можете назвать это консультациями, — сказал Глиннес, — поскольку дальнейшее рассмотрение вопроса

будет зависеть как раз от полноты информации, которой я буду располагать.

— Очень хорошо. В отношении чего ты хотел бы получить информацию?

— В отношении общего состояния дел. Мне хочется овладеть ситуацией, но пока что я блуждаю в потемках. Прежде всего — остров Эмбл, продавать который Глэй не имел права.

— Нет проблем. Верни деньги и аннулируй договор.

— Глэй не отдаст мне этих денег, а своих собственных двенадцати тысяч озов у меня нет.

— Щекотливая ситуация, — согласился Акади. — Шира, разумеется, отказывался продавать остров. Сделка была заключена только после его исчезновения.

— Гмм. Что же вы предлагаете?

— Ничего. Я только разъясняю тебе факты, исходя из которых можешь делать выводы, какие сам пожелаешь.

— Кто такой Льют Касагэйв?

— Не знаю. Чисто внешне он как будто мирный, добропорядочный джентльмен, проявляющий любительский интерес к местной генеалогии. Он составляет обзор местной аристократии, так, во всяком случае, он мне говорит. Мотивы, которыми он при этом руководствуется, вполне могут выходить за рамки чисто научных исследований, это само собой разумеется. Может быть, он пытается обосновать претензии на тот или иной из местных титулов. Если это так, то нас ждут впереди весьма интересные события... Ммда. Что еще мне известно о загадочном Льюте Касагэйве? Он утверждает, что он — болианин с Эллента, значащегося, как тебе несомненно известно, в Скоплении Аластор за номером 485. Лично я очень в этом сомневаюсь.

— Почему?

— Я, как тебе известно, человек наблюдательный. После одного из ленчей в его имении я заглянул в свои справочники и обнаружил, что, хотя это и довольно странно, подавляющее число болиан составляют левши. Касагэйв все делает правой рукой. Большинство болиан крайне набожны и местом искупления своих грехов считают Черный Океан на Южном Полкусе Эллента, где прибежища душам умерших дают различные подводные существа. На Элленте употребление пищи водного происхождения расценивается как подчинение своего внутреннего мира пагубным влияниям, терзающим душу изнутри. Ни один болианин не ест рыбы. Тем не менее, Льют Касагэйв без малейших угрызений совести ублажал

себя ухой из морского паука, а затем жареной рыбой-ны-
ряльщиком с не меньшим удовольствием, чем я.
Болианин ли Льют Касагэйв? — Акади воздел руки к не-
бу. — Не знаю.

— Но для чего ему понадобилось скрываться под
чужим именем? Если только не...

— Вот именно. И все же, объяснение может оказатъ-
ся весьма банальным. Возможно, он всего-навсего
болианин без предрассудков. Сверхподозрительность мо-
жет привести к столь же опасным заблуждениям, как и
простодушная наивность.

— Несомненно. Ну что ж, оставим его пока что в
покое. Все равно я не в состоянии вернуть ему деньги,
потому что не вернет их Глэй. Вам известно, куда он их
подевал?

— Известно. — Акади чуть искоса глянул на Глинне-
са. — Должен заметить, что информация более высокой
категории, и мне нужно прикинуть причитающийся с те-
бя гонорар.

— Ладно, ладно, — успокоил его Глиннес. — Если он
окажется непомерно высоким, вы всегда сможете ус-
тупить. Где деньги?

— Глэй отдал эти деньги некоему субъекту по имени
Джуниус Фарфан, проживающему в Уэлгене.

Глиннес нахмурился, глядя на водную поверхность
рукава Эмбл.

— Я уже слышал это имя раньше.

— Весьма возможно. Он — секретарь местной
ячейки фаншеров.

— Вот как! Зачем Глэю нужно было именно ему
отдавать деньги? Глэй, что ли, тоже фаншер?

— Если и нет, то очень близок к тому, чтобы стать
им. Пока что он еще не перенял образ жизни и характер-
ные особенности фаншеров.

— Странную серую одежду? — неожиданно осенило
Глиннеса. — Особую прическу?

— Это чисто внешняя символика. Движение это,
естественно, вызвало раздраженную реакцию, и притом
небезосновательно. Заповеди Фаншерада откровенно
противоречат общепринятым нормам и должны рас-
сматриваться антиобщественными.

— Мне это ни о чем не говорит, — проворчал
Глиннес. — До сегодняшнего дня я ничего не слышал о
Фаншераде.

— Название происходит от одного из древних земных
языков, — Акади перешел на столь любимый им поучитель-

ный тон.— И означает оргиастическое прославление неземного блаженства. Исходный принцип сам по себе не более, чем избитая истина: жизнь настолько драгоценный дар, что должен быть использован наилучшим образом. Разве с этим кто-нибудь станет спорить? Фаншеры же возбуждают враждебность к себе, когда пытаются воплотить эту мысль. Они считают, что каждый должен стремиться к достижению благородных целей и, если удастся, добиваться их. Если же ему сопутствует неудача, то он с достоинством воспринимает ее и удовлетворяется тем, что сделал все, что мог, для осуществления поставленных целей, таким образом не зря потратив свою жизнь. Если же удастся достичь поставленных целей...— Акади пожал плечами.— Разве в нашей жизни кто-нибудь остается в выигрыше? Не в накладе только смерть. И все же — в основе своей идеалы Фаншерада достойны восхищения.

Глиннес скептически скривился.

— Пять триллионов жителей Скопления — и все из последних сил чего-то домогающиеся? В таком случае покоя не будет ни для кого.

Акади, хитро улыбаясь, покачал головой.

— Пойми вот что: фаншерад — жизненная установка не для пяти триллионов. Фаншерад — это одинокий вопль отчаяния, протест заблудившегося в бесконечно огромной вселенной. Благодаря фаншераду отдельно взятый человек бросает вызов безвестности и отвергает ее, самоутверждаясь и громогласно заявляя о своей собственной значимости.— Акади сделал паузу, затем снова хитро улыбнулся.— Нетрудно заметить, кстати, что единственным подлинным фаншером, добившемся выполнения всех своих желаний, является Вседержитель.

Закончив тираду, Акади снова поднес к губам вино.

Солнце полностью скрылось за горизонтом. Высоко над головой повис плотный слой зеленоватых перистых облаков, будто изморозью покрывших небо. Обрывки их в южной и северной частях небосвода окрасились розовым, фиолетовым и темно-лимонным цветом. Какое-то время на веранде царило молчание. Первым его нарушил Акади, тихо произнес:

— Теперь понятно, что такое фаншерад? Немногие из фаншерадов достаточно четко представляют себе эти свои новые убеждения — ведь большинство из них всего лишь дети, замученные праздностью, эротическими излишествами, обеспокоенные безответственностью и неяршливой внешностью своих родителей. Они считают

предосудительными коч, вино, буйные пиршества — словом, любую расточительность во имя удовлетворения сиюминутных потребностей или особо острых ощущений. По всей вероятности, их основной целью является создание нового, совершенно отличного имиджа для самих же себя. Они насаждают безликость и единообразие в одежде и внешности исходя из того, что человека нужно узнавать не по символам, которые он подбирает для того, чтобы выделиться среди других, а по его поведению.

— В общем, компания желторотых и неоперившихся недовольных,— проворчал Глиннес.— И откуда только берется у них нахальство бросать вызов столь огромному количеству людей, которые старше и мудрее их?

— Увы,— тяжело вздохнув, произнес Акади,— все это старо, как мир.

Глиннес подлил вина в кружки.

— Все это кажется глупым, ненужным и тщетным. Что нужно людям от жизни? Нам, триллам, в досталь хватает всего, что есть в жизни хорошего: еды, музыки, развлечений. Неужели все это вредно? Ради чего еще жить? Фаншеры — это горгульи, визжащие на солнце.

— На первый взгляд их идеалы кажутся нелепыми,— сказал Акади.— И все же...,— тут он пожал плечами,— есть определенное благородство в их мировоззрении. Недовольные — но почему? Чтобы извлечь крупинцы смысла из застарелого вздора? Отметить первозданный хаос печатью человеческой воли? Утвердить блистательное великолепие любой отдельно взятой души, живущей среди пяти триллионов ничем не примечательных, серых корпускул? Да, да и еще раз да — каким бы отчаянным и дерзким это ни было!

— Вы так завелись, будто сами фаншер,— неодобрительно бросил Глиннес.

Акади отрицательно покачал головой.

— Как бы я к этому не относился, но все это, увy, не для меня. Фаншерад — занятие молодежи. Я уже слишком стар для него.

— А как они относятся к хассэйдy?

— Они считают его лишь видимостью активности, средством, только мешающим народу разобраться в истинном многоцветье и богатстве содержания такого явления как жизнь.

Глиннес едва не подскочил от изумления.

— Подумать только — при всем при этом треванка обозвала меня фаншером!

— Вот это пронизательность! — воскликнул Акади.

Глиннес сверкнул глазами, глядя на Акади, но увидел только выражение прямо-таки святой невинности.

— Каким образом начался фаншерад? Я не припоминаю такого течения.

— Исходный материал был уже подготовлен давно, так, во всяком случае, я себе это представляю. Требовалась только некоторая искра идеологии, не более того.

— И кто в таком случае идеолог фаншерада?

— Джуниус Фарфан. Он живет в Уэлгене.

— И мои деньги теперь у этого Джуниуса Фарфана!

Акади поднялся из-за стола.

— Я слышу рокот моторки. Это Марча. Наконец-то.

Он спустился к причалу. Глиннес последовал за ним. Оставляя за собой вспенившийся водяной веер, из рукава Илфиш вынырнула лодка, свернула в рукав Эмбл и подрулила к причалу. Глиннес взял у Глэя швартов и закрепил к кнехту. На причал грациозно выпорхнула Марча. Глиннес в изумлении глядел на ее одежду: платье в обтяжку из сурового белого полотна, высокие черные сапожки и черная, облегающая голову шляпка, скрывавшая волосы и подчеркивавшая ее сходство с Глэем.

Акади первым поздоровался с ней.

— К сожалению, я вас не застал. Зато получился очень приятный разговор у нас с Глиннесом. Мы обсуждали фаншерад.

— Как это мило! — воскликнула Марча. — И вам удалось обратить его?

— Едва ли, — произнес, ухмыльнувшись, Акади. — Чтобы семя проросло, нужно сначала бросить его в подходящую почву.

Глэй, держась в стороне, казался еще более язвительным, чем прежде.

— Вот у меня кое-что специально для вас, — продолжал Акади. — Вот это, — он вручил Марче небольшой пузырек, — сенсibiliзаторы. Они повышают умственную восприимчивость и улучшают усвоение. Будьте с ними поосторожнее. Если принять более одной таблетки, то станете чрезмерно взыскательны к форме изложения, не воспринимая содержание. — Он передал Марче еще несколько книг. — Вот это учебник математической логики, это — материалы конференции по минихронике и, наконец, это — курс основ космологии. Все это важно для выполнения намеченной для вас программы.

— Очень хорошо, — несколько скованно ответила

Марча.— Хотелось бы знать, чем мне вас отблагодарить за это?¹

— Чего-нибудь порядка пятнадцати озолов будет более, чем достаточно,— ответил Акади.— Только, разумеется, не торопитесь. Мне же надо теперь пускаться в дорогу. Уже почти совсем темно.

И все же Акади задержался до тех пор, пока Марча не отсчитала пятнадцать озолов и вложила их в его дряблую ладонь.

— Спокойной ночи, друг мой,— сказала она, прощаясь с Акади, после чего вместе с Глэем направилась к дому.

— А каков размер компенсации за то удовольствие, которое я получил, обременив вас необходимостью дать консультацию?

— Действительно обременили. Дайте-ка поразмыслить. Двадцать озолов, пожалуй, будет более, чем любезно с вашей стороны, если мои умозаключения оказались вам полезными.

Глиннес выплатил названную сумму, отметив про себя, что Акади заломил довольно высокую цену за свою осведомленность. Акади прыгнул в лодку и взял курс вверх по течению фарванского гирла реки Заур, а затем свернул в разветвляющийся в западном направлении рукав Вернис, чтобы затем, пройдя рукавом Тетрин, уходящим на север, оказаться на траверсе острова Сарпасант, где и был расположен принадлежащий ему старинный особняк.

Внутри дома на Рабендари зажглись огни. Глиннес неторопливо поднялся на веранду, где стоял ожидавший его Глэй.

— Я теперь знаю, что ты сделал с деньгами,— произнес Глиннес.— Ты отдал остров Эмбл заради сущего вздора.

— Мы уже достаточно подробно обсудили сложившееся положение. Завтра утром я оставляю твой дом. Марча хочет, чтобы я остался, но мне кажется, что в любом ином месте мне будет куда спокойнее.

— Сделал свое грязное дельце и теперь ходу, вот

¹ Вопрос «Сколько я вам должен?» на Тралльоне, где бездумная щедрость является неотъемлемым элементом образа жизни, считается непроходимо глупым.

как? — Наполненные злобой взгляды братьев встретились, Глиннес резко повернулся и прошел внутрь дома.

Марча сидела за столом, просматривая принесенные Акади учебники. Глиннес уже открыл было рот, затем снова закрыл его и вышел на веранду, где сел и погружился в тягостное раздумье. Через некоторое время из дома стали доноситься голоса Марчи и Глэя, тихо переговаривавшихся между собой.

Глава 6

Утром Глэй собрал принадлежавшие ему вещи, и Глиннес отвез его в Зауркаш. За весь путь не было произнесено ни единого слова. Уже стоя на причале в Зауркаше, Глэй сказал:

— Я буду не слишком далеко, во всяком случае, в ближайшее время. Может быть, расположусь на Муниципальном острове. Акади будет знать, где меня искать в случае надобности. Постарайся быть поласковее с матерью. Жизнь у нее складывалась не очень-то счастливо, и если ей теперь хочется изображать из себя девушку, то что в этом такого уж плохого?

— Верни двенадцать тысяч озовов, и я, может быть, позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не нуждался, — сказал Глиннес. — А пока что я ничего от тебя не ожидаю иного, как еще каких-нибудь глупостей.

— Что еще более глупо с твоей стороны, — ответил Глэй и покинул причал. Глиннес еще долго провожал его взглядом, затем, вместо того, чтобы вернуться на Рабендари, взял курс еще дальше на запад, в сторону Уэлгена.

Переход к Заливу Блэклин, в глубине которого располагался Уэлген, занял менее часа. Лодка Глиннеса быстро и легко скользила по идеально спокойной глади вод нескольких протоков, пересекавших дельту в поперечном направлении. Позади осталось главное русло могучей реки Карбаш, несшей свои воды с севера на юг и впадавшей в Южный Океан в миле к юго-востоку от Уэлгена.

Глиннес привязал лодку к общественному причалу, расположившемуся почти в тени трибун хассэйдного стадиона, каркас которого составляли серо-зеленые столбы из минововых стволов, соединенные между собою черными стальными фермами. От внимания его не ускольз-

нула огромная афиша с красными и синими надписями на светло-кремовом фоне:

ХАССЭЙДНЫЙ КЛУБ «ОЗЕРА ФЛЭЙРИШ

объявляет о наборе в команду для участия
в регулярных хассэйдных турнирах.

Лиц, желающих записаться в команду

и обладающих соответствующей спортивной подготовкой,

просим обращаться к секретарю клуба Джералу
ЭСТАНГУ

или непосредственно к спонсору клуба,

достопочтенному лорду **ТАММАСУ ГЕНСИФЕРУ**.

Глиннес дважды перечитал объявление. До него никак не доходило, где же это лорд Генсифер наберет достаточное количество талантливых игроков, чтобы составить из них команду, которая могла бы достойно выступать в турнирах. Десятью годами ранее в Шхерах была добрая дюжина таких команд: «Уэлгенские Дьяволы Бури», «Неукротимые», представлявшие хассэйдный клуб из Альтрамара, «Гаспарские Чудотворцы», «Гиалоспаны из Воалияша»¹ с острова Большой Воуль. «Затуркашские Змеи» — представлявшие из себя довольно случайную и не очень дисциплинированную группу игроков, в которой в разное время играли и Джат, и Ши́ра, и он сам, — «Латники из Лорессами», гордость хассэйдного клуба одноименного поселка, и несколько других, отличавшихся по уровню игры и характеризовавшихся повышенной текучестью состава. Жители Шхер проявляли огромный интерес к соревнованиям, за искусными игроками велась настоящая охота со стороны менеджеров и спонсоров, их частенько надували, хотя и заманивали доброй сотней различных способов. У Глиннеса не было ни малейших причин сомневаться в том, что точно такое же положение господствует в шхерном хассэиде и сейчас.

Глиннес побрел прочь от стадиона, но голову все сверлила и сверлила одна и та же навязчивая мысль. Плохо оплачиваемая хассэйдная команда теряла даже свои собственные деньги и, если ее никто не субсидировал, быстро распадалась. Среднеоплачиваемая команда имела равные шансы как оказаться в выигрыше, так и прогнуться — все

¹ В буквальном переводе «Гиалоспаны» — «Обнажающие девушек» как красноречивое напоминание о той незавидной участи, которая ждет шейлу команды — соперника.

зависело от умелого подбора команд-соперниц, от того, были ли они классом ниже или выше. Но удачливая агрессивная команда зачастую даже за один сезон успевала собрать обильную жатву, при дележе которой на одного игрока могло вполне прийти двенадцать тысяч озовов.

В задумчивости Глиннес вышел на центральную площадь городка. Окружавшие ее здания показались ему чуть-чуть более поблекшими под действием непогоды, чем когда-то, несколько более разросшимися показались кусты местного винограда «калеписис», листва которых создавала тень в беседке перед входом в таверну «Ауде де Лис», и — на что теперь с особым беспокойством обратил внимание Глиннес — повсюду попадались на глаза девушки и парни либо в единообразной одежде фаншеров, либо в одежде, так или иначе напоминающей стиль фаншеров. Глиннес скривил губы в насмешливой ухмылке, испытывая отвращение к абсурдности всего этого. В центре площади, как и раньше, стоял прутаншир — квадратная платформа со стороны в двенадцать метров, с порталом над нею и небольшим возвышением для музыкантов сбоку от нее. В задачу музыкантов входило создание особой атмосферы покаяния, сопутствовавшей жестокому обычаю.

За десять лет на площади появилось не более двух новых зданий. Самым заметным из них была совсем еще недавно открытая таверна «Святой Гамбринус», возвышавшаяся на опорах из древесины минаса над расположенной на уровне земли открытой пивной, где четверо музыкантов-треван услаждали слух тех, кому еще с ночи не терпелось промочить горло.

Сегодняшний день был базарным. Уличные торговцы фруктами, овощами и рыбой расставили свои тележки по периметру площади. Все они были из урайев, народности столь же обособленной и своеобразной, как и треване. Триллы из Уэлгена и близлежащих деревень неторопливо прохаживались среди тележек с товаром, перебирали его, пытаясь оценить качество, торговались с продавцами и то и дело покупали тот или иной товар. Сельских жителей легко было узнать по их одежде — обязательному параю с кое-какими добавлениями, которые диктовала мода, удобство, каприз или определенные эстетические соображения: какая-нибудь безделушка здесь, бросающаяся в глаза аппликация там, цветастые шарфики и галстуки, вышитые жилетки, украшенные причудливыми узорами юбки, бусы, ожерелья, громко бренчащие браслеты, ленты и головные повязки, кокарды. Одежда городских жителей была не столь вычурна, и среди них Глиннес

заприметил немалое количество людей в наряде фаншеров: искусно пошитых костюмах из добротной серой ткани и до блеска начищенных черных полусапожках. На головах у некоторых из них были круглые шляпы из черного фетра, полностью скрывавшие волосы. Среди приверженцев подобного стиля одежды встречались люди далеко уже не молодые, несколько даже смущавшиеся модной изысканности своего убранства. Совершенно необязательно, отметил про себя Глиннес, чтобы все они могли быть фаншерами.

К Глиннесу подошел худой длиннорукий мужчина в темно-серой одежде.

— Вы тоже? — спросил Глиннес, ошеломленно глядя на него с насмешливо презрительной улыбкой. — Кто бы мог поверить!

— А почему бы и нет? — без всякой тени смущения ответил Акади. — Что такого уж худого в мимолетном капризе? Мне доставляет удовольствие притворяться, будто я снова молод и зелен.

— И одновременно, должно быть, притворяетесь приверженцем фаншерады?

Акади пожал плечами.

— Позволю себе повториться — а почему бы и нет? Возможно, фаншеры слишком себя идеализируют; возможно, не в меру горячо брюзжат по поводу суеверности и чувственности остальных нас. И все же... — он примирительно развел руками, — ...я таков, какой есть.

Глиннес неодобрительно покачал головой.

— Эти фаншеры ни с того, ни с сего вообразили, что одним им свойственна вся житейская мудрость, а их родители, которые дали им жизнь, жалки и убоги.

Акади рассмеялся.

— Мода приходит, мода уходит. Нелепые с виду причуды избавляют повседневность от скуки — так почему же отказывать себе в удовольствии следовать им? — Прежде, чем Глиннес смог ответить, Акади сменил тему. — Я рассчитывал встретить тебя здесь. Ты, естественно, разыскиваешь Джуниуса Фарфана, и так уж случилось, что я могу подсказать тебе, где можно его отыскать. Погляди вон туда — видишь заведение под «Святым Гамбринусом»? В глубине его, там, где самая густая тень, сидит фаншер, делающий какие-то записи в толстой бухгалтерской книге. Это и есть Джуниус Фарфан.

— Вот я сейчас и пойду к нему.

— Желаю удачи, — сказал Акади.

Глиннес пересек площадь и, войдя в пивную, подошел к столику, на который указал Акади.

— Это вы — Джуниус Фарфан?

Сидевший за столиком поднял голову. Глиннес увидел лицо с классически правильными чертами, правда, несколько бледноватое и отрешенное. Серый костюм со строгой элегантностью сидел на его худощавой фигуре, состоявшей, как казалось, только лишь из нервов, костей и сухожилий. Напоминавший по форме каску или шлем черный матерчатый головной убор, скрывавший прическу, еще сильнее оттенял бледный квадратный лоб и задумчивые серые глаза.

— Вы не ошиблись, — ответил Джуниус Фарфан, показавшийся Глиннесу еще моложе, чем он сам.

— Меня зовут Глиннес Халден. Глэй Халден — мой родной брат. Недавно он передал вам крупную сумму денег, порядка где-то двенадцати тысяч озовов.

— Верно, — нисколько не смутясь, подтвердил Фарфан.

— Я принес нехорошую весть. Глэй получил эти деньги незаконно. Он продал собственность, которая принадлежала не ему, а мне. Короче говоря, я хочу, чтобы эти деньги были возвращены.

Фарфана это заявление, казалось, нисколько не удивило и даже не очень-то обеспокоило.

— Присаживайтесь, — произнес он, показывая на свободный стул. — Может быть, отведаете пива?

Глиннес сел, пододвинул к себе кружку.

— Спасибо. Так все-таки, где деньги?

Фарфан смерил Глиннеса спокойным взглядом.

— Вы, естественно, не питали особых надежд на то, что я вручу вам более двенадцати тысяч озовов прямо в мешке.

— Именно на это я и надеялся. Мне нужны деньги, чтобы истребовать назад принадлежащую мне собственность.

Фарфан, как бы извиняясь, вежливо улыбнулся.

— Ваши надежды неосуществимы, так как я не в состоянии вернуть деньги.

Глиннес громко стукнул кружкой по столу.

— Почему?

— Эти деньги уплачены за заказанное нами оборудование для фабрики. Мы намерены изготавливать товары, которые в настоящее время завозятся на Тралльон с других планет.

Голос Глиннеса стал хриплым от ярости.

— В таком случае разыщите какие-нибудь другие деньги для своих надобностей, а мне верните мои кровные двенадцать тысяч озовов.

— Если эти деньги в самом деле были вашими, — спокойно согласился Фарфан, — я открыто признаю этот долг и буду рекомендовать возратить его с подобающими процентами с первой же прибыли нашего предприятия.

— И когда вы предполагаете получить эту прибыль?

— Не знаю. Мы надеемся каким-нибудь образом приобрести земельный участок — то ли взяв ссуду, то ли получив в дар, то ли арендовав у муниципальных властей конфискованную у кого-то землю в пользу общины. — Фарфан улыбнулся, и лицо его неожиданно стало совсем мальчишеским. — После этого мы должны возвести производственные здания, заказать сырье, освоить технологический процесс, начать производить и продавать товары, расплатиться за сырье, закупленное для изготовления первой промышленной партии, приобрести новое сырье и комплектующие изделия и так далее.

— Все это потребует довольно много времени, — произнес Глиннес.

Джуниус Фарфан нахмурился, затем закатил глаза.

— Давайте условимся на промежутке в пять лет. Если к тому времени вам все-таки захочется возобновить свои притязания, то мы сможем снова обсудить этот вопрос, надеюсь, к нашему взаимному удовлетворению. Как частное лицо, я очень вам сочувствую, — сказал Джуниус Фарфан. — Как секретарь организации, крайне нуждающейся в капитале, я только очень доволен, что удалось воспользоваться вашими деньгами. Насколько я полагаю, нам эти деньги куда нужнее, чем вам. — Он закрыл гроссбух и поднялся из-за стола. — Всего хорошего, сквайр Халден.

Глава 7

Глиннес проводил взглядом Джуниуса Фарфана, который пересек площадь и стал обходить прутаншир, пока не скрылся за ним. Он добился как раз того, на что и рассчитывал — то есть ничего. Тем не менее, его негодование распространялось теперь на обходительного Джуниуса Фарфана в такой же мере, как и на Глэя. Но

как бы то ни было, наступило время забыть об утраченных деньгах и попытаться отыскать новые. На всякий случай заглянул в бумажник, хотя и без того знал его содержимое: три купюры по тысяче озовов каждая, четыре по сотне и еще сотня в купюрах меньшего достоинства. Ему недоставало, таким образом, девяти тысяч озовов. Пенсия, с которой он вышел в отставку, составляла сто озовов в месяц, что было более, чем достаточно для человека в его положении. Он покинул пивную «Святой Гамбринус» и, перейдя на противоположную сторону площади, вошел в контору «Банка Уэлгена» и представился главному управляющему.

— Если коротко,— сказал Глиннес,— то я столкнулся вот с чем: мне нужны девять тысяч озовов для восстановления своих прав на остров Эмбл, который мой брат по ошибке продал некоему Льюту Касагэйву.

— Да, Льюту Касагэйву. Я помню эту сделку.

— Мне хотелось бы взять кредит на сумму в девять тысяч озовов, который я в состоянии погашать ежемесячно в размере ста озовов. Это та строго фиксированная сумма, которую перечисляет мне Гвардия. Вам абсолютно нечего опасаться за свои деньги, они будут возвращены в строго установленный срок.

— Если только вы не умрете. А что прикажете делать в этом случае?

Глиннес не предусмотрел такой возможности.

— Есть еще остров Рабэндари, который я могу предложить в качестве залога.

— Остров Рабэндари. Вы — владелец его?

— В настоящее время сквайр Рабэндари — я,— произнес Глиннес и тут же почувствовал, что у него так ничего и не выйдет.— Мой брат Шира исчез два месяца тому назад. Можно со всей достоверностью утверждать, что его уже нет в живых.

— Скорее всего, так оно и есть на самом деле. И все же, в таких делах мы не можем полагаться на такие не имеющие юридической силы термины, как «со всей достоверностью» или «скорее всего». Ширу Халдена нельзя считать умершим в течение четырех лет после его исчезновения. До истечения этого срока вы не можете являться законным владельцем острова Рабэндари. Если только, разумеется, не докажете факт его смерти.

Глиннес раздраженно вздернул голову.

— Для чего поглубже нырнуть, чтобы спросить у мерлингов? Нелепица да и только!

— Я понимаю возникшие у вас трудности, но нам

приходится иметь дело со многими нелепостями. Это не более, чем один из заурядных примеров.

Глиннес всплеснул руками, признавая свое поражение. Выйдя из банка, он вернулся к своей лодке, оставившись только лишь для того, чтобы еще раз перечитать объявление об учреждении хассэйдного клуба «Озера Флейриш».

Во время перехода на Рабендари Глиннес не раз и не два прикидывал свои финансовые возможности, но результат всегда получался один и тот же — девять тысяч озовов были очень крупной для него суммой. По его оценке, максимальный доход, который он мог получить с Рабендари за год, составит, примерно, две тысячи в год, то есть почти в пять раз меньше требующейся ему суммы. Затем Глиннес сосредоточил свои мысли на хассэиде. Игрок сильной команды мог бы вполне заработать за год десять или двенадцать тысяч озовов, если его команда будет играть достаточно часто и постоянно выигрывать. Лорд Генсифер, по-видимому, намеревается создать именно такую команду. Вот и прекрасно, если бы не одна маленькая загвоздка — все остальные команды в округе из всех сил стремятся точно к такой же цели, прибегая к хитроумным уловкам, интригуя друг против друга, раздавая громкие обещания, маня перспективами быстрого обогащения и славы — и все это только для того, чтобы привлечь одаренных игроков, избытка которых никогда не наблюдалось. Агрессивный хассэидер может оказаться медлительным и неуклюжим, проворному может недоставать гибкости ума, тактического чутья или простой физической силы для того, чтобы отправить в воду своего противника. Каждое место предъявляет свои специфические требования. Идеальный форвард должен быть быстрым, ловким, дерзким, достаточно сильным, чтобы совладать с защитой и полузащитой противника. Полузащитник тоже должен быть быстрым и ловким, но самое главное — умелым в обращении с буфом, особым, набитым волосом спортивным снарядом, применяемым для того, чтобы отбиваться от противника или с его помощью опрокидывать их в воду, освобождая от них трассы или переходы. Полузащита составляет первую линию обороны от вторжений форвардов, защита же — последнюю. Защитники должны быть мощными и крепко стоящими на ногах, решительными в применении своих буфов. Поскольку от них редко требуется прибегать к помощи трапедий или перепрыгивать с одного ряда на другой, проворство не является существенным качеством

для защитника. Однако идеальный игрок в хассэйд должен сочетать все эти качества: он должен быть сильным, умным, умелым, проворным и беспощадным. Такие игроки — огромная редкость. Как же в таком случае лорд Генсифер рассчитывает собрать команду, способную выступать в состязаниях достаточно высокого ранга? Когда Глиннес подумал об этом, он уже скользил по глади Озера Флейриш. И решил это выяснить, круто развернув свой скутер на юг, по направлению к Пяти островам.

Глиннес пришвартовал свою лодку рядом со стройной крейсерской яхтой ллорда Генсифера и прыгнул на причал. Дорожка к особняку пролежала через парк. Когда он поднялся по ступенькам, входная дверь скользнула в сторону. Стоявший на пороге лакей в бледно-лиловой ливрее смерил его равнодушным взглядом. Его отношение к статусу Глиннеса выразилось в небрежном кивке.

— Что вам угодно, сэр?

— Не откажите в любезности доложить лорду Генсиферу о том, что ему хочет сказать несколько слов Глиннес Халден.

— Не угодно ли пройти внутрь, сэр?

Глиннес вошел в высокий шестиугольный вестибюль, пол которого был выложен блестящими плитками из серого и белого стелта¹. Высоко над головой висела роскошная люстра из доброй сотни лампочек и тысячи бриллиантовых подвесок. На каждой из стен панели из светлой древесины редких пород обрамляли высокие узкие зеркала, отбрасывавшие во все стороны сияние огней люстры.

Лакей вернулся и провел Глиннеса в библиотеку, где Лорд Таммас Генсифер в темно-бордовом свободном халате сидел в непринужденной позе перед видеомонитором, просматривая хассэйд².

¹ Стелт — высоко ценящийся материал, добываемый в жерлах вулканов на потухших звездах некоторых типов и представляющий из себя смесь металлов и вулканического стекла.

² — Площадка для игры в хассэйд представляет из себя металлическую решетку, состоящую из так называемых «трасс» и «переходов» и располагающуюся над бассейном с водой полуметровой глубины. Шейла на протяжении всего матча стоит на платформе у лицевой линии площадки между двумяголевыми участками бассейна. На ней белоснежное платье с золотым кольцом впереди. Игроки команды-соперника стремятся прикоснуться к этому золотому кольцу. Достаточно хоть раз потянуть за него, как шейла предстает перед зрителями совершенно обнаженной.

— Присаживайтесь, Глиннес, присаживайтесь,— предложил лорд Генсифер.— Может быть, хотите чаю или ромового пунша?

— Ромовый пунш, пожалуйста.

Лорд Генсифер показал на экран.

— Запись финальной игры прошлогоднего первенства Скопления на стадионе в Ньюменсе. В черно-красной форме «Кудесники» с планеты Сигра. В зеленой — «Непобедимые» с Зеленой Звезды. Потрясающая встреча. Вот смотрю ее уже в четвертый раз и каждый раз восторгаюсь вновь и вновь.

— Я видел «Непобедимых» года два-три тому назад,— сказал Глиннес.— Мне они показались тогда быстрыми и неотразимыми, как молнии.

— Они точно таковы и в этой встрече. Даже тогда, когда не обладают численным превосходством, все равно впечатление такое, будто успевают его создать в любое время в любой точке площадки. В защиту они отряжают совсем немного сил, но это им и не нужно из-за силы атак, которые они организуют.

Лакей подал ромовый пунш в покрывшихся изморозью серебряных кубках. Какое-то время лорд Генсифер и Глиннес молча наблюдали за игрой: выпадами и перемещениями, ложными атаками и хитрыми тактическими ходами, несомненно отчаянными проявлениями силы и ловкости, комбинациями, выполненными с таким мастерством, что даже не верилось, что можно столь точно рассчитать время, необходимое для концентрации сил в определенном месте и создания решающего численного превосходства. Следуя указаниям своих капитанов, игроки производили непрерывную перегруппировку сил, агрессивность их атак с каждым новым перестроением рядов повышалась все больше и больше, но на каждую уловку одной из сторон другая всегда находила столь же опасный ответ. И все же по мере продолжения встречи начал постепенно проявляться перевес «Непобедимых». Инсайды зеленых увели с центральной развилки одного из полузащитников «Кудесников», вперед рванулись защитники, но в образовавшуюся в связи с этим брешь проскользнул правый край «зеленых», схватился за золотое кольцо у талии шейлы, и игра прекратилась до того времени, пока не будет уплачен выкуп за шейлу. Лорд Генсифер выключил монитор.

— «Непобедимые», чтобы выиграть первенство, проявили недюжинное мастерство — кому, как не вам, это известно лучше других. Доля каждого игрока составила

— Мда, завидное положеньеице,— согласился лорд Генсифер.

— Вот что я предлагаю: предположим, я стану играть за вашу команду — вы сможете авансировать меня девятью тысячами озов в счет моей доли в будущих выигрышах?

Лорд Генсифер откинулся к спинке кресла.

— Весьма рискованное капиталовложение.

— Вовсе нет — если вам удастся собрать хорошую команду. Хотя, по правде говоря, я что-то не усматриваю, откуда вам удастся насобирать столько приличных игроков.

— Они все уже у меня здесь,— произнес лорд Генсифер, сжав ладонь в кулак и даже чуть приподнявшись в кресле. Его и без того розовое лицо покраснелось, как у разгорячившегося мальчишки.— Я наметил состав команды, которую расцениваю как сильнейшую среди всех, которые могут быть укомплектованы игроками из здешних мест. Вот послушайте.— Он вынул из кармана листок бумаги и начал читать.— Края: «Король» Лючо, «Молния» Латкен. Инсайды: «Игла» Ялден, Гонниксен — «Золотое Кольцо». Полузащитники: «Гранит» Нило, «Буян» Уилмер Гафф. Защитники: «Отбойник» Мавельдип, «Медный Лоб» Холуб, Карбо Гилвег, Холберт Хэнигэтс.— Лорд Генсифер отложил листок и торжествующе поглядел на Глиннеса.— Что вы думаете об этой команде?

— Я слишком долго отсутствовал,— ответил Глиннес.— Мне знакома едва ли половина названных вами игроков. С Гонниксеном и Карбо Гилвегом я играл в одной команде, доводилось играть против Гаффа, ну, и еще против одного или двух. Они были хороши десять лет тому назад и сейчас, наверное, играют еще лучше. Все они уже зачислены в вашу команду?

— Ну.., неофициально. Я придерживаюсь вот какой стратегии. Провожу переговоры с каждым игроком в отдельности. Показываю ему предполагаемый состав команды и спрашиваю у него, имеет ли он желание оказаться в ней. Стратегия беспронимательная. Каждому хочется подзаработать побольше хотя бы разнообразия ради. Никому и в голову не придет отклонить мое предложение. По сути дела, я уже установил контакт с двумя-тремя из этих ребят, и все они проявили большой интерес к моему начинанию.

— И где же вы усматриваете мое место в этой коман-

де? Вы, надеюсь, не забыли о тех девяти тысяч озовов, которые мне позарез нужны?

— Что касается вашего первого вопроса, — осторожно начал лорд Генсифер, — то вы не должны забывать о том, что я не видел, как вы играете сейчас. Насколько мне известно, вы стали медлительным и каким-то нерешительным... Куда это вы собрались?

— Спасибо за ромовый пунш, — сказал Глиннес.

— Одну минуточку. Нет никакой нужды лишний раз демонстрировать свой крутой нрав. Ведь я говорю сухую правду. Я не видел вас в деле вот уже десять лет. И все же, раз вы играли в команде — чемпионе сектора, вы, несомненно, в хорошей форме. Так какое место вы хотели бы занимать?

— Любое, кроме шейлы. В последнее время я играл инсайдом и полузащитником.

Лорд Генсифер подлил Глиннесу рому.

— Что-нибудь, несомненно, устроить можно. Но вы должны понимать мое положение. Моя цель — создать наисильнейшую команду. Если вы на своем месте наисильнейший, то будете играть за «Горгон». Если нет — что ж, нам потребуется замена. Это всего лишь здравый смысл — так что не стоит уж слишком волноваться.

— А что в таком случае вы можете сказать относительно девяти тысяч озовов?

Лорд Генсифер сделал несколько глотков пунша, затем промолвил:

— По-моему, если все пойдет хорошо, а вы будете играть за клуб, то получите свои девять тысяч озовов в качестве премиальных за очень короткое время.

— Другими словами — вы не проавансируете меня наличными?

Лорд Генсифер развел руками.

— Неужели вы вообразили, что озолы растут на деревьях? Мне самому деньги нужны не меньше, чем любому другому. По сути — эх, что там вдаваться в подробности!

— Если вам так не хватает наличности, то из каких денег вы думаете образовать уставной фонд?

Лорд Генсифер беззаботно махнул рукой.

— Здесь нет проблем. В дело пойдет все, что нам удастся наскрести общими усилиями — например, ваши три тысячи окажутся весьма кстати. Ведь у всех у нас одна и та же цель.

Глиннес едва верил своим ушам.

— Мои три тысячи озовов? Вы хотите, чтобы я

авансировал уставной фонд? А вы берете себе долю владельца из общего выигрыша?

Лорд Генсифер, улыбаясь, откинулся к спинке кресла.

— А почему бы и нет? Каждый отдает все свои силы и средства общему делу и каждый имеет свою долю прибыли. Только так можно чего-нибудь добиться. И не стоит возмущаться по этому поводу.

Глиннес поставил на поднос свой кубок.

— Все делается совершенно не так. Игроки вкладывают свое мастерство, клуб заботится об общей казне. Я не дам вам ни озола. Я организую свою собственную команду.

— Одну минутку. Возможно, нам удастся выработать порядок, который удовлетворит всех нас. По правде говоря, я испытываю нехватку наличности. Вам нужны двенадцать тысяч озов за один сезон. Ваши три тысячи ничего не стоят без недостающих девяти.

— Ну, так уж ничего не стоят! Они представляют из себя десять лет службы в Гвардии.

Лорд Генсифер пропустил мимо ушей это высказывание Глиннеса.

— Предположим, вы авансируете казну клуба своими тремя тысячами озов. Первые же три тысячи озов, которые мы заработаем, будут отданы вам. Вы вернете себе свои деньги, и потом...

— Такой постановки вопроса не допустят остальные игроки.

Лорд Генсифер почесал подбородок.

— Что ж, деньги могут быть отданы из доли клуба в выигрыше — другими словами, из моего собственного кошелька.

— Предположим, такого кошелька не окажется. Предположим, что мы проиграем мои три тысячи озов? Что тогда? Ничего!

— В наши намерения не входит проигрывать! Будьте оптимистом, Глиннес!

— Мой оптимизм не распространяется далее принадлежащих мне денег.

Лорд Генсифер издал тяжелый вздох.

— Как я уже сказал, наше финансовое положение в данный момент находится в подвешенном состоянии... Предположим, мы договоримся вот как: вы авансируете казну клуба тремя тысячами озов, мы же для начала подыщем себе пятитысячные команды, которые без труда разгромим и доведем общую казну до десяти тысяч озов. Затем вступим в борьбу с командами, чей уставной фонд не

менее десяти тысяч озов. На этой стадии выигрыш будет распределяться, и три тысячи озов вам будут возвращены из доли клуба — для этого потребуется одна, максимум две игры. С этого времени я начну давать вам в долг половину клубной доли до тех пор, пока вы не наберете необходимые вам девять тысяч озов, которые вы сможете после этого по частям возвращать из своей обычной доли.

Глиннес попытался было произвести подсчет в уме.

— Я что-то ничего из этого не понимаю. Вы слишком уж далеко забежали.

— Все очень просто. Стоит нам выиграть пять десятитысячных игр, как вы получите нужные вам деньги.

— Если мы выиграем. Если же мы проиграем, то я останусь ни с чем. Даже без тех трех тысяч, которыми располагаю сейчас.

Лорд Генсифер помахал листом с составом команды.

— Эта команда не проиграет ни одной игры, заверяю вас в этом!

— У вас нет этой команды! У вас нет уставного фонда. У вас даже нет еще шейлы.

— Вот на это место отбою нет от претенденток, мой мальчик! На место шейлы в команде «Горгоны Флейриша»! Я уже переговорил с доброй дюжиной прелестных созданий.

— И все они, не сомневаюсь, имеют соответствующие удостоверения.

— Не бойся, мы сами это проверим! Подумать только, насколько это смехотворно! Голая девственница выглядит ничуть не лучше любой другой раздетой девки. Кто-то почует разницу?

— Команда. Это необъяснимо, согласен, но хассэйд сам по себе игра нелогичная, зачастую противоречащая всякому здравому смыслу.

— Вот за это я с удовольствием выпью! — провозгласил с некоторой горячностью лорд Генсифер. — Кому, черт побери, нужен этот самый здравый смысл? Разве что фаншерам и треванам!

Глиннес осушил кубок до дна и встал.

— Мне нужно вернуться домой и заняться своими собственными треванами. Глэй дал им полную свободу действий на Рабендари, и они принялись воровать все, что только попадется под руку.

Лорд Генсифер понимающе кивнул.

— Попробуй только не дать что-нибудь тревану — он возьмет вдвое больше, да еще и напакостит... Ну, а

если вернуться к трем тысячам олов, каково ваше решение?

— Я хочу все взвесить самым тщательным образом. Что же касается перечня игроков — сколько на самом деле дали свое согласие на участие в вашей команде?

— Ну..., несколько.

— Я переговорю со всеми и узнаю, насколько серьезны их намерения.

Лорд Генсифер нахмурился.

— Гмм. Давайте-ка еще подразмыслим над этим. Может быть, вы останетесь и пообедаете со мною? Сегодня вечером я совсем один, а обедать в одиночестве мне даже как-то неприятно.

— Это очень любезно с вашей стороны, лорд Генсифер, но я неподобающе одет для обеда в таком доме, как ваш.

Лорд Генсифер пренебрежительно махнул рукой.

— Сегодня мы отообедаем без особых церемоний — хотя я мог бы одолжить вам официальный наряд, если вы настаиваете.

— Никоим образом. С чего бы это мне быть таким щепетильным, если вы сами против всяких там формальностей.

— Сегодня мы пообедаем, не соблюдая условностей. Может быть, вам бы хотелось досмотреть до конца эту финальную игру?

— В общем-то, совсем не против.

— Прекрасно. Ралло! Свежего пуншу! Этот подрастерял свой smak.

Огромный овальный обеденный стол был накрыт для двоих. Лорд Генсифер и Глиннес сели напротив друг друга, разделенные белоснежным пространством скатерти. Серебро и хрусталь ярко сверкали в лучах, исходящих из многочисленных ламп люстры.

— Вам может показаться странным, — сказал лорд Генсифер, — что я могу вести такой, на первый взгляд, экстравагантный образ жизни и тем не менее быть без олов в кармане. Но все объясняется достаточно просто. Источником моих доходов являются капиталовложения, а вот с ними произошли некоторые неприятности. Старментеры разграбили несколько пакгаузов, и компания, в которую я вложил свой капитал, понесла огромные убытки. Со временем положение ее, разумеется, поправится, но пока что мои доходы едва ли покрывают расходы. Вам известно, кто такой Бэла Газзардо?

— Имя слышал. Старментер?

— Этот негодяй урезал мой доход почти что вдвое. Гвардия, похоже, никак не в состоянии с ним справиться.

— Рано или поздно, но его поймают. Выживают только те старментеры, которые остаются в тени. Но как только кто-либо приобретает известность, так сразу же наступает его черед.

— Бэла Газзардо — удачливый старментер вот уже в течение многих лет, — возразил лорд Генсифер. — Гвардия всегда оказывается в совсем ином месте.

— Рано или поздно, но его поймают.

Пока они так разговаривали, обед шел своим чередом, трапеза из доброй дюжины отлично приготовленных блюд, каждое из которых сопровождалось бутылками отменного вина. Глиннес даже задумался над тем, что жизнь в таком особняке, похожем на дворец, имеет немало привлекательных сторон, и в мечтах воспарил к такому будущему, где он зарабатывал бы двадцать или тридцать тысяч озов, или даже все сто тысяч озов, а Льют Касагэйв будет изгнан с острова Эмбл, освободив занимаемый им сейчас особняк. Вот будет тогда интересно заняться ремонтом, переоборудованием, меблировкой его! Глиннес увидел себя в роскошном наряде, принимающим у себя за столом целую толпу аристократов, таких, как, например, лорд Генсифер... И тут он рассмеялся при мысли об этом. Кого он станет приглашать на свои званые обеды? Акади? Харрада-младшего? Карбо Гилвега? Дроссетов? Хотя Дьюссана, в общем-то, выглядела бы необыкновенно прелестной в подобном окружении. Но воображение Глиннеса тут же включило в число гостей и всю остальную семейку, и возникшая перед его мысленным взором картина разлетелась вдребезги.

Уже было совсем темно, когда Глиннес в конце концов взобрался на борт своего скутера. Ночь выдалась ясная. Над головой висело бесчисленное количество звезд, увеличившихся в размерах до фонарей. Подогретый вином, величественными перспективами, которые открыл перед ним лорд Генсифер, опьяненный красотой ночного неба, отражавшегося в черной, зеркально гладкой воде, Глиннес на максимальной скорости пересек Озеро Флейриш и направил скутер в проток Зелм — этот путь был кратчайшим к родному Рабендари. В сравнении с величественным спокойствием тралльонской ночи собственные его неприятности были не более чем вызывающими некоторую досаду пустяками. Глэй и фаншерад? Всего лишь пунтик, шутовская гримаса, мимолетный

каприз. Марча и ее безрассудства? Пусть себе тешится, — ей ведь в самом деле абсолютно нечем себя занять! лорд Генсифер и его хитроумные планы? Они действительно могут осуществиться именно так, как надеется лорд Генсифер! Но ведь все это совершенно нелепо! Вместо того, чтобы увезти с собою одолженные девять тысяч олов, он едва ноги унес при своих кровных трех тысячах! Отчаянная нужда в деньгах, вот что, несомненно, подумалось Глиннесу, толкает лорда Генсифера носиться с планами создания чудо-команды. Независимо от того, насколько он гостеприимен и насколько якобы откровенен, лорд Генсифер все равно такой человек, с которым нужно держать ухо востро.

А тем временем скутер продолжал нестись по рукаву Зелм мимо густых зарослей войлочных деревьев по берегам его, под шатром из переплетенных над головой ветвей лантингов с их характерной мягкой и белой корой. Еще минута-другая, и вот он уже на просторах рукава Эмбл, где слабый бриз покрыл мелкой рябью водную гладь, превратив ее в сверкающий отражениями звезд чуть полощущийся на ветру роскошный переливчатый ковер. Справа показался остров Эмбл, увенчанный мохнатыми веерами фанзанилов — на фоне усыпанного сплошь звездами неба веера эти казались черными чернильными кляксами. И вот, наконец, остров Рабендари, милый сердцу Рабендари, до боли родной причал. В окнах дома свет не горел. Неужели дома никого нет? Куда подевалась Марча? Скорее всего, отправилась «навещать друзей».

Скутер привалился бортом к причалу, Глиннес вылез на старые, стонущие под его весом доски, быстро закрепил швартов и побрел к дому.

Где-то невдалеке послышался скрип обуви, крадущиеся шаги. Мелькнули какие-то тени, чьи-то темные силуэты перекрыли звезды, затем снова исчезли во тьме. Удары чем-то тяжелым обрушились на голову, затылок и плечи с такой силой, что огненные сполохи мелькнули в глазах, заскрежетали зубы, захрустели шейные позвонки, ноздри наполнились острым запахом нашатырного спирта. Глиннес упал на землю. Посыпался град тяжелых ударов по ребрам, по голове. Они, подобно ударам грома, жутким эхом отдавались в голове и как будто заполнили собой весь окружающий мир. Он попытался было откатиться чуть в сторону, свернуться комком, но мускулы отказались повиноваться.

Удары ногами прекратились, ощущение теперь было

такое, будто он плавает на поверхности чего-то настолько вязкого, что не дает возможности пошевелить ни единым членом. Как бы откуда-то со стороны он отметил, что чьи-то руки лихорадочно его обыскивают. В мозгу зазвонел хриплый шепот: «Нож достань, нож!» Еще несколько грубых прикосновений, затем повторный шквал страшных ударов ногами. Как показалось Глиннесу, где-то очень далеко раздался звонкий, беззаботный смех. Сознание его распалось, подобно каплям разлившейся ртути, на разрозненные фрагменты. Затем его охватило полнейшее ко всему равнодушие.

Шло время. Ковер из звезд неторопливо кружился высоко в небе. Медленно, очень медленно, с самых разных сторон отдельные фрагменты сознания начали снова собираться вместе.

Что-то сильное и холодное схватило Глиннеса за лодыжку, стало тащить вниз по дорожке, все ближе и ближе к воде. Глиннес застонал и растопырил пальцы, чтобы поглубже вцепиться ими в дерн, но это не помогло. Тогда он изо всех сил лягнулся, ноги его уткнулись во что-то мягкое, студнеобразное. Лодыжка освободилась. С огромным трудом приподнявшись на локти и колени, Глиннес медленно пополз вверх по дорожке. Мерлинг последовал за ним и возобновил свою хватку. Глиннес снова отшвырнул его ногами, и мерлинг заквакал с досады.

Корчась от боли, Глиннес перевернулся на спину. Извечные противники под усыпанным яркими звездами небосводом Тралльона, человек и мерлинг с ненавистью смотрели друг на друга. Затем Глиннес начал отползать назад, работая попеременно локтями и бедрами. Сначала на четверть метра, затем на полметра, затем еще ближе к дому. Видя, что добыча ускользает, мерлинг метнулся вперед. Спина Глиннеса ударилась о нижние ступеньки лестницы, что вела на веранду. Под ними на земле был сложен штакетник, нарезанный из ветвей старого шиповника. Глиннес перевернулся и начал на ощупь тыкаться руками под ступенькой. Пальцы его прикоснулись к одной из утыканной шипами штакетин. Мерлинг схватил его за ногу и снова поволок к воде. Глиннес бился о землю, как выброшенная на берег рыба, и, в конце концов, все-таки вырвавшись, снова пополз к веранде. Мерлинг издал омерзительный квакающий вопль и снова прыгнул вперед. Глиннес схватил одну из штакетин и ткнул ею прямо в пах обезумевшей от жадности твари. Она сразу же скорчилась в три погибели и отпрянула на-

зад. Глиннес бочком, отталкиваясь ногами и одной рукой, кое-как поднялся по ступенькам. В другой руке он продолжал сжимать штакетину, готовый в любой момент снова пустить ее в ход, но мерлинг больше уже не осмеливался приближаться к нему. Глиннес заполз в дом и усилием воли заставил себя подняться на ноги, после чего проковылял к выключателю и зажег свет. Его шатало из стороны в сторону, пульс ударами молота отдавался в голове, только какие-то размытые силуэты плыли перед глазами. Каждый вдох отдавался адской болью — по всей вероятности, у него были сломаны несколько ребер. Ничуть не меньшая боль пронизывала бедра, особенно в тех местах, которые напавшие на него обрабатывали с особой яростью, пытаясь искромсать в кашу промежность и не сделав этого только из-за плохого освещения. Вдруг лицо его исказилось от еще одной, только сейчас возникшей боли — он не нащупал в кармане бумажника. Затем заглянул в голенище сапога — исчез его замечательный нож из протеума.

Глиннес едва не задохнулся от ярости. Кто все это сделал? Скорее всего, Дроссеты. А тот звонкий веселый смех, который ему врезался в память, еще сильнее укрепил его уверенность в этом.

Глава 8

Наступило утро, но Марча так и не вернулась домой. Глиннес решил, что она провела ночь с любовником, и даже был доволен, что ее не было дома. Она начала бы подробно разбирать каждый аспект его поведения с момента возвращения на Рабендари, у Глиннеса же было явно не то настроение, чтобы ее слушать.

Проснувшись, он еще долго лежал на диване, испытывая мучительную боль в каждой косточке и пылая лютой ненавистью к Дроссетам. Затем нетвердой походкой прошел в ванную и внимательно осморел свое лицо, разукрашенное в чернь и пурпур. В аптечке он нашел болеутоляющую настойку, принял немалую дозу ее и снова безвольно опустился на диван.

Он продремал всю первую половину, пока в полдень его не разбудила мелодичная телефонная трель. Проко-

выдяв через всю комнату, он произнес в микрофон, стараясь не попасть в поле объектива видеокамеры:

— Кто звонит?

— Это Марча,— услышал он четкий голос матери.— Глиннес — это ты?

— Да, я.

— Тогда покажись. Мне не по себе, когда я разговариваю, не видя собеседника.

Глиннес громко нажал невпопад несколько кнопок на панели управления.

— Похоже, что залипла какая-то из кнопок. Вот теперь ты меня видишь?

— Нет. Впрочем, это не имеет такого уж большого значения. Я приняла решение. Акади давно уже приглашает разделить меня его кров, и теперь, когда ты вернулся и вскоре приведешь в дом женщину, я приняла его предложение.

Глиннес едва сдержал душивший его не очень-то веселый смех. Вот бы взревел от ярости его отец Джат!

— Я всей душой желаю тебе счастья, мама, и, пожалуйста, передай мои сердечные поздравления Акади.

Глаза Марчи округлились.

— Глиннес, твой голос звучит как-то странно. Ты здоров?

— Как бык — только вот немного охрип. После того, как ты обоснуешься на новом месте, я обязательно приду в гости.

— Вот и прекрасно, Глиннес. Побереги себя и будь, пожалуйста, помягче с Дроссетами. Если они хотят остаться на Рабендари, то что в этом плохого?

— Я серьезно обдумаю твой совет, мама.

— До скорого, Глиннес.

Экран погас.

Глиннес тяжело вздохнул и тут же лицо его перекосилось. Несколько ударов острой боли буквально пронзили его грудную клетку. Неужели сломано несколько ребер? Он ощупал свою грудную клетку пальцами, посильнее надавливая в самых нежных местах, но так и не пришел к какому-либо определенному выводу.

Вынес на веранду миску с овсяной кашей, он без всякого аппетита принялся за еду. Дроссеты, разумеется, убрались, оставив после себя множество всякого хлама и мусор, груды опавшей листвы и убогий туалет из веток и огромных листьев, обозначавший местоположение их стоянки. Совсем немного потрудившись ночью, они заработали три тысячи озовов, да еще и получили немалое удо-

вольствие, как следует отделав своего притеснителя. И сегодняшним утром покинули Рабендари в распрекрасном настроении.

Глиннес подошел к телефону и позвонил Эгону Римболду, врачу из Зауркаша. Описав в общих чертах природу своего недомогания, он в конце концов уговорил Римболда нанести визит на Рабендари.

Выйдя, едва волоча ноги на веранду, Глиннес опустился в одно из старинных плетеных кресел. Открывавшийся с веранды вид был, как всегда, безмятежен. Бледно-голубая дымка укутала дали. Остров Эмбл казался сказочным плавающим островом. Мысли его спутались, стали беспорядочными... Марча, делая вид, будто презирает принятые в аристократической среде обычаи, именно в надежде выйти замуж за аристократа и стала-то хассэйдной принцессой, не убоившись риска подвергнуться глгучему унижению — или испытать неземное блаженство, — представ в обнаженном виде перед глазами тысяч зрителей. И взяла-таки себе в мужья сквайра Рабендари Джата Халдена. Наверное, где-то в подсознании ее всегда маячили контуры особняка на Эмбле, однако ничто не могло убедить Джата переселиться туда... И вот Джата не стало в живых, Эмбл продан, и Марча обнаружила, что теперь уже ничто не удерживает ее на Рабендари... Чтобы возвратить остров Эмбл, ему нужно было отдать Касагэйву двенадцать тысяч и разорвать договор. Или доказать факт смерти Ширы, лишив тем самым законности сделку о передаче острова. Но двенадцать тысяч озовов не валяются на улице, а от человека, попавшего на обеденный стол мерлингов, очень редко что-нибудь остается... Глиннес стал рассматривать дорожку, спускающуюся от дома к причалу. Вон там его дожидались Дроссеты, прячась за кустами шиповника. Вон там они его избили. Вон там — следы, которые он оставил, пытаясь цепляться за дерн. А еще чуть ниже — безмятежная гладь фарванского русла.

Эгон Римболд прибыл в остроносом катере черного цвета.

— Покинув жаркие схватки в жарких краях, — произнес Римболд, — вы, похоже, угодили в нечто подобное у себя дома.

Глиннес рассказал ему о том, что произошло.

— Меня избили и ограбили.

Римболд бросил взгляд в сторону лесной опушки.

— Я что-то не усматриваю Дроссетов.

— Они ушли, но не забыты.

— Что ж, давайте-ка посмотрим, что мы можем для вас сделать.

После того, как Римболд тщательно обработал все ушибы и ссадины с помощью лучших на Аласторе лекарственных мазей, способствующих быстрому заживлению, Глиннес начал чувствовать себя сравнительно неплохо. Приводя в порядок и укладывая свой инструментарий, Римболд спросил:

— Как я полагаю, вы сообщили в полицию о нападении на вас?

— Честно говоря, мне это даже и в голову не пришло.

— Возможно, так-то оно и лучше. С Дроссетами лучше не связываться. Даже девчонка такая же бандитка, как и все остальные.

— Она у меня попляшет ничуть не меньше других, — пообещал Глиннес. — Не знаю, когда и каким образом я добьюсь этого, но никто из них не останется безнаказанным.

Римболд красноречивым жестом предложил ему умерить свой пыл, по крайней мере, быть поосторожнее и отчалил.

Глиннес еще раз внимательно осмотрел себя в зеркале. Теперь его внешность была куда более удовлетворительной, хотя и оставляла желать лучшего. Вернувшись на веранду и осторожно опустившись в кресло, он серьезно задумался над тем, как наилучшим образом отомстить Дроссетам.

Угрозы расправы могут принести какое-то удовлетворение, но в долговременной перспективе от этого вряд ли будет реальная польза.

Глиннеса охватило нетерпение. Все еще прихрамывая, он стал бродить по острову, заглядывая в каждый уголок, и не на шутку встревожился, видя повсюду запустение и беспорядок. Такое состояние было постыдным даже по далеко не строгим для триллов нормам, и Глиннес снова с раздражением подумал о Глзе и Марче. Неужели они не испытывали никаких теплых чувств к старому дому? Ничего, он приведет все в надлежащий порядок, и Рабэндари станет таким, каким он ему запомнился в детстве.

Сегодня он еще слишком слаб, чтобы приняться за работу. За неимением никаких других дел, Глиннес осторожно забрался в скутер и, обогнув Рабэндари с севера, направился к расположенному чуть западнее острову Гилвег, где в старом, много раз перестраивавшемся по мере увеличения семьи доме, жили его давнишние друзья Гилвеги. Остаток дня прошел в той типичной для триллов

беззаботной и веселой праздности, которую фаншеры считали проявлением лени, неряшливости и распушенности. Глиннесу же такое времяпрепровождение заметно добавило настроения: он пел старинные песни под аккомпанемент гитар и гармоник, шумно возился с гилвегскими девочками и всем этим настолько угодил Гилвегам, что они с охотой вызвались хоть завтра отправиться на Рабендари и помочь Глиннесу убрать все следы пребывания Дроссетов на острове.

Затем речь зашла, естественно, о хассэиде. Глиннес не преминул рассказать о своей встрече с лордом Генсифером и его планах создания команды «Горгоны Флейриша».

— Пока что, команда не более, чем список известных в округе имен. И все же, что, если все они соберутся вместе? Чего только на свете не бывает! Он хочет поставить меня в нападение, инсайдом. Я склоняюсь к тому, чтобы попытаться, пусть даже всего лишь из-за денег.

— Ха-ха,— воскликнул Карбо Гилвег.— Лорд Генсифер ни бельмеса не смыслит в хассэиде. И откуда у него могут появиться озолы? Вся округа знает, что он едва сводит концы с концами.

— Вовсе нет! — воспротестовал Глиннес.— Я обедал у него и могу поручиться, что он почти ни в чем себя не ограничивает.

— Может быть, но содержать сильную команду совсем иное дело. Ему понадобится большое количество комплектов формы и шлемов, солидная казна — тысяч пять озолов, не меньше. Сомневаюсь, что ему удастся реализовать свои замыслы. Кого он намеревается поставить капитаном?

Глиннес задумался.

— Я что-то не припоминаю, чтобы он кого-то выделял в качестве капитана.

— В этом-то и вся загвоздка. Если он начнет комплектование команды с пользующегося уважением капитана, то привлечет игроков даже более скептически настроенных, чем ты.

— Не думайте, что я такой уж простака! Я ничего ему не обещал, только выразил интерес к его планам.

— Тебе лучше бы обратить внимание на наших старых добрых зауркашских танхиар! — воскликнул Ао Гилвег.

— Честно говоря, нам не помешала бы пара хороших форвардов,— сказал Карбо.— Наша задняя линия — уж кому-кому, а мне это известно лучше других — ничуть

не уступает любой другой, а вот наших нападающих едва ли не силой приходится заставлять пересекать ров. Валяй к «Танхинарам»! Мы обчистим до последнего озола всю Префектуру Джолани.

— И насколько же велика ваша казна?

— Нам что-то никак не удается преодолеть барьер в тысячу озов, — признался Карбо. — Мы то выиграем игру, то проиграем. Если честно, у нас очень неровный состав. Старик Неронави — совсем не тот капитан, который способен вдохновить команду. Его канатом не оттащить от бакена и знает он всего лишь три атакующих построения. Я лично еще способен кое-что подправить в наших построениях, но это вряд ли особенно поможет.

— Только что ты окончательно убедил меня пристать к «Горгонам», — сказал Глиннес. — Я помню Неронави десятилетней давности. С таким же успехом капитаном мог бы быть и Акади.

— Вялость и равнодушие — вот что мешает команде, — заметил Оа Гилвег. — Ее нужно хорошенько расшевелить.

— Вот уже два года у нас нет красивой шейлы, — продолжал жаловаться Карбо. — Женлио Уэйд — этак стояла себе мирно, как глупая телка, а когда потеряла платье, то только несколько смутилась, вот и все. Барсилла Клофорес — слишком высокая и тощая. Когда ее раздевали, никто даже не удосужился взглянуть на нее. Вот она, обидевшись, и ушла из команды.

— У нас тут есть красивые шейлы... — Ао Гилвег показал большим пальцем на своих дочерей, Роланду и Беринду, — ...но они предпочитают хассэйдю несколько иные игры с парнями. Их теперь уже никак нельзя за-явить в составе команды.

Солнце опустилось совсем низко к горизонту, пришла пора эвнесса, эвнесс сменился сумерками, сумерки с каждой минутой сгущались все больше, и Глиннеса убедили провести ночь с Гилвегами.

Утром он вернулся на Рабендари и сразу же принялся расчищать стоянку Дроссетов. Его внимание привлекла одна особенность. Точно на том месте, где был костер, в земле была вырыта яма глубиной в четыре штыка лопаты. Сама яма оказалась пустой. Никаких разумных объяснений, для чего нужно было вырывать яму в самом центре погашенного старого костра, Глиннес так и не нашел.

В полдень на Рабендари высадились Гилвеги, и через два часа на острове не осталось даже малейших следов бывшего присутствия здесь Дроссетов.

Тем временем женская половина Гилвегов пригостила роскошнейший обед, даже не заглядывая в кладовку Марчи, прекрасно понимая, насколько она скудна. Марчу они давно уже не долюбливали — она слишком многое о себе воображала.

Гелвеги теперь знали обо всех тонкостях неприятностей, обрушившихся на Глиннеса, и их участие в его судьбе простиралось от простого сочувствия до иногда даже противоречащих друг другу советов. Ао Гилвегу, главе семьи, уже доводилось несколько раз разговаривать с Льютом Касагэйвом.

— Весьма практичный субъект, голова которого переполнена самыми разными планами! Он здесь, на Эмбле, совсем не для того, чтобы поправить свое здоровье!

— Для чужеземцев в этом нет ничего необычного, — безапелляционно заявила его жена Клара. — Многих их я повидала, все они такие нервные, суетливые, такие привередливые. Никто из них толком не знает, что жизнь может быть совсем другая, вполне нормальная.

— Касагэйв то ли не в меру застенчив, то ли слепой, — заметил Карбо. — Даже когда совсем рядом проходишь с его лодкой, он чуть приподнимет голову и больше ни гу-гу.

— Воображает, что слишком уж большой он аристократ, — презрительно фыркнув, сказала Клара. — Он, видите ли, слишком благородный, чтобы знаться с таким простым людом, как мы. Мы, видите ли, никогда даже не нюхивали тех вин, какими он балуется.

— А вы видели его слугу? — спросила Карренс, сестра Клары. — Ну и страхолюдина! По-моему, он — то ли горилла с Полгона, то ли вообще какая-то переводня. Его ноги никогда не будет в моем доме — чтоб я так жила!

— Что верно, то верно, — все тем же непререкаемым тоном продолжала Клара. — У этого слуги вид отъявленного негодяя. Попомните: рыбак рыбака видит издалека! Льют Касагэйв, можете не сомневаться, такая же дрянь, как и его слуга!

Ао Гилвег протестующе взмахнул руками.

— Будет! Будет! Хоть немножко пошевелите-ка мозгами! Ведь ничего еще не доказано в отношении любого из этих двоих. По правде говоря, их даже ни в чем не обвиняют!

— Он незаконным образом присвоил себе Эмбл! Разве этого недостаточно?

— Его, может быть, ввели в заблуждение. Кто может

поручиться, что это не так? А он, возможно, честен и ни в чем не повинен.

— Честный и невиновный человек отказался бы от незаконного приобретения!

— Точно! А может быть, Лют Касагэйв как раз и есть такой человек! — Ао повернулся к Глиннесу. — Ты обсуждал этот вопрос с самим Лютом Касагэйвом? Думаю, что нет.

Глиннес скептически поглядел в сторону острова Эмбл.

— Я, пожалуй, мог бы переговорить с ним. Но остается один непреложный факт: даже самый честный человек потребует вернуть его двенадцать тысяч озов, которые я пока что еще не в состоянии ему предложить.

— Отошли его к Глэю, которому он уплатил деньги, — посоветовал Карбо. — Ведь ему же надо удостовериться в том, что его права владения островом абсолютно законны до истечения годовичного срока. Не то плакали его денежки, если вдруг возьмет и объявится Ширы!

— Все это очень странно, действительно, очень странно... Неужели он абсолютно точно знал, что Ширы нет в живых? Если это так, то наводит на самые жуткие размышления.

— Чушь! — воскликнул Ао Гилвег. — Бери лучше-ка быка за рога — ступай и поговори с этим человеком. Вели ему освободить принадлежащую тебе собственность, а за своими деньгами пусть обращается к Глэю, к тому, кому он их давал.

— Клянусь дюжиной дьяволов, вы правы! — обрадовался Глиннес. — Все это совершенно ясно и очевидно — ему абсолютно нечем крыть! Завтра же утром я все это именно так и разъясню ему.

— Не забывай о судьбе Ширы! — сказал Карбо Гилвег. — У этого человека, может быть, нет ничего святого!

— Возьми на всякий случай с собой оружие, — посоветовал Ао Гилвег. — Ничто так быстро не успокаивает, как крупнокалиберный бластер.

— В данный момент у меня нет никакого оружия, — пожаловался Глиннес. — Эти негодяи-треване дочиста меня обобрали. И все же, я сомневаюсь в том, что мне понадобится оружие. Если Касагэйв — а я на это надеюсь — достаточно благоразумен, мы быстро достигнем взаимопонимания.

Причал Рабендари и остров Эмбл разделяло всего лишь несколько сотен метров спокойной воды, рассто-

яние, которое Глиннес перекрывал бесчисленное число раз. Никогда раньше этот путь не казался ему таким долгим.

На острове Эмбл царила тишина. Только серый катер Касагэйва указывал на его присутствие на острове. Глиннес пришвартовал свой скутер и выпрыгнул на причал с той раскованностью движений, какую позволяли ему до сих пор еще нывшие ребра. В соответствии с этикетом, перед тем, как начать подниматься по дорожке, он нажал кнопку звонка.

Особняк на Эмбле во многом напоминал особняк Генсифера: высокое белое здание довольно вычурной архитектуры. Во всех стенах были предусмотрены выступы с высокими окнами, крыша покоилась на пилястрах с многочисленными желобами и сама по себе представляла оригинальное сооружение с четырьмя куполами из матированного стекла и позолоченным шпилем в центре. Из дымовой трубы в небо не поднималось ни струйки дыма, ни единого звука не доносилось изнутри. Глиннес нажал кнопку дверного звонка.

Прошла минута. За окном в одном из эркеров почувствовалось какое-то движение, затем дверь приоткрылась и из нее выглянул Льют Касагэйв — мужчина значительно старше Глиннеса, тонконогий, сутулый, в обычном для чужеземца костюме свободного покроя из серого габардина. Серебристые волосы обрамляли болезненно-бледное лицо, на котором выделялись большой острый нос, вытянутые, плотно обтянутые кожей скулы и глаза цвета серого гранита и такие же холодные и равнодушные. Выражение лица Касагэйва свидетельствовало о немалом и быстром уме его владельца, но совсем не казалось лицом человека, который способен пожертвовать двенадцатью тысячами озовов во имя абстрактной справедливости.

Касагэйв молча уставился на Глиннеса, ожидая от него разъяснения причины его появления, не задавая сам каких-либо вопросов и даже не поздоровавшись.

— Прошу прощения, но у меня не очень-то хорошие новости для вас, Льют Касагэйв, — вежливо произнес Глиннес.

— Обращаясь ко мне, называйте меня, пожалуйста, лордом Эмблом.

У Глиннеса от изумления едва не отвалилась нижняя челюсть.

— «Лордом Эмблом»?

— Именно так я предпочитаю называться.

Глиннес с сомнением покачал головой.

— Я вовсе не исключаю вашей принадлежности к

высшим аристократическим кругам, тем не менее, вы никак не можете быть «Лордом Эмблом», поскольку остров Эмбл не является вашей собственностью. Это как раз та нехорошая новость, которую я имел в виду.

— Кто вы?

— Глиннес Халден, сквайр Рабендари и владелец острова Эмбл. Вы дали моему брату Глэю деньги за собственность, правами владения которой он злоупотребил. Положение неприятное. Я, разумеется, не стану взыскивать с вас плату за то время, что вы здесь прожили, но боюсь, что вам придется подыскивать другое местожительство.

Брови Касагэйва сошлись на переносице, глаза сделались узкими щелками.

— Вы порете чушь. Я являюсь подлинным лордом Эмблом, прямым потомком того лорда Эмбла, которого незаконно заставили расстаться с собственностью предков. Продажа ее с самого начала была недействительной. Хотя бы вследствие того, что титул Халденов был недостаточно высок для вступления в права владения подобной собственностью. Будьте благодарны за полученные вами двенадцать тысяч олов. При желании я мог бы ничего не заплатить.

— Вот те на! — вскричал Глиннес. — Остров был продан моему прадеду. Эта сделка зарегистрирована в нотариальной конторе в Уэлгене и не может быть аннулирована!

— Я в этом не уверен, — ответил Льют Касагэйв. — Вы — Глиннес Халден? Для меня это имя ничего не означает. Шира Халден — вот то лицо, у которого я приобрел собственность, а ваш брат Глэй выступал в роли посредника.

— Шира мертв, — сказал Глиннес. — Эта сделка с самого начала не что иное, как мошенничество. А вам я предлагаю взыскать свои деньги с Глэя.

— Ширы нет в живых? Откуда вам это известно?

— Он мертв, по всей вероятности, убит мерлингами. А его тело они уволокли в воду.

— «По всей вероятности?» Такой оборот не предусмотрен законоположением. Заключение мною сделка совершенно законна, и такою и останется, если вы не докажете обратное или сами не умрете, тогда в этом случае вопрос станет спорным.

— В мои намерения не входит умереть, — сказал Глиннес.

— А разве это только от нас самих зависит?

— Вы мне сейчас угрожаете?

Касагэйтв в ответ только издал короткий, сухой смешок.

— Вы сейчас находитесь на острове Эмбл без моего на то разрешения. У вас есть десять секунд на то, чтобы его покинуть.

Голос Глиннеса задрожал от бешенства.

— Как раз наоборот — это я даю вам три дня — повторяю, три, и ни днем больше — для того, чтобы убраться восвояси с принадлежащей мне территории!

— А что после? — язвительно спросил Льют Касагэйтв.

— Сейчас это вас не касается. Узнаете, если посмеете остаться здесь далее назначенного мною срока.

Касагэйтв издал пронзительный свист. Послышались чьи-то тяжелые шаги. За спиной у Глиннеса появился великан ростом намного выше двух метров и весом в полтора центнера. Кожа у него была цвета тиковой древесины, черные волосы скорее напоминали мех. Касагэйтв резким движением кулака с оттопыренным большим пальцем показал на причал.

— Или сейчас же в свою лодку, или в воду.

Глиннес, все еще ощущая боль от побоев, не рискнул подвергнуть себя еще одному избиению и медленно побрел вниз по дорожке. Лорд Эмбл? Какая пародия! Так вот что побудило Касагэйтва заняться генеалогическими изысканиями!

Оттолкнувшись от причала и выйдя на середину протока, Глиннес обошел на небольшой скорости остров Эмбл со всех сторон. Никогда еще он не казался ему таким привлекательным. Что если Касагэйтв проигнорирует трехдневный предельный срок — а он именно так и собирался поступить? Глиннес печально покачал головой. Угрозами применить силу он только навлечет на себя крупный штраф. Вот если бы удалось доказать факт смерти Ширы, то тогда все стало бы на свои места.

Глава 9

Акади жил в старинном особнячке затейливой архитектуры на самой оконечности мыса, известного под названием Акулий Зуб и омываемого с трех сторон во-

дами Залива Клинкхаммер, в нескольких милях от Рабендари. Акулий Зуб представлял из себя высокую скалу из выветрившихся черных горных пород, бывшую, скорее всего, конусом какого-то древнего вулкана, но со временем обильно поросшую кустарниками и карликовыми помандерами, а с тыльной стороны — еще и зарослями стройных деревьев, в чем-то напоминающих гигантских часовых. Особнячок Акади, каприз какого-то давно забытого лорда, вздымал к небу пять башен, каждая из которых отличалась от других высотой и архитектурным стилем. • Одна была покрыта шифером, другая — черепицей, третья — зеленым стеклом, четвертая — свинцовыми листами, пятая — синтетическим покрытием. Верхний этаж каждой из башен представлял из себя особый рабочий кабинет с набором специфической для каждого из них аппаратуры и приспособлений и прекрасным обзором в том или ином направлении. Акади попеременно пользовался этими кабинетами в зависимости от того, какое было у Акади настроение. Акади без тени смущения потворствовал своим причудам, а непостоянство возвел в ранг добродетели.

Ранним утром, когда ключья тумана еще клубились у самой поверхности воды, Глиннес направил свой скутер вверх по течению фарванского русла, а дальше — вверх по реке Заур, пока не свернул круто на запад и, пройдя по узкому, густо поросшему камышами протоку Вернис, вышел в залив Клинкхаммер, гладь которого отражала вдвое вытянутый в длину пятибашенный особняк Акади.

Сам Акади только-только поднялся с постели, смятые волосы свисали нерасчесанными прядями, глаза — едва ли наполовину открыты. Тем не менее он приветливо поздоровался с Глиннесом.

— Только, пожалуйста, не обременяй меня своими делами до завтрака. Я пока что еще довольно смутно воспринимаю окружающий меня мир.

— Я пришел повидаться с матерью, — сказал Глиннес. — И в ваших профессиональных услугах не нуждаюсь.

— В таком случае говори, что хочешь.

Марча, всегда поднимавшаяся очень рано, показалась Глиннесу чем-то недовольной и держалась натянуто. С сыном она поздоровалась без особого проявления чувств, подала Акади на завтрак фрукты и чай со сдобными булочками и налила чаю Глиннесу.

— Начинается день, — произнес Акади, — и я в какой уже раз с удовольствием отмечаю, что мир существует и

за пределами этой комнаты.— Отпив чаю, он затем спросил: — Ну, а каковы твои дела?

— Такие, как и следовало ожидать. Мои неприятности не исчезают по мановению руки.

— Иногда,— заметил Акади,— неприятности бывают такие, которые сам себе создаешь.

— В моем случае именно так оно и есть,— сказал Глиннес.— Я прилагаю все свои силы к тому, чтобы вернуть себе то, что мне принадлежит, и сберечь, что осталось, но своими действиями только еще больше подзадориваю своих недругов.

Марча, хлопоча по кухне, слишком уж вызывающе старалась показать свое безразличие к этому разговору.

— Виноват, в основном, разумеется, Глэй. Заварил всю эту кашу, а сам в кусты. Такое поведение я расцениваю непростительным. И это еще называется Халден и мой родной брат!

Тут уж Марча не выдержала.

— Сомневаюсь, что его так уж интересует, Халден он или нет. А что касается братских чувств, то они должны быть взаимными. Ты-то, позволь тебе напомнить, несколько не помогаешь ему в его заботах.

— Слишком дорого они мне обходятся,— сказал Глиннес.— Глэй может позволять себе делать подарки ценою в двенадцать тысяч озов, потому что эти деньги никогда ему не принадлежали. Мне удалось скопить почти три с половиной тысяч озов, но загадочные дружки Глэя — Дроссеты, отняли их у меня. Я остался нищим.

— У тебя остров Рабендари. Ничего себе нищий!

— Наконец-то ты признаешь, что Ширы нет в живых.

Акади примирительно поднял руки.

— Будет, будет! Давайте лучше отправимся пить чай наверх, в Южную Ложу. Поднимайся по лестнице, но будь осторожен — ступеньки узкие.

Они забрались в самую низкую и наиболее просторную башенку, откуда просматривался весь Клинкаммерский Залив. Вдоль темных панелей Акади развесил старинные хоругви, в углу стояла целая коллекция красно-керамических ваз причудливой формы. Акади поставил чайник и чашки на бамбуковый стол и жестом руки предложил Глиннесу подтянуть к столу еще одно из старинных бамбуковых кресел со спинкой из расходящихся веером прутьев.

— Когда я предлагал твоей матери войти в мой дом,

я не рассчитывал при этом на семейные раздоры в качестве приданого.

— Сегодня утром я, наверное, немного не в духе, — признался Глиннес. — Дроссеты подстерегли меня в темноте, крепко отделали и забрали все мои деньги. По этой причине я не сплю по ночам, внутри меня все кипит и выворачивается от ярости.

— Положение отчаянное, мягко говоря. Ты планируешь какие-нибудь контрмеры?

Глиннес стрельнул в Акади скептическим взглядом.

— Все мои помыслы на это только и направлены! Но все, что приходит мне в голову, оказывается неприемлемым. Я мог бы убить одного или двух Дроссетов и закончить жизнь на прутаншире, но денег-то от этого у меня не прибавится. Мог бы подсыпать снотворного в вино и переруть всю их стоянку, пока они спят, но у меня нет такого снотворного, а даже, если бы и было, то каким образом я мог бы проверить, что они все выпили этого вина?

— Подобные подвиги придумать куда легче, чем осуществить, — заметил Акади. — Но позволь мне изложить вот какую мысль. Тебе известно существование такого места, как Урочище Ксиан?

— Никогда там не бывал, — сказал Глиннес. — Насколько я понимаю, это место погребения треван.

— Даже куда более. Птица Смерти прилетает из Долины Ксиан, и умирающий слышит ее пение. Души умерших треван находят отдохновение в сени огромных омбрилов, которые больше нигде не растут на Мерланке. Так вот — вся суть как раз в этом! — если ты найдешь фамильный склеп Дроссетов и утаишь у себя одну из погребальных урн, Ванг Дроссет пожертвует целомудрием своей дочери, чтобы вернуть ее.

— Меня не интересует — или, скажем, едва ли интересует — целомудрие его дочери. Я только хочу вернуть свои деньги. Но ваша мысль достойна самого пристального внимания.

Акади протестующе поднял руки.

— Ты очень любезен. Но это предложение столь же абсурдное и бредовое, как и все остальные. Реализация его сопряжена с непреодолимыми трудностями. Вот, например, первая же из них: каким образом тебе удастся узнать местонахождение склепа? Спросить разве что у самого Дроссета. Если ты ему настолько по душе, что он готов поделиться с тобой главной тайной своего существования, то тем более он не откажет тебе ни в твоих озолах, ни в услугах своей дочери. Но, допустим, что ты так оча-

руешь Ванга Дроссета, что он поделится тайной, и ты отправишься в Долину Ксиан. Каким образом удастся тебе избежать Трех Ведьм, не говоря уже о призраках?

— Не знаю, — ответил Глиннес.

Какое-то время чаепитие сопровождалось обоюдным молчанием, затем Акади спросил:

— Ты познакомился с Льютом Касагэйвом?

— Да. Он наотрез отказался покинуть остров Эмбл.

— Естественно. Такие, как он, не выбрасывают на ветер двенадцать тысяч озов.

— Он утверждает, что он — лорд Эмбл.

Акади даже чуть приподнялся, глаза его забегали, лихорадочно заработал ум. Такой поворот дела давал Акади по-настоящему богатую пищу для размышлений. Несколько опечаленный, он покачал головой и снова устроился в кресле поудобнее.

— Невероятно. Просто невероятно. И, в любом случае, совсем не к месту. Боюсь, тебе придется смириться с утратой острова Эмбл.

— Я не в состоянии смириться даже с малейшей утратой чего-либо! — с жаром воскликнул Глиннес. — Будь то хассэйд, будь то остров Эмбл, по мне все равно — я никогда не сдамся просто так! То, что мое — то мое!

Акади поднял ладонь.

— Успокойся. Я поразмыслю над этим на досуге и, кто знает, что еще может прийти мне в голову? Гонорар — пятнадцать озов.

— Пятнадцать озов! — возмутился Глиннес. — За что? Все, что вы сделали, это посоветовали мне успокоиться.

— Я дал тебе тот нейтральный ответ, который зачастую столь же ценен, как и целая развернутая программа действий. Например, предположим, ты у меня спросил бы: «Можно ли перемахнуть отсюда в Уэлген одним прыжком?» Я бы изрек только одно слово «Невозможно!», чтобы уберечь тебя от изнурительных и бесполезных тренировок, и этим оправдал бы гонорар в двадцать или даже в тридцать озов.

Глиннес сумрачно улыбнулся.

— В данном конкретном случае вы не уберегли меня от каких-либо бессмысленных действий. Вы не сказали мне ничего такого, чего бы я уже не знал. Вы должны рассматривать нашу беседу как чисто дружескую.

Акади пожал плечами.

— Ну что ж, будь по-твоему.

Они спустились на нижний этаж, где Марча с увле-

чением читала издававшийся в Порт-Мэхьюле журнал «Светская хроника».

— До свидания, мама,— сказал Глиннес.— Спасибо за чай.

Марча оторвалась от журнала.

— Очень рада, разумеется, встрече с тобой,— бросила она вслед Глиннесу и снова зарылась носом в журнал.

Пересекая по пути назад Клинкхаммерский Залив, Глиннес задумался над тем, почему Марча недолюбливает его, хотя в глубине души прекрасно знал ответ на этот вопрос. Не Глиннеса недолюбливала Марча — ей не по нраву был Джат и его «вульгарное поведение». Его попойки, зычное пение, грубые ласки и вообще отсутствие должного лоска. Глиннес, хотя и был более воспитанным и покладистым, чем его отец, напоминал ей Джата. Между ними никак не могли возникнуть по-настоящему теплые отношения. Ну и ничего страшного, подумалось Глиннесу. Он тоже не питал такой уж особой любви к матери...

Глиннес направил скутер в Сеурское горло реки Заур, огибавшее Муниципальный остров с северо-востока. Повинуясь какому-то не вполне осознанному импульсу, он сбавил скорость и свернул к берегу. Уткнувшись носом лодки в камыши, он привязал ее к стволу плакучей ивы и вскарабкался на ближайшее же возвышение на берегу, откуда легко просматривался остров.

В трехстах метрах от него, рядом с рощицей черных свечных орехов, раскинули свои три палатки Дроссеты — все те же прямоугольники тускло-оранжевого, черного и грязно-бордового цвета, которые так резали глаза Глиннеса на Рабендари. Сидевший на скамейке Ванг Дроссет склонился то ли над дыней, то ли над «казальдо». Тинго в лиловой косынке на голове сидела на корточках перед костром, разделявая какие-то клубни и бросая их в котел. Молодняка — ни Эшмора и Харвинга, ни даже Дьюссаны — нигде не было видно.

Глиннес наблюдал за старшими Дроссетами в течение пяти минут. Ванг Дроссет разделался с «казальдо» и шелуху бросил в костер. Затем, опершись ладонями о колени, повернулся к Тинго и что-то ей сказал. Она же продолжала и дальше готовить похлебку.

Глиннес вприпрыжку спустился к скутеру и на полной скорости помчался домой.

Через час он снова вернулся. Когда Глэй жил среди треван, он одевался точно так же, как и они. Теперь в эту одежду облачился Глиннес, не забыв и характерную для

треван чалму. На днище скутера со связанными ногами и обмотанной тряпьем головой лежал молодой «прыгун». Туда же Глиннес поставил три пустые картонные коробки, несколько хороших железных кастрюль и еще прихватил лопату.

Причалив лодку к берегу в том же самом месте, он сразу же поднялся на возвышение и осмотрел стоянку Дроссетов в бинокль.

Котел с похлебкой все так же кипятился над костром. Тинго нигде не было видно. Ванг Дроссет сидел на скамейке и вырезал из куска дерева курительную трубку в виде головы дракона. Глиннес напряг зрение. Неужели Ванг Дроссет пользуется его ножом? Мелкие щепки и стружка без всяких усилий со стороны Дроссета отделялись от заготовки, и Ванг Дроссет время от времени одобрительно поглядывал на левие.

Глиннес выволок «прыгуна» из скутера и, освободив его голову от тряпья, привязал животное за заднюю ногу к стволу дерева так, чтобы оно могло забрести на несколько метров на территорию общинных земель. После этого сам он спрятался в кустах и обмотал свободным концом чалмы нижнюю часть лица.

Ванг Дроссет закончил вырезать дракона, выпрямился, потянулся — и заметил прыгуна. Какое-то мгновение просто глядел на него, затем встал, осмотрелся. Вокруг никого не было. Вытер нож и засунул за голенище сапога. Из палатки вынырнула голова Тинго. Ванг Дроссет что-то сказал ей, она вышла из палатки и поглядела подозрительно на прыгуна. Ванг Дроссет решительно направился к животному. В десяти метрах от него сделал такой вид, будто видит его в первый раз в жизни и даже остановился как бы в изумлении. Заметив веревку, проследил ее до самого ствола ивы. Затем осторожно сделал четыре шага вперед, вытянув шею. Увидев лодку, остановился как вкопанный, жадными глазами пожирая ее груз. Лопату, несколько нужных в хозяйстве кастрюль. Особый интерес у него вызывало то, что могло содержаться в коробках. Проведя языком по пересохшим губам, он бросил быстрый взгляд сначала направо, затем налево. Странно. Наверное, это какая-то детская шалость. И все же, почему бы не заглянуть в коробки? Особо вреда от этого определенно не будет.

Ванг Дроссет осторожно подошел к самой воде и так и не понял, что же это вдруг на него свалилось. Глиннес, уже не в силах сдерживать накопившуюся в его жилах ярость, бросился вперед и едва не снес с плеч голову Ванга

Дроссета двумя чудовищными ударами в каждое ухо. Ванг Дроссет повалился на землю. Глиннес уткнул его лицо в прибрежную тину, связал руки за спиной, и туго перетянул колени и лодыжки куском веревки, специально припасенной именно для этой цели. Затем заткнул рот кляпом и завязал глаза Ванга Дроссета, который издавал теперь хриплые стоны.

Нож, извлеченный из голенища черного сапога Дроссета, конечно же, оказался его ножом! Глиннес радовался, как ребенок, снова держа в руках это чудо-лезвие. С его помощью он быстро обыскал одежду Ванга Дроссета, вспарывая ее во всех привлечших особое внимание местах. В кошельке Дроссета было всего лишь двадцать олов, однако Глиннес не побрезговал и ими. Затем стащил с Ванга Дроссета сапоги и вскрыл подошвы. Ничего не найдя, отшвырнул искромсанные сапоги в сторону.

При себе у Ванга Дроссета не оказалось крупной суммы денег. Глиннес разочарованно лягнул его под ребра, затем, глянув вглубь острова, заметил Тинго, бредущую к шалашу, служившему туалетом. Взвалив прыгуна на плечо и прикрывая им лицо, Глиннес решительным шагом направился к стоянке. К блекло-красной палатке он успел подойти как раз к тому времени, когда Тинго Дроссет уже справила свою нужду. Он заглянул в палатку. Никого. Затем подошел к оранжевой. Тоже никого. Глиннес прошел внутрь и услышал у себя за спиной голос Тинго Дроссет:

— Сдается, неплохая животино. Только зачем ты затащил ее внутрь? Что с тобою? Прирежь ее у воды.

Глиннес опустил животное и затаился. Тинго Дроссет, продолжая укорять мужа за такое странное поведение, зашла в палатку. Глиннес накинул ей на голову чалму и повалил на землю. Тинго Дроссет встретила громким криком и ругательствами такую неожиданную выходку со стороны мужа.

— Еще один звук,— прорычал Глиннес,— и я передрежу тебе горло от уха до уха! Лежи тихо, если тебе жизнь дорога!

— Ванг! Ванг! — пронзительно завопила Тинго Дроссет. Глиннес заткнул ей рот концом чалмы.

Тинго оказалась сильной и очень верткой, и Глиннесу пришлось здорово поднапрячься, чтобы крепко связать ее по рукам и ногам, заткнуть рот кляпом и обмотать глаза тряпьем. Она умудрилась очень больно укусить Глиннеса за руку, после чего у нее у самой затрещала башка от ответного удара. Вряд ли семейные деньги могли оказать при Тинго, однако, памятуя о том, что много несурраз-

ностей встречается в мире, Глиннес осторожно общупал ее одежду, не обращая внимания на ее стоны и хрипы, на то, как отчаянно она билась и извивалась всем телом от затуманившего сознание ужаса в ожидании самого худшего.

Глиннес обыскал черную палатку, затем оранжевую, в углу которой Дьюссана выставила в ряд несколько безделушек и подарков на память, и, наконец, красную. Денег он не нашел, да на это он и не надеялся. Треване, как правило, закапывали в землю все ценное, что у них было.

Присев передохнуть на скамейку Ванга Дроссета, Глиннес сразу же задался вопросом: где бы он сам закопал деньги, окажись он на месте Ванга Дроссета? Это место должно находиться в непосредственной близости к стоянке и иметь четко выраженную отличительную особенность, чтобы исключить возможность ошибки.

Столб, камень, куст, дерево. Место это должно всегда находиться в поле зрения — Ванг Дроссет определенно хотел бы держать тайник под ненавязчивым наблюдением. Глиннес пробежал взглядом по стоянке. Прямо перед ним над костром висел котел с приготовленной пищей, рядом с ним — грубо сколоченный стол и пара скамеек. Всего лишь в каком-то метре от стола на земле четко виднелись следы от еще одного костра. Старое место для костра выглядело куда более предпочтительным, чем то, где сейчас висел котел. Привычки треван, подумалось Глиннесу, столь своеобразны, что вряд ли стоит искать рациональное объяснение перемены местоположения костра. В стойбище на Рабендари... Глиннес мысленно перенесся в стойбище на Рабендари, вспомнил, какое недоумение вызвало у него свежескопанная земля на том месте, где находился костер.

Лицо Глиннеса просветлело. Вот именно. Он поднялся и подошел к костру. Отодвинул треножник с котлом и, пользуясь подвернувшейся под руку старой лопатой со сломанным черенком, отшвырнул в сторону головешки. Пригоревшая земля под ними поддалась без особых усилий. На глубине в четверть метра штык лопаты стал скрести по стальному листу. Глиннес поддел лист и увидел под ним слой рыхлой сухой глины, который он тоже удалил. В полости под глиной лежал кувшин из красной обожженной глины. Глиннес извлек кувшин и обнаружил в нем целую пачку черно-красных сотенных банкнот. Удовлетворенно кивнув, Глиннес сунул всю пачку к себе в карман.

Пошипывающий травку прыгун тем временем опорожнился. Глиннес соскреб помет прыгуна в кувшин, положил его на прежнее место и восстановил все, как бы-

ло, с потрескивающими головешками под котлом. На первый взгляд ничего, казалось, не было потревожено.

Взвалив на плечи прыгуна, Глиннес быстрым шагом направился к тому месту, где спрятал в камышах скутер. Ванг Дроссет, не оставляя попыток высвободиться, так ничего и не добился и только скатился в прибрежную тину у самой воды. Глиннес не отказал себе в удовольствии весело улыбнуться, но ощущая у себя в кармане тяжесть бывшего достоинства Ванга Дроссета, воздержался от того, чтобы еще раз другой лягнуть скрюченное в три погибели тело поверженного недруга. Привязав прыгуна на корме, он вихрем выскочил на чистую воду. В сотне метров от стоянки Дроссетов Глиннес увидел на берегу огромную иву, распростершую далеко над поверхностью воды прогнувшиеся под тяжестью листвы ветки. Глиннес подогнал скутер прямо через камыши к одному из перекрытых корней, уходящих в воду, перебросил фалинь вокруг корня, закрепил его, затем сам прыгнул на этот корень и вскарабкался на ветки. Сквозь пробелы в листве просматривалась стоянка Дроссетов. Пока что там было все спокойно.

Глиннес устроился поудобнее среди ветвей и сосчитал деньги. В первой пачке, отделившейся от общего, свернутого в трубку пакета, он насчитал три тысячных купюры, четыре сотни и шесть десятков. Самодовольно хохотнув, он удалил ленту со второй пачки и обнаружил четырнадцать сотенных купюр и золотой брелок. Именно он, а не деньги, привлек особое внимание Глиннеса. При виде его у Глиннеса по всему телу пошли мурашки, затылок покрылся холодным потом. Слишком уж хорошо он помнил этот брелок — он принадлежал его отцу. Что подтверждала и выгравированная на нем идеограмма, обозначающая имя «Джат Халден». А чуть ниже еще более отчетливо была видна вторая группа символов, расшифровывавшаяся как «Шира Халден».

Существовали две возможности: Дроссеты либо ограбили Ширу, когда тот был еще живой, или сняли брелок с его трупа. И это закадычные дружки его братца Глэя! Глиннес со злости сплюнул на землю.

Теперь он сидел на ветке, взбудораженный сделанным им открытием, охваченный омерзением и ужасом. Ширы действительно нет в живых. Иначе Дроссеты никак не смогли бы отобрать у него деньги. Глиннес теперь уже несколько не сомневался в этом.

Превратившись весь в зрение и слух, он продолжал терпеливо ждать. От бывшей приподнятости не осталось и следа. Вскоре покинул его и ужас — Глиннес продолжал

сидеть в оцепенении. Прошел час, затем еще полчаса. С причала на берегу протока Илфиш стали подниматься трое: Эшмор, Харвинг и Дьюссана. Эшмор и Харвинг направились сразу же к оранжевой палатке. Дьюссана же приостановилась, услышав, по-видимому, какие-то звуки, издаваемые Тинго, затем вбежала в красную палатку и мгновенно высунула из нее голову, чтобы позвать братьев. После этого она снова исчезла в палатке, где к ней сразу же присоединились Эшмор и Харвинг. Через пять минут они один за другим вышли из палатки и завели шумный разговор, оживленно жестикулируя и перебивая друг друга. Вслед за ними из палатки вышла Тинго, по-видимому, несколько не пострадавшая после того, что с нею произошло. Она обвела рукой стоянку. Эшмор и Харвинг тотчас же принялись обыскивать окрестности и вскоре нашли Ванга Дроссета и развязали его, после чего все трое двинулись к палаткам. Ванг Дроссет ковылял босиком, плотно прижимая к телу отдельные части вдоль и поперек изрезанной своей одежды. Подойдя к стоянке, он внимательно осмотрелся, обратив особое внимание на костер и придя к заключению, что он, по-видимому, остался нетронутым.

Только после этого он вошел в красную палатку, оставив сыновей лицом к лицу с истерически кричавшей Тинго. Когда Ванг Дроссет вышел из красной палатки, он был снова полностью одет. Подойдя вплотную к Тинго, с размаху влепил ей пощечину. Она отпрянула, продолжая истошно вопить. Он подошел к ней еще раз. Тинго схватила толстенную ветвь и нестронулась с места. Ванг Дроссет плюнул со злости и оставил ее в покое, занявшись теперь более внимательным осмотром костра. Вдруг он резко наклонил голову и увидел золу на том месте, куда Глиннес отпихнул горящие головешки. Из горла его исторгся хриплый крик, донесшийся даже до притаившегося в листве Глиннеса. Отшвырнув в сторону треножник, Ванг Дроссет ногами разбросал горящие поленья и голыми руками вырвал из земли стальной лист. Затем выгреб сухую глину. Затем извлек кувшин. Заглянул внутрь. Повернул голову к Эшмору и Харвингу, которые выжидающе стояли рядом.

Ванг Дроссет воздел руки высоко вверх в по-своему даже величественной позе, выражавшей крайнюю степень отчаянья, затем швырнул кувшин оземь. Он подпрыгивал на черепках, яростно давя их ногами. Он набросился на костер и далеко расшвырнул полыхающие огнем головешки. Он сцепил пальцы: высоко подняв над головой обе руки, и изрыгал проклятья на все четыре стороны света.

Самое время убираться отсюда, решил Глиннес. Со-

скользнув с дерева, он забрался в скутер и направился прямехонько на Рабендари. День сложился в высшей степени удачный для него. Наряд тревана позволил ему оставаться неопознанным. Дроссеты теперь могут только подозревать кого-нибудь, но никакими прямыми уликами не располагают. В данный момент под подозрением оказались все треваны в округе, и сегодня Дроссеты проведут бессонную ночь, споря до хрипоты в отношении того, кто является их обидчиком.

Глиннес сам приготовил обед и поел на веранде. День клонился к эвнессу, тому грустному часу его угасания, когда все небо и дали мало-помалу приобретают цвет разбавленного водой молока.

Светлую печаль эвнесса всколыхнула неожиданно зазвучавшая телефонная трель. Глиннес прошел внутрь дома и увидел на экране лицо лорда Генсифера.

— Добрый вечер, лорд Генсифер, — произнес Глиннес, нажав кнопку включения передающей видеокамеры.

— Добрый вечер, Глиннес Халден! Вы готовы к тому, чтобы играть в хассэйд? Я не имею в виду, разумеется, прямо сейчас.

Глиннес ответил на вопрос своим собственным осторожным вопросом.

— Насколько я понимаю, ваши планы созрели?

— Да. Команда «Горгоны Флейриша» наконец-то организована и готова приступить к тренировкам. В заявленном мною составе я вас записал правым инсайдом.

— А кто левый инсайд?

Лорд Генсифер заглянул в свой перечень.

— Очень обещающий молодой человек по имени Сават. Вы вдвоем составите изумительный тандем.

— Сават? Никогда не слышал о нем. А кто на краях?

— Лючо и Хелзинг.

— Гмм. Мне не знакомо ни одно из этих имен. Этих игроков вы с самого начала имели в виду принять в команду?

— Лючо — разумеется. Что касается остальных — что ж, тот перечень был предварительным. В него вносились поправки при появлении любой возможности усилить состав. Как вы прекрасно понимаете, Глиннес, некоторые из игроков с установившейся репутацией не обладают достаточной гибкостью ума. Мы лучше обойдемся теми, кто желает и еще способен учиться. Энтузиазм, спортивная злость, преданность флагу! Вот качества, необходимые для победы!

— Понятно. Кто еще внесен в заявку?

— Искелац и Уилмер Гафф в полузащите — ну как, звучит? Двое лучших полузащитников во всей префектуре! Защитники — Рамос в качестве стоппера и Пайлен, который тоже очень хорош. Синфоретта и «Тумба» Кэндольф не очень-то подвижны, зато надежны. Их никто даже с места не сдвинет. Я — в роли капитана и...

— Что? Я, случайно, не ослышался?

Лорд Генсифер нахмурился.

— Роль капитана я отвожу себе, — ровным голосом произнес он. — Вот более или менее состав команды без запасных игроков.

Глиннес задумался, затем спросил:

— А каков первоначальный капитал?

— Первоначальный капитал составит три тысячи озовов, — четко ответил лорд Генсифер. — Первые несколько игр мы проведем по достаточно скромной таксе в полторы тысячи озовов для того, чтобы команда окончательно выкристаллизовалась и обкаталась.

— Понятно. Где и когда начнутся тренировки?

— На зауркашском поле, начиная с завтрашнего утра. Насколько я понял, вы все-таки пришли к решению играть за «Горгон»?

— Окончательное решение я приму завтра. Вот тогда-то и разберемся во всем до конца. Позвольте только, лорд Генсифер, заявить вам со всей откровенностью вот что. Капитан — самая важная фигура в команде. Он может вознести команду высоко вверх, но может и загубить ее. Нам надобен опытный капитан. Я сомневаюсь в том, что вы располагаете таким опытом.

— Я провел тщательное изучение всех тонкостей игры, — кичливым тоном произнес лорд Генсифер. — Я трижды проштудировал «Тактику хассэйда» Каленшенко. Внимательно перечитал «Краткий хассэйдный справочник». Я познакомился с такими теоретическими новинками как «Принцип противотока», «Система двойной пирамиды», «Сверхзащепка»...

— Все это так, лорд Генсифер. Теоретизировать в отношении хассэйда могут многие, но решающее значение, в конечном счете, имеют рефлекссы, а до тех пор, пока не сыграешь достаточно много игр...

— Когда сам не жалеешь сил, то и все остальные проявляют себя с наилучшей стороны, — высокомерно произнес лорд Генсифер. — Что может быть важнее этого? Тогда, значит, к четвертому удару гонга.

Экран видеофона погас. Глиннес едва не взвыл от возмущения. Да за рваные пол-озола лорд Генсифер у него

стал бы капитаном, форвардом, хавбеком, защитником и шейлой вместе! Лорд Генсифер — капитан профессиональной команды? Это уж слишком!

Успокаивало только то, что он вернул свои деньги да еще с компенсацией за побои. Почти пять тысяч озовов — приличная сумма, вот только следует спрятать ее в безопасном месте.

Глиннес закупорил деньги примерно в таком же глиняном кувшине, что и Дроссет, и закопал в дальнем конце двора.

Часом позже из протока Илфиш вынырнула лодка и пересекла Пролив Эмбл. В ней сидели Ванг Дроссет и оба его сына. Проходя мимо Рабендари, Ванг Дроссет выпрямился во весь рост и взглядом, прямо-таки стрелявшим колючками, пристально осмотрел скутер Глиннеса. К этому времени Глиннес уже выгрузил все то, чем он ввел в искушение Дроссетов. Теперь его лодка ничем не выделялась среди сотен ей подобных. Сам же Глиннес при этом сидел на веранде, задрав ноги на ограждение. Ванг Дроссет и его сыновья смерили Глиннеса взорами, полными подозрений. Глиннес бросил в их сторону равнодушный, скучающий взгляд.

Лодка Дроссетов свернула в сторону Фарванского русла. Отец и сыновья обменялись несколькими фразами и, обернувшись, еще раз глянули на Глиннеса. Вот они, те люди, которые убили моего брата, отметил про себя Глиннес.

Глава 10

Лорд Генсифер, облаченный в новую с иголочки черную-красную форму, взобрался на скамейку и с такими словами обратился к своей команде:

— Сегодня — знаменательная дата для всех нас и для истории хассэйда Префектуры Джолани! Сегодня начинаем самую выдающуюся и беспощадную команду, способную, подобно урагану, смести с пути всех своих соперников на хассэйдных полях Мерланка. Некоторые из вас уже умудрены игровым опытом, приобрели высокую репутацию. Другие все еще не известны...

Глиннес, пробежав взглядом по пятнадцати игрокам вокруг себя, тут же прикинул, что соотношение между этими двумя категориями игроков где-то порядка один к восьми.

— ...но опираясь на высокую дисциплинированность, игровое рвение и истинный... — здесь лорд Генсифер

прибегнул к термину «кирч-ан», обозначающему особый душевный настрой, способствующий сверхчеловеческим подвигам силы и воли,— мы разгромим всех, кто будет противостоять нам! Мы вознаградим своих болельщиков лицемерием голых ягодичек каждой девственницы между Уэлгеном и Порт-Джеймом! Озолы со стадионов мы будем уносить ведрами! Мы будем богаты и знамениты, каждый в отдельности и все разом!..

Но в основе всего этого — труд и пот на тренировках. Я усердно проштудировал все теоретические работы, посвященные хассэйдуну, я наизусть выучил Каленшенку. Все авторитеты единодушны: сломите волю своего противника, и золотое кольцо в ваших руках. Это означает, что мы обязаны превзойти лучших из имеющихся в настоящее время форвардов в скорости бега, ловкости выполнения маневров, искусности владения трапедией, дальности прыжков. Мы должны научиться отправлять в бассейн самых непреодолимых защитников на территории Джолани. Должны научиться разрушать планы самых хитроумных стратегов Тралльона!..

А теперь за работу. Я хочу, чтобы форварды по диагонали пересекали все поле, выполняя по три упражнения с «буфом»¹ на каждой из трасс или переходов по пути. Строго соблюдайте ритм, нападающие! Полузащита пользуется стандартными приемами отражения противника. То же относится и к защитникам. Прежде всего мы должны овладеть основами! Я склоняюсь к мысли, что вместо двух полузащитников и четырех защитников лучше бы иметь шесть крепких и проворных полузащитников, занимающих опорные пункты и способных в любое время рвануться вперед и, протаранив защиту противника, прорваться к шейле.— Здесь лорд Генсифер просто напомнил обычную тактику сильной команды, которая гонит игроков противника впереди себя по всему полю.— Все за работу! Давайте договоримся, что тренироваться будем с полной самоотдачей.

Тренировка началась. Лорд Генсифер, как угорелый, носился по всему полю, кого на ходу похваливая, кого критикуя, кому что-то разъясняя и непрерывно под-

¹ — Буф — почти метровой длины кожаная бита с упругим наполнителем внутри, применяемая для сбрасывания противников в бассейн.

бадривая свою команду пронзительными выкриками «Опа-на! Опа-на!»

Глиннесу хватило всего лишь двадцати минут, чтобы определить уровень подготовки каждого игрока и всей команды в целом. В составе гипотетической команды, которую представлял Глиннесу лорд Генсифер, были только левый край Лючо и правый полузащитник Уилмер Гафф. Они оба были отличными игроками — ловкими, агрессивными, уверенными в себе. Левый полузащитник Искелац также, похоже, был приличным игроком, правда, с нравом не очень-то общительным, даже грубым. Искелацу явно не по душе были изнурительные тренировки и он предпочитал побережь свои силы для самой игры, — эта черта его характера почти сразу же привела в отчаяние лорда Генсифера. Левый ударный нападающий или инсайд Сават был молод, сметлив, активен, но несколько сыроват, и во время упражнений с буфом Глиннесу постоянно удавалось совершенно его запутать ложными выпадами. Защитники Рамос, Пайлен и Синфоретта были, соответственно, первый — медлительным, второй — туповатым и третий — слишком уж обременен избыточным весом. Только левый центральный защитник «Тумба» Кэндольф сочетал достаточную массу и физическую силу с гибкостью ума и подвижностью, чтобы его можно было считать подающим надежды атлетом. Одна из избитых хассэйдных истин гласит, что плохой форвард может обойти плохого защитника, но хороший защитник задержит хорошего форварда. Команда живет благодаря своим нападающим и гибнет по вине своих защитников — такова еще одна из присказок хассэйда. Глиннес был уверен в том, что произойдет еще немало мучительно тянущихся дней прежде, чем лорду Генсиферу удастся укрепить свою заднюю линию.

Таким образом, «Горгоны» на нынешней стадии своего становления располагали довольно приличной передней линией, мощным центром и слабой линией обороны. Способности лорда Генсифера как капитана, пока что определить было трудно. Идеальный капитан, подобно идеальному защитнику, способен играть на любом месте в составе команды, хотя некоторые из капитанов, как, например, немолодой уже Неронави из «Танхиар», никогда не уходит из-под защиты своих бакенов.

Что же касается лорда Генсифера, то Глиннес решил не спешить с выводами. Он казался достаточно быстрым и сильным, хотя и несколько тяжеловатым и неуклюжим

при перескоках с одной трассы на другую с помощью трапеции...

Лорд Генсифер издал излюбленный им клич «Опа-на!»

— Эй вы, нападающие! Где ваше усердие? Ну-ка живее, чтоб только пятки мелькали! А то вы больше похожи на четверку медведей! Вот вы, Глиннес, что-то слишком уж любовно ласкаете Савата своим буфом! Если он не в состоянии задержать вас, пусть он хорошенько прочувствует, что это такое! А вы, защита — давайте-ка поглядим, как вы гарцуете! Ну-ка, согните ноги в коленях, как хищник перед броском! Представьте-ка себе, что всякий раз, когда партнеру удастся обмануть вас и дотронуться до золотого кольца, это оборачивается для вас потерей крупных денег... Вот так уже лучше... Давайте-ка проведем несколько комбинаций. Для начала — «Массированный прорыв центра» по системе Лэгтоуна...

Команда тренировалась в течение двух часов, и все это время в ней царила дружественная атмосфера. После этого был объявлен перерыв на ленч в таверне «Чудо-Линь». После ленча лорд Генсифер показал несколько схем расположения игроков, разработанных им самим, хотя и представлявших из себя вариации трудного в реализации «Диагонального Навала».

— Если нам удастся освоить эти построения, невозможно будет противостоять нашему напору на обоих крайних нападающих и полузащитников. Как только они собьются в центре, мы осуществляем прорыв или справа, или слева.

— Все это очень хорошо, — сказал Лючо, — но вы обратили внимание на то, что остались незащищенными крайние трассы, и ничто уже не может предотвратить контратаку вдоль наших внешних трасс?

Лорд Генсифер нахмурился.

— Полузащитники в этом случае могут сделать перескок с помощью трапеций на крайние трассы. Очень существенны правильная координация и точный выбор момента времени для каждого маневра.

В целом команда слушала утомительные построения лорда Генсифера с откровенным безразличием, так как наступило уже самое жаркое время дня и все устали после утренней тренировки. В конце концов лорд Генсифер, наполовину отчаявшись в возможности расшевелить игроков, наполовину сочувствуя им, отпустил команду.

— Завтра в то же самое время. Но приготовьтесь к еще более напряженным занятиям. Сегодня были всего

лишь легкая разминка. Мне известен только один способ подготовки команды к состязаниям — интенсивные тренировки!

После трех недель тренировки стало ясно, что некоторым игрокам они изрядно наскучили, некоторые роптали в ответ на то, как изводил команду лорд Генсифер своими умствованиями. Сам Глиннес считал полубившихся лорду Генсиферу построения и комбинации слишком уж сложными в реализации и рискованными. Он чувствовал, что линия обороны команды слишком слаба для проведения массированных атак. Полузащитникам придется подстраховывать защитников, а это, в свою очередь, резко ограничивало диапазон возможностей нападающих. Кроме того, начала давать знать усталость. Первым тревожным сигналом стал уход из команды Искелаца, игрока, знающего свое дело, но слишком уж самостоятельного, чтобы угодить лорду Генсиферу. Его примеру последовал правый край Хелзинг, у которого Глиннес разглядел потенциальные возможности со временем стать отменным нападающим. Запасные заметно уступали в классе покинувшему команду. Затем сам лорд Генсифер отпустил на все четыре стороны Пайлена и Синфоретту, двух наиболее инертных защитников, и принял в команду двух не намного лучших, которым, как об этом Глиннес узнал от Карбо Гилвега, дали от ворот поворот даже в качестве запасных в «Зауркашских Танхинарах».

Развлекал команду лорд Генсифер в своем фамильном имении. Здесь же он и представил «Горгонам» их шейлу, Зурани Делькарго из деревни Мутные Воды, так названной из-за расположенных поблизости горячих серных источников. У Зурани было бледное, но милое лицо, тонкая, как тростинка, фигурка, а застенчивой она была до такой степени, что фактически была нема, как рыба. Своеобразие ее характера заставило Глиннеса даже немало задуматься над тем, какая сила или особая цель могли побудить такую девушку подвергать себя риску публичного обнажения. Всякий раз, когда к ней обращались, она только отдергивала назад голову, и длинные светлые волосы закрывали при этом почти все лицо, и за весь вечер она произнесла всего лишь три слова. В ней и намек не было на так называемый «сашей», ту иступленную и прекрасную пылкость духа, которая воодушевляла бы команду драться за победу, выходя далеко за пределы своих теоретических возможностей.

Этим же вечером лорд Генсифер огласил расписание будущих встреч, первая из которых была намечена через

две недели на стадионе в Зауркаше. «Горгоны» встречали на своем поле «Воалишских Бакланов».

Через несколько дней после этого Зурани пришла посмотреть на тренировку. Все утро шел дождь, с юга дул сильный промозглый ветер. Игроки были угрюмы и раздражительны. Лорд Генсифер носился по площадке как какое-то огромное назойливое насекомое, увещевая игроков, даже убаюывая, то и дело вскрикивая: «Опа-на! Опа-на!», но это никак не отражалось на настроении тренировавшихся. Ежась от холода под стенкой насосной станции, Зурани уныло, будто затравленный зверек, наблюдала за вялыми перемещениями игроков по площадке, не столько воодушевляя их, сколько сея самые мрачные предчувствия. В конце концов ее жалкий вид и робость привлекли внимание лорда Генсифера, и он ленивой трусцой подбежал к ней.

— Выше голову, шейла!

— Не называйте меня шейлой, — раздраженно произнесла девушка. — Сама не пойму, почему мне взбрело в голову, что мне хочется этим заниматься. Честное слово! Поверьте, я ни за что не смогу стоять на виду у тысяч людей, лорд Генсифер, не сердитесь, пожалуйста, но я просто не смогу.

Лорд Генсифер поднял взор к стремительно несущимся по небосводу очень низким тучам.

— Моя дорогая Зурани! Ты, конечно же, будешь с нами! Мы играем с «Бакланами» всего лишь через два дня! Ты будешь знаменита и прославлена!

Зурани безнадежно махнула рукой.

— Я не хочу быть знаменитой шейлой. Не хочу, чтобы с меня стаскивали одежду...

— Такое может случиться только с шейлой проигравшей команды, — подчеркнул лорд Генсифер. — Неужели ты думаешь, что «Бакланам» удастся победить нас, нас, среди которых «Король» Лючо, Глиннес Халден, я и «Тумба» Кэндольф, считающиеся лучшими на своих местах? Да мы просто сметем их со своего пути. Мы заставим всех их бултыхаться в воде до тех пор, пока им не покажется, что они рыбы!

Зурани эти слова успокоили только частично. Она только издала протяжный, прерывистый вздох, но больше уже не жаловалась. Лорд Генсифер, наконец-то сообразив, что продолжение тренировки не принесет никакой пользы, объявил отбой.

— Завтра в то же самое время, — предупредил он команду. — Нам нужно еще подработать взаимодействие на

переходах, особенно в линии обороны. А вам, защитники, нужно более энергично контролировать свои зоны! Это хассэйд, а не званый ужин для вас и ваших поклонниц. Завтра, к четвертому сигналу времени.

«Воалишские Бакланы» была совсем еще сырой командой с весьма посредственной репутацией. Игроки ее казались подростками. Капитаном «Бакланов» был Дензель Уорхаунд, долговязый парень с вечно взъерошенными светлыми волосами и умными озорными глазами проказливого тролля. Шейлой у них была полногрудая круглолицая деваха с развевающейся по ветру копной курчавых волос. Во время предматчевого обхода вокруг поля она бодро шагала с жизнерадостной улыбкой на лице, то и дело весело подпрыгивая и энергично приветствуя зрителей взмахами рук, и всем своим видом показывала, что прекрасно знает себе цену. Бакланы так и увивались вокруг нее, едва сдерживая бурлившую в них нервную энергию. В противоположность им, «Горгоны» выглядели суровыми и высокомерными, а их шейла Зурани — печальным бесплотным призраком. Ее покорное безразличие настолько бросалось в глаза, что лорду Генсиферу было отчего впасть в отчаянье, но он не отваживался открыто его проявлять, опасаясь, как бы не лишить ее последних остатков присутствия духа.

— Хорошая девочка. Такая смелая девочка! — то и дело повторял он, как будто подбадривая большое животное. — Все будет не так уж плохо. Вот увидишь, что я прав!

Но эти слова не развеяли страх Зурани.

Сегодня «Горгоны» впервые одели свою форму темно-красного и черного цвета. Особенно эффектными были их шлемы из тускло-розового металлизированного пластика с вычурным черным орнаментом на щитках, прикрывавших щеки. Верхняя часть шлема ощетинивалась множеством острых шипов, смотровые отверстия искусно имитировали зрачки огромных, широко раскрытых глаз, носовая прорезь заметно переходила в черную пухлую пасть, из которой свешивался длинный красный язык. Кое-кому из членов команды такой наряд казался экстравагантным, некоторым не нравились болтающиеся языки, но большинство было равнодушно к форме. «Бакланы» были в форме коричневого цвета и оранжевых шлемах, единственным украшением которых были перекрещенные зеленые птичьи перья. Сравнивая темпераментных «Бакланов» с величественными, но медлительными «Горгонами», Глиннес ощутил острую необходимость в том, чтобы

обсудить некоторые детали тактики с лордом Генсифером.

— Обратите, пожалуйста, внимание на «Бакланов» — они похожи на резвящихся жеребчиков, сумасбродных и не знающих, куда девать свои силы. Мне уже доводилось видеть такие команды — от них следует ожидать агрессивной, даже безрассудной игры. Наша задача — заставить их стать жертвой собственной горячности. Нам нужно подмануть их, а затем отрезать форвардов, чтобы наша защита и полузащита получила двойной численный перевес над ними. Вот тогда, используя еще и наше преимущество в весе, мы получим шанс победить их.

Лорд Генсифер недовольно поднял брови.

— Шанс победить их? Что за чушь? Мы сметем их с игрового поля, как хороший пес, преследующий цыплят! Да нам даже не следовало играть с ними, если бы не необходимость попрактиковаться.

— И все же, я советую прибегнуть к осмотрительной тактике. Надо позволить им совершать ошибки, иначе они смогут неплохо нас подоить.

— Ну, Глиннес! По-моему, вы здорово подрастеряли свою былую форму.

— Только в той мере, что теперь я играю не потехи ради. Я хочу заработать деньги — девять тысяч озовов, если уж быть точным, и поэтому хочу победить.

— Неужто вы считаете, что деньги нужны только вам одному? — повысил голос лорд Генсифер. — А как, по-вашему, я сколотил уставной фонд? Приобрел форму? Оплатил общекомандные расходы? Я остался без озола за душой.

— Ладно, ладно, — произнес Глиннес. — Вам нужны деньги, мне нужны деньги. Вот давайте и выиграем, играя в ту игру, на которую мы более всего способны.

— Мы обязательно победим — ваши страхи надуманы! — провозгласил лорд Генсифер с прежним апломбом. — Я, что, по-вашему, только вчера родился? Мне досконально известны все нюансы игры. Все, хватит хныкать. Не к лицу вам робость — вы же не Зурани! Гляньте на трибуны — добрый десяток тысяч зрителей. Это существенно повысит выигрыш!

¹ Половина выручки от проданных входных билетов делится между состязавшимися командами в соотношении: три четверти этой суммы — победившей команде, четверть — потерпевшей поражение.

— Если мы победим,— унылым голосом уточнил Глиннес. Его внимание привлек зритель, одиноко сидевший в отдельной ложе на трибуне для высшей аристократии. Это был вооруженный биноклем и видеокамерой Льют Касагэйв. В этом не было ничего необычного — многие из поклонников хассэйда запечатлевали обнажение шейлы на видеопленку, одновременно записывая и музыку, сопровождавшую апофеоз состязания. Существовали даже прекрасные коллекции подобных записей. Тем не менее, Глиннес удивился, обнаружив такой горячий интерес к хассэйдну со стороны Льюта Касагэйва. Он не производил впечатление человека, занимающегося подобными пустяками.

Судья в поле подошел к микрофону. Музыка стихла, подуспокоились зрители.

— Любители спорта Зауркаша и префектуры Джолани! Сегодня на нашем поле состоится хассэйдный матч между доблестными «Воалишскими Бакланами» с их шейлой Баробой Фелис и неукротимыми «Горгонами» лорда Таммаса Генсифера с прелестной Зурани Делькарго! Команды обязуются свято охранять честь и достоинство своих шейл со всей присущей им доблестью, залогом чему служат по полторы тысячи озов с каждой стороны. Пусть победители упиваются славой, а побежденные — гордостью за силу духа своей шейлы в столь прискорбный для команды момент и ее непорочность! Капитаны, подойдите ко мне!

Вперед вышли лорд Генсифер и Дензель Уорхаунд. Подброшенная монета предоставила право голоса в начале игры «Горгонам». Им разрешался открытый текст, пока горят зеленые сигнальные лампы, «Бакланам» — красные.

— При остановке игры за нарушение правил мгновенно замирать там, где кто находился,— предупредил судья в поле.— И никаких пинков ногами или хватаний руками. Как и словесных перепалок между игроками противоборствующих команд. Я также не потерплю захватов буфов, а сам удар буфом должен производиться чисто. Защищающаяся сторона не должна издавать никаких отвлекающих звуков. Я в этих делах дока — да и судьи на линии тоже. Мы будем настороже. Игрок в штрафном бассейне обязан пожать руку тому, кто помог ему выбраться. Благодарственного взмаха руки или иного подобного же жеста будет недостаточно. Еще есть вопросы? Вот и прекрасно, господа хорошие. Расходитесь по своим игровым местам и пусть красота ваших шейл вдохновит обе команды на героические свершения. Зеленый свет для «Горгон», красный — для «Бакланов».

Игроки разобрались по своим местам, треванский оркестр грянул традиционный марш, под который капитаны повели своих шейл к пьедесталам, которые им надлежит занимать до окончания матча.

Оркестр замолк. Капитаны прошли к своим бакенам и наступил тот момент перед началом схватки, когда назлектризованность атмосферы на стадионе достигла наивысшей точки. Притихли даже зрители. Игроки внутренне подтянулись. У охваченных трепетом шейл замерло сердце — каждая всеми фибрами души желала только одного: чтобы ненавистная ей шейла на другом конце поля была той из них, кому предстоит стоять обнаженной перед глазами тысяч зрителей.

Гонг! Загорелись зеленые сигнальные лампы. Капитан «Горгон» получил право в течение двадцати секунд отдавать команды своим игрокам тогда, как «Бакланы» все свои перестроения и ответные действия должны совершать молча. Лорд Генсифер развернул команду для осуществления первой фазы наступательной операции «Массированная атака через центр», предусматривавшей создание атакующего клина из крайних нападающих и инсайдов в центре площадки с подстраховкой всех боковых трасс полузащитниками. Лорд Генсифер явно не обратил внимания на совет Глиннеса. Чертыхнувшись про себя, Глиннес двинулся вперед, не встретив сопротивления, перепрыгнул центральный ров. Одновременно с ним то же самое сделал и Сават. Нападающие «Бакланов» расступились перед ними, а затем стали перепрыгивать ров в зоне, прикрываемой левым полузащитником «Горгон» Саркадо. Перед Глиннесом возник левый хавбек «Бакланов». Несколько секунд они оба делали ложные выпады буфами и обменялись несколькими ударами. Полузащитник «Бакланов» явно уступал Глиннесу: в мастерстве. Приобретенный за многие годы игры в хассэйд опыт подсказал Глиннесу в какой точно момент уклониться от выпада противника и нанести ему ответный удар. Он пришелся по шее «Баклана» как раз тогда, когда тот переносил точку опоры с одной ноги на другую. Потеряв равновесие, он бултыхнулся в бассейн. Громкий всплеск, которым сопровождалось его падение в воду, стал наградой Глиннесу за усердие.

Раздался еще один всплеск — это защитник «Бакланов» отправил в бассейн правого края Часта. А в ушах не переставали звенеть призывные выкрики лорда Генсифера:

— Опа-на! Опа-на! Вариант тринадцать — тридцать. Глиннес, вперед. Лючо, бери на себя защитника! Опа-на!

Зеленый свет сменился красным. Теперь Дензель Уорхаунд отдавал распоряжения и вместе с шестом подошел к центральному рву. В это же самое время вперед бросились центральные защитники, сразу оба против одного Глиннеса, но встретили достойный отпор и после нескольких ударов Глиннеса в грудь и по бокам даже столкнулись друг с другом. Глиннес с помощью трапеции перескочил на третью трассу, которая вела прямо к пьедесталу с шейлой, но защитники пришли в себя и один из них бегом бросился к лицевой линии, чтобы успеть прикрыть подходы к пьедесталу. Тем временем оба центральных защитника тоже перескочили вслед за Глиннесом на третью трассу и почти уже догнали его. Вовремя остановившись, он отправил в воду одного из них, а подоспевший на подмогу Сават — другого, после чего они оба устремились к пьедесталу, имея впереди себя только двоих защитников. Снова загорелся зеленый свет. Сзади слышались истошные вопли лорда Генсифера, затем прозвучал гонг. Глиннес обернулся и увидел, что один из форвардов «Бакланов» стоит на пьедестале рядом с Зурани, держа в руке золотое кольцо, служившее пряжкой ее одеяния. Игра прекратилась. Лорд Генсифер нехотя отчитал выкуп Дензелю Уорхаунду.

Игроки команд вернулись на свои исходные позиции. Лорд Генсифер произнес раздраженно:

— Провал — вот точное слово! Нас наказали за то, что мы еще не проснулись как следует. Ведь по сути, они нам не ровня — они выиграли чисто случайно.

Глиннес едва сдержался, чтобы не процитировать старую прописную истину: в хассэиде не бывает случайностей. Вместо этого он сказал:

— Давайте давить на них по всему полю, переход за переходом, не позволяя им прорываться к нашим защитникам!

Ведь «Бакланы», отметил он про себя, выиграли гейм с помощью простейшего финта, благодаря которому один из них вихрем проскочил мимо зазевавшегося Рамоса.

Лорд Генсифер и на этот раз не обратил внимания на предложение Глиннеса.

— Повторим «Атаку через центр», только выполним ее на этот раз как полагается! Полузащитники подстраховывают боковые трассы. Края устремляются в брешь, пробитую инсайдами. Не позволим больше этим простофилям окупить нас в воду!

Игроки заняли исходные позиции. Раздался гонг и зеленый свет открыл перед «Горгонами» возможность наступательных действий.

— Тринадцать — тридцать, опа-на! — вскричал лорд Генсифер. — Гоним их до самого кольца на животе у шейлы.

Снова форварды «Бакланов» не стали мешать Савату и Глиннесу преодолеть центральный ров. На этот раз они, однако, совершили перескок за спиной у Глиннеса и к огромной его досаде подсекли его своими буфами сзади. Он, возможно, все же устоял бы на ногах, если бы не подоспевший на трапеции один из полузащитников не столкнул бы его в бассейн.

Больше всего на свете ненавидел Глиннес вот такое вынужденное купание. Оказаться в холодной воде само по себе было не очень-то приятно, но хуже всего было то, что холодная ванна унижала его чувство собственного достоинства. В препротивнейшем настроении он побрел по дну бассейна под решеткой из трасс и переходов и, громко шлепая мокрыми подошвами, поднялся по лесенке налицевую зону «Горгон». Он появился здесь в самый нужный момент и бросился наперерез к одному из крайних нападающих противника, который уже успел проскочить почти к самому пьедесталу. С удвоенной в результате холодного купания яростью он обрушил на противника целый град тычков и боковых ударов и успокоился только тогда, когда тот вверх тормашками полетел в бассейн.

Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — вскричал лорд Генсифер. Глиннес аж взвыл — наиболее сложная из всех подготовленных лордом Генсифером комбинаций, «Граната» или двойная диагональ. Ничего не оставалось другого, как тут же рвануться вперед. Вот сейчас он себя покажет! Форварды дружно пересекли ров и, не встретив противодействия на центральном переходе противника, веером разошлись в разных направлениях, поддерживаемые сзади полузащитниками. Единственная слабая надежда на успех, подумалось Глиннесу, заключалась в том, чтобы достичь шейлы «Бакланов» до того, как ошеломленные поначалу соперники подберутся к шейле Зурани. Защитники «Бакланов» чуть сместились, чтобы прикрыть центр. По одному полузащитнику с каждой стороны унесла первая волна атаки «Горгон», и тогда лорд Генсифер послал вперед, через ров, двоих защитников, успев им крикнуть об этом на мгновение до того, как зажегся красный свет.

Дензель Уорхаунд все это время стоял, хладнокровно ухмыляясь, под охраной своего бакена. Как только на-

ступил его черед распоряжаться действиями игроков, двое защитников «Горгон» были перехвачены и сброшены в бассейн. Глиннес, Сават и оба края, осознав, какая опасность грозит команде, помчались во весь опор назад, чтобы прикрыть пьедестал. Глиннес достиг своей зоны защиты как раз вовремя и, отогнав одного из «Бакланов» от пьедестала, отправил купаться. Лючо проделал то же самое с другим, но к этому времени уже почти вся команда противника штурмовала базовую зону вокруг пьедестала. Но тут подоспели выбравшиеся из воды защитники, мокрые и злые, и благодаря преимуществу в весе и охватившей их ярости отогнали «Бакланов» назад.

Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — снова завопил лорд Генсифер. — Вот теперь мы их дождем, ребята — дорога открыта! Вперед!

Глиннес, придя в бешенство от такой бестолковости капитана, все же отказался от дальнейших действий по защите шейлы и бросился выполнять команду капитана с другими нападающими. Легкие, но проворные защитники «Бакланов» кинулись за ними вдогонку... Гонг! Каким-то чудом (благодаря не столько проворству или хитроумию, а вследствие обыкновенного разгильдяйства со стороны защитников «Горгон») одному из полузащитников противника удалось достичь пьедестала и схватиться за золотое кольцо у талии Зурани.

Дрожащими пальцами лорд Генсифер еще раз отсчитал выкуп. При разборке он даже охрип, настолько разволновался.

— Вы не выполняете то, что от вас требуется. Нам не победить, если все будут едва ноги переставлять, как лунатики! Мы должны отобрать инициативу у этих парней! Ведь они еще совсем мальчишки! На этот раз давайте, в конце концов, сделаем все, как положено! Еще раз двойная диагональ, и каждый пусть занимается только своим делом!

Гонг. Зеленый свет. Подбадривающий клич лорда Генсифера «Опа-на!» и «Горгоны» разворачиваются в двойную диагональ своего капитана.

Двойной гонг, обозначающий остановку в связи с нарушением правил. Это сам лорд Генсифер схватил пальцами буф одного из полузащитников «Бакланов» и был препровожден в штрафной бассейн с тыльной стороны лицевого перехода «Бакланов», где и остался, понуро сгорбившись и еле сдерживая ярость. Временно исполнять

обязанности капитана стал Глиннес, хотя и остался чистым нападающим.

Прозвучал гонг, снова загорелся зеленый свет. Глиннес не испытывал необходимости громогласно называть проводимую комбинацию, он только чуть приподнял и правую, и левую руки. Повинуясь поданному им знаку, края и инсайды ринулись решительно к центральному рву. Свет сменился на красный. Все еще находившиеся в приподнятом настроении «Бакланы» (как-никак, но они уже дважды подержались за золотое кольцо), сдвинулись влево, и двое из нападающих с помощью трапеций рванулись по диагонали к самой правой трассе, а один из полузащитников перепрыгнул ров. Его и еще одного форварда сбросили в воду, другой предпочел отступить, а Дензель Уорхаунд решил отказаться от атакующих действий, пока не вступят в строй «купальщики». Зеленый свет. Лорд Генсифер, плавая в штрафном бассейне, делал отчаянные жесты, взывая к помощи. Глиннес же умышленно смотрел совсем в другую сторону. Полузащитникам он дал знак отправиться на боковые трассы и послал вперед обоих центральных защитников. Красный свет. «Бакланы» создали численный перевес на левом фланге, но пересекать центральный ров не решались. Хитрый Дензель Уорхаунд перешел к выжидательной тактике, рассчитывая на какой-нибудь опрометчивый маневр противника.

Зеленый свет. Глиннес отправил форвардов через ров и вызвал к центральному переходу, расположенному непосредственно перед рвом, обоих центральных защитников, создавая постепенное, но неуклонное нарастание численности и силового давления на более быстрого, но не столь физически сильного противника. «Горгоны» образовали мощную цепь на половине поля «Бакланов», противостояние принимало все более упорный характер, что выразилось в том, что в воде оказались оба крайних нападающих «Горгон» и оба инсайда «Бакланов». Лорд Генсифер все это время не переставал истошно вопить о помощи. Используя преимущество в весе и опыте, «Горгоны» все больше оттесняли игроков противника по всем трассам и прижимали их к базовой зоне. Еще трое «Бакланов», один вслед за другим, были отправлены в бассейн, затем еще двое. Наконец, прозвучал гонг — это «Король» Лючо достиг пьедестала и дотронулся до золотого кольца. Мрачный, как туча, лорд Генсифер выбрался из штрафного бассейна и с кислой миной принял выкуп из рук капитана «Бакланов».

Команды вернулись на исходные позиции. Лорд Генсифер, разозлившись после длительного пребывания в штрафном бассейне, возбужденно вещал:

— Безрассудная, совершенно безрассудная тактика! Когда команда проигрывает два гейма, защитникам ни в коем случае нельзя пересекать центральный ров — это один из первейших принципов Каленшенко!

— Но ведь мы первыми достигли кольца, — произнес Лючо, наиболее прямой из всех игроков. — Вот что самое важное.

— Независимо от этого, — с металлом в голосе отчеканил лорд Генсифер, — мы будем придерживаться тех принципов, которыми я руководствовался при подготовке команды. При красном свете мы прибегнем к «Ложной атаке N 4».

Лючо был не из тех, кому так легко заткнуть рот.

— Давайте просто сосредоточим все свои силы у рва. Нам не нужны никакие ложные атаки, отвлекающие маневры и вообще любые ухищрения — надо играть как можно проще!

— Это хассэйд, а не драка стенка на стенку, — торжественно провозгласил лорд Генсифер. — Мы покажем им такую игру, что у них голова пойдет кругом.

«Бакланы» с дерзким пылом пошли на приступ центрального рва — Дензель Уорхаунд явно намеревался предупредить тот тактический ход, к которому прибегнули «Горгоны» в предыдущем гейме. Они перепрыгнули ров почти по всей ширине поля, а сам Дензель Уорхаунд установил свой бакен в центре перехода, откуда вытеснить его мог только лорд Генсифер. Правый край Черст отправил в бассейн одного из защитников «Бакланов», а затем и сам последовал туда же. Правую боковую трассу теперь пришлось прикрывать Глиннесу.

Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — прокричал лорд Генсифер. — На этот раз, ребята, покажем им класс!

— Мне кажется, что на этот раз нам самим кое-что покажут, — сказал Глиннес Уилмеру Гаффу. — То есть — Зурани.

— Капитан — он.

— Ну что ж, тогда двинулись.

Дензель Уорхаунд как предчувствовал, что будет разыграна именно эта комбинация. Его форварды вернулись, чтобы устроить «коробочку» Глиннесу, и он снова оказался в воде, сбитый с ног ударом буфа подоспевшего полузащитника. Лючо постигла аналогичная судьба на противоположном фланге. Они оба как можно быстрее ринулись к лестнице, но когда услышали, что треванский

оркестр грянул «Гром победы раздавайся!», то поняли, что торопиться уже некуда.

— Вот и доигрались,— мрачно заметил Глиннес.

К тому времени, когда они поднялись на площадку, Дензель Уорхаунд все еще стоял на пьедестале, держась за золотое кольцо, а Зурани в смущении глядела в какие-то заоблачные выси.

— Так где же ваши деньги? Вашу шейлу спасут пятьсот озовов. Пять сотен озовов за ее честь и достоинство — разве это дорого?

— Я бы заплатил,— заметил Глиннес, обращаясь к Уилмеру Гаффу,— если бы не знал, что это выброшенные на ветер деньги. Все равно лорд Генсифер будет гонять меня по своей двойной диагонали, пока я не утону.

Музыка звучала все громче и громче, теперь она звучала настолько величественно, что покалывало в затылке и становилось сухо во рту. Толпа затаила дыхание в немом восторге. Лицо Зурани превратилось в застывшую мраморную маску — невозможно было догадаться, что творилось в ее душе. Затрепетав в последний раз на самой высокой ноте, мелодия неожиданно оборвалась. Воцарившуюся мертвую тишину взорвал гулкий бас особого гонга. Один раз, другой, третий. Капитан потянул за кольцо, одеяние Зурани упало к ее ногам, явив взорам зрителей ее съездившееся от страха, еще полудетское голое тело.

На противоположном конце поля шейла «Бакланов» Бароба Фелис исполнила импровизированный восторженный танец и прыгнула с пьедестала на руки «Бакланов», с гордо поднятой головой покидавших поле.

Лорд Генсифер молча принес черный бархатный плащ и прикрыл им Зурани. «Горгоны» также покинули поле. Он же первым нарушил тягостную тишину в раздевалке.

— Ну что ж, друзья, сегодня — не наш день — это совершенно ясно. «Бакланы» являются намного более приличной командой, чем кажется на первый взгляд. Нам так ничего и не удалось противопоставить их быстроте. Приглашаю всех в мою резиденцию. Не станем это называть празднованием победы, но просто попробуем, каково на вкус доброе сокальское вино...

В фамильном особняке к лорду Генсиферу вернулось прежнее спокойствие. С приветливой улыбкой на лицо он непринужденно расхаживал среди тех из своих друзей-аристократов, которые уважали очередную его причуду, посетив стадион в Зауркаше. Вокруг заставленных яствами стоек, под ярко сверкающими диковинными люстрами, у

стен, украшенных редкостной по богатству коллекцией знамен и хоругвей царила атмосфера беспечности и веселья.

— Никак не ожидал от вас такой прыти, Таммас, пока не понял, что вам вздумалось полюбоваться обнаженными прелестями этой толстушки, шейлы «Бакланов»!

— Ха-ха-ха! Да, я действительно спринтер, когда дело касается прекрасных дам.

— Мы давно уже знаем, что Таммас — великий спортсмен, но почему, скажите мне, почему «Горгоны» смогли один-единственный раз овладеть кольцом, пока он барахтался в отстойнике?

— Он там отдыхал, Джонас, всего лишь отдыхал. Зачем трудиться, когда можно отсидеться в чистой холодной воде?

— Прекрасная команда, Таммас, прекрасная! Ваши ребята делают вам честь. Держите их в крепких руках, чтобы сохранить в надлежащей спортивной форме.

— Непременно, сэр, непременно. Не беспокойтесь за это.

Сами «Горгоны» стояли застенчиво где-нибудь в сторонке или, устроившись в укромных уголках с изысканной мебелью, скромно попивали вина, которых никогда не пробовали прежде, и давали немногословные ответы на вопросы, задаваемые друзьями лорда Генсифера. В конце концов к ним подошел и сам лорд Генсифер, теперь уже в весьма благодушном настроении.

— Что ж, мне некого винить или упрекать. Скажу только то, что видно даже невооруженным взглядом: нет числа возможностям повысить уровень игры, и, звезды мне свидетели, — здесь лорд Генсифер воздел руки к потолку в позе разгневанного Зевса, — мы этого добьемся. От нападающих я требую большего задора и стремительности. От полузащитников — решительной работы с буфами, более быстрой реакции! У вас всех сегодня вдруг заболели ноги, полузащитники? Впечатление было именно такое. А от защитников требуется больше беспощадности, больше взаимовыручки, больше ответственности к порученному делу. Когда противник обрушивается на наших защитников, я хочу, чтобы они думали только о своем доме и своей матери. Вопросы есть?

Глиннес приподнял голову и устремил куда-то вдаль отрешенный взгляд, затем снова припал губами к бокалу с бледно-зеленым сокальским.

— Нашим следующим противником будут «Тан-

хинары», — продолжал лорд Генсифер. — Мы встречаемся с ними на стадионе в Зауркаше через две недели. Я не сомневаюсь в том, что с ними все будет иначе. Я видел их игру. Они крайне медлительны. Мы просто обойдем их на пути к пьедесталу. Обычным прогулочным шагом. Мы отберем у них деньги и оголим их шейлу — и будем так-вы!

— Если уж речь зашла о деньгах, — нарочито нетопливо начал Кэндольф, — то сколько их еще осталось в нашей казне после сегодняшнего фиаско? И вот что еще — кто теперь наша шейла?

— В казне будет две тысячи озовов, — холодно ответил лорд Генсифер. — Шейлой же может быть любое из очаровательных созданий, готовых разделить с нами наш взлет.

— У «Танхинара» медлительна передняя линия, но имея в тылу таких защитников, как Гилвег, Этцинг, Бэрью и Шэйморан, можно играть в инвалидных креслах.

Лорд Генсифер оставил это замечание без внимания.

— Хорошая команда играет в свою игру и навязывает ее противнику. Защитники «Танхинара» не из железа, а из такого же теста, что и мы. Мы заставим их так часто оказываться в воде, что им покажется, что они и впрямь танхинары¹.

— Вот за это я поднимаю свой тост! — воскликнул Чэйм, лорд Шадрак. — За одиннадцать промокших до мозга костей «Танхинара» и их голозадую шейлу!

Глава 11

После угощения у лорда Генсифера Глиннес отправился ночевать к «Королю» Лючо, который жил на острове Альтрамар, всего лишь в нескольких милях к востоку от Пяти островов, отделенной от Южного Океана лагуной шириной в четверть мили и грядой песчаных кос. С веранды дома Лючо открывался вид на белоснежный пляж. Когда туда явились Глиннес и Лючо, любование звездами

¹ Танхинара — серебристо-черная рыба, обитающая в Южном Океане на большом удалении от берегов.

было уже в полном разгаре. Над несколькими полупритухшими кострами жарились и шипели на противнях крабы, раки, морской лук, пятижаберники, морская капуста и смесь из различных мелких обитателей океанического шельфа. Было откупорено несколько бочонков пива. Стол ломился от караваев хлеба с поджаристой коркой, фруктов и консервов. Тридцать человек всех возрастов ели, пили, играли на губных гармошках, шумно возились на песке, увлеченно беседовали с теми, кого намеревались заманить на пляж поздней ночью. Глиннес сразу же почувствовал себя легко и непринужденно в полную противоположность к той скованности, которую он испытывал на званой дегустации вина у лорда Генсифера, где веселье не было таким искренним. Вот это и были те триллы, которых презирали фаншеры — несдержанные, легкомысленные, чревоугодливые, сластолюбивые, некоторые неряшливые и плохо умытые, другие — просто неопрятные. Дети предавались эротическим забавам наравне со взрослыми. Некоторые из собравшихся у Лючо были несомненно под воздействием кока. Каждый был одет так, как считал наиболее подходящим. Чужеземцу могло показаться, что он попал на своеобразный маскарад. У Лючо, подвергнувшегося немалому воспитательному и дисциплинированному влиянию хассэйда, одежда и манеры были куда сдержаннее, но и он, подобно Глиннесу, с удовольствием отдыхал на песке с кружкой пива и картонным подносом с жареными дарами моря. Пирушка была затеяна под формальным предлогом «полюбоваться звездами». Небо было ясным и звезды, казалось, висели прямо над головой, как огромные бумажные фонарики. Но всеми присутствующими уже овладело столь игривое настроение, что вряд ли в этот вечер можно было ожидать каких-либо глубоких раздумий, навеянных звездами.

«Король» Лючо играл в командах с высокой репутацией. На поле он считался игроком молчаливым, но большим мастером и почти неповторимым в своей способности в одиночку пробиться от своей лицевой линии до пьедестала противника сквозь кажущийся непреодолимым заслон из соперников — увертываясь, совершая каскады финтов, перескакивая с помощью трапеций с одной трассы на другую или делая вид, что перескакивает, а сам тут же отскакивая назад. Эта уловка соперникам зачастую казалась настолько убедительной, что под хохот зрителей они сами оказывались в воде. Кроме него еще только «Буян» Уилмер Гафф был представлен в первоначальной команде-мечте лорда Генсифера. Глиннес сел рядом с Лючо и они принялись обсуждать сегодняшнюю игру.

— По сути, — сказал Глиннес, — нападение у нас,

если не считать «Косолапого» Часта, очень сильное, а вот тылы прямо-таки, жалкие.

— Что верно, то верно. Из Савата может получиться отличный форвард. К несчастью, Тамми все время сбивает его с толку и он не знает, то ли бросаться в атаку, то ли спешить на помощь защите.

«Тамми» было шутливым прозвищем лорда Таммаса Генсифера.

— Согласен, — сказал Глиннес. — Даже Саркадо более или менее подходящ, хотя в общем-то слишком нерешителен, чтобы претендовать на место в хорошей команде.

— Чтобы выигрывать, — сказал Лючо, — нам нужно укрепить защиту, но гораздо нужнее для нас капитан. Тамми ничего не смыслит в руководстве действиями команды.

— К несчастью, это его команда.

— Но время-то и прибыль наши! — выпалил Лючо с поразившей Глиннеса горячностью. — Как и наша репутация. От нее может ничего не остаться после сезона, проведенного в компании клоунов.

— Прежде всего, — сказал Глиннес, — каждый стремится к тому, чтобы играть в ту игру, которая больше всего соответствует его способностям.

— Я очень много размышлял над этим. Я покинул «Мстителей из Полдена», чтобы получить возможность жить дома, и считал, что лорд Генсифер, может быть, все-таки наберет приличную команду. Но это ему никогда не удастся сделать, если он будет упорствовать в стремлении обращаться с командой, как с принадлежащей ему игрушкой.

— И все же, он — капитан. Кто другой станет на это место? Может быть, ты?

Лючо покачал головой.

— У меня нет терпения. А ты?

— Я предпочитаю играть нападающим. А вот Кэндольф вполне годится на это место.

— Это на самый худой конец. Но на уме у меня более подходящая кандидатура — Дензель Уорхаунд.

Глиннес задумался.

— Он умен и он проворен. И не боится силовой борьбы. Из него был бы неплохой капитан. Насколько крепко он держится за «Бакланов»?

— Он хочет играть — вот что главное. У «Бакланов» нет даже своего поля. Такая команда, как правило, долго

не держится. Уорхаунд перешел бы в другую команду, если бы предоставился удобный случай.

Глиннес осушил до дна свою кружку.

— Тамми бы сквозь пол провалился, если бы узнал, о чем мы сейчас разговариваем... А кто вон та смазливая девчонка в белой блузке? Мне больно смотреть, как она мучается в одиночестве.

— Это двоюродная сестра жены моего брата. Зовут ее Тайо. В самом деле, очень симпатичная девушка.

— Я сейчас пойду и спрошу у нее, хочет ли она стать шейлой.

— Она ответит, что ни о чем другом она не мечтает еще с девяти лет.

Встреча между «Горгонами» и «Танхиарами» состоялась во второй половине чудесного теплого дня, когда небо казалось полусферой из молочного стекла. «Танхиары» были очень популярны в Зауркаше и стадион был переполнен. Из праздного любопытства Глиннес обвел взглядом ложи. В одной из них, как и раньше, сидел Льют Касагэйв с неразлучной своей камерой. Странно, отметил про себя Глиннес.

Команды выстроились для торжественного прохождения перед трибунами и вперед вышли шейлы: от «Танхиар» Филена Саджо, дочь рыбака из Дальнего Ле-са, девушка с загорелым, свежим лицом, от «Горгон» — Кэрю Лириант, высокая темноволосая девушка с вполне зрелыми, пышными формами, явно проступавшими даже под складками ее строгого белого одеяния. Лорд Генсифер хранил ее имя втайне и познакомил с командой всего за три дня до игры. Кэрю Лириант даже и не пыталась завоевать симпатии у игроков, что само по себе уже было очень дурным знаком. Тем не менее, Кэрю Лириант была наименее влиятельным фактором, определившим подавленное состояние игроков перед встречей с «Танхиарами». Куда важнее было то, что команду оставил левый крайний защитник Рамос, которому надоело выслушивать критические высказывания лорда Генсифера.

— Дело не в том, что я считаю себя слишком уж большим знатоком хассэйда, — сказал он лорду Генсиферу. — Дело в том, что вы разбираетесь в нем еще хуже меня. Не вам, а мне следовало бы подгонять вас этими вашими «Опа-на! Опа-на!»

— Вон с поля! — рявкнул лорд Генсифер. — Если вы не уйдете из команды сами, я все равно выживу вас!

— Ха-ха! — ответил Рамос. — Если начнете выживать всех, кто жалуется, то играть будете сами.

Вопрос о замене возник во время отдыха после тренировки.

— Есть тут у меня одна мыслишка, как помочь команде, — сказал лорду Генсиферу Лючо. — Предположим, вы займете вакантное место защитника — у вас есть все для этого данные. Вы достаточно крепки и достаточно упрямы для этого. В таком случае, есть у меня на примете один малый, который мог бы действительно стать очень неплохим нашим капитаном.

— Вот как? — ледяным голосом произнес Лорд Генсифер. — И кто же этот герой? .

— Дензель Уорхаунд, выступающий сейчас за «Бакланов».

Лорду Генсиферу стоило огромных усилий сохранить самообладание.

— Куда более проще и менее разрушительно подыскать нового защитника.

Дальнейший разговор стал бесполезен. Новый защитник появился в команде уже на следующей тренировке, игрок, значительно уступавший даже Рамосу.

Вот поэтому-то «Горгоны» и выходили на матч с «Танхинарами» с далеко не самым оптимальным игровым настроем.

Обойдя вокруг поля, команды опустили на лица шлемы, осуществив всегда поражающее воображение превращения людей в неких героев-небожителей, причем каждый игрок в какой-то мере полагал, что и на него самого распространятся те качества, которые отражены на рисунке маски. Глиннес впервые увидел маски «Танхинар». Они представляли из себя подлинное произведение искусства — затейливый серебристо-черный орнамент в сочетании с роскошным плюмажем из красных и фиолетовых перьев. Когда «Танхинары» заняли свои исходные позиции на поле, они представляли из себя довольно внушительное зрелище. Как и ожидалось, все игроки были рослыми и физически сильными. «Команда из десяти защитников и одного жирного старца» — так отзывался о ней Карбо Гилвег. «Жирным старцем» был капитан Ниро Неронави, никогда не покидавший безопасную зону вокруг своего бакона и чьи тактические построения были настолько же прямолинейными, насколько сложными и запутанными лорда Генсифера. Глиннес не предчувствовал трудностей для защиты: форварды «Танхинар» были не умелы в использовании трапециями и быстрая передняя линия «Горгон» мог-

ла легко переиграть сразу всю линию атаки противника. Совсем иное дело защита. Глиннес, будь он капитаном, заставил бы защитников смещаться то в одну сторону, то в другую, пока хоть на мгновение в их рядах не образовалась бы брешь, в которую молнией устремился бы один из форвардов. Он сомневался в том, что лорд Генсифер прибегнет именно к такой тактике и вообще сумеет ли настолько грамотно руководить действиями команды, чтобы можно было осуществить быстрые отвлекающие маневры и мониеносные прорывы.

Зеленый свет по жребию достался «Горгонам». Прозвучал гонг, вспыхнули зеленые лампы, игра началась. «Двенадцать — десять, опа-на!» — прокричал ллорд Генсифер, посылая к центральному рву форвардов и полузащитников и передвигая защитников на два пересечения вперед. «Тринадцать — восемь» — выпад крайних нападающих и полузащитников к боковым трассам в то время, когда инсайды уже готовы перепрыгнуть ров. Пока что как будто неплохо. Следующей командой почти мгновенно после этого должна быть «Восемь — тринадцать», означающая пересечение рва полузащитниками и финт нападающих влево. Полузащитники преодолели центральный ров. Форварды «Танхинар» заколебались, и наступило самое время быстрой атаки по правому флангу противника. Но лорд Генсифер не проявил должной решительности, элемент внезапности атакующих действий нападающих пропал, полузащитники вернулись на свою половину поля, преодолев ров в обратном направлении, и зажегся красный свет.

Подобным образом игра продолжалась в течение пятнадцати минут. Двое форвардов «Танхинар» были отправлены в воду при попытке провести атаку, но успели вернуться на площадку до того, как «Горгонам» удалось извлечь из этого какое-либо преимущество. Лорд Генсифер стал нетерпелив и попробовал новую тактику — как раз ту комбинацию, которую использовал Глиннес при выигрыше гейма у «Бакланов» и которая была совершенно неуместна против «Танхинар». Результатом же оказалось то, что плескаться в бассейне пришлось всем четверем нападающим, полузащитнику и самому лорду Генсиферу, а «Танхинары» чуть ли не церемониальным шагом пересекли все поле и без труда овладели кольцом. Лорд Генсифер уплатил более тысячи озовов выкупа.

Команды перегруппировались.

— Знаю я один способ выиграть гейм, — шепнул Лючо Глиннесу. — Надо держать Тамми в штрафном бассейне.

— Отлично, — согласился Глиннес. — Комбинация «Сушая глупость». Скажи об этом Савату. Я скажу Часту.

Зеленый свет. Лорд Генсифер привел свою команду в движение. За две секунды до того, как свет переменялся на красный, вся передняя линия «Горгон» затеяла какие-то совершенно бессмысленные перемещения, и это настолько вывело из себя лорда Генсифера, что в своем гневе он проморгал смену цвета и продолжал громкими воплями увещевать вышедших из повиновения игроков. Игра была остановлена, и лорд Генсифер понуро побрел к штрафному бассейну, так до конца и не поняв, что же это произошло на самом деле.

Руководство действиями команды принял на себя, как и положено по правилам, выступавший в роли правого инсайда Глиннес. Пока горел красный свет, «Танхины» попытались организовать штурм центрального рва. Оказываясь в нужной точке площадки в нужное время, форварды «Горгон» сумели отправить в бассейн обоих инсайдов противника и заставить отступить крайних нападающих. Зеленый свет. Настало время осуществления замысла Глиннеса. Одну за другой он объявлял намечаемые им комбинации. Передняя линия то устремлялась вперед, то откатывалась назад, затем неожиданно для противника все форварды и полузащитники «Горгон» одновременно преодолели ров. Полузащитники «Танхины» были сметены в воду, но оставались защитники — несокрушимый оплот. Глиннес бросил в атаку и двух своих центральных защитников — теперь центр штурмовали сразу восемь человек. Защитники «Танхины» были вынуждены сбиться в кучу, и этим воспользовался Глиннес, проскользнув к ним за спину, а за мгновение до того, как схватился за кольцо, еще и успел дружеским толчком корпуса смахнуть в воду Карбо Гилвега.

Лорд Генсифер угрюмо выбрался из штрафного бассейна и, не проронив ни единого слова хоть с кем-нибудь из своих игроков, принял тысячу озов из рук Нило Неронави.

Игроки команд разошлись по исходным местам. Красный свет. «Танхины» скучились у себя на левом фланге в надежде прельстить кого-нибудь из «Горгон» необдуманно перепрыгнуть через разделительный ров. Глиннес встретился взглядом с Лючо. Они оба прекрасно понимали намерения друг друга и оба пересекли ров, после чего ринулись вперед по центральным трассам с такой скоростью, которая бы убедила всю остальную свою команду, что эта атака вовсе не является отвлекающим маневром, а предпринята с самыми серьезными намерениями. За ними

вперед рванулись края и полузащитники. В возникшей суматохе, умело применяя финты и неожиданные перебежки с помощью трапеций, вся передняя линия «Горгон» ворвалась в базовую зону противника и вступила в схватку с защитниками. «Буян» Уилмер Гафф, полузащитник, проскользнул к пьедесталу и схватился за кольцо.

— Вот еще один способ выиграть, — радуясь, как ребенок, поделился с Глиннесом Лючо. — Начинаем атаку при смене света, когда Тамми не может ее отменить.

Команды вернулись к исходным позициям. Вновь зажегся красный свет. Нило Неронави решил прибегнуть к тактике, которая в большей мере соответствовала возможностям «Танхиар», и заключалась в том, чтобы с помощью массированного давления долбить оборону противника и мало-помалу все глубже в нее вгрызаться. В воде оказались Лючо и Част, вглубь своей половины поля были отогнаны Сават и Глиннес. «Танхиары» выдвинули ко рву всех своих защитников. Зеленый свет. Лорд Генсифер командовал «Двадцать — два», построение достаточно простое и достаточно приемлемое в данной ситуации, целью которой было вызвать сумятицу в рядах защитников «Танхиар» агрессивными действиями собственных форвардов. Защитники отступили, но дальнейшее продвижение «Горгон» было приостановлено. Карбо Гилвег вступил в схватку с Глиннесом. В воздухе замелькали их буфы. Пригнув голову, Гилвег бросился вперед, Глиннес попытался уклониться, но буфа Гилвега ему избежать так и не удалось.

— Ну как водичка? — спросил Гилвег, глядя с высоты площадки на мокнущего в бассейне Глиннеса.

Глиннес ничего не ответил. Раздался гонг, означающий, что кому-то из «Танхиар» удалось овладеть кольцом.

Команды взяли пятиминутный перерыв для отдыха. С мукой на лице лорд Генсифер отошел в сторону. Лючо, тем не менее, поплелся за ним следом, чтобы приободрить.

— Они определенно еще раз организуют «Большой Навал». Они даже не станут дожидаться красного света и начнут нас теснить еще при зеленом. Нам нужно взломать их центр еще до того, как они переправят на нашу сторону всю свою переднюю линию.

Лорд Генсифер ничего не ответил.

Команды снова вышли на поле. Зеленый свет. Лорд Генсифер повел своих игроков к разделительному рву. «Танхиары» заняли круговую оборону, как бы предлагая «Горгонам» перейти к атакующим действиям в ситу-

ации, когда более подвижные форварды «Горгон», прибегнув к трапециям, могут отправить в бассейн нескольких нападающих противника, отсеченных от мощных защитников — или могут сами оказаться в воде. Лорд Генсифер воздержался от атаки. Красный свет. «Танхины» так и остались в круговой обороне. Зеленый свет. Лорд Генсифер продолжал сдерживать активность своих игроков, тем самым явно показав противнику, что его охватила нерешительность. И это было самым неблагоприятным с его стороны. Глиннес не вытерпел и обратился к нему:

— Давайте рванем через ров. Вернуться мы всегда успеем!

Лорд Генсифер продолжал стоять, как изваяние, сохраняя молчание.

Красный свет. «Танхины» двинулись вперед, все одиннадцать человек, «поручив шейле охранять пьедестал», как гласит соответствующая присказка. Как и раньше, они провели массивный штурм разделительного рва, оставив на своей половине только защитников.

Зеленый свет. Лорд Генсифер распорядился сместиться вправо и атаковать «Танхины», которые создали мощный плацдарм на своем левом фланге. В последовавшей за этим яростной схватке в бассейне оказались по два игрока каждой команды, но «Танхины» все же удалось далеко назад оттеснить левое крыло «Горгон», а затем отправить купаться нерасторопного новенького защитника.

Загорелся красный свет. «Танхины» пядь за пядью отвоевывали пространство, отделяющее их от пьедестала, где Кэрю Лириант продолжала стоять с откровенно скучающим видом, не проявляя хоть какой-нибудь озабоченности.

Зеленый свет. Ситуация требовала от лорда Генсифера самых решительных действий. Его форварды еще удерживали центр, но сюда же поспешили по центральным трассам полузащитники и даже защитники «Танхины», до предела ограничили их ответные возможности и прижали к пяточку вокруг пьедестала. Глиннес сцепился с одним из инсайдов противника. На какое-то мгновение его взору открылся совершенно свободный путь через все поле — нужно было только каким-то образом увести с занимаемой им позиции лишь одного защитника, оставшегося на подстраховке.

Красный свет. Ухватившись за трапецию, Глиннес ушел от атаки форварда «Танхины», перескочил на соседнюю трассу, со всех ног помчался ко рву и перепрыгнул через него. Перед ним открывался совершенно сво-

бодный путь вплоть до самого пьедестала. Ничто уже не может ему помешать! Карбо Гилвег, бросившийся за ним вдогонку по параллельной трассе, в последней отчаянной попытке совершил бросок через трехметровое пространство над водой, отделявшее одну трассу от другой, не имея времени прибегнуть к трапеции, и успел-таки зацепить буфом сзади несущегося к пьедесталу Глиннеса. Через мгновение они оба уже плескались в бассейне.

Раздались три удара гонга — встреча завершилась.

Судья в поле подозвал к себе лорда Генсифера и предложил уплатить выкуп. Но встретил отказ со стороны капитана «Горгон». Грянула волнующая, печальная мелодия, берущая за душу, как вид заходящего солнца, ритм ее был подобен пульсу нервно трепещущего сердца, а пение струн наполнено чисто человеческой страстностью. В третий раз судья в поле потребовал выкуп, и в третий раз лорд Генсифер оставил без внимания его требование. Инсайд «Танхи́нар» потянул за кольцо, длинное до пят платье соскользнуло с Кэрю Лириант. Уже совершенно обнаженная, она с прежней невозмутимостью продолжала глядеть на зрителей и даже чуть улыбалась. Улыбалась настолько беспечно, что как будто откровенно гордилась собой. Она приподнялась на одном носке и глянула через плечо, затем на другом и повторила тот же жест, но уже в противоположную сторону. Весь стадион так и обмер, изумляясь столь своеобразной демонстрации интимных достоинств.

Странная мысль пришла в голову Глиннесу. Он присмотрелся к шейле повнимательнее. Неужели Кэрю Лириант беременна? Эта же мысль пришла в голову и многим другим. Трибуны заволновались. Лорд Генсифер поспешно принес плащ и проводил с пьедестала свою все еще улыбающуюся шейлу. Затем обратился к команде:

— Сегодня угощения не будет. Ничего не поделаешь, но приходится, как это неприятно, выполнить свой долг и строго наказать за непослушание. «Король» Лючо, можете считать себя свободным. Глиннес Халден, ваше поведение...

— Лорд Генсифер, — произнес Глиннес, — избавьте меня от своих критических замечаний, я ухожу из команды. В таких условиях совершенно невозможно играть.

— Я тоже ухожу из команды, — поддержал Глиннеса левый инсайд Эрвил Сават.

— И я, — отозвался Уилмер Гафф, правый полузащитник, один из сильнейших игроков команды, принимавший на себя основное бремя всей черновой работы. Остальные игроки заколебались. Если они тоже

уйдут из команды, то, скорее всего, так и не найдут другой уже существующей команды, к которой можно было бы пристать. Поэтому они предпочли придержать язык за зубами.

— Быть по сему, — сказал лорд Генсифер. — Для нас только лучше избавиться от вас. Все вы были чересчур уж своевольными — и вы, Глиннес Халден, и вы, Лючо, старались не упустить ни одной возможности подорвать мой авторитет.

— Только тем, что могли принести команде одно-два победных кольца, — заметил Лючо. — Да что тут говорить — желаю удачи вам и вашим «Горгонам»!

Он снял маску и вручил ее лорду Генсиферу. То же самое сделал Глиннес, затем Эрвил Сават и Уилмер Гафф. «Тумба» Кэндольф, единственный надежный защитник, осознав бесперспективность дальнейшего пребывания в команде, которая, по сути, перестала что-либо из себя представлять, тоже отдал свою маску лорду Генсиферу.

Выйдя из раздевалки, Глиннес сказал своим четырем товарищам:

— Сегодня вечером — все ко мне. Пусть это станет нашей вечеринкой по случаю одержанной только что личной победы. По случаю избавления от этого идиота Тамми.

— Очень верно подмечено, — согласился Лючо. — Я тоже не прочь пропустить кружечку-другую, но это куда веселее будет сделать на альтрамарском пляже, и там мы найдем благожелательных слушателей.

— Как хотите. Последнее время что-то слишком уж тихо у меня на веранде. Никто там не сидит, кроме меня, да еще, может быть, одного-двух мерлингов, когда меня нет.

По дороге к причалу пятерка повстречала Карбо Гилвега и еще двух танхинарских защитников. Все они были в приподнятом настроении.

— Хорошо вы играли, «Горгоны», но сегодня вы встретились с доведенными до отчаяния «Танхинарами».

— Спасибо за утешение, — ответил Глиннес, — вот только не называйте нас больше «Горгонами». Нам больше не доставляет удовольствия известность под этим именем.

— О чем это вы? Лорд Генсифер отказался от бредовой идеи руководить хассэйдной командой?

— Он решил отыгаться на нас, мы же не остались у него в долгу. А «Горгоны» все еще существуют, как мне кажется. Все, что понадобится Тамми, это новая передняя линия.

— Какое странное совпадение! — воскликнул Карбо

Гилвег.— Это как раз то, что очень нужно и «Танхинарам». Вы куда сейчас направляетесь?

— К Лючо на Альтрамар — отпраздновать свою личную победу.

— Тогда уж лучше к Гилвегам, где будет отмечаться настоящая победа.

— Это не для нас,— сказал Глиннес.— Да и вам самим разве захочется терпеть наши кислые лица на празднике?

— Совсем наоборот! У меня даже есть особая причина для того, чтобы пригласить вас. Во всяком случае, давайте завернем в «Чудо-Линь» на пару кружек пива.

Все восьмером расположились за большим столом, и официантка принесла восемь полных до краев кубков.

Гилвег опустил взор, как бы рассматривая шапку из пены над своим кубком.

— Позвольте поделиться одной пришедшей мне в голову мыслью — совершенно очевидной и отличной. «Танхинарам», как и лорду Генсиферу, нужна передняя линия. Это никакой не секрет — все уже давно это признают. Мы — команда, состоящая из десяти защитников и одного пивного бочонка.

— Все это очень хорошо, и я разделяю твою точку зрения,— сказал Глиннес,— но вот ваши нападающие, независимо от того, являются ли они на самом деле защитниками или нет, будут определенно против этого.

— А какое они имеют право возражать? «Танхинары» — открытый клуб. Каждый может в него вступить, и если он подходит по всем показателям, то будет играть. Подумать только! Впервые на моей памяти жалкие «Закрашские Танхинары» могут стать настоящей командой!

— Заманчивая мысль.— Глиннес обвел взглядом своих товарищей.— Ну и что вы на это скажете?

— Я хочу играть в хассэйд,— сказал Уилмер Гафф.— И всегда стремлюсь к победе. Мне по душе такой поворот дела.

— На меня тоже можете рассчитывать,— сказал Лючо.— Возможно, нам еще предоставится шанс сыграть с «Горгонами».

Сават также согласился с предложением Гелвига, а вот Кэндольф все еще сомневался.

— Я — защитник. Для меня нет места в составе «Танхинара».

— Ты в этом уверен? — спросил Гилвег.— У нашего левого крайнего защитника серьезная травма ноги. В составе

неизбежно произойдут перестановки, и может случиться так, что для тебя освободится место левого полузащитника — ведь ты достаточно быстр. Так что — попробуем?

— В самом деле — а почему бы и не попробовать?

Гилвег осушил до дна кружку.

— Вот и прекрасно. Все улажено. Вот теперь мы все можем с чистым сердцем отпраздновать победу «Танхинар»!

Глава 12

Когда Глиннес на следующее утро добрался домой, то увидел чью-то чужую лодку, привязанную к причалу. Никто не сидел на веранде, да и сам дом оказался пустым. Глиннес вышел через черный ход и увидел прогуливавшихся по лугу Глэя, Акади и Джуниуса Фарфана. На всех троих была аккуратная одежда черного и серого цветов, принятая среди фаншеров. Глэй и Фарфан что-то горячо доказывали друг другу. Акади держался несколько в стороне от них.

Глиннес вышел на луг встретить гостей. Увидев удивление и даже некоторое презрение на лице Глиннеса, Акади ответил полужаспанной улыбкой.

— Ни за что бы не подумал, что вас может увлечь подобный вздор, — недовольно фыркнул Глиннес.

— Приходится идти в ногу со временем, — произнес Акади. — В самом деле, я получаю немалое удовольствие от подобной одежды.

Глэй бросил в сторону Акади неодобрительный взгляд, Джуниус Фарфан просто рассмеялся.

Глиннес взмахом руки пригласил всех троих на веранду.

— Устраивайтесь поудобнее! Я хочу угостить вас вином. Не возражаете?

Фарфан и Акади взяли по бокалу вина, Глэй коротко отказался и последовал за Глиннесом внутрь дома, в котором провел детство. Теперь он глядел на все вокруг себя глазами совершенно постороннего человека. Постояв так немного, он снова вышел на веранду и подозвал к себе Глиннеса.

— У меня есть для тебя предложение, — произнес Глэй. — Ты хочешь вернуть себе остров Эмбл. — Тут он

поглядел на Джуниуса Фарфана, и тот положил на стол конверт.— Он будет тебе принадлежать. Вот деньги, с помощью которых можно выставить оттуда Касагэйва.

Глиннес протянул руку к конверту, но Глэй отвертел ее в сторону.

— Не так быстро. Как только ты вернешь в свою ответственность Эмбл, можешь отправиться туда жить, если сочтешь нужным. А в мое пользование перейдет Рабендари.

Глиннес с изумлением поглядел на Глэй.

— Теперь тебе захотелось Рабендари! Почему мы оба не можем жить, как братья, и вместе обрабатывать эту землю?

Глэй покачал головой.

— Если твое мировоззрение не изменится, то между нами всегда только будут трения. У меня нет сил, чтобы спорить с тобою. Ты берешь себе Эмбл, я забираю Рабендари.

— Никогда не доводилось слышать ничего более абсурдного,— произнес Глиннес.— Ведь эти оба острова принадлежат мне.

Глэй снова покачал головой.

— Никак нет, если Шира живой.

— Ширы уже нет в живых.— Глиннес прошел к своему тайнику, откупорил кувшин и извлек золотой брелок, после чего принес его на веранду и швырнул на стол.

— Помнишь это? Я отобрал этот брелок у твоих приятелей Дроссетов. Они убили и ограбили Ширу, а тело бросили мерлингам.

Глэй посмотрел на брелок.

— Они в этом признались?

— Нет.

— Ты можешь доказать, что взял это у Дроссетов?

— Можешь поверить мне на слово.

— Этого недостаточно,— коротко бросил Глэй.

Глиннес медленно повернул голову и посмотрел на брата в упор, затем неторопливо поднялся во весь рост. Глэй продолжал сидеть в напряженной позе, как взведенная пружина.

— Разумеется, достаточно твоих слов, Глиннес,— поспешил успокоить его Акади.— Садись.

— Глэй может взять назад свое суждение, а затем и сам отсюда убраться.

— Глэй имел в виду,— сказал Акади,— что твоего слова недостаточно в юридическом смысле. Я прав, Глэй?

— Да, да,— скупающим голосом подтвердил Глэй.—

Для меня лично твоего слова вполне достаточно. Тем не менее, мое предложение остается в силе.

— Почему это тебе вдруг так приспичило вернуться домой, на Рабэндари? — спросил Глиннес. — Ты покидаешь наскучивший тебе костюмированный бал?

— Как раз наоборот. На Рабэндари мы организуем общину Фаншерада, создадим творческий коллектив, своего рода лабораторию по постановке задач динамичного развития.

— Ну и ну! — изумился Глиннес. — Динамичного развития. А с какой такой целью?

— Мы намерены, — спокойно произнес Джуниус Фарфан, — основать академию свершений.

Глиннес, ошарашенный совершенно непонятными для него идеями, устремил взгляд на водную гладь.

— Честно признаться, я в недоумении. Скопление Аластор существует несколько тысяч лет, галактику населяют триллионы людей. Величайшие умы здесь, там, повсюду, где только ступала нога человека, давным-давно сформулировали все стоящие перед людьми задачи и успешно решили их. Все тайны окружающего нас мира раскрыты и осуществлены все цели — и не один раз, а многие тысячи раз. Хорошо известно, что мы живем в эпоху золотого заката человечества. Из этого следует, ответьте мне именем Тридцати Тысячи Звезд, где же это вы раскопаете нетронутую область знаний, которую так обязательно нужно углублять на лужке за моим домом на Рабэндари?

Глэй в нетерпении даже засуетился, как бы устыдившись непроходимой тупости брата. А вот Джуниус Фарфан взял на себя труд вежливого разъяснения ситуации.

— Такие воззрения, естественно, хорошо нам знакомы. Однако совсем не трудно продемонстрировать, что объем знаний и, соответственно, размеры свершений ничем не ограничены. Всегда существует грань между известным и еще не познанным. А раз это так, то беспредельны и возможности, открывающиеся, куда ни кинь, перед любым количеством людей. Мы не претендуем, и даже не надеемся на то, чтобы раздвинуть границы человеческих знаний. Наша академия всего лишь пролог к этому. Прежде, чем приступить к исследованиям в новых областях знаний, нужно четко очертить старые и определить те области, где имеется возможность новых свершений. Такая работа грандиозна сама по себе. Я рассчитываю всю свою жизнь посвятить вот этой черновой, предварительной работе. Но даже и в этом случае я наполню свою жизнь определенным

смыслом, она не будет потрачена зря. Я предлагаю вам, Глиннес Халден, присоединиться к Фаншерату и разделить наши великие цели.

— И носить унылую, ничем не примечательную одежду, бросить хассэйд и любование звездами? Ни за что на свете! Мне абсолютно безразлично, достигну я чего-то или нет. Что же касается вашей творческой лаборатории, то если вы устроите ее у меня на лугу, вы испортите мне вид вон на тот лес. Присмотритесь к красоте деревьев! Полюбуйтесь вон теми бликами на воде! И вам очень скоро покажется, что все эти ваши разговоры о «свершениях» и «особом смысле жизни» сущая суета сует — напыщенная болтовня желторотых мальчишек.

Джуниус Фарфан рассмеялся.

— Я соглашусь с «суетой сует» как и с такими эпитетами, как самонадеянность, эгоцентризм, элитизм, какие только вы пожелаете выбрать. Да мы и не претендуем на что-то иное.

— Другими словами,— робко пояснил Акади,— Фаншерад искусно обращает ту силу, что изначально присуща людским порокам, для достижения по возможности более благородных целей.

— Дискуссии на отвлеченные темы — очень увлекательное занятие,— заметил Джуниус Фарфан,— но нам следует сосредотачивать свое внимание в большей степени на динамические, а не на статические процессы. Вы согласны с предложением Глэя?

— Чтобы остров Рабэндари был превращен в сумасшедший дом, давший приют Фаншерату? Конечно же, нет! Неужели вы такие бездушные? Поглядите на этот пейзаж! Во вселенной полным-полно человеческих свершений, а вот красоты не всегда хватает. Организуйте свою академию где-нибудь на лавовом поле у подножья вулкана или в какой-нибудь пустыне. Но не здесь.

Джуниус Фарфан поднялся из-за стола.

— Мы желаем вам приятно провести день.— С этими словами он взял конверт. Глиннес весь подался вперед, но рука Глэя обхватила его запястье. Фарфан положил конверт к себе в карман.

Глэй отпустил руку, по-волчьи оскалив зубы в улыбке. Глиннес наклонился вперед, напрягшись всем телом. Джуниус Фарфан хладнокровно поглядел на Глиннеса, и тот обмяк. Взгляд Фарфана остался таким же спокойным, уверенным и отрешенным.

— Я останусь здесь с Глиннесом,— сказал Акади.— Он меня подбросит домой чуть позже.

— Как хотите,— сказал Фарфан. Он и Глэй спустились к своей лодке и, бросив прощальный жадный взгляд на луг за домом, отчалили.

— Есть что-то явно нахальное в подобном предложении,— процедил сквозь зубы Глиннес.— Неужели они считают меня болваном, которого легко обвести вокруг пальца?

— Они непоколебимо уверены в благородстве своей цели,— сказал Акади.— Скорее всего, ты ошибаешься, принимая эту уверенность за нахальство... Не спорю, эти качества, бывает, незаметно переходят одно в другое. И все же, ни Глэй, ни Джуниус Фарфан наглецами не являются. Фарфан, пожалуй, чересчур уж вежлив, а Глэй выглядит несколько отрешенным, но тем не менее, как ни говори, парень честный и искренний.

Глиннесу с огромным трудом удавалось сдерживать негодование.

— Хороша честность, когда меня пытаются облапошить и отобрать то, что мне принадлежит по праву! Вам бы не мешало пересмотреть свои взгляды.

Акади поспешил заверить Глиннеса, что все это не столь уж существенно, и сменил тему.

— Вчера я смотрел хассэйд. Должен признаться, игра принесла мне большое удовольствие, хотя кое-что для меня так и осталось неясным. Хассэйд — одно из крайних проявлений межличностных взаимоотношений. Не бывает, чтобы одна игра была, как две капли воды, похожа на другую. Я даже в состоянии поверить в то, что использование масок является произвольным признанием необходимости уберечь игру от того, чтобы она не превратилась в выяснение отношений между личностями, доминирующими в каждой из команд.

— В отношении хассэйда любое суждение может оказаться верным. Я, например, знаю, что настолько уже не в состоянии переносить личность лорда Генсифера, что буду играть в «Танхинарах».

— Случилось так, что как раз сегодня утром я повстречался с лордом Генсифером. И где бы ты думал? В таверне «Мирная Долина» на Воалише. За чашкой чая он упомянул, что отпустил на все четыре стороны нескольких игроков за непослушание.

— Непослушание? — возмущенно фыркнул Глиннес.— Если уж быть более точным, за явное недовольство. Что ему понадобилось в Воалише? Учтите, вопрос просто к слову. Платить гонорар не стану.

— Лорд Генсифер,— с важным видом ответил

Акади,— беседовал на хассэйдные темы с несколькими «Бакланами». Как я полагаю, он склонял их к тому, чтобы пристать к «Горгонам».

— Вот это да! Значит, Лорд Генсифер не отказывается от своей затеи?

— Совсем наоборот. Он полон энтузиазма. Он утверждает, что был побежден только лишь из-за инертности и ужасного невезения, но никак не мастерством противника.

Глиннес презрительно рассмеялся.

— Всякий раз, когда лорд Генсифер отсиживался в штрафной яме, мы оказывались в состоянии выиграть гейм. Когда же он навязывал нам свои комбинации, нас, как зайцев, гоняли по всему полю.

— А с толстяком Неронави было бы лучше? Творческим подходом к игре он не очень-то блещет.

— Что верно, то верно, но с ним, по-моему, мы могли бы сыграть лучше.— Глиннес на мгновение задумался.— Вы не против того, чтобы еще разок сходить в Воалиш?

— Пожалуйста — другие дела меня пока что не поджимают,— ответил Акади.

Дензель Уорхаунд жил в небольшом домике между двумя развесистыми мирсалиями в самом начале Мирной Долины. Ему еще не сообщили о визите лорда Генсифера в Воалиш, однако он не высказал ни удивления, ни недовольства.

— Команда с самого начала предполагалась как временная. Меня удивляет, что она еще до сих пор держится. Одну минутку.— Он прошел к телефону и несколько минут разговаривал с кем-то, затем вернулся на крыльцо.— Оба инсайда, оба края и один полузащитник — все только что ушли к «Горгонам». Так что, можете теперь не сомневаться, «Бакланам» в этом году уже никак не взлететь.

— Лично вас, может быть, заинтересует вот что,— сказал Глиннес.— «Танхиарам» в самое ближайшее время может понадобиться энергичный капитан. Неронави стал слишком уж инертным. С умным капитаном «Танхиары» могут существенно повысить свой заработок.

Дензель Уорхаунд почесал подбородок.

— «Танхиары», если не ошибаюсь, открытый клуб?

— Распахнут настежь.

— Заманчивая идея, несомненно заманчивая.

Глава 13

Превращение «Танхинар» из команды «десяти защитников и одного жирного старца» в хорошо сбалансированную, разностороннюю команду произошло не без крупной склоки. Нило Неронави распалился до такой степени, что категорически отказался признать тот факт, что в мастерстве он значительно уступает Дензелю Уорхаунду. Когда же это было наглядно продемонстрировано, он с громкой руганью покинул поле в сопровождении Шейлы, своей племянницы. Не прошло и часа, как в наружной беседке «Чудо-Линя» Неронави и его приспешники провозгласили себя ядром новой команды под названием «Зауркашские Рыбозабойщики» и так разошлись, что бросили вызов лорду Генсиферу, который случайно проходил мимо, настаивая на встрече с его «Горгонами». Лорд Генсифер дал согласие обдумать предложение.

«Танхинары», так неожиданно осознав, каким высоким потенциалом они теперь располагают, как бы пробудились после долгой спячки и тренировались с особым усердием, тщательно отшлифовывая точность исполнения технических приемов и скоординированность действий и расширяя набор основных наигранных комбинаций. Их первыми противниками должны были быть «Громилы из Галгэйда», городка, расположенного в Восточных Шхерах. «Громилы» играли, как правило, в матчах, в которых разыгрывалось не более полутора тысяч озовов, а такая сумма как раз и соответствовала весьма скромным финансовым возможностям «Танхинар». Только вот кто станет их шейлой? Менеджер клуба Перинда познакомил команду с несколькими довольно-таки невзрачными претендентками, но команда сочла их неподходящими.

— Мы теперь классная команда, — громогласно объявил Уорхаунд. — Может быть, даже первоклассная — поэтому ищите для нас классную шейлу. Нас не устроит какая-нибудь засидевшаяся в девках толстуха, годящаяся разве что в качестве приманки для мерлингов.

— У меня есть одна девушка на уме, — признался Перинда. — Не то что первого — высшего класса девчонка. Всего у нее хоть отбавляй — «сашея», красоты, темпе-

раamenta, за исключением одной или двух небольших за-
ковых.

-- И каких же? Она, что, мать девяти детей?

— Нет. Я уверен в том, что она — девственница. Ведь она — треванка. Это первая из заковых, о которых я упомянул.

— Вот как, — произнес Глиннес. — Ну и какие же другие ее недостатки?

— Она, похоже, слишком уж эмоциональна. Такое впечатление, что язык у нее сам по себе. Но как бы то ни было, ей присуща какая-то особая одухотворенность — идеальная шейла.

— Вот теперь все ясно. И имя ее — скорее всего, Дьюссана Дроссет?

— Совершенно верно. У вас есть возражения?

Глиннес провел языком по губам, пытаясь выяснить, каково же его истинное отношение к Дьюссане Дроссет. Можно было не сомневаться в ее «сашее», во внутреннем жаре, который от нее исходил — она безусловно станет мощным стимулом для команды.

— У меня нет возражений, — сказал Глиннес.

Если Дьюссана и смутилась, обнаружив Глиннеса в команде, то внешне на ней это никак не отразилось. На тренировочную площадку она пришла одна — независимое поведение было свойственно девушкам-треванкам. На ней была темно-коричневая накидка, которая под порывами южного ветра туго облегла ее стройную фигуру, и выглядела она очень привлекательно и весьма скромно держалась. Говорить ей, в общем-то, было не о чем, но за упражнениями «Танхинар» она следила с неослабевающим вниманием и, похоже, прекрасно понимала, что такое хассэйд, что заставило команду тренироваться с куда более возросшей энергией.

Дьюссана отправилась вместе с командой на веранду «Чудо-Линя», где команда обычно отдыхала сразу же после тренировки. Перинда казался каким-то рассеянным и когда официально представлял Дьюссану, несколько подчеркнуто назвал ее как «одну из наших кандидаток».

— Как по мне лично, — вскричал Сават, — то лучшей шейлы нам не сыскать. Так что давайте бросим раз и навсегда разговор о «кандидатках».

Перинда прочистил горло.

— Да, да, разумеется. Но есть еще пара вопросов, которые необходимо уладить. По сложившейся традиции

мы выбираем себе шейлу после всестороннего обсуждения.

— Ну и что же еще нужно обсудить? — недовольно спросил защитник Этцинг, затем повернулся к Дьюссане. — Вы готовы преданно нам служить в качестве нашей шейлы и делить с нами все беды и радости?

Лучистые глаза Дьюссаны, пробегая по игрокам, казались, на мгновение остановились при взгляде на Глиннеса, однако на вопрос Этцинга она ответила:

— Конечно же — да.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Этцинг. — Значит, провозглашаем ее нашей шейлой?

— Одну минутку, всего лишь одну минутку! — слегка покраснев, произнес Перинда. — Как я уже сказал, нужно обсудить пару несущественных вопросов.

— Каких же именно? — возмущенно рявкнул Этцинг. — Выкладывайте!

Перинда надул щеки, весь зардевшись от смущения.

— Мы сможем обсудить все это в другой раз.

Тут уж не выдержала Дьюссана.

— Что это за несущественные вопросы? Обсудите их сейчас, в присутствии всей команды. Возможно, я смогу объяснить все, что будет нуждаться в объяснении. Ну что мешкаете? — вызывающе потребовала она от Перинды, который все еще колебался. — Если о чем-то еще нужно сказать, то я хочу услышать о чем. — И снова, как показалось Глиннесу, ее взгляд остановился именно на нем и притом уже надолго.

— Мне бы не хотелось произносить слишком уж крепких слов, — заикаясь, начал Перинда, — но имеются некоторые намеки и даже слухи в отношении... Э... вашего целомудрия. И это не может не вызвать у меня определенных сомнений даже не смотря на то, что вы — треванка.

Глаза Дьюссаны вспыхнули.

— Неужели кто-нибудь смеет сказать подобное обо мне? Ведь все это так нечестно и малодушно! К счастью, я знаю, кто мой недруг, и я никогда ему не забуду нанесенного мне оскорбления!

— Нет, нет! — вскричал Перинда. — Я сам не знаю, откуда дошел до меня этот слухок. Ведь это всего лишь...

— Ждите меня здесь! — повелительно сказала Дьюссана, обращаясь к команде. — Не расходитесь, пока я не вернусь. Коль я все равно уже унижена таким недоверием ко мне, то позвольте хотя бы опровергнуть те сплетни, что возникли вокруг меня!

Разъяренная до белого каления, она пулей вылетела

из беседки и едва не сбила с ног оказавшегося у нее на пути лорда Генсифера вместе с одним из его закадычных дружков, лордом Аландриком.

— Силы небесные! — воскликнул лорд Генсифер. — Что это за девушка? И на кого это она так разгневалась?

— Милорд, — покорно произнес Перинда, — эта девушка — кандидатка в шейлы «Танхинар».

Лорд Генсифер рассмеялся, крайне удовлетворенный услышанным ответом.

— Она совершила самый мудрый поступок за всю свою жизнь, сбежав с церемонии посвящения в шейлы. По правде говоря — малышка более, чем восхитительна. Я бы сам с превеликим удовольствием потянул бы за ее золотое кольцо.

— Такой возможности, можете не сомневаться, вам никогда не представится, — произнес Глиннес.

— Не будьте столь самоуверенны! Теперь, когда произведены давно уже назревшие замены, «Горгоны» совсем другая команда.

— Как я полагаю, вы не против игры с нами, если будет разыгрываться устраивающая вас сумма?

— Конечно же. И какая же сумма устроила бы вас?

— Три тысячи, пять тысяч, десять тысяч — сколько вы сами пожелаете.

— Вот те на! Да ведь «Танхинары» никогда раньше не замахивались даже на две тысячи озов. Что же тогда говорить о десяти тысячах?

— Какую бы сумму не поставили на кон «Горгоны», мы ответим такую же.

— Ну что ж, это уже дело. Значит вы говорите — десять тысяч озов?

— А почему бы и нет? — Глиннес обвел взглядом всех собравшихся в беседке. Все игроки знали ничуть не хуже его, что в казне команды едва ли наберется самое большее три тысячи озов, но только Перинда выказал озабоченность.

— Прекрасно, — отрывисто бросил лорд Генсифер. — «Горгоны» принимают вызов и согласны в установленном порядке оформить достигнутую договоренность.

Он уже направился к выходу из беседки, но тут в нее снова ворвалась Дьюссана Дроссет. Ее золотисто-каштановые кудри были порядком растрепаны, но в глазах уже пылала не только ярость, но и чуть не меньшее торжество. Она сверкнула взглядом в сторону Глиннеса, а затем швырнула Перинде какую-то бумагу.

— Вот! Я должна была пройти через крайнее для ме-

ня унижение только для того, чтобы вырвать брызжащие ядом языки гадюк-злопыхателей? Читайте! Вы удовлетворены?

Перинда внимательно просмотрел бумагу.

— Похоже на то, что это справка, удостоверяющая непорочность Дьюссаны Дроссет, а заверитель никто иной, как доктор Ниамес. Что ж, этот щекотливый вопрос улажен.

— Не спешите с выводами, — раздался голос Глиннеса. — Какая дата на справке?

— Какая же ты дрянь, Глиннес! — взбеленилась Дьюссана. — Справка датирована сегодняшним числом!

Перинда утвердительно кивнул, после чего сухо добавил:

— Доктор Ниамес не проставил дату проверки с точностью до часов и минут, но, как я полагаю, требовать подобной точности — это уже слишком!

— Моя очаровательная юная леди, — вмешался лорд Генсифер, — а не думаете ли вы, что куда лучше для вас же самой было бы связать свою судьбу с «Горгонами»? У нас куда лучше воспитанная команда, не то что эти грубияны «Танхинары».

— С хорошими манерами в хассэиде нечего делать, — заметил Перинда. Если вы хотите, чтобы вас раздели догола после первой же игры с вашим же участием, то, пожалуйста, ступайте к «Горгонам».

Дьюссана стрельнула в лорда Генсифера оценивающим взглядом, затем несколько сокрушенно покачала головой.

— Мне разрешено стать шейлой только у «Танхинара». Придется вам уламывать моего отца.

Лорд Генсифер воздел очи к потолку, как бы умоляя то или иное божество стать свидетелем того, что удовлетворить предъявленные к нему требования ниже его достоинства, затем низко склонил голову.

— Мои наилучшие пожелания.

Поднятием ладони он распрощался с «Танхинарами!» и покинул беседку.

Перинда сразу же после его ухода с тревогой повернулся к Глиннесу:

— С шутками у вас, как я понял, все в порядке, вот только где нам взять десять тысяч озов?

— А где возьмет десять тысяч озов лорд Генсифер? Он даже пробовал занять деньги у меня. И кто знает, что принесут нам ближайшие месяц-два? К тому времени,

может быть, десять тысяч озов покажутся нам довольно посредственной суммой.

— Кто знает, кто знает? — пробурчал Перинда. — Так вот, вернемся к Дьюссане Дроссет. Так шейла она у нас или нет?

Никто не возражал. Да, наверное, и не осмелился бы, так как Дьюссана по очереди посмотрела в упор на каждого. Вопрос шейлы был окончательно улажен.

Игра с «Громилами» прошла ошеломляюще легко. «Танхинары» с удивлением обнаружили, насколько эффективной оказалась их тактика. То ли они были в шесть раз сильнее, чем сами предполагали, то ли «Громилы», не оправдывая своего названия, были самой слабой командой префектуры Джолани. Трижды «Танхинары», атакуя мощно и решительно, преодолевали расстояние, отделяющее их от шейлы соперников, всегда оказываясь вдвоем против одного обороняющегося и постоянно держа в страхе шейлу «Громил», в то время, как Дьюссана стояла спокойно и уверенно, даже с некоторой горделивой осанкой, а белое длинное одеяние только еще сильнее подчеркивало хрупкую прелесть ее фигурки.

По окончании игры вся команда собралась в «Чудолине». Дьюссана держалась несколько в стороне от общего веселья. Глиннес обвел взором других посетителей таверны и почти сразу же встретился с насупленным взглядом Ванга Дроссета. Немедленно вслед за этим отец вывел Дьюссану из помещения таверны.

Через неделю «Танхинары» отправились вверх по реке Скьюж в городишко Эрч на острове Малый Воуль сыграть с командой «Стихии Эрча». Результат оказался практически таким же. Лючо перешел на место левого инсайда, чтобы усилить атакующую мощь Глиннеса, играя с ним в тандеме, а Сават сыграл на правом краю ничуть не хуже, чем на своем прежнем месте. И все же в расстановке игроков еще были некоторые относительные слабости, чем могла воспользоваться достаточно опытная команда. Гайован, левый крайний нападающий, был слабоват физически и несколько робок, а Роло, левому полузащитнику, не хватало подвижности. Во время игры со «Стихиями» Глиннес заметил лорда Генсифера в одной из центральных лож. Он также заметил и то, что слишком уж часто взор лорда Генсифера обращен к Дьюссане, хотя в этом отношении он был далеко не одинок, так как очарованию, исходившему от Дьюссаны, совершенно невозможно было противиться. Когда она была в белом нарядном платье, начисто забывалось

ее треванское происхождение. Она казалась приводящим в исступление восторг украшением игры — была она одновременно томной и ироничной, беспечной и печальной, дерзкой и осторожной, мудрой и дурашливой. Но какие бы достоинства не видел в ней теперь Глиннес, в его памяти вновь и вновь всплывали среброзвонкий веселый смех и залитая звездным светом дорожка от причала к дому.

Слабость левого крыла «Танхиар» четко проступила в следующей же игре с «Драконами Хансарда», когда «Драконам» дважды удалось изрядно потеснить «Танхи-нар» на своем правом фланге. Всякий раз их останавливали защитники, затем следовала острая атака на шейлу справа, и три удачно проведенные вылазки, одна сразу же за другой, принесли «Танхиарам» общую победу в игре. И снова лорд Генсифер сидел в одной из центральных лож с несколькими не знакомыми Глиннесу людьми, а после игры появился в «Чудо-Линь», где под-твердил свое твердое намерение сразиться с «Танхиара-ми». Каждая сторона ставит на кон десять тысяч озовов, на этом особо настаивал лорд Генсифер, а игра состоится ровно через четыре недели.

Не без колебаний принял Перинда вызов лорда Генсифера. Как только тот отбыл, «Танхиары» серьезно задумались над тем, какие хитрости и подвохи на уме у лорда Генсифера. Как выразился Гилвет: «Даже Тамми не питает никаких надежд на выигрыш с командой в ее нынешнем состоянии».

— Он считает, что в состоянии прорвать наш левый фланг,— угрюмо предположил Этцинг.— Сегодняшним нашим соперникам это почти что удалось.

— Он не станет рисковать десятью тысячами озовов, исходя из подобных соображений,— сказал Глиннес.— Я чую целый букет самых невероятных штучек с его стороны, таких, как совершенно новая команда — например, «Карпауны Вертриса» или «Скорпионы Порт-Ангела» — нацепившая на себя в этот день маски «Горгон».

— Вот это, скорее всего, он и имеет в виду,— согласился Лючо.— Тамми считает, что будет очень неплохой шуткой обобрать нас с помощью подобной команды.

— Да и от десяти тысяч озовов совсем не пострадает его самолечение.

— Такая команда вспорот наш левый фланг, как кожуру у перезревшей дыни,— предрек Этцинг и глянул в ту сторону беседки, где с унылыми лицами прислушивались к разговору Гайован и Роло. Для них подобный разговор имел очень глубокий смысл: в соответствии с неумолимой логикой спортивных состязаний игрокам из команды с каз-

ною в две тысячи озов не найдется места в команде, располагающей в пять раз большей казной.

Через два дня «Танхины» пополнились двумя новыми игроками. Первый из них — «Игла» Ялден — был в самом первоначальном составе команды-мечты Лорда Генсифера. Другой — Дион Слэйдин, привлёк внимание Дензеля Уорхаунда, когда играл еще за малоизвестную команду. Уязвимый левый фланг «Танхины» был таким образом не просто укреплен, а превращен в источник динамического потенциала всей команды.

Глава 14

Роло и Гайована уговорили остаться в клубе в качестве запасных и для участия в тренировочных играх как спарринг-партнеров, и в игре с «Вигтаунскими Выдумщиками» за две недели до матча-реванша с «Горгонами» они выступали на своих прежних местах. «Выдумщики» — команда с довольно неплохой репутацией, уступила в упорной борьбе один гейм прежде, чем нащупала слабинку на левом фланге. После этого они без устали делали пробные вылазки по своему правому флангу и так затерзали уязвимый левый фланг «Танхины», что несколько раз прорывались по нему к самому пятачку и только там не смогли одолеть подвижных и физически крепких защитников. В течение почти десяти минут «Танхины» держали глухую оборону на своей половине поля, испытывая, по-видимому, нехватку сил для атакующих действий, и все это время лорд Генсифер с особым пристрастием следил за их игрой из своей ложи, то и дело перешептываясь со своими друзьями.

«Танхины» в конце концов встречу выиграли, хотя и с немалым трудом, но вновь уложились в три подряд победных гейма. Дьюссана же до сих пор так и не почувствовала прикосновения чьей-либо чужой руки к кольцу-пряжке на своем платье.

В казне команды теперь было уже десять с лишним тысяч озов, а ее игроки уже всерьез подумывали о том, каким образом разбогатеть и самим. Таких возможностей было несколько. Они могли и дальше считать свою команду двухтысячезоловой и играть с другими командами такого же уровня. Однако в этом случае график игр может

показаться им настолько жестким, что успешно его выполнять станет просто невозможно. Можно было считать свою команду достигшей пятидесятичрезвычайно высокого уровня и, играя в этой категории, не слишком-то много зарабатывать, правда, и не очень-то при этом рискуя. И можно было приравнять свою команду к командам высшей категории и играть с богатыми клубами, чтобы достичь как высокого уровня материального благополучия, так и того трудно передаваемого простыми словами состояния, известного под названием «истхаун»¹.

Если истхаун станет достаточно высок, то можно будет провозгласить свою команду достойной участия в регулярных чемпионатах и доказывать свою состоятельность во встречах с любыми командами как на Тралльоне, так и на любой другой планете Скопления, претендуя на выигрыш любых огромных сумм, ограниченных только размерами собственной казны.

День матча-реванша начался с грозы. Багово-лиловые молнии огненными фейерверками расцвели небо, проскакивая между тучами и время от времени ударяя в вершины холмов, в результате чего росшие там высокие минасы мгновенно превращались в полыхающие на ветру электрические факелы. К полудню грозовые тучи отнесло к горам, где они и застряли надолго, продолжая громовыми раскатами выражать свое неудовольствие задержкой в пути.

«Танхиныры» первыми вышли на поле и так были представлены трибунам, заполненным шестнадцатью тысячами зрителей:

— Энергичные и безжалостные к соперникам «Танхиныры» зауркашского хассэйдного клуба в своей традиционной форме серебристо-синего и черного цветов. Они поклялись во веки веков защитить честь и достоинство своей горячо любимой и иступленно обожаемой шейлы Дьюссаны! Состав команды: капитан — Дензель Уорхаунд, крайние нападающие — «Игла» Ялден и Эрвил Сават, инсайды — «Король» Лючо и Глиннес Халден, защитники... — Далее следовало перечисление всех остальных игроков команды. — А вот выходят на поле в своей поражающей воображение форме черного и красно-

¹ Истхаун — состояние, характеризующееся экзальтированной гордостью и уверенностью в своих силах, той особой «маной», которая побуждает к совершению поистине безрассудных подвигов. Следует отметить, что подобное пояснение можно считать лишь грубо приближенным.

го цветов обновленные и готовые к самым решительным действиям «Горгоны», руководимые мудрым наставником и капитаном лордом Таммасом Генсифером и вдохновляемые неописуемым очарованием своей шейлы Арелмры. Крайние нападающие...

Точно, как и ожидал Глиннес, лорд Генсифер вывел на поле команду, самым коренным образом отличавшуюся от той, которую не так уж давно победили «Танхинары». Эти нынешние «Горгоны» выглядели уверенными в себе и целеустремленными, даже самым искушенным зрителям было предельно ясно, что им не привыкать к победам. Только одного человека из здешних мест заприметил Глиннес среди «Горгон» — капитана, Лорда Генсифера. Его замысел оказался, разумеется, прозрачным до неприличия — легко и быстро выиграть десять тысяч озовов. В хассэиде порядочность была понятием не слишком-то почитаемым — ведь сама игра состояла из бесчисленного количества ложных выпадов, грязных уловок, различного рода ухищрений. Запугивание и прямой обман были неотъемлемыми элементами тактики любой команды. Следовательно, тот откровенный подлог, к которому прибегнул лорд Генсифер, не добавлял ему ни авторитета, ни позора, и вообще не затрагивал его репутацию, как если бы был совершен в игре, в которой на такие мелочи смотрят сквозь пальцы.

Под исполняемую оркестром традиционную мелодию «Чудо изящества и красоты» капитаны препроводили своих шейл к соответствующим пьедесталам. От шейлы «Горгон» Арелмры, пышной, темноволосой девицы, не исходило мощных импульсов того единения с командой, той непосредственности, что согревает душу игроков и придает новые силы усталым мышцам, она, короче говоря, не обладала способностью зажечь огонь в крови. От внимания Глиннеса не ускользнуло, что лорд Генсифер выглядит непривычно мирным и сдержанным. Повидимому, у него изрядно поубавилось апломба, когда он заметил изменения, произошедшие в линиях нападения и полузащиты «Танхинара». Тем не менее, после некоторых размышлений он безразлично пожал плечами и даже чуть-чуть, как бы про себя, улыбнулся.

Игроки команды заняли свое места. Трубы, барабаны и флейты зазвучали еще громче — над стадионом раздавалась хватающая за душу мелодия «Каждой шейле грезится слава».

Капитаны и судьи в поле сошлись на центральном мостике. Пользуясь случаем, Дензель Уорхаунд заметил:

— Лорд Генсифер, лица большинства игроков вашей

команды нам совершенно не знакомы. Они все из наших мест?

— Мы все граждане Аластора. Мы все здешние, все пять триллионов,— весомо произнес лорд Генсифер.— А ваши игроки? Они все живут в Зауркаше?

— В Зауркаше или его окрестностях.

Судья в поле подбросил монету. Зеленый свет достался «Горгонам», и игра началась. Лорд Генсифер назвал построение и форварды двинулись вперед — энергично, уверенно, целеустремленно. «Танхины» сразу же почувствовали команду высокого класса.

«Горгоны» провели отвлекающий маневр на правом фланге «Танхины», затем организовали яростную атаку на левом. Мощные парни в красном и черном, в масках, идиотски ухмыляющиеся в плотоядном оскале, сошлись в бешеной схватке с серебром и чернью. И все же левый фланг «Танхины» отступил ровно настолько, чтобы отделить нескольких «Горгон» от остальной команды и прижать их к рову. Свет сменился на красный. Уорхаунд сделал попытку захлопнуть капкан вокруг двоих далеко продвинувшихся «Горгон», но полузащитники «Горгон» рванулись вперед и расчистили путь к отступлению. Какое-то время игра шла с переменным успехом, напоминая разведку боем, когда каждый проверял на прочность противника. После десяти минут столь невыразительной игры лорд Генсифер неосмотрительно покинул безопасную зону вблизи своего бакена. Глиннес тотчас же перепрыгнул ров, вступил в схватку с лордом Генсифером и опрокинул его в бассейн.

Выбрался он из бассейна мокрый и злой — именно это и входило в намерения Глиннеса. Ничто другое не могло так помешать «Горгонам» показать хорошую игру, как та горячность, с которой лорд Генсифер назначал одну за другой все более замысловатые комбинации. «Танхины» же, не мудрствуя лукаво, осуществили классический прорыв по центру, оказавшийся вследствие своей простоты неожиданным для противника, Эрвил Сават вспрыгнул на пьедестал и схватился за кольцо Арелмры. На аристократическое лицо девушки легла тень досады — она совершенно не ожидала такого вторжения в ее святая святых.

С лицом черным, как туча, лорд Генсифер уплатил выкуп в размере пяти тысяч озолов, и судья в поле объявил пятиминутный перерыв на отдых.

— Тамми исходит желчью от бешенства,— сказал Лючо, когда «Танхины» устроили во время перерыва летучее совещание.— Все складывается совсем не так, как он предполагал.

— Давайте-ка выкупаем его еще разок, — предложил Уорхаунд.

— Как раз вот это я и имел в виду. Команда классная, но ее можно одолеть благодаря Тамми.

— Только не надо это афишировать, — предупредил Глиннес, — чтобы они не догадывались, что мы затеем! Тамми надо отправить в воду во что бы то ни стало, но сделать это так, как будто это обычная случайность.

Игра возобновилась. Лорд Генсифер, подогреваемый клокочущим в нем гневом, распалялся все больше, и эта ярость, казалось, передавалась и его игрокам. Ожесточенные схватки возникали то на одной половине поля, то на другой, все более быстрыми и решительными становились действия игроков. Пока горел красный свет, Уорхаунд двинул вперед свое левое крыло, а затем оно неожиданно изменило направление атаки и ринулось на лорда Генсифера. Отчаянная его попытка укрыться в безопасной зоне вокруг своего бакена с треском провалилась — он был перехвачен и опрокинут в воду. На какое-то мгновение перед форвардами «Танхинар» открылась свободная трасса вплоть до самого пьедестала, и Уорхаунд тотчас же бросил их вперед, отбросив всякую осторожность. Поднявшийся по лестнице лорд Генсифер — взгляд его теперь уже стал совершенно безумным — подоспел точно к тому моменту, когда настал черед во второй раз выплачивать выкуп. Его десяти тысяч озов как не бывало.

Несколько подрастерявшиеся «Горгоны» собрались все вместе, чтобы посоветоваться. Воспользовавшись этим, Уорхаунд обратился к судье в поле:

— А как обычно называет себя эта команда?

— А вы не догадываетесь? Да ведь это же знаменитые «Стилеты» с планеты Руфаус, выехавшие на гастрольное турне. Сегодня вы играете, как очень неплохая команда. «Стилеты» уже разгромили «Скорпионов» из Порт-Ангела и «Неустрасимых» из Джонуса — правда, должен отметить, со своим собственным капитаном.

— Коль так, то давайте закатим всем им хорошую баню, чтоб потом не смели жаловаться на плохое руководство. Почему только бедняга-Тамми должен быть сегодня принесен в жертву?

— Браво! Мы отправим их к себе домой на Руфаус чистенькими и причесанными!

Красный свет. «Танхинары» форсировали разделительный ров и обнаружили, что противник перешел в глухую оборону. Располагая двумя выигранными геймами в запасе, защитники «Танхинар» могли себе позволить

большие вольности, чем обычно. Они выдвинулись ко рву, а затем тоже пересекли его — маневр, который показывал, с каким оскорбительным пренебрежением команда перестала считаться с атакующими возможностями противника. И сразу же разразилась буря — вспыхнула ожесточенная рукопашная схватка по всему фронту обороны «Горгон». В бассейн угодило сразу несколько человек с каждой стороны, а на всех трассах красное и черное с трудом сдерживало натиск черни и серебра, в мерзких черных пастях масок сверкали металлом клыки, все смешалось во всеобщей свалке перед пятачком «Горгон», накал борьбы стал таким, что никто уже не слышал хриплых окриков капитанов, тонувших в реве зрителей и вое волюнок, которым они подбадривали игроков. С лица Арелмры, стоявшей с прижатыми к груди буками, исчезла отрешенность — она, казалось, вот-вот застонет и разрыдается, хотя ее голоса так никто и не услышит во всеобщем гвалте, поднявшемся на стадионе. Мощные защитники «Танхиар» пробили брешь в рядах «Горгон», и Уорхаунд, отшвырнув бакен, ринулся в эту брешь, чтобы завладеть золотым кольцом.

Белое платье слетело с Арелмры — она стояла теперь совершенно голая, а страстная музыка торжественно отмечала поражение «Горгон» и трагизм унижения их шейлы. Лорд Генсифер принес ей халат и вывел с поля, остальные игроки побежденной команды, низко понутив головы, последовали за ним. Восторг же «Танхиар» был столь огромен, что они подняли на руки Дьюссану и под звуки традиционного гимна, восхваляющего незапятнанную честь шейлы-победительницы, пронесли ее через все поле и поставили на пьедестал шейлы «Горгон». Не в силах больше сдерживать обуревающие ее чувства, Дьюссана взметнула вверх руки и закричала от радости. Смеясь и плача, она стала целовать всех «Танхиар» подряд, пока не наткнулась на Глиннеса. Вот тогда она вся как бы снова ушла в себя и покинула поле.

Сразу же после игры «Танхиары» собрались в «Чудо-Лине», чтобы принять поздравления многочисленных болельщиков.

— Не было у нас еще такой решительной, такой агрессивной, такой дерзкой команды!

— «Танхиары» прославят Зауркаш на всю планету! Подумать только!

— И что теперь будет делать лорд Генсифер со своими «Горгонами»?

— Может быть, теперь он попытается выставить против «Танхиар» сборную какой-нибудь из префектур или даже «Непобедимых» с Зеленой Звезды.

— Я бы поставил свой озол на «Танхинар».

— «Танхинары»! — вскричал Перинда. — Я только-только от телефона! Нам предложили сыграть пятнадцатитысячеозоловую игру! Ну как, хотите?

— Естественно, хотим! С кем?

— С «Карпаунами из Вертриса».

В беседе мгновенно стало тихо. «Карпауны» считались одной из пяти лучших команд Тралльона.

— Им совершенно ничего неизвестно о «Танхинарах», за исключением того, что мы выиграли несколько игр, — продолжал Перинда. — По-моему, они рассчитывают на легкий выигрыш пятнадцати тысяч озов.

— Прожорливые хищники!

— У нас аппетит такой же, как и у них — может быть, даже сильнее.

— Игру предполагается провести в Уэлгене, — продолжал Перинда. — В дополнение к тому, что будет на кону, победителю достанется двадцать процентов от стоимости проданных билетов. Если мы выиграем, то сможем увеличить капитал клуба до сорока тысяч озов — то есть, почти по три тысячи на брата.

— Не так уж плохо для одного рабочего дня!

— Но это только в том случае, если мы выиграем.

— За три тысячи озов я согласен играть один — и выиграю!

— «Карпауны», — сказал Перинда, — команда чрезвычайно сильная и опытная. Она всухую выиграла двадцать восемь встреч подряд, а к кольцу ее шейлы еще ни разу не прикасалась рука противника. Что же касается «Танхинар» — не думаю, что кому-либо известна ее настоящая сила. Сегодняшние «Горгоны», отменная команда, которой не повезло с капитаном. «Карпауны» — команда примерно такого же класса, и не исключено, что даже сильнее. Ну так что — будем голосовать? Кто за то, чтобы помериться силами с «Карпаунами»?

— За три тысячи озов я бы сразился с командой из настоящих карпаунов.

Глава 15

Уэлгенский стадион, крупнейший в префектуре Джелани, был переполнен зрителями. Четыре крытые трибу-

ны заняли аристократы префектур Джолани, Минч, Стравинай и Гелкин. Тридцать тысяч зрителей из просто-народья разместились на скамьях, установленных на многочисленных общедоступных трибунах. Из Вертриса, расположенного в трехстах милях к западу, прибыла большая группа поддержки. Она разместилась в секторе, окрашенном в оранжевый и зеленый цвета любимого клуба, Его болельщики подняли высоко над своими головами двадцать восемь оранжево-зеленых знамен, обозначавших двадцать восемь побед кряду.

Уже за час до начала встречи оркестр начал играть хассэйдные мелодии: победные гимны доброй дюжины знаменитых команд, старинные песни, оплакивающие поражения или прославляющие спортивные подвиги легендарных игроков прошлого, «Боевой марш хассэйдеров-мираксиан», от звуков которого застывали жилы и выкручивало внутренности, врезающуюся надолго в память томительно-сладостную и одновременно печальную «Грезы шейлы Хральзы» и, наконец, за пять минут до начала — «Славу Забытым Героям».

Первыми на площадке появились «Танхиары» и расположились у восточного пьедестала, сдвинув далеко на затылок свои серебристые маски. Мгновением позже у западного пьедестала появились «Карпауны». На них были кожаные темно-зеленые короткие куртки и трусы, испещренные темно-зелеными и оранжевыми полосами. Как и «Танхиары», они отбросили назад свои маски. Обе команды хмуро глядели друг на друга, построившись вдоль своей лицевой линии каждая. Джиян Ауд, капитан «Карпаунов», ветеран тысяч игр, был известен как подлинный тактический гений. От его глаза не ускользала ни одна мелочь. На каждое изменение ситуации он всегда тотчас же, зачастую чисто интуитивно, находил единственно верный ответ. Дензель Уорхаунд, напротив, был молод, изобретателен, быстр, как молния. Ауд полагался на опыт. Уорхаунд — всегда готовый выплеснуть множество еще не опробованных на практике тактических уловок. Оба капитана были уверены в своих силах и знали себе цену. Огромным преимуществом «Карпаунов» была сыгранность. «Танхиары» могли противопоставить им брызжущую через край энергию и задор — в подобной игре эти качества могли оказаться решающими. «Карпауны» знали, что они победят. «Танхиары» знали, что «Карпауны» потерпят поражение.

Команды терпеливо ждали, пока оркестр не сыграет «Тресильдаму», традиционное приветствие, обращенное к состязающимся командам, после чего на поле, наконец,

появились шейлы в сопровождении капитанов. Оркестр грянул «Чудо Изящества и Красоты». Именно такую и оказалась шейла «Карпаунов», блондинка с лучистыми глазами по имени Фареро, источавшая «сашей» всем своим обликом. Как только она ступила на пьедестал, то подвергшись какому-то таинственному процессу внутренней трансформации, почти мгновенно стала чем-то намного большим, чем просто красивой девушкой, превратившись как бы в свой собственный архетип, носительницу неких обобщенных, изначально присущих ей качеств в их наиболее крайних проявлениях. Таким же точно образом и Дьюссана стала многократно обогащенной версией самой себя, эталоном хрупкой и томной красоты и одновременно с этим — неукротимой смелости и необузданности в проявлении чувств с налетом благородного и отчаянного безрассудства, и все это столь же неотразимо воздействовало на игроков ее команды, как и горделивая величавость Фареро.

Игроки натянули на лица маски, теперь друг на друга через все поле смотрели сверкающие серебром чешуи танхиары на безжалостных карпаунов.

Зеленый свет, а с ним и возможность первыми приступить к наступательным действиям по жребию досталась «Карпаунам». Игроки команд заняли исходные позиции. Характер музыки, исполняемой оркестром, изменился, тональность и тембр звуков, издаваемых каждым инструментом, с каждым мгновением становились все выше и все богаче, пока не слились в заключительном прекрасном аккорде. Воцарилась мертвая тишина. Сорок тысяч зрителей затаили дыхание.

Зеленый свет. «Карпауны» ринулись вперед, создав свою знаменитую «Приливную Волну» с целью отсечь, а затем и подавить переднюю линию обороны. Разделительный ров пересекли форварды, следом за ними — полузащитники и даже защитники, стремясь как можно быстрее войти в соприкосновение с противником.

«Танхиары» были готовы к подобной тактике. Вместо того, чтобы откатиться назад, все четыре защитника устремились вперед и команды сошлись, как два бешено мчащихся стада, устроив всеобщую свалку. Через несколько минут Глиннесу удалось высвободиться и он первым достиг пьедестала. Глянув в упор на Фареро, шейлу «Карпаунов», он схватился за кольцо. Девушка была бледна и взволнованна, явно не понимая, что в данный момент происходит — никогда раньше рука противника не протягивалась к ее кольцу.

Прозвучал гонг. Джиан Ауд без особого энтузиазма выложил восемь тысячеозоловых купюр и еще мелочь. Команды взяли тайм-аут для отдыха. В бассейне довелось выкупаться пяти «Танхиарам» и пяти «Карпаунам» — каждой из команд в этом отношении досталось поровну. Уорхаунд ликовал.

— Команда классная, нет вопросов! Но наши защитники более стойкие, а нападающие — более быстрые! Только полузащита превосходит нашу, да и то не очень!

— Какое построение они применяют в следующем гейме? — спросил Гилвег.

— По-моему, то же самое, — ответил Уорхаунд, — но более методично. Они хотят вывести из игры наших нападающих, а затем реализовать численное преимущество.

Игра возобновилась. На этот раз Ауд распорядился своими игроками в более традиционной для начальной фазы борьбы манере, пытаясь неожиданными выпадами и отвлекающими маневрами сделать «коробочку» кому-либо из форвардов «Танхиар» и устроить ему купанье. Хитрый Уорхаунд, разгадав замысел противника, умышленно берег силы, избегая групповых схваток, и в конце концов перехитрил Ауда. «Карпауны» предприняли попытку неожиданным кинжальным ударом прорвать центр, форварды «Танхиар» юркнули в стороны и пропустили атакующих игроков, а затем перепрыгнули ров. Лючо взобрался на пьедестал и схватился за кольцо Фареро.

Еще семь тысяч озолов было выплачено в качестве выкупа.

— Не расслабляться! — предупредил команду Уорхаунд. — Сейчас противник особенно опасен! Случайно никак нельзя выиграть двадцать восемь встреч кряду. Уверен — сейчас будет «Приливная Волна».

Уорхаунд оказался прав. «Карпауны» бросили на штурм обороны «Танхиар» все свои силы. Первым в бассейн полетел Глиннес, за ним Слэйдин и Уилмер Гафф. Глиннес еще успел, едва только поднявшись по лестнице, отправить в воду прорвавшегося по краю нападающего противника всего в трех метрах от пьедестала, но затем выкупался вторично и, еще находясь в бассейне, услышал удар гонга.

Впервые в жизни Дьюссана почувствовала чужую руку на золотом кольце. Уорхаунд, вне себя от ярости, вернул восемь с лишним тысяч озолов.

Никогда еще не доводилось Глиннесу участвовать в столь упорной и изнурительной игре. «Карпауны», каза-

лось, не знали устали. Они носились по всему полю с такой скоростью и энергией, как будто еще не были сыграны три тяжелых гейма. Не дано ему было знать того, что и для «Карпаунов» форварды «Танхи́нар» чудились непредсказуемыми серебристо-черными молниями, неистовыми, как дьяволы, и столь неестественно проворными, что казались несущимися по воздуху, в то время как защитники «Танхи́нар» разрослись в их глазах до четырех апокалиптических вершителей их судеб.

Яростные схватки возникали то в одном, то в другом конце поля. Пядь за пядью «Танхи́нары» отвоевывали пространство, отделяющее их от заветного золотого кольца, их рассвирепевшие форварды, молниеносно перебежывая с одной трассы на другую и безжалостно орудуя буфами, с неукротимой энергией прокладывали путь к пятачку перед пьедесталом «Карпаунов». Рев зрителей почти совершенно перестал восприниматься сознанием, казалось, что вся вселенная сократилась до размеров игрового поля и в ней остались только трассы, трапеции и солнечные блики на поверхности воды в бассейне под игровой площадкой. Какое-то плотное облако на мгновение заслонило солнце. И почти в это самое мгновение Глиннес увидел брешь в обороне противника. Ловушка? Из последних сил он рванулся вперед. Из груди оранжево-зеленых исторглись хриплые вопли. Маски «Карпаунов», еще мгновение назад казавшиеся такими сосредоточенными и суровыми, вдруг исказились в мучительной боли. Глиннес прорвался к пьедесталу, ухватился за золотое кольцо на талии Фареро, и теперь ему оставалось только потянуть за кольцо и явить восторженным взорам сорока тысяч зрителей обнаженное тело голубоглазой красавицы. Величественная и одновременно трогательная мелодия, казалось, воспарилась до самых небес. Рука Глиннеса задрожала и замерла. Он не мог заставить себя подвергнуть позору создание такой редкостной красоты...

Темное облако оказалось вовсе не облаком. Три черных корпуса звездолетов зависли над стадионом, погрузив его в мрачную тень. Музыка оборвалась на полутоне. Из репродукторов раздался отчаянный крик:

— Старментеры! Берите...

Диктор захлебнулся в неразборчивой скороговорке, затем над стадионом загредел совершенно другой, суровый и безжалостный голос:

— Всем оставаться на своих местах! Прекратить любые перемещения! Чтоб никто даже не пошевелился!

Глиннес, тем не менее, взял Фареро за руку, сдернул

с пьедестала и по лестнице провел в бассейн под площадкой.

— Что вы делаете? — изумленно вскричала девушка, отшатываясь в ужасе.

— Пытаюсь спасти вам жизнь, — ответил Глиннес. — Старментеры особо охотятся за шейлами, и вы больше уже никогда не увидите родного дома.

— А здесь мы в безопасности? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Не думаю. Надо побыстрее уходить отсюда через сточный коллектор. Поторопились — вход в него на противоположном конце.

Стараясь поднимать как можно меньше брызг, они поспешили, преодолевая сопротивление воды, к спасительному коллектору, прячась под трассами, быстро преодолев открытое пространство разделительного рва. Впереди Глиннес увидел, как по лесенке спускается Дьюссана. Лицо ее вытянулось и побелело от ужаса.

— Скорее, скорее, — окликнул ее Глиннес. — Мы уходим через отстойник. Они, возможно, не предусмотрели выставить охрану у входа в отстойник.

В самом углу бассейна вода вытекала по желобу в узкий и неглубокий водовод. Глиннес соскользнул вниз по желобу и спрыгнул на толстый слой зловонной черной грязи. Следующей вниз спустилась Дьюссана, плотно обернув вокруг себя белое платье. Глиннес подал ей руку, чтобы подтянуть туда, где грязь была спрессована плотнее и ноги в ней не увязали. Дьюссана, однако, на ногах не удержалась и, упав, села прямо в грязь. При виде этого Глиннес не смог сдержать улыбки.

— Вы это сделали умышленно! — дрожащим голосом вскричала Дьюссана.

— Никоим образом!

— Умышленно!

— Как вам угодно.

Последнею спустилась Фареро. Глиннес подхватил ее и подтянул к себе. Дьюссана тем временем поднялась на ноги, и все трое боязливо глядели туда, где водовод исчезал из вида среди кустарников и склонившихся к самой земле ветвей деревьев. Вода в нем казалась темной и тягучей. В воздухе чувствовался характерный запах мерлингов. О том, чтобы плыть или даже идти вброд, было страшно даже подумать. На другой стороне канала виднелось грубо выдолбленное небольшое каноэ, очевидно принадлежавшее мальчишкам, зайцами пробиравшимися на стадион через водовод.

Глиннес, барахтаясь в грязи, побрел к каноэ. Оно оказалось наполовину заполненное водой и под весом Глиннеса несоразмерно глубоко погрузилось в воду, вызвав у него опасения в отношении целостности корпуса. Вычерпав литров десять-пятнадцать воды, он не осмелился более мешкать и, оставаясь по колено в грязи, перетащил каноэ на противоположную сторону. Сначала в него забралась Дьюссана, затем Фареро. При этом вода внутри поднялась почти до верхнего края борта. Глиннес протянул черпак Дьюссане, и та, все еще хмурясь, принялась за работу. Через минуту в каноэ забрался и Глиннес и начал осторожно грести по направлению к устью водовода. Со стороны оставшегося у них за спиной стадиона слышался скрипучий голос из многочисленных репродукторов системы информационного обслуживания зрителей:

— Ну-ка, те, кто на спецтрибунах А, В, С и Е — организованным строем по одному к южным выходам! Заберем только очень немногих — у нас имеется точный список всех, кто нам надобен. Проходите побыстрее, но не создавайте давки! Убьем всякого, кто станет нам мешать!

Глиннесу все это казалось каким-то совершенно нереальным. Подумать только — какая неудержимая лавина событий! Яростная борьба на хассэйдном поле, красочные толпы на трибунах, кипение страстей, поражающая воображение музыка, радость победы — и вот теперь, трусливое бегство, да еще с двумя шейлами. Одна из них ненавидит его. Другая, Фареро, изучающе на него поглядывает краешком синих, как море, глаз. Вот она забирает у Дьюссаны черпак, а та сердито соскребает прилипшую к платью грязь. Какие они все-таки разные, отметил про себя Глиннес. Фареро все еще удрученная, но безропотно смирившаяся со своей судьбой — она действительно сочла за лучшее спастись бегством через грязеотстойник, чем остаться совершенно обнаженной на пьедестале. Дьюссану же явно возмущало любое неудобство, которое она сейчас испытывает, и, похоже, она считала Глиннеса лично ответственным за все то, что с ней происходит.

Сточный коллектор искривился. В сотне метров впереди открылся простор Уэлгенского Залива, а еще дальше — Южный Океан. Глиннес стал грести более энергично — им удалось спастись от старменеров. Какой массированный рейд! И без сомнения, давно приуроченный к тому дню и часу, когда соберутся вместе все состоятельные жители префектуры. За пленников назначат выкуп, девушек оставят для того, чтобы скрасить затворническую жизнь изгоев общест-

ва. Пленники возвратятся морально сломленными и ободранными до последнего озола, девушек же вообще больше никто не увидит. Добычей старментеров станут также не менее сотни тысяч озов из кассы стадиона и еще тридцать тысяч из казны участвовавших в матче команд. Не исключено, что ограблены будут и обосновавшиеся в Уэлгене банки.

Водовод расширился и открылся в устроенный прямо на прибрежной отмели широкий грязеотстойник, грязь на поверхности которого пузырилась под действием поднимающихся из ее толщи газов. К востоку тянулась Уэлгенская Коса, по другую сторону которой была расположена гавань, далеко на запад простиралась суша, окутанная предвечерней дымкой. Оказавшись под открытым небом, Глиннес почувствовал себя очень неудобно — хотя для этого, напомнил он себе, не было никаких причин, так как сейчас старментеры вряд ли смогут позволить себе такую роскошь, как тратить время на преследование их даже в том случае, если и удостоили своим вниманием барахтающееся в грязи каноэ. Фареро безостановочно вычерпывала воду, но вода продолжала прибывать через несколько щелей в корпусе, и Глиннеса теперь очень волновало, сколько времени оно еще продержится на плаву. Перспектива оказаться в бурлящей черной грязи отстойника была не очень-то привлекательной, и Глиннес повернул каноэ по направлению к ближайшему из поросших деревьями островков, поднимавшихся над водами залива, к клочку суши метров с пятьдесят в поперечнике.

Выбравшееся из грязи каноэ теперь высоко подпрыгивало на океанской зыби и быстро наполнялось водой, перхлестывавшей через борта. Фареро старалась ее вычерпывать, не жалея сил, ей помогала Дьюссана, выплескивая воду сложенными вместе ладонями, и они достигли островка как раз к тому времени, когда утлый челн совсем скрылся под водой. С огромным облегчением Глиннес вытащил каноэ на узкую полоску пляжа. В тот самый момент, когда нога его коснулась твердой суши, в небо взмыли три корабля старментеров. По мере набора высоты они все больше сворачивали на юг и вскоре исчезли вместе со всем своим драгоценным грузом.

Фареро наконец-то перевела дух.

— Если бы не вы, — сказала она Глиннесу, — я была бы на борту одного из этих кораблей.

— Я тоже была бы там, если бы сама о себе не позаботилась.

Так вот в чем, подумал про себя Глиннес, источник ее раздражительности: она чувствует себя всеми брошенной.

— И что же мы будем здесь делать? — спросила Дьюссана, вприпрыжку поднявшись на берег.

— Кто-нибудь здесь рано или поздно покажется. А пока что — будем ждать.

— Я не намерена ждать, — сказала Дьюссана. — Как только вычерпаем всю воду из лодки, мы сможем переправиться в ней на берег. Так уж обязательно ли сидеть на этом жалком клочке суши и дрожать от холода?

— А что вы еще предлагаете? Каноэ течет, а прибрежная полоса кишит мерлингами. Взяться мне, что ли, за заделку щелей?

Дьюссана прошла несколько метров и присела на обломке плавника. Западную часть неба вспороли корабли Гвардии, совершили круг над Шхерами, затем один из них совершил посадку в Уэлгене.

— Слишком поздно, слишком даже поздно, — сокрушенно произнес Глиннес. Вычерпав всю воду из каноэ, он принялся затыкать мхом все трещины и щели, какие ему удавалось обнаружить. К нему подошла Фареро и, понаблюдав какое-то время за его работой, в конце концов произнесла:

— Вы были очень добры ко мне.

Глиннес поднял взор на нее.

— Когда вы могли потянуть за кольцо, вы заколебались. Вам не хотелось подвергнуть меня позору.

Глиннес кивнул и возобновил работу над лодкой.

— Может быть, именно это так рассердило вашу шейлу.

Глиннес скосил взгляд в сторону Дьюссаны, которая хмуро глядела на воду.

— У нее редко бывает хорошее настроение.

— Очень не просто быть шейлой, — задумчиво произнесла Фареро. — Каких только чувств при этом не испытываешь... Сегодня все это для меня должно было закончиться, но меня спасли старментеры. Она, наверное, чувствует себя обманутой.

— Она должна радоваться тому, что находится здесь, а не на борту одного из пиратских кораблей.

— Мне кажется, что она влюблена в вас и ревнует ко мне.

Глиннес поднял удивленный взор на Фареро.

— Влюблена в меня? — Он снова исподтишка глянул на Дьюссану. — Вы, скорее всего, ошибаетесь. Она ненавидит меня. У меня есть все основания так считать.

— Может быть и так. Я слабо разбираюсь в подобных вещах.

Глиннес закончил работать и внимательно осмотрел каноэ.

— Что-то не доверяю я этому мху, — уныло произнес он, явно неудовлетворенный результатами своего труда. — Особенно, когда в эвнесс подует ветер с суши.

— Теперь, когда мы обсохли, переход не станет таким уж неприятным. Хотя мои родные, должно быть, очень беспокоятся, а я проголодалась.

— Пищи на берегу всегда предостаточно, — произнес Глиннес. — Мы бы шикарно поужинали, будь у нас огонь. И все же — вон я вижу деревья со съедобными плодами.

Глиннес взобрался на одно из таких деревьев и сбросил плоды Фареро. Когда они вернулись на пляж, Дьюссана и каноэ исчезли. Она была уже в пятидесяти метрах от острова, направляясь к устью водовода, по которому они покинули стадион. Глиннес даже язвительно расхохотался при виде этого.

— Она настолько в меня влюблена и так к вам ревнует, что даже оставила нас вдвоем на необитаемом острове.

— Все может быть, все-все... — произнесла, задевшись вдруг, Фареро.

Какое-то время они молча следили за каноэ. Дувший с материка ветер доставлял много хлопот Дьюссане. Она даже перестала грести и принялась вычерпывать воду. Мох, по всей вероятности, так и не затянул наглухо щели. Когда же она снова начала грести, то так сильно раскачала каноэ, что вынуждена была вцепиться руками в борт, чтобы не выпасть в воду, и при этом потеряла весло. Ветер с материка погнал каноэ назад, мимо островка, где, стоя у самой воды, за нею следили Глиннес и Фареро. Она даже не повернула головы в их сторону.

Глиннес и Фареро взобрались на бугор в центральной части островка и уже оттуда проводили взглядом каноэ, опасаясь того, что ее может унести в открытое море. Белое платье Дьюссаны в последний раз мелькнуло в проходе между двумя островками и потерялось из виду.

— Если бы у нас был огонь, — сказал Глиннес, когда они снова спустились на пляж, — мы бы чувствовали себя совсем не плохо, по крайней мере, день или два... Лично я не брезгаю сырой пищей из моря.

— Я тоже, — сказала Фареро.

Глиннес подыскал несколько сухих палочек и попытался добыть огонь трением, но это ему не удалось, и он недовольно отшвырнул палочки.

— Ночи сейчас теплые, но у костра гораздо приятнее.

Фареро смотрела то в одну сторону, то в другую, то вообще куда-то вдаль, но только не на Глиннеса.

— Вы считаете, что мы надолго застряли на этом острове?

— Нас может забрать отсюда только кто-нибудь, кто будет проходить мимо этого острова. Это может случиться уже через час. А может быть — и через неделю.

Слова застряли в гортани у Фареро.

— И вы захотите..., — запинаясь произнесла она, — сделать меня своей любовницей?

Глиннес задержал на ней свой взгляд на какое-то мгновение, затем провел пальцами по ее золотым волосам.

— Вы — такая красивая, что у меня даже нет слов, чтобы... Я посчитал бы за счастье стать вашим первым возлюбленным.

Фареро потупила взор.

— Мы одни здесь... Команда моя сегодня проиграла, и я уже больше никогда не буду шейлой. И все же... — Она осеклась на полуслове, затем показала рукой на залив и тихо, даже несколько безразлично, произнесла: — Слышите? Кто-то проходит мимо.

Глиннес задумался, не зная как поступить. Фареро тоже молчала, не заставляя его немедленно что-либо предпринять.

— Нам нужно выручить дуреху Дьюссану, понадеявшуюся на каноэ, — без особого энтузиазма произнес он, после чего подошел к самой воде и громко закричал. Лодка — рыбацкий баркас с мощным двигателем — изменила курс и вскоре они уже были на борту баркаса, где их гостеприимно встретил водитель баркаса — рыбак. Он возвращался с промысла в открытом море и по дороге сюда не заметил никакого гонимого ветром каноэ. По всей вероятности, Дьюссану прибило к берегу одного из островков, которых здесь как гальки на пляже.

Рыбак обогнул оконечность косы и направил баркас к причалу в Уэлгене. Сойдя на берег, Фареро и Глиннес взяли такси и отправились на стадион. Водитель взахлеб описывал им подробности налета старментеров.

— ... такого еще никогда не было! Они отобрали триста самых богатых в округе людей и не менее ста девушек. За этих бедняжек они выкуп брать не станут. Гвардия появилась, как всегда, слишком поздно. Старментеры знали совершенно точно, кого брать, а кого отпустить. Они рассчитывали свою операцию вплоть до

секунд и ушли заблаговременно. Каждый из них сделает целое состояние за счет выкупа!

На стадионе Глиннес распрощался с шейлой Фареро, не проявив особого красноречия, а затем помчался в раздевалку, сбросил с себя форму «Танхиар» и переоделся в обычный свой наряд.

Такси отвезло его снова на причал, где Глиннес взял напрокат небольшую моторку. Обойдя косу, он сразу же повернул на юг, направляясь к архипелагу из небольших островков, отделяющих Уэлгенский Залив от Южного Океана. Бледный свет эвнесса выкрасил море, небо, крохотные бухточки и окружающие их берега в мягкие, пастельные цвета, которым до сих пор так и не придумал названий. Какая-то потусторонняя тишина легла над миром. Даже бульканье воды под килем лодки казалось бесцеремонным посягательством на воцарившийся в мире покой.

Он прошел мимо островка, на который незадолго до этого высадился с Фареро и Дьюссаной, и взял курс дальше, туда, куда отнес ветер каноэ. Обошел вокруг первого из оказавшихся на пути островков, но не обнаружил следов ни каноэ, ни Дьюссаны. На следующих трех островках тоже подозрительного ничего не было. А за еще не обследованными тремя островками простиралась бескрайняя и спокойная морская гладь. На втором из этих островков он заметил стройную девичью фигурку в белом платье, отчаянно размахивавшую руками.

Когда Дьюссана поняла, кто сидит за рулем моторки, то сразу же опустила руки. Глиннес спрыгнул на песок и вытащил лодку на берег. Обвязав носовой конец вокруг толстой коряги, он выпрямился и осмотрелся. Низкая ровная береговая линия материка едва просматривалась при тусклом свете позднего эвнесса. Морская вода мерно то поднималась, то опускалась, море как будто дышало под шелковистой поверхностью. Затем Глиннес повернулся к Дьюссане, которая все это время хранила мертвое молчание.

— Какое тихое место. Вряд ли мерлинги заплывают так далеко.

Дьюссана бросила взгляд на моторку.

— Если вы явились сюда для того, чтоб забрать меня, то я готова.

— Спешить некуда, — сказал Глиннес. — И не за чем. Я тут принес хлеб, мясо и вино. Мы можем напечь кворлов¹ и, может быть, даже полакомиться карсетом². В общем устроим пикник под усыпанным звездами небом.

Дьюссана раздраженно поджала губы и стала смотреть в сторону берега. Глиннес сделал несколько шагов вперед и теперь стоял на расстоянии полусогнутой руки от нее — ближе он еще никогда к ней не был. Она подняла на него взор, лишенный какого-либо душевного тепла, в ее светлых глазах сменились одно за другим — так во всяком случае показалось Глиннесу — добрый десяток самых различных настроений и чувств. Глиннес наклонил к ней голову и обвил рукой плечи, затем поцеловал в губы, которые оказались холодными и неотзывчивыми. Она оттолкнула его от себя обеими руками и неожиданно обрела дар речи.

— Все вы, триллы, совершенно одинаковы! От вас так и несет кочем, а вся голова заполнена железами, выделяющими гормоны похоти. Неужели вы не стремитесь ни к чему другому, кроме разврата? Неужели у вас нет ни чести, ни чувства собственного достоинства?

Глиннес рассмеялся.

— Вы голодны?

— Нет. Я приглашена сегодня на званый ужин и опоздаю, если мы немедленно не покинем этот остров.

— Вот как! Поэтому-то вы и украли каноэ?

— Я ничего не крада. Каноэ такое же мое, как и ваше. Вы, кажется, были удовлетворены тем, что смотрели влюбленным взглядом на эту преснятину «Карпаунов». Удивляюсь, почему не занимаетесь этим сейчас?

— Она боялась, что вас это обидит.

Дьюссана высоко взметнула брови.

— Почему это мне следует призадумываться над вашим поведением? Или вообще интересоваться им? Ее беспокойство обо мне сбивает меня с толку.

— Все это не так уж важно, — сказал Глиннес. — Не лучше ли вам подсобрать хвороста, пока я нарву съедобных плодов?

Дьюссана было уже открыла рот, чтоб наотрез отказаться,

¹ Кворлы — обитающие в прибрежных водах моллюски.

² Карсет — морское насекомое, внешне похожее на краба.

но затем решила, что этим она только усугубит свое положение. Отыскав несколько сухих веток, она высокомерно швырнула их на песок, затем стала внимательно рассматривать моторку — та оказалась настолько далеко вытасена на берег, что столкнуть ее в воду было выше ее сил. К тому же в замке не было ключа зажигания.

Глиннес принес плоды, развел костер, откопал из прибрежной гальки четырех отличных кворлов, удалил раковины, ополоснул в море и начал печь их вместе с принесенными плодами. Затем притащил из лодки хлеб, мясо и расстелил скатерть прямо на песке. Дьюссана наблюдала за всеми этими приготовлениями, находясь на приличном удалении от Глиннеса.

Откупорив бутылек с вином, Глиннес предложил Дьюссане отведать вина.

— Я предпочитаю не пить вино.

— А от еды вы не откажетесь?

Дьюссана недовольно поджала губы.

— И на что вы рассчитываете после этого?

— Отдохнем на пляже, полюбуемся звездами, а потом — кто знает, что будет потом?

— Вы вызываете у меня только презрение. Не желаю иметь с вами ничего общего. Вы такой же прожорливый и распущенный, как любой другой трилл.

— Что ж, по крайней мере, не хуже других. Располагайтесь поудобнее. Поужинаем и полюбуемся закатом.

— Я проголодалась, поэтому я поем, — сказала Дьюссана. — Но после этого нам нужно возвращаться. Вы знаете, какие чувства треване питают к распущенности нравов. Кроме того, никогда не забывайте — я ведь шейла «Танхинар» и еще девушка!

Глиннес пренебрежительно махнул рукой, давая понять, что подобные соображения не очень-то его волнуют.

— Чего только не случается в нашей жизни!

Дьюссана вся напряглась, едва сдерживая гнев.

— Значит, вот как вы вознамерились обесчестить шейлу команды? Какой же вы все-таки негодяй, ведь это вы лицемерно настаивали на том, чтобы репутация шейлы была незапятнанной, а сами распускали самые низкие сплетни обо мне.

— Я не распускал сплетен, — возмущенно заявил Глиннес. — Я даже никогда не рассказывал правды о том, как вы и ваша семейка ограбили меня и оставили на съедение мерлингам, о том, как весело вы смеялись, видя, как я валяюсь совершенно беспомощный.

— Вы получили ровно столько, сколько заслу-

живали, — несколько упавшим голосом произнесла Дьюссана.

— Я все еще задолжал вашему отцу и братьям парочку-другую хороших тумачков, — продолжал Глиннес. — Что же касается вас, то я еще не разобрался до конца, как поступить с вами. Так что, ешьте пока, пейте вино, набирайтесь сил.

— У меня пропал аппетит. Совершенно. По-моему, просто нечестно жестоко обращаться с кем бы то ни было.

Глиннес ничего на это не ответил и принялся есть. Вскоре к нему присоединилась Дьюссана.

— Вы не должны забывать о том, — сказала она Глиннесу, — что если вы исполните свою угрозу, вы тем самым совершите предательство не только по отношению ко мне, но и ко всей команде, а больше всего — опозорите самого себя. И отвечать за это вам придется, прежде всего, перед моей семьей. Мои родные будут преследовать вас до окончания времен, вы не будете знать ни мгновенья покоя. Но самым невыносимым для вас будет то презрение, которое буду питать к вам я сама. И все это ради чего? Высвобождения на какое-то мгновенье своего организма из того рабства, в котором держат его ваши железы. Как вы смеете прибегать к слову «любовь», когда на самом деле замышляете месть? И притом самого презренного рода. Как будто я — животное или нечто неодушевленное, не ведающее, что такое чувства? Так вот, пожалуйста — пользуйтесь мной, коль вам того так хочется, или убейте меня, но до конца дней своих вам не забыть моего полнейшего презрения ко всем вашим омерзительным привычкам. Более того...

— Ну-ка, милейшая, — взревел Глиннес, — будь любезна закрыть свой рот. Тебе мало того, что ты отравила мне сегодняшний день — так ты портишь мне и вечер. Доедай молча, и мы вернемся в Уэлген.

Низко склонившись над расстеленной на песке скатертью, Глиннес с аппетитом поужинал принесенными им плодами, печеными кворлами, мясом и хлебом, выпив при этом два бутылка вина. Дьюссана наблюдала за тем, как он ест, краешком глаза с каким-то особым выражением на лице — полунасмешливым, полупрезрительным.

Разделавшись с ужином, Глиннес откинулся назад, прислонившись спиной к бугорку, и какое-то время отрешенно любовался красками заката над мерно и тяжело вздымающейся необозримой гладью моря.

Дьюссана все это время продолжала молчать и сидела на песке, сгорбившись и обвив руками колени.

Вволю налюбовавшись закатом, Глиннес неохотно

поднялся и столкнул лодку в воду. Затем окликнул Дьюссану.

— Залезайте!

Девушка повиновалась. Моторка пересекла по диагонали залив, обогнула крайнюю оконечность косы и взяла курс к уэлгенской гавани.

Рядом с пирсом плавно покачивалась большая белая яхта, принадлежавшая, как об этом сразу же догадался Глиннес, лорду Генсиферу. Из иллюминаторов струился яркий свет, свидетельствуя об оживлении на борту яхты.

Глиннес с подозрением поглядел на яхту. Неужели сегодня вечером лорд Генсифер принимает на борту своей яхты гостей? Сразу же после налета старментеров? Странно. Хотя, с другой стороны, образ жизни аристократов всегда был недоступен его пониманию. Дьюссана же, к немалому его изумлению, выпрыгнув из лодки, тотчас же побежала к яхте, поднялась по сходне и исчезла в салоне. Послышался голос Лорда Генсифера:

— Дьюссана, моя обожаемая юная леди, что это...

Больше Глиннес ничего не расслышал. Равнодушно пожав плечами, он отогнал лодку к причалу прокатной станции. Когда он проходил по пути к выходу с пристани мимо яхты Лорда Генсифера, ее хозяин дружески поздоровался с ним с палубы:

— Глиннес! Загляни, дружище, ко мне на борт на минутку!

Глиннес неторопливо поднялся по сходне. Лорд Генсифер похлопал его по спине и провел в салон, где собралось добрых полтора десятка гостей в роскошных одеждах по последней моде, по всей вероятности, гостей лорда Генсифера из высших аристократических кругов, а также Акади, Марча и Дьюссана, на которой поверх белого платья шейлы была красная накидка, скорее всего, позаимствованная у одной из присутствовавших здесь дам.

— Вот он, наш герой! — торжественно провозгласил лорд Генсифер. — Сохранив самообладание и проявив завидную находчивость, он спас от старментеров двух прелестных шейл. И хоть все равно велика наша печаль, мы, по меньшей мере, можем быть благодарны за этот подвиг.

Глиннес с изумлением глядел на людей, собравшихся в кают-компании. У него было такое ощущение, будто он находится в каком-то поражающем своей нелепостью сне. Акади, лорд Генсифер, Марча, Дьюссана, он сам — какой странный, несуразный подбор!

— Я почти ничего не знаю о том, что произошло се-

годня, — сказал Глиннес, — за исключением голого факта налета.

— Этот голый факт — практически все, что еще кому-либо известно, — заметил Акади. Он казался сейчас каким-то особенно притихшим и безучастным и отличался непривычной тщательностью в выборе слов и выражений. — Старментеры знали совершенно точно, кто им нужен. Они отобрали триста наиболее состоятельных лиц, а также около двухсот девушек. За любого из этих трехсот выкуп будет не меньшим ста тысяч озов. Величина выкупа за девушек старментерами установлена не была, но мы сделаем все возможное, чтобы выручить и их.

— Значит, со старментерами была уже установлена связь?

— Они сами успели выставить свои условия во время налета. Они тщательно все подготовили и с большой точностью определили финансовые возможности каждого из предполагаемых своих пленников.

— Те же, кто не попали в поле зрения старментеров, — наигранно самоуничижающим тоном произнес лорд Генсифер, — расплачиваются потерей престижа, что уязвляет нас и вызывает справедливое негодование.

— Принимая во внимание такие качества, как порядочность и компетентность, в качестве сборщика выкупа была предложена моя кандидатура с соответствующим вознаграждением за мои труды. Скажу прямо, не очень-то крупным — стоимость моей работы определена в раз-мере пяти тысяч озов.

Глиннес был ошарашен услышанным.

— Значит, общая сумма выкупа будет равна... триста умножить на сто тысяч — то есть...

— Тридцать миллионов озов — для старментеров неплохой дневной заработок!

— Если только не закончат свою жизнь на прутаншире.

Акади скривил лицо.

— Пережиток варварства. Какая для нас польза от применяемых пыток? Старментеры все равно продолжают свой промысел.

— Зато это очень поучительно для всего остального народа, — произнес лорд Генсифер. — Только подумайте о похищенных девушках — ведь среди них вполне могла оказаться и столь милая моему сердцу Дьюссана! — Он обвил рукой плечи Дьюссаны и слегка прижал ее к себе, наигранно изображая вроде бы отеческие чувства. — Так

неужели такая месть слишком жестока? Для меня просто неприемлем иной образ мыслей.

Глиннес, ничего не понимал, только попеременно глядел, не веря своим глазам, то на лорда Генсифера, то на Дьюссану, которые, казалось, улыбались друг другу, как бы услышав какую-то понятную только им двоим шутку. Неужели мир сошел с ума? Или в действительности он сам спит и видит такой очень похожий на явь сон?

Брови Акади изогнулись скептически-насмешливой дугой.

— Грехи старментеров тяжки настолько, что страдания их вполне заслуженны.

— Между прочим, — спросил один из приятелей лорда Генсифера, — какая именно из группировок старментеров взяла на себя ответственность за этот налет?

— Они даже и не пытались делать из этого тайны, — ответил Акади. — Мы привлекли к себе особое внимание Загмондо Бандольо — Загмондо-Неистового, столь же подлого и коварного, как и любой другой из главарей пиратов.

Глиннесу это имя было знакомо. Гвардия уже давно охотилась за Загмондо Бандольо.

— Бандольо — страшный человек. Ему неведомо милосердие.

— Говорят, что старментером он стал ради забавы, — заметил Акади. — Говорят также, что в Скоплении он скрывается под добрым десятком фальшивых обличий и что мог бы жить вечно с тех богатств, которые добыл.

В кают-компании воцарилось тягостное молчание. Вот оно, зло такого вселенского масштаба, что при мысли о нем невозможно не ужаснуться.

— В нашей префектуре завелся лазутчик, — сказал Глиннес, — кто-то, у кого настолько близкие отношения со всеми здешними аристократами, что ему известен истинный уровень богатства каждого из них.

— С подобным утверждением нельзя не согласиться, — произнес Акади.

— Кто же это мог быть? — как бы размышляя вслух, произнес лорд Генсифер. — Кто же это мог быть?

Все присутствующие глубоко призадумались над этим вопросом, и у каждого сложились свои собственные соображения на сей счет.

Глава 16

«Танхиары», победив «Карпаунов», оказали себе медвежью услугу. Поскольку Загмондо Бандольо и его старментеры забрали все средства, которыми они располагали, команда осталась без озола за душой, а из-за того, что команда в последней встрече продемонстрировала истинные свои возможности, Перинда оказался не в состоянии организовать для нее тысячеозоловые или двухтысячеозоловые встречи. А для того, чтобы вызвать на поединок какую-нибудь десятидесятеозоловую команду, у «Танхиар» просто не было обязательной в таких случаях крупной суммы залога.

Через неделю после игры с «Карпаунами» игроки команды собрались на острове Рабендари и Перинда объяснил печальное состояние дел.

— Я нашел только три команды, пожелавшие встретиться с нами, но ни одна из них не хочет рисковать своей шейлой за сумму, меньшую десяти тысяч озов. И второй вопрос: у нас нет шейлы. Дьюссана, похоже, привлекла к себе внимание некоего лорда, что, естественно, тешит его самолюбие. Теперь ни она, ни Тамми не хотят подвергнуть ее драгоценную кожу риску выставления на всеобщее обозрение.

— Значит, — воскликнул Лючо, — для Дьюссаны любовь к хассэйд никогда не была на первом плане!

— Естественно, нет, — произнес Уорхаунд. — Она ведь треванка. Кто-нибудь из вас видел играющего в хассэйд тревана? Насколько мне известно, она первая шейла — треванка.

— Треване играют в свои собственные игры, — сказал Гилвег.

— Такие, как «Ножи и Глотки», — предположил Глиннес.

— Или «Триллы и Разбойники».

— Или «Мерлинг, мерлинг, кому труп?»

— И «Ну-ка, отыщи запрятанное!»

— Шейлу мы всегда найдем, — сказал Перинда. — Наша главная проблема — деньги.

— Я бы внес свои личные пять тысяч озов, если бы был уверен в том, что удастся им вернуть, — сказал Глиннес.

— И я каким-нибудь образом наскребу тыщонку, — отозвался Уорхаунд.

— Итого — шесть тысяч, — сказал Перинда. — Я внесу — правильное будет сказать — сумею одолжить тысячу у отца... Кто еще? Кто еще? Чего там стесняться, несчастные грездавы, волоките свои богатства.

Двумя неделями позже «Танхинары» сыграли с «Островитянами Южного Океана» на огромном стадионе Океанского Острова. Разыгрывался приз в двадцать пять тысяч озов, из которых пятнадцать тысяч ставила на кон каждая из команд, а десять тысяч выделила администрация стадиона. Новой шейлой у «Танхинар» была Сэчрисс Симоно, девушка из Фэл-Лэл-Маунтин — прелестная, наивная девушка, которой, однако, недоставало всего лишь такого неуловимого качества, как «сашей». Имелись также определенные сомнения в отношении ее целомудрия, однако никому не захотелось поднять шум из-за этого.

— Пусть каждый из нас проведет с ней одну ночь, — проворчал как-то Уорхаунд, — и получит ответ на этот вопрос ко всеобщему нашему удовлетворению.

Какою бы не была причина, но «Танхинары» играли вяло и совершили массу грубейших ошибок. «Островитяне» одержали легкую победу в трех геймах. Невинная — так во всяком случае считалось — плоть Сэчрисс была представлена во всех подробностях на суд тридцати пяти тысяч зрителей, а в своем кошельке Глиннес теперь обнаружил всего три или четыре сотни озов. Удручен он был этим до такой степени, что все чувства его притупились, и в таком вот состоянии он вернулся на Рабендари и, плюхнувшись в одно из старинных плетеных кресел, весь вечер глядел с тоской на остров Эмбл. В какой идиотский хаос превратил он свою жизнь! «Танхинары» — разорены, опозорены и вот-вот разбегутся, кто куда. Остров Эмбл — теперь от него еще более далек, чем когда-либо. Дьюссана, девушка, поработившая неожиданно для него самого все его мысли и чувства, обратила свои честолюбивые взоры на аристократию, и Глиннес, такой раньше к ней равнодушный, теперь был вне себя от одной только мысли о том, что Дьюссана может оказаться в постели другого мужчины.

Через два дня после злополучной игры с «Островитянами» Глиннес отправился на пароме в Уэлген поискать покупателя отличных мускатных яблок, выращенных на Рабендари. Договорившись по-быстрому о продаже двадцати мешков, он заглянул перекусить в небольшой ресторанчик, половина которого находилась прямо на открытом воздухе, а

вторая половина — в беседке, образованной ветвями фульжерии. Взяв себе кувшин пива и хлеба с сыром, он устроился поудобнее и стал глазеть на снующий по своим делам уэлгенский люд... Вот прошла группа правоверных фаншеров — бесцветных парней, сосредоточенных и настороженных, насупленно глядящих куда-то вдаль, будто поглощенных в размышления о материях огромной значимости... А вот и Акади спешит куда-то, низко опустив голову, в фаншерском сюртуке с болтающимися фалдами. Глиннес окликнул его, когда он проходил мимо рестораника.

— Акади! Присядьте ко мне и пропустите кружечку пива!

Акади остановился, как вкопанный, будто натолкнувшись на какое-то невидимое препятствие. Сначала он стал всматриваться в сумрак беседки, пытаясь определить местонахождение окликнувшего его, затем глянул через плечо и только после этого поспешно нырнул к стулу рядом с Глиннесом. Когда он нервно и отрывисто заговорил, лицо его изображало страдание.

— По-моему, мне удалось оторваться от них — надеюсь, по меньшей мере, на это.

— Вот как! — Глиннес бросил взгляд в ту сторону, откуда торопливо семенил Акади. — От кого же это вы оторвались?

Акади ответил в типичной для него туманной манере:

— Мне следовало отказаться от этой миссии — она принесла мне одно беспокойство. Пять тысяч озовов! Когда за мной по пятам следуют алчные до денег треване, только и поджидающие того мгновения, когда я потеряю бдительность. Фарс да и только! Ведь они смогут присвоить себе тридцать миллионов озовов вместе с моими жалкими пятью тысячами и оставить меня самым дорогостоящим олухом в памяти всего человечества.

— Иными словами, — сказал Глиннес, — вы собрали выкуп в размере тридцати миллионов озовов?

— Уверю тебя, — продолжал брюзжать Акади, дергаясь головой, — что никакие это не деньги — то есть те пять тысяч озовов, что составляют мой гонорар, это не капитал, а просто пять тысяч озовов, годящихся разве что на мелкие расходы. Я таскаю тридцать миллионов вот в этом кейсе, — тут он подтолкнул локтем небольшой черный чемоданчик с серебряным замочком, — но для меня лично это не более, чем несколько пачек туалетной бумаги.

— Для вас.

— Вот именно. — Акади снова бросил взгляд через

плечо.— Вы себе можете представить, что ждет человека, не доставившего тридцать миллионов озолов Загмондо Бандольо? Разговор может быть вот таким: Бандольо. «Я требую от вас сейчас, Джано Акади, те тридцать миллионов озолов, которые были доверены вам». Акади. «Вы должны быть великодушным и проявить снисходительность, поскольку больше нет у меня этих денег»... Бандольо... Увы. Воображение мое иссякает. Я не в состоянии постичь дальнейшее. Отнесется ли он к этому спокойно? Или впадет в буйство? Или просто пренебрежительно рассмеется?

— Если на вас в самом деле охотятся грабители,— заметил Глиннес,— то присущее вам любопытство дает вам перед ними небольшое, но обнадеживающее преимущество.

Акади воспринял это высказывание, печально потупив взор.

— Если б я только мог с уверенностью установить, кто или что мне угрожает. Если б я знал со всей определенностью, кого или чего избегать...— Он так и оставил предложение неоконченным.

— Вы в самом деле заметили, что что-то вам угрожает? Или просто перенервничали?

— Я очень нервничаю, можешь в этом не сомневаться, но это мое обычное состояние. Я не переношу трудностей, я ужасно боюсь боли, я даже отказываюсь признавать возможность смерти. И все эти беды сейчас, похоже, затаились в непосредственной от меня близости.

— Тридцать миллионов озолов — впечатляющая сумма,— не без зависти произнес Глиннес.— Лично мне хватило бы из них всего лишь двенадцать тысяч.

Акади пододвинул кейс к Глиннесу.

— Вот, бери, сколько тебе требуется и объясни недостачу Бандольо... Но нет.— Резким движением он подтянул кейс снова к себе.— Мне недано право распоряжаться этими деньгами.

— Меня вот что особенно сильно смущает,— произнес Глиннес.— Поскольку вы испытываете тревогу за судьбу этих денег, то почему бы вам просто не поместить их в банк? Вон там, например, Уэлгенский Банк, всего лишь в двенадцати секундах хода от того места, где мы сидим.

Акади тяжело вздохнул.

— Все далеко не так просто... Мне велено держать деньги всегда под рукой, чтобы в любой момент передать их посыльному Бандольо.

— И когда же он явится?

Акади закатил глаза к веткам фульжерии.

— Через пять минут? Пять дней? Пять недель? Ох, как хотелось бы мне это знать!

— Такая постановка вопроса кажется не очень-то благоразумной, — сказал Глиннес. — Правда, старментеры придерживаются тех методов, которые находят наиболее полезными для себя. Подумать только! Через год все это будет вами вспоминаться, как очень забавный случай. Чуть ли не анекдот.

— Я в состоянии думать только о самом насущном моменте, — проворчал Акади. — Этот кейс покоится у меня на коленях, как раскаленная докрасна наковальня.

— Кого, в частности, вы опасаетесь?

Даже находясь в состоянии крайней озабоченности, Акади не мог устоять перед искушением лишний раз проанализировать ситуацию с нравоучительным подтекстом.

— Трем категориям людей позарез нужны озолы: фаншерам, которые могли бы на них купить землю, оборудование, информацию и энергию; знати — поправить изрядно пошатнувшееся финансовое положение; и треванам, которые алчны от природы. Только несколько мгновений тому назад я обнаружил двух треван, тихонько ступающих у меня за спиной.

— Это может быть всего лишь случайным совпадением, — заметил Глиннес.

— Лучше держаться от любых людей из трех упомянутых мной категорий. — Акади поднялся из-за стола. — Ты сейчас возвращаешься на Рабендари? Почему бы тебе не отбыть отсюда со мной?

Они прошли к причалу и на борту белого катера Акади отправились на восток, следуя Внутреннему Проливу. Прошли Кружевные Острова, на большой скорости пересекли Затон Рипил, оставив в стороне Зауркаш, вошли затем в узкий проток Атенри, откуда вырвались на просторы озера Флейриш и здесь увидели щеголеватый черно-пурпурный гоночный глиссер, который на огромной скорости пересекал озеро то в одном направлении, то в другом.

— Кстати, о треванах, — произнес Глиннес. — Обратите внимание на то, кто катается с лордом Генсифером.

— Я заметил ее, — ответил Акади и еще глубже засунул свой черный кейс под сиденье на корме.

Лорд Генсифер круто развернул свой глиссер на полном ходу, взметнув высоко вверх длинный плюмаж из пены, затем, рассекая воздух с характерным свистом, устремился

вдогонку за Акади и Глиннесом. Акади, недовольно ворча, остановил катер, через мгновение рядом с ним оказался глассер лорда Генсифера. Дьюссана, на которой было прелестное светло-голубое платье, искоса поглядела на катер Акади и надула губы, однако больше ничем не выразила своего недовольства. Лорд Генсифер же был в самом прекрасном расположении духа.

— И куда же вы держите путь в этот великолепный день с таким сосредоточенным и решительным видом? Побраконьерствовать в утином питомнике лорда Милфреда? Бьюсь об заклад, что это именно так.

Акади ответил как можно более вкрадчиво:

— Боюсь, сегодня у нас настолько серьезные заботы, что мы еще не успели разобраться, каким выдался день.

Лорд Генсифер игриво взмахнул рукой, давая понять, чтоб его шутке не придавали какого-либо особого значения.

— А как далеко вы продвинулись с выкупом?

— Сегодня утром завершил сбор денег,— скупой ответил Акади. Тема эта явно была не из тех, которую ему хотелось бы развивать, однако лорд Генсифер, не проявив должного такта, продолжал дергать за больную струну.

— Вот и передайте мне один или два миллиончика из этих озолов. Бандольо вряд ли почувствует разницу.

— Я с удовольствием отдал бы вам все тридцать миллионов,— сказал Акади,— чтобы вы, а не я, имели дело с Загмондо Бандольо.

— Покорнейше благодарю,— произнес лорд Генсифер,— пусть все остается так, как есть.— Он заглянул внутрь катера Акади.— Эти деньги вы в самом деле сейчас везете с собою? А, они спрятаны в днище, чтобы не бросались в глаза. А вы понимаете, что лодки иногда тонут? Что вы в этом случае скажете Загмондо Неистовому?

— Такая роковая случайность маловероятна,— надтреснутым голосом ответил Акади, не в силах больше сдерживать свое недовольство.

— Что верно, то верно. Но мы заставляем скучать Дьюссану, которую не очень-то занимают подобные вопросы. Она категорически отказывается навестить родовое имение Генсиферов — вы можете себе представить нечто подобное! Я соблазнял ее роскошью и изысканностью — ей все нипочем. Треванка во всех отношениях. Пуглива, как птичка! Вы уверены в том, что никак не сумеете сэкономить хотя бы один миллиончик озолов? Ну а полмиллиончика? Жалкую сотню тысяч?

Акади только улыбнулся, проявляя стальную выдержку, и отрицательно качал головой. Лорд Генсифер широким жестом потянул на себя клапан подачи топлива. Пурпурно-серебристый глиссер рванулся вперед, лихо развернулся, взметнув дугой пену и брызги, и помчался на север, к Муниципальному Острову, самая южная оконечность которого выходила к Озеру Флейриш.

Акади и Глиннес продолжили путь с куда более скромной скоростью. На острове Рабендари Акади решил сделать остановку, чтобы выпить чашку чая и, когда усаживался на краешек стула, внимательно посмотрел сначала в сторону Илфиш, затем обвел взглядом пролив Эмбл и даже не поленился обернуться и долго глядел, ворочая головой сквозь ряд помандеров, закрывавших обзор Фарванского русла, огибавшего Рабендари с северо-запада. Верхушки деревьев непрерывно шевелились, вызывая неприятное ощущение, будто кто-то подкрадывается со стороны реки, и это заставляло Акади нервничать еще пуще прежнего.

Глиннес приволок бутылку выдержанного вина, чтобы подразвезать страхи Акади, и это так положительно на него подействовало, что эвнесс подкрался как-то незаметно для них обоих. Только тогда Акади вспомнил о том, что не мешало бы ему возвращаться домой.

— Если ты не против, то составь мне компанию. По правде говоря, я все еще немного нервничаю.

Глиннес согласился провести Акади в своем собственном скутере, но Акади вдруг остановился и стал потирать подбородок, никак не решаясь забраться в свой катер.

— Наверное, тебе следовало бы позвонить Марче и сообщить ей, что мы уже тронулись. Спроси у нее также, не заметила ли она чего-нибудь необычного, чего-нибудь такого, что вызвало бы у нее сомнения.

— Пожалуйста.

Глиннес вернулся в дом и позвонил матери. Она и в самом деле облегченно вздохнула, узнав, что Акади уже возвращается. Что-нибудь необычное? Да, в общем-то, ничего существенного. Только, пожалуй, несколько лодок в Клинкхаммерском Заливе. Или, может быть, всего лишь одна, но несколько раз пересекающая залив. Она не очень-то следила за положением дел в заливе.

Глиннес нашел Акади в самом дальнем конце причала, хмуро поглядывавшего в сторону фарванского русла. Затем Акади сел в свой белый катер и тронулся в путь. Глиннес следовал за ним, не отставая, до самого Клинкхаммерского Залива, в котором все было тихо и спокойно, и в серых пред-

вечерних сумерках ни просматривалось ничего подозрительного. Тем не менее, Глиннес подождал, пока Акади не пришвартуется благополучно к причалу, и только тогда развернулся и взял курс на Рабендари.

Едва он переступил порог дома, как его встретил телефонный звонок. На экране появилось лицо Акади, торжествующее и одновременно крайне печальное.

— Все произошло так, как я предвидел, — сказал Акади. — Они были тут как тут, поджидая меня под навесом для катера. Их было четверо, и я не сомневаюсь, что это — треване, хотя они и были все в масках.

— И что дальше? — нетерпеливо перебил его Глиннес, так как Акади, похоже, намеревался произвести своим рассказом максимально возможный драматический эффект.

— То, что я предвидел. Вот что случилось, — коротко бросил Акади. — Они скрутили мне руки и отобрали черный кейс. Затем уплыли в своих лодках.

— Понятно. И значит, тридцать миллионов — коту под хвост?

— Ха-ха! Ничего подобного. Только закрытый на ключ черный кейс, набитый землей и травой. Кое-у-кого из Дроссетов очень вытянется лицо, когда они взломают замок. Я намеренно упомянул о Дроссетах, так как узнал специфическую манеру держаться старшего сына, да и Ванга Дроссета нетрудно узнать даже тогда, когда он в маске.

— Вы упомянули — четверо?

Акади вымученно улыбнулся.

— Один из негодеев был помельче других. Он стоял в стороне, оставшись на стреме.

— Интересно. И где в таком случае деньги?

— Вот поэтому-то я и позвонил. Я оставил их в ящике для наживки на моем причале и моя предусмотрительность оказалась совершенно оправданной. Я хочу, чтобы ты сделал вот что. Сходи на причал и удостоверься, что никто не подсматривает. Вынь обернутый фольгой пакет и занеси его внутрь дома, а я заеду за ним завтра.

Глиннес нахмурился, глядя на изображение лица Акади на экране.

— Значит, это я теперь отвечаю за ваши чертовы деньги! Я ничуть не меньше, чем вы, хочу оказаться с перерезанной глоткой. Боюсь, придется взыскать с вас за это внушительный гонорар.

От прежней деловой сосредоточенности на лице Акади и следа не осталось.

— Совершенно нелепая мысль! Ты ничем не рискуешь. Никто не знает, где находятся деньги.

— За тридцать миллионов кто-нибудь возьмет да и догадается. Не забывайте о том, что нас сегодня видели вместе.

Акади рассмеялся, но было отчетливо слышно, как дрожит его голос.

— Ты зря так сильно разволновался. И все же, если это придаст тебе спокойствие, расположись с пистолетом в руке в таком месте, откуда легко вести наблюдение за теми, кто попытается вторгнуться на твой остров. Это, пожалуй, вполне благоразумная мера. Бдительность никак не мешает нам обоим.

У Глиннеса от негодования слова застряли в гортани. Он не успел даже и рта раскрыть, как Акади сделал обнадеживающий жест и выключил изображение.

Глиннес вскочил с места и стал крупными шагами мерять комнату. Затем извлек пистолет, вспомнив о совете Акади, и спустился к причалу. Не заметив ничего подозрительного в речных рукавах, он обошел вокруг дома, а затем совершил еще более широкий обход и прочесал многочисленные кустарники. Пока что, насколько в состоянии он был судить, на острове Рабендари, кроме него самого, никого не было.

Ящик для наживки непреодолимо манил к себе. Глиннес вернулся на причал и отбросил крышку. Действительно — пакет, обернутый фольгой. Глиннес вынул пакет и, преодолев возникшую у него на какое-то мгновение нерешительность, отнес его в дом. Интересно, как все-таки выглядят тридцать миллионов озовов? Не будет большого греха, если он удовлетворит свое любопытство. Развернув фольгу, он обнаружил пухлую пачку сложенных вдвое журналов. Объятый страхом, он какое-то время не мог даже сдвинуться с места, затем бросился было к телефону, но тут же остановился. Если подобный поворот дела был предусмотрен Акади, то не будет конца его шутивым, а временами и невыносимо язвительным разглагольствованиям. Если же, с другой стороны, Акади в неведении относительно подмены, то известие об этом может вызвать у него нервный припадок, и поэтому с ним, пожалуй, лучше подождать до утра.

Глиннес вернул пакету прежний вид и положил на то же самое место в ящике для наживки. Затем заварил чаю покрепче, налил чашку и вышел на веранду, где устроился в кресле и стал задумчиво глядеть на водную гладь. Ночь уже полностью вступила в свои права над Шхерами, небо

украсилось звездными россыпями. В конце концов Глиннес пришел к заключению, что Акади сам куда-то переложил деньги, оставив обернутый фольгой пакет в качестве приманки. Типичная для него тонкая шутка...

Услышав журчание воды, Глиннес повернул голову. Мерлинг? Нет — из протока Илфиш медленно и тихо к острову приближалась какая-то лодка. Глиннес спрыгнул с веранды и притаился в тени раскидистой сомбариллы.

Вокруг царила мертвая тишина. Поверхность воды была гладкой, как стекло. Прищурившись, Глиннес при свете звезд различил что-то вроде ялика с одиноким гребцом. Вернувшийся за своими озолами Акади? Нет. Сердце Глиннеса непонятно почему учащенно забилось. Он уже чуть не вышел было из тени, но затем замер и затаился снова.

Лодка подошла к причалу. Находившаяся в ней Дьюссана вступила на берег и закрепила швартов к кнехту. Затем осторожно поднялась по залитой звездным светом дорожке к самой веранде и остановилась.

— Глиннес! Глиннес!

Голос ее звучал приглушенно и таинственно, как далекий крик ночной птицы.

Глиннес ждал. Какое-то время Дьюссана стояла в нерешительности, низко опустив плечи. Затем поднялась на веранду и заглянула внутрь погруженного в темноту дома.

— Глиннес!

Глиннес медленно вышел вперед.

— Я здесь.

Дьюссана, не шевелясь, ждала, пока он пересечет веранду.

— Вы ожидали, что я приду?

— Нет, — ответил Глиннес. — Никак не ожидал.

— А вы знаете, почему я пришла?

Глиннес медленно покачал головой.

— Нет. Но напуган вашим приходом.

Дьюссана тихо рассмеялась.

— А почему вы должны были испугаться меня?

— Потому что один раз вы уже бросили меня на съедение мерлингам.

— Вы боитесь смерти? — Дьюссана сделала шаг навстречу Глиннесу. — А что в ней такого, чтобы бояться? Я вот не боюсь. Черная птица на своих бесшумных крыльях уносит наши души в Долину Ксиан и там мы мирно и безмятежно странствуем.

— От тех, кого сожрали мерлинги, ничего не остается

в этом мире. Кстати, где ваш отец и братья? Подкрадываются сюда из лесу?

— Нет, они заскрежетали бы зубами, если бы узнали, что я здесь.

— Обойдемте вместе со мною вокруг дома,— сказал Глиннес.

Дьюссана молча согласилась. И как ни напрягал свои органы чувств Глиннес, он никого другого не обнаружил на своем острове Рабендари. Здесь были только он и Дьюссана.

— Прислушайтесь,— сказала Дьюссана.— Слышите пение древесных лягушек?

— Слышу. В лесу никого нет.

— В таком случае вы мне верите?

— Вы сказали мне только то, что вашего отца и братьев здесь нет. Этому я верю, так как нигде их не обнаруживаю.

— Давайте пройдем в дом.

Войдя в дом, Глиннес включил свет. Дьюссана сбросила накидку. На ней были только сандалии и легкое платье. Оружия у нее не было.

— Сегодня,— сказала она,— я каталась с лордом Генсифером и увидела вас. И решила, что сегодня ночью приду сюда.

— Почему? — спросил Глиннес все еще несколько удивленно, кажется, начиная кое-что понимать.

Дьюссана положила ладони ему на плечи.

— Вы помните, как я смеялась над вами? На маленьком острове?

— Еще как помню.

— Вы были тогда слишком уязвимы. Я страстно желала какой-нибудь грубости с вашей стороны. Я хотела, чтобы вы смеялись над моими словами, чтобы взяли и прижали меня к себе. Я в то мгновение сразу же растаяла бы.

— Вы очень хорошо скрывали свои чувства,— сказал Глиннес.— Насколько мне помнится, вы назвали меня «достойным презрения обжорой и развратником». Я не сомневался в том, что вы ненавидите меня.

Тень печали легла на лицо Дьюссаны.

— Я никогда не ненавидела вас — никогда. Но вы должны понять, насколько я одинока и капризна, и что любовь очень медленно созревает во мне.— Она слегка откинула назад голову.— Посмотри на меня сейчас. Как ты думаешь, я — красива?

— Еще как! Я никогда не думал иначе.

— Тогда прижми меня покрепче и поцелуй.

Глиннес повернул голову и прислушался. Из рабendarского леса продолжало доноситься ни на секунду не прекращавшееся тихое поквакивание древесных лягушек. Затем он глянул в упор на лицо, оказавшееся теперь совсем близко к его лицу. Оно выражало множество самых необычных чувств, таких, которые не до конца были ему понятны и поэтому все еще вызывали у него беспокойство. Такого взгляда, как у Дьюссаны, ему еще никогда не доводилось видеть у какой-либо другой девушки. Он тяжело вздохнул. До чего же трудно любить ту, которой так сильно не доверяешь! Но куда еще труднее отказаться от этой любви! Он наклонил голову и поцеловал Дьюссану. Поцеловал так, как никого еще не целовал прежде. От нее исходило благоухание ароматных растений с некоторой примесью запаха лимона и едва заметной — пряного табака. Сердце его учащенно забилося, он теперь понимал, что нет для него уже дороги назад, что никогда уже не сможет разлюбить ее. Если она и пришла к нему только для того, чтобы сделать его своим рабом, она своего добилась. Он чувствовал, что сколько бы он с этого мгновенья и ни был с ней вместе, ему всегда будет этого мало. А Дьюссана? С шеи она сняла ладанку в виде сердечка. Глиннес узнал в ней коч для влюбленных друг в друга. Нервно дрожащими пальцами Дьюссана переломила сердечко и протянула половинку его Глиннесу.

— Я еще никогда не пробовала коч,— призналась Дьюссана.— Никогда прежде мне не хотелось кого-то любить. Налей нам бокал вина.

Глиннес вынул из буфета бутылку зеленого вина и наполнил бокал до краев. Затем вышел на веранду и бросил взгляд на воду. Поверхность реки была спокойной, как бы спящей, лишь кое-где изредка по ней пробегали круги, вызванные поднявшимися подышать мерлингами.

— Что ты там ожидал увидеть? — тихо спросила Дьюссана.

— Полдюжины Дроссетов,— ответил Глиннес,— с пылающими злобой глазами и кинжалами в зубах.

— Глиннес,— искренне воскликнула Дьюссана,— клянусь, что никто не знает, что я здесь, кроме меня и тебя. И разве тебе не известно, как высоко ценят мои соплеменники целомудрие? Ко мне они милосердия просят ничуть не больше, чем к тебе.

Глиннес поднес бокал с вином к губам Дьюссаны. Она приоткрыла рот.

— Как это делают влюбленные?

Глиннес поместил полсердечка на кончик ее языка. Она запила коч вином.

— А теперь ты.

Глиннес открыл рот. Девушка положила ему на язык свою половину сердечка. А может быть, это не коч, подумалось Глиннесу. Может быть, она подменила его снотворным или ядом? Поместив полсердечка между зубами и губой, он взял бокал, выпил вина, а затем резко повернул голову, чтобы сбросить подозрительный коч в вино. Поставив бокал на буфет, он снова повернулся лицом к Дьюссане. Она уже успела сбросить с себя платье, и теперь стояла перед ним во всем всеоружии своей наготы — более восхитительного зрелища еще никогда не являлось взору Глиннеса. И только теперь он уже окончательно понял, что не подкрадываются исподтишка к нему из темноты мужчины-Дроссеты. Он подошел к Дьюссане и поцеловал ее. Она начала расстегивать пуговицы на его рубашке. Он быстро освободился от одежды, перенес ее на диван и хотел было уже лечь рядом с нею, но она привстала на колени и прижала его голову к груди. Он слышал, как стучит ее сердце — теперь у него не оставалось даже малейших сомнений в искренности ее чувств.

— Я была жестокой, — прошептала Дьюссана, — но теперь это все в прошлом. С этого вечера я живу только для того, чтобы вызывать восторг у тебя, сделать тебя счастливейшим из людей. Ты никогда не расскажешь в этом.

— Ты собираешься жить со мной здесь, на Рабендари? — несколько смущенно спросил у нее Глиннес.

— Отец, не мешкая, убьет меня за это, — тяжело вздохнув, ответила Дьюссана. — Ты даже представить себе не можешь его ненависть... Нам придется улететь отсюда на какую-нибудь далекую планету, но зато жить там мы будем, как аристократы. Может быть, мы даже купим космическую яхту и станем странствовать среди звезд.

Глиннес рассмеялся.

— Все это прекрасно, но для этого потребуется много денег.

— Об этом можно не беспокоиться — мы воспользуемся тридцатью миллионами озов.

Глиннес резко мотнул головой.

— Я уверен, Акади будет категорически против этого.

— А разве он сможет нам помешать? Отец и братья ограбили его сегодня. В его кейсе оказались никчемные бумажки. Но ведь сегодня деньги были в его катере, — а

он по пути домой останавливался только здесь. Он оставил деньги где-то здесь, разве не так?

С этими словами Дьюссана в упор поглядела на Глиннеса.

Глиннес улыбнулся.

— Акади, не стану скрывать, оставил какой-то пакет в моем ящике для наживки.

Теперь он уже не в состоянии был больше ждать и повалил ее на диван.

Они лежали, обнимая друг друга. Пожирая Глиннеса восторженным взором, Дьюссана шептала:

— Ты увезешь меня с Тралльона, увезешь далеко-далеко. Мне так хочется жить в богатстве.

Глиннес поцеловал ее в нос.

— Шш! — прошептал он. — Будь счастлива, довольствуясь тем, что есть у нас сейчас, здесь...

Дьюссана, однако, не унималась.

— Скажи мне, скажи мне, что ты сделаешь все, о чем бы я не просила.

— Не могу. Все, что я могу дать тебе — это себя и Рабендари.

В голосе Дьюссаны появились тревожные нотки.

— А пакет в ящике для наживки?

— Там тоже всяческий хлам. Акади одурачил нас всех. Или кто-то ловко надул его еще до того, как он оставил Уэлген.

Дьюссана вся напряглась.

— Ты имеешь в виду, что здесь нет денег?

— Насколько мне известно — ни озола.

Дьюссана застонала, и все более нараставший по высоте звук, исторгаемый ее гортанью, превратился в горестный вопль по утраченной невинности. Она вырвалась из объятий Глиннеса и через всю темную комнату и веранду стрелой понеслась к причалу. Открыв ящик для наживки, она вытащила обернутый фольгой пакет и вскрыла его. При виде старых журналов она взвыла от отчаяния. Глиннес наблюдал за нею с веранды, искренне ей сочувствуя, разделяя с ней печаль и уныние, но, вместе с тем, испытывая и немалое смущение. Дьюссана в самом деле горячо его любила, настолько горячо, как ей это было дано природой. Тем не менее, совершенно забыв о том, что на ней абсолютно ничего нет, она побежала, потеряв голову, по причалу и, будто слепая, прыгнула в свою лодку, однако не удержалась на ногах и с громким криком опрокинулась в воду. Послышался всплеск, крик перешел в судорожное бульканье.

Глиннес опрометью бросился на причал и прыгнул в

лодку девушки. Ее тело белой бесформенной массой ба-
рахталось в двух метрах от него, вне пределов его досяга-
емости. В свете звезд он увидел ее искаженное ужасом
лицо — она не умела плавать. В трех метрах от нее
появился черный маслянистый свод головы мерлинга, его
глаза-диски отливали серебром. Глиннес издал хриплый
отчаянный крик и бросился Дьюссане на помощь. Мерлинг
подплыл к Дьюссане поближе и схватил ее за лодыжку.
Глиннес набросился на него и умудрился нанести сок-
рушительный удар кулаком между глаз, чем несколько
ошарашил мерлинга и сильно повредил себе костяшки паль-
цев. Дьюссана вцепилась в Глиннеса неистовой хваткой
утопающей и обвила его шею ногами. Наглотавшись воды,
он все же высвободился от мертвой хватки девушки и, вы-
нырнув на поверхность, стал подталкивать ее к лодке. Пе-
репончатая лапа мерлинга поймала его лодыжку — вот и
ему выпало наяву испытать тот кошмар, который всю
жизнь преследует каждого из обитателей Тралльона. Что
могло быть страшнее опасности угодить еще живым на обе-
денный стол мерлингов? Глиннес лягался, как одержимый.
И только тогда, когда ему посчастливилось ударить пяткой
в мягкий зоб твари, он дернулся всем телом и высвободился.
Пока он боролся с мерлингом, Дьюссана, не переставая
хныкать, цеплялась за дощатый настил причала. Глиннес
подплыл к лодке с кормы, вскарабкался внутрь, затем под-
тянул к борту Дьюссану и, собрав последние силы, перебро-
сил ее через борт. После этого они оба в полном изнемо-
жении долго еще лежали на дне лодки, тяжело дыша, как
запутавшиеся в сетях рыбы.

Что-то с глухим стуком ударилось о днище лодки — это
был лишившийся верной добычи мерлинг. Разыгравшийся
аппетит мог заставить его попытаться наклонить лодку и
забраться в нее. Глиннес, пошатываясь из стороны в сторо-
ну, поднялся на причал, таща за собой Дьюссану, а затем
повел ее по залитой звездным светом дорожке к дому.

Она стояла прямо посреди комнаты, жалкая и несча-
стная, и с отрешенным выражением лица ждала, пока
Глиннес наливал два бокала крепкого рома. Она выпила
предложенный Глиннесом ром с полнейшим без-
различием, погруженная целиком в свои собственные
безотрадные мысли. Глиннес вытер ее насухо полотен-
цем, затем вытерся сам, после чего взял девушку на руки
и отнес на диван, где она начала плакать. Он нежно лас-
кал ее и целовал щеки и лоб. Постепенно она оттаяла,
стала держаться более свободно. Сказалось действие коча
в ее крови, и хотя мысли о темной стоячей воде все еще

будоражили ее разум, она оживилась, стала отвечать на ласки Глиннеса, и они снова крепко обнялись.

Ранним утром Дьюссана поднялась с дивана и в полном молчании одела платье и сандалии. Глиннес смотрел на это совершенно равнодушным, усталым взглядом, как будто через телескоп. Когда она набросила на плечи накидку, он приподнялся на локтях.

— Куда ты собираешься?

Дьюссана только на какой-то миг искоса глянула на него, но даже этого мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы слова застряли у Глиннеса в горле. Поднявшись с дивана, он завернулся в парай и последовал за Дьюссаной, которая, не оборачиваясь, сбегала по ступенькам с веранды и стала быстро спускаться к причалу. Как он ни старался, но все, что приходило ему в голову, скажи он об этом Дьюссане, показалось бы ей пустыми словами или вздорными жалобами.

Дьюссана взяла в руки весла, посмотрела на Глиннеса с откровенным безразличием и отчалила. Глиннес долго еще стоял на причале, глядя ей вслед, все мысли его, как бы он ни изошрялся, сводились лишь к одному — почему она так поступила? Она сама пришла к нему. Он ни о чем ее не просил, ничего не обещал... Но в конце концов, он-таки сумел разглядеть свою ошибку. Нужно было, отметил он про себя, рассматривать ситуацию с точки зрения психологии треван. Он уязвил ее своеобразную гордость треванки. Взял у нее нечто совершенно бесценное, но ничего не предложил взамен, даже если оставить в стороне то, что она так надеялась получить. Он оказался черствым, ограниченным, бесчувственным. Он обманул ее ожидания, и теперь всю свою жизнь она будет раскаиваться в том, какую непростительную глупость она совершила.

Но все, что произошло, в соответствии с мировоззрением треван, имело еще и более глубокий, более мрачный смысл. Он был не просто Глиннесом Халденом, не просто развратником-триллом — он представлял из себя темную сторону Рока, частицу той враждебной Вселенской Души, с которой треване ощущали себя в извечном героическом противостоянии. Для триллов жизнь течет с бессмысленной легкостью — то, чего не было здесь сегодня, обязательно появится завтра. Временной промежуток между «сегодня» и «завтра» не рассматривался, как нечто существенное. Жизнь сама по себе была удовольствием. Для тревана все было совершенно иначе, каждое событие было чудом, исполненным глубокого внутреннего значения и подлежащим всестороннему рассмотрению и тщательной провер-

ке в отношении всех возможных последствий как в близкой, так и в самой далекой перспективе. Треван слагает свою вселенную из отдельных крупниц. Любое полученное преимущество или счастливая случайность являются крупной личной победой, которую необходимо отпраздновать и достойным образом воспеть. Любая беда или неудача, пусть даже самая незначительная, является серьезным поражением и оскорблением чувства собственного достоинства. Дьюссана, следовательно, испытывала подлинную душевную катастрофу, притом при самом тесном ее пособничестве, даже несмотря на то, что с точки зрения рядового трилла, он принял у нее только то, что было ему предложено без каких-либо предварительных условий.

С тяжелым камнем на душе Глиннес повернулся к дому. Взгляд его остановился на ящичке для наживки. Весьма любопытная мысль пришла ему в голову. Он поднял крышку и заглянул внутрь. Вот тот злополучный пакет, обернутый фольгой и наполненный макулатурой. Он вынул пакет из ящичка и стал шарить пальцами в толстом слое соломы и опилок, которым было покрыто дно ящичка. Пальцы его нащупали какой-то предмет, который оказался туго набитым полиэтиленовым кулком. Сквозь прозрачный материал кулька четко просматривались розовые и черные купюры Аласторского Банка. Действительно, очень уж хитрый трюк проделал Акади, чтобы надежно припрятать деньги. Глиннес задумался на мгновение, затем взял обернутый фольгой пакет и вышвырнул из него старые журналы. Обернув фольгой деньги, он положил этот новый пакет в ящик для наживки. Он едва управился с этой подменой как услышал шум движения какой-то приближающейся к Рабендари лодки.

Фарванское русло пересекал белый катер Акади с двумя пассажирами на борту — Акади и Глэем. Катер причалил к пристани. Глиннес поймал швартов и набросил петлю на тумбу кнехта.

На настил причала выпрыгнули Акади и Глэй.

— Доброе утро, — произнес Акади, с трудом скрывая владевшее им веселое настроение, затем прошупал Глиннеса своим характерным испытующим взглядом. — Ты что-то бледен.

— Плохо выспался, — ответил Глиннес. — Все беспокоился о ваших деньгах.

— Они, надеюсь, в безопасности? — весело спросил Акади.

— В ящик для наживки заглядывала Дьюссана Дрос-

сет,— чистосердечно признался Глиннес.— Почему-то она так и оставила в нем пакет.

— Дьюссана! Откуда она узнала, где спрятан пакет?

— Спросила у меня о его местонахождении. Я сказал, что вы оставили пакет в ящике для наживки. Она же утверждает, что в нем были только какие-то старые журналы.

Акади рассмеялся.

— Моя небольшая шутка. Вот теперь я окончательно убедился в том, насколько хитро я спрятал деньги.— Акади подошел к ящику для наживки, извлек из него обернутый фольгой пакет, отшвырнул его в сторону и запустил пальцы в солому. Лицо его стало белым, как снег.— Деньги исчезли!

— Быть того не может! — воскликнул Глиннес.— Никак в голове не укладывается, что Дьюссана Дроссет может оказаться воровкой.

Акади, скорее всего, этих слов даже и не услышал. С дрожью в голосе он взмолился, обращаясь к Глиннесу:

— Скажи мне, где деньги? Бандольо нянчиться не станет. Он пошлет сюда своих людей, и они растерзают меня... Где, скажи, умоляю, где? Деньги забрала Дьюссана, да?

Глиннес больше уже не мог изводить Акади. Подтолкнув ногой обернутый фольгой пакет, он произнес:

— А это что?

Акади схватил пакет и разорвал фольгу. Затем посмотрел на Глиннеса с укоризной и благодарностью одновременно.

— Как это низко — так долго мучать, вода за нос!

Глиннес ухмыльнулся.

— И что теперь вы станете делать с этими деньгами?

— Как и раньше — ждать инструкции.

Глиннес повернулся к Глэю.

— А ты что скажешь? Все еще, кажется, в фаншерах?

— Естественно.

— А как там ваша штаб-квартира или центральная лаборатория, запоматывал, как вы это называете? — но ты знаешь, что я имею в виду.

— Мы застолбили довольно крупный участок свободной земли не слишком далеко отсюда, в самом начале долины Кароаш.

— В самом начале? А это случайно не Долина Ксиан?

— Долина Ксиан почти рядом.

— Станный выбор,— заметил Глиннес.

— А что тут странного? — возмутился Глэй.— Земля там свободная, никем не занятая.

— Если не считать треванской птицы смерти и

неисчислимого множества душ упокоившихся с миром треван.

— Мы не будем нарушать их покой, а уж они и подавно не станут нарушать наш, в этом я нисколько не сомневаюсь. Мы, можно сказать, будем делить эту землю с ними на паритетных началах.

— А где же тогда мои двенадцать тысяч озовов, если земельный участок обошелся вам совсем дешево?

— Забудь об этих двенадцати тысячах озовов. Мы уже достаточно полно обсудили этот вопрос.

Тем временем Акади уже спрыгнул в свой катер.

— Уходим! Надо вернуться ко мне до того, как на реке появятся грабители.

Глава 17

Глиннес провожал катер взглядом до тех пор, пока он не исчез, время от времени, по привычке, бросая взоры на небо. Хмурые тучи громоздились у далеких горных вершин, зловеще выглядывая в лучах недавно взошедшего солнца. Воды Пролива Эмбл казались тягучими и безжизненными. Остров Эмбл вырисовывался на их розовато-лиловом фоне размытым наброском, выполненным угольным карандашом. Глиннес поднялся на веранду и устроился поудобнее в одном из своих любимых соломенных кресел. События прошлой ночи — такие богатые и драматичные, теперь казались смутным фантастическим сном такого рода, воспоминания о котором не доставляли удовольствия. Какими бы ни были подлинные побуждения, которыми руководствовалась Дьюссана, в них все-таки была какая-то доля искренности. Он мог высмеять ее и отправить домой разгневанной, но никак не пристыженной. Каким совершенно иным все казалось при пепельном свете дня!.. Он даже вскочил на ноги, с досадой осознав, по какому опасному для его душевного спокойствия руслу направился ход его мыслей. За работу! Очень многое нужно сделать. Собрать мускатные яблоки. Пойти в лес и набрать различных трав и корней, используемых для приправ, и заняться их просушкой. Наметить на углу участок для будущего огорода и вскопать его. Отремонтировать сарай, который вот-вот рухнет. От одного перечисления в уме тех дел, что предстоя-

ло сделать в самом ближайшем будущем, он устал настолько, что его стало клонить ко сну. Ноги сами завели его в дом, где он тотчас же свалился на диван.

В полдень его разбудил стук капель легкого дождика. Глиннес укрылся плащом и, продолжая лежать, погрузился в раздумья. Из ума не уходила какая-то едва осознаваемая, но неотвязная мысль, вопрос, требовавший к себе самого пристального внимания. Хассэйдная тренировка? Льют Касагэйв? Акади? Глэй? Дьюссана? В самом деле, как теперь быть с Дьюссаной? Она пришла, затем поспешно скрылась и больше уже никогда не будет украшать волосы желтым цветком. Хотя, впрочем, почему бы не продолжать ходить с ним, чтобы скрыть случившееся от Ванга Дроссета? С другой стороны, рискуя навлечь на себя его гнев, она может чистосердечно признаться ему во всем. Причем, именно это вероятнее всего, представив несколько видоизмененную версию своих ночных приключений. Такая возможность, поначалу прочувствованная только его подсознанием, теперь вызывала у Глиннеса настоящую, четко осознанную тревогу. Он поднялся и прошел к двери. Серебристая изморозь затрудняла видимость, однако, как ни вглядывался Глиннес, никаких лодок в Проливе Эмбл не обнаружил. Треване, вечные странники по натуре, считали дождь дурным предзнаменованием. Даже жажда возмездия не сдвинет тревана с места, когда идет дождь.

Порывшись в кладовке, Глиннес нашел в кладовке тарелку студня из вареных моллюсков и съел его без всякого аппетита. Дождь совершенно неожиданно прекратился, и Пролив Эмбл залил яркий солнечный свет. Глиннес вышел на веранду. Весь окружающий мир казался посвежевшим после небольшого купания, всюду виднелась живительная влага, прояснились цвета, воды пролива отбрасывали яркие блики, очистился воздух, искрилось голубизной безоблачное небо. При виде всего этого Глиннес ощутил душевный подъем.

Впереди немало работы. Глиннес опустил в кресло, чтобы окончательно решить, с чего начать. Но тут из протока Илфиш в Пролив Эмбл вышла какая-то лодка. Глиннес встревоженно вскочил на ноги, приготовился к наихудшему. Но это оказалась всего-навсего одна из сдаваемых напрокат Харрадом-младшим моторок. Сидевший в ней молодой человек в какой-то форменной одежде, по-видимому, просто сбился с пути, запутавшись в многочисленных рукавах и протоках. Подогнав лодку

почти к самому причалу Рабендари, он встал во весь рост и окликнул Глиннеса.

— Эй, уважаемый! Я, похоже, заблудился. Мне нужен Клинкхаммерский залив в районе острова Сарпас-сант.

— Вы забрались намного южнее. Кого вы разыскиваете?

Молодой человек глянул в бумажку.

— Некого Джано Акади.

— Поднимитесь по Форванскому руслу в реку Заур, сверните во второй проток по левую руку и держите курс на запад, пока не выйдете к Клинкхаммерскому заливу. Особняк Акади высится на утесе на самой оконечности мыса.

— Большое спасибо. Я запомнил маршрут. А вы, часом, не Глиннес Халден, из «Танхинар»?

— Да, Глиннес Халден это я.

— Я видел вашу игру со «Стихиями». Насколько мне помнится, борьба была явно не равной.

— Команда молодая, неопытная, но, как мне кажется, подающая большие надежды.

— Я тоже так считаю. Ну что ж — удачи «Танхинарам» и еще раз спасибо за помощь.

Лодка вошла в Форванское русло, миновав серебристо-охровые помандеры, и скрылась из вида, оставив Глиннеса в размышлениях о судьбе «Танхинар». Они не тренировались после игры с «Островитянами». У них не было денег. Не было шейлы... Мысли Глиннеса сами собой вернулись к Дьюссане, которая уже никогда не сможет быть шейлой, а затем перескочили на Ванг Дроссета — интересно, узнал он или нет о событиях прошлой ночи. Глиннес обвел взглядом пролив Эмбл. Не обнаружив в нем ни единой лодки, прошел к телефону и позвонил Акади.

Вспыхнул экран. Появившееся на нем лицо Акади было до крайней степени раздраженным, а голос брюзжащим:

— Дзынь, дзынь, дзынь — только и слышу весь день. Телефон — весьма сомнительное удобство. Я все жду — не дождусь очень важного гостя и мне никак нельзя раздражаться.

— В самом деле? — изумился Глиннес. — Это парень в светло-голубой форме и фуражке посыльного?

— Естественно, нет! — рявкнул Акади, затем сразу же понизил голос. — Почему ты спрашиваешь?

— Пару минут тому назад именно такой парень справлялся у меня в отношении дороги к вашему дому.

— Ну что ж, подожду и его. Это все, что ты хотел?

— Я подумал, что могу заглянуть к вам сегодня к концу дня и одолжить двадцать тысяч озовов.

— Ха! А откуда мне взять двадцать тысяч озовов?

— Я знаю одно место.

Акади невесело рассмеялся.

— Придется тебе поискать кредитора более склонного к самоубийству, чем я.

Экран погас.

Глиннес задумался на мгновение, но больше уже никаких других предлогов для продолжения праздного времяпрепровождения так и не придумал. Вытащив ящики для яблок в сад, он принялся за работу с той яростью, что так характерна для трилла, вынужденного заниматься чем-то таким, что он расценивает как совершенно неизбежное зло. Дважды он слышал звонки телефона внутри дома, но не обратил на них внимания, и поэтому так ничего и не узнал об одном судьбоносном событии, случившемся несколько ранее этим днем. Он насобирал добрую дюжину ящиков яблок, погрузил их на тачку и отвез в сарай, затем вернулся в сад, чтобы собрать еще и закончить работу.

День близился к концу. Гнетущий сумрак эвнесса приобрел красноватый отлив, сменившийся вскоре тяжелым пурпуром приближающейся ночи. Глиннес продолжал упорно работать. С гор подул холодный ветер, проник сквозь мокрую от пота рубашку к самому телу. Неужели вот-вот снова пойдет дождь? Нет. Небо уже расцветилось звездами — сегодняшним вечером дождя определенно не будет. Глиннес нагрузил последними яблоками тележку и начал катить ее по направлению к сараю.

И вдруг остановился, как вкопанный. Дверь в сарай была лишь полуоткрыта. Скорее даже открыта совсем немного, не более того. Странно, ведь он умышленно оставил ее распахнутой настежь. Глиннес опустил на землю ручки тачки и вернулся в сад обдумать положение. То, что он увидел, не вызвало у него такого уж особого удивления — скорее даже наоборот, ведь он с самого начала прибегнул к такой необычной для себя предосторожности, сунув к себе в карман пистолет. Краешком глаза он пристально глядел в сторону сарая. Один, скорее всего, затаился внутри, другой — сзади, и еще один — в тени дома, так, во всяком случае, не без оснований предполагал Глиннес. Оставаясь в саду, он был вне пределов дальности метания ножа, да к тому же они вряд ли намерены убить его прямо на месте. Сначала им нужно будет вволю

выговориться и только после этого последует своего рода «малый прутаншир» — ему будут выкручивать конечности, вырезать на коже замысловатые орнаменты, прижигать особо чувствительные места — и все это будет произведено в качестве гарантии, что не останется у него не только всего того, что позволило ему совершить недавнее кошунство, но даже и приятных воспоминаний об этом. Глиннес провел языком по пересохшим губам. Странная пустота дала о себе знать в желудке... Что делать? Он ведь не может вот так простоять всю ночь, делая вид, будто все никак не налюбуется урожаем своих яблок.

Глиннес неторопливо зашел за дом, затем, подхватив с земли увесистую палку, бегом вернулся вдоль одной из стен и затаился за углом. Послышался звук бегущих ног, несколько брошенных на ходу слов, произнесенных шепотом. Затем показалась тень кого-то, огибавшего угол. Глиннес взмахнул палкой. Огибавший угол, взметнул вверх руки и удар пришелся ему по запястью. Он завопил от боли. Глиннес еще раз взмахнул палкой, незванный гость сумел поймать ее руками. Глиннес потянул палку на себя, столкнулся с противником, и они закружились на одном месте, не выпуская палку из рук. Тут на Глиннеса набросился еще один противник, бешено взревший, крепкий мужчина, от которого разило потом — Ванг Дроссет. Глиннес бросил палку и отпрыгнул в сторону, а затем сразу же выстрелил из пистолета. В Ванга Дроссета он не попал, зато поразил Харвинга, первого из Дроссетов, с которым он сцепился. Харвинг застонал, и, шатаясь, отлетел в сторону. Будто бы из неоткуда возник третий и схватился с Глиннесом под непрекращающийся аккомпанемент неистового гортанного рева, издаваемого Вангом Дроссетом, пританцовывавшего рядом и ищущего удобного момента, чтобы вцепиться в глотку Глиннеса. Глиннес еще раз выстрелил, но так как прицелиться не имел возможности, то только обжег землю у ног Ванга Дроссета. Вожак неуклюже подпрыгнул вверх. Глиннес, энергично орудуя ногами, вырвался из рук Эшмора, но за мгновение до этого Ванг Дроссет нанес ему страшный силы удар, от которого голова его едва не вдавилась в плечи и мгновенно стала необыкновенно тяжелой. Глиннесу же удалось в ответ нанести сокрушительный удар ногой в пах Эшмору, заставив его, прислонясь к стене дома, скрючиться в три погибели. Лежавший на земле Харвинг судорожно дернулся — что-то металлическое больно ужалило Глиннеса в плечо. Глиннес выстрелил. Харвинг обмяк и больше уже не шевелился.

— Корм для мерлингов, — тяжело дыша, произнес

Глиннес.— Кто еще? Ты, Ванг Дроссет? Не двигаться. Даже не шевелиться, или я прожгу дырку у тебя на животе.

Ванг Дроссет окаменел. Эшмор прислонился к боковой стенке дома.

— Ступайте впереди меня,— скомандовал Глиннес.— Марш на причал.— Когда Ванг Дроссет заколебался в нерешительности, Глиннес поднял палку и ударил его по голове.— Я вас научу, как являться сюда для того, чтобы убить меня, мои дорогие дружки-~~меване~~. Заверяю вас, вы еще долго будете раскаиваться в этом ночном нападении... Марш на причал! Ну-ка, попробуйте убежать, если такие смелые. Ведь в темноте я могу промахнуться.— Глиннес снова поднял палку.— Марш, марш!

Двое Дроссетов нетвердой походкой побрели к причалу, ошеломленные провалом своей затеи. Глиннес избивал их до тех пор, пока они оба не повалились на доски настила, а затем стал обрабатывать их ногами, пока они в конце концов совершенно перестали дергаться. После этого он крепко-накрепко связал их предназначенными совершенно для иных целей лодочными снастями.

— Вот так гораздо лучше, милые мои простофили. Ну так выкладывайте теперь, кто из вас убил моего брата Ширу?.. О, у вас нет настроения поболтать со мной? Так вот, я больше не буду вас бить, хотя прекрасно помню другую ночь, когда вы бросили меня на съедение мерлингам. Мне кажется, что мне ничего больше не нужно вам объяснять — Ванг, ты слышишь меня? Вот и говори, Ванг, ответь мне.

— Я достаточно хорошо тебя слышу.

— Тогда слушай. Это ты убил моего брата Ширу?

— Ну и что, если я? Я имел на это право. Он дал коч моей девчонке. Я обязан был убить его. Как обязан убить и тебя.

— Значит, Шири дал коч твоей дочери?

— Именно он, гнусный бугай-трилл.

— Ну и как же мне теперь быть с тобой?

Ванг Дроссет примолк на несколько секунд, затем, сопя и задыхаясь, выпалил:

— Можешь убить меня или разрезать на куски, никакой другой пользы ты от меня никогда не получишь!

— Я предлагаю тебе вот что,— сказал Глиннес.— Напиши расписку, что это ты убил Ширу...

— Я не разбираю букв. Ничего я не напишу.

— В таком случае, ты должен заявить при свидетелях, что убил Ширу...

— И отправиться на прутаншир? Ишь чего захотел!

— Приведи серьезные причины, которые заставили тебя так поступить — мне лично, все равно какие. Настаивай на том, что он огрел тебя дубиной, или приставал к твоей дочке, или назвал твою жену грязной старой вороной — все это для меня не имеет особого значения. Дай показания под присягой и я отпущу тебя на все четыре стороны — только ты должен будешь еще поклясться душой своего отца, что оставишь меня в покое. А нет — я сброшу и тебя, и твое отродье Эшмора в прибрежную тину и оставлю вас мерлингам.

Ванг Дроссет застонал и напрягся всем телом в попытке порвать пути.

— Дай клятву, какую он требует! — иступленно взревел Эшмор Дроссет. — Ведь меня-то она не касается! Я убью его все равно — пусть для этого понадобится хоть целая вечность!

— Попридержи-ка язык, — устало процедил сквозь зубы Ванг Дроссет. — Мы повержены. Не до жиру — быть бы живу! — Он снова обратился к Глиннесу. — Повторите, что именно вам нужно.

Глиннес еще раз изложил выдвинутые им условия.

— И вы не станете выдвигать обвинение в убийстве? Если я скажу вам, что этот потный бугай силой затолкал ей в рот коч и повалил на траву за вашим домом...

— Не стану.

Сын презрительно фыркнул.

— И не кострируете нас и не отрежете носы? Вы оставите нам все наши члены?

— Мне не нужны ваши грязные члены, — сказал Глиннес. — Оставьте их при себе.

Ванг Дроссет вдруг снова издал яростный стон.

— А что будет с моей дочерью, которую вы изнасиловали, которой вы скормили коч и совершенно ее обесценили? Вы возместите понесенный ею ущерб? Вместо этого вы убиваете моего сына и не скупитесь на угрозы мне.

— Ваша дочь пришла сюда по собственной воле. Я ничего у нее не просил. Она сама принесла коч. Это она соблазнила меня.

Ванга Дроссета затрясло от бешенства. Его сын издал целый букет непристойных угроз. Ванг Дроссет в конце концов устал его выслушивать и велел ему заткнуться.

— Я принимаю ваши условия, — сказал он, обращаясь к Глиннесу.

Глиннес развязал сына.

— Забирай тело брата и уматывай!

— Иди,— безжизненно вымолвил Ванг Дроссет.

Глиннес подтянул свой скутер к причалу и скатил на самое днище связанного по рукам и ногам Ванга Дроссета. Затем прошел в дом и позвонил Акади, но дозвониться не смог. Акади отключил свой телефон. Глиннес вернулся к скутеру и с максимальной скоростью понесся по фарванскому руслу, взметая по обе стороны шлейфы из искрящейся в звездном свете пены.

— Куда это вы меня везете? — простонал Ванг Дроссет.

— На встречу с Акади-ментором.

Ванг Дроссет снова застонал, но предпочел больше не высказываться.

Скутер уткнулся носом в причал под причудливым домом Акади. Глиннес перерезал канаты, обвивавшие ноги Ванга Дроссета и вытолкнул его на настил. Спотыкаясь на каждом шагу, они стали медленно подниматься по тропинке, ведущей вверх. Неожиданно на башнях особняка вспыхнули мощные прожекторы, ослепив Глиннеса. Из репродуктора раздался резкий голос Акади:

— Кто это? Соболаговолите назвать себя.

— Глиннес Халден и Ванг Дроссет. Вышли на тропу! — громким голосом поддразнил Акади Глиннес.

— Кто бы мог подумать, что вы подружились,— не без издевки в тоне отвечал насмешливый голос Акади.— Разве я не упомянул, что сегодняшним вечером я крайне занят?

— Я требую оказания профессиональных услуг с вашей стороны!

— В таком случае поднимайтесь выше.

Когда они достигли вершины утеса, дверь дома была распахнута настежь, поток яркого света изнутри рассек темноту ночи. Глиннес, продолжая подталкивать Ванга Дроссета сзади, провел его внутрь дома.

Появился Акади.

— И какова же суть дела?

— Ванг Дроссет решил пролить свет в отношении смерти Ширы,— сказал Глиннес.

— Прекрасно,— произнес Акади.— У меня сейчас гость, так что я надеюсь на то, что вы отнимите у меня минимум времени.

— Дело это необычайной важности,— без оковностей заявил Глиннес.— Не должно быть никаких отклонений от процедуры.

Акади в ответ только показал, к какому из его кабин-

тов следует подниматься. Глиннес разрезал снасти, которыми были связаны руки Ванга Дроссета, и подтолкнул его в нужную сторону.

В полумраке кабинета царила спокойная обстановка. В камине тихо потрескивали розовато-оранжевые поленья плавника. С одного из расположенных у камина кресел поднялся незнакомый Глиннесу мужчина и в знак приветствия учтиво склонил голову. Глиннес, чье внимание было всецело поглощено Вангом Дроссетом, уделил ему лишь брошенный вскользь взгляд. Незнакомец показался ему человеком среднего телосложения, в неброской одежде и таким же, ничем особо не примечательным лицом.

Акади, по всей вероятности, помня о событиях прошлой ночи, держался по отношению к Глиннесу с несколько большей любезностью, чем обычно.

— Разрешите представить,— обратился он к гостю,— Глиннеса Халдена, моего доброго соседа, человека с безукоризненной репутацией, а также,— Акади сделал учтивый жест рукой,— Ванга Дроссета, представителя того странствующего народа, который известен под именем «треване». Глиннес и Ванг Дроссет, имею честь познакомить вас с человеком широкого умственного кругозора и обширных знаний, которого заинтересовал наш уголок Скопления. Это Райл Шермац. Судя по нефритовому медальону, родина его, как мне кажется, Белмас. Я не ошибся?

— Ваше суждение достаточно справедливо,— произнес Шермац.— Я в самом деле чувствую себя, как дома, на Белмаса. Но во всем остальном вы несколько преувеличиваете. Я — странствующий журналист, не более того. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания и спокойно занимайтесь своим делом. Если рассматриваемый вами вопрос сугубо конфиденциален, то я готов хоть сейчас удалиться.

— В этом нет необходимости,— сказал Глиннес.— Пожалуйста, даже не думайте утруждать себя и располагайтесь поудобнее.— Он повернулся к Акади.— Ванг Дроссет желает сделать перед вами клятвенное заявление — засвидетельствовать, как того требует закон, некоторые факты, проясняющие статус Рабэндари и острова Эмбл.— Он кивнул Вангу Дроссету.— Прошу вас, начинайте.

Ванг Дроссет провел языком по губам.

— Шира Халден, подлый распутник, приставал к моей дочери с грязными намерениями. Он предложил ей попробовать коч, после чего попытался ее изнасиловать. Я оказался случайным свидетелем происходящего и, стремясь оградить честь своей дочери от посягательств, нечаянно умертвил его. Он умер — по-моему, этого до-

статочно? — уже еле сдерживая гнев, процедил он сквозь зубы, обращаясь к Глиннесу.

Глиннес повернулся к Акади.

— Подобное заявление является имеющим законную силу доказательством факта смерти Ширы?

— Вы клянетесь душой своего отца, что сказали правду? — спросил Акади у Ванга Дроссета.

— Клянусь, — пробурчал Ванг Дроссет. — Учтите, я это сделал в порядке самозащиты.

— Очень хорошо, — сказал Акади. — Признание сделано без какого-либо принуждения с чьей-либо стороны перед ментором и нотариусом на общественных началах и другими свидетелями. Признание произведено в соответствии со всеми предписаниями закона.

— В таком случае, будьте любезны, позвоните Льюту Касагэйву и велите ему освободить принадлежащую мне собственность.

Акади почесал подбородок.

— Вы предполагаете вернуть уплаченные им деньги?

— Пусть он сдерет их с того, кому он их платил — с Глэя Халдена.

Акади равнодушно пожал плечами.

— Я, естественно, должен расценивать это как исполнение профессиональных обязанностей, и рассчитываю получить за это соответствующее вознаграждение.

— Ничего иного я и не ожидал.

Акади ушел звонить по телефону.

— Вы довольны? — угрюмо спросил Ванг Дроссет. — В моем стойбище сегодняшняя ночь станет ночью ужасного горя, и все из-за вас, Халденов.

— Это горе вы навлекли на себя собственной своей кровожадностью, — сказал Глиннес. — Может быть, стоит изложить подробности? Никогда не забывайте о том, как вы бросили меня, избитого до полусмерти, в прибрежной тине.

Ванг Дроссет, понутив голову, прошел к двери, где вдруг повернулся и выпалил:

— Как бы то ни было, но мы сполна расквитались с вами за тот позор, которому вы нас подвергаете, вы и все остальные триллы из-за своей ненасытности и похоти. Вы — стадные животные, вот, кто все вы! Для вас, триллов, нет ничего более святого, чем желудок и то, что у вас между ног. А ты, Глиннес Халден, держись от меня подальше. На следующий раз ты уже не отделаешься от меня так легко.

С этими словами он тяжелой поступью покинул дом.

Встретившийся с ним в самом низу лестницы Акади смотрел на то, как уходит Ванг Дроссет, брезгливо морща нос.

— Тебе сейчас лучше бы постеречь свой скутер,— сказал он Глиннесу, едва вошел в кабинет.— Не то вдруг он его угонит и тебе придется домой возвращаться вплавь.

Глиннес, став в дверях, смотрел, как мощная фигура Ванга Дроссета, шагавшего по дороге, становится все меньше и меньше.

— Слишком велика его печаль,— сказал Глиннес,— чтобы разменять ее на угон лодки или какую-нибудь иную мелкую пакость. К своему стойбищу он доберется пешком, пройдя по мосту Верлет. Как там чувствует себя Льют Касагэйв?

— Он отказывается отвечать на мои звонки,— сказал Акади.— Придется тебе несколько повременить с триумфом.

— В таком случае вам придется подождать с получением гонорара,— ответил Глиннес.— Посыльный нашел сюда дорогу?

— Да, конечно. Могу чистосердечно признаться в том, что он снял с меня огромное бремя ответственности. Я ему очень благодарен за то, что я наконец покончил, сам понимаешь, с каким щепетильным делом.

— Раз так, то вы, может быть, угостите меня чашечкой чая? Или у вас с Райлом Шермацем какое-то сугубо конфиденциальное дело?

— Чай от тебя никуда не уйдет,— не очень-то вежливо произнес Акади.— У нас с ним разговор на отвлеченные темы. Райла Шермаца интересует, в частности, фаншерад. Он никак не может уразуметь, как такая богатая и мирная планета, как наша, могла породить столь аскетичную секту.

— Как я полагаю, мы должны рассматривать Джуниуса Фарфана в качестве катализатора,— заметил Шермац.— Или, вот это сравнение выглядит поубедительнее, давайте мыслить в категориях, применимых к сверхперенасыщенному раствору. Он внешне кажется спокойным и стабильным, но один-единственный микроскопический кристалл приводит к полному нарушению равновесности раствора.

— Потрясающий образ! — воскликнул Акади.— Позвольте мне угостить вас чуть-чуть более живительной жидкостью, чем чай.

— А почему бы и нет, в самом деле? — Шермац с нескрываемым удовольствием вытянул ноги поближе к огню.— У вас замечательнейший дом.

— Да, он приносит мне удовлетворение. — Акади вышел, чтобы принести бутылку.

— Надеюсь, вы находите Тралльон гостеприимной планетой? — спросил Глиннес у Шермаца.

— Безусловно. Каждая из планет Скопления проецирует свой особый душевный настрой, и впечатлительный путешественник способен быстро усваивать это своеобразие и наслаждаться его прелестью. Тралльон, например, безмятежен и мягок, в его водах отражаются звезды, весь он озарен ласковым, ровным светом, обворожительны его пейзажи, ни с чем не сравнимо обаяние его водных просторов.

— Вот эта нежность прежде всего и бросается в глаза, — согласился Акади, — но временами я серьезно задумываюсь над тем, так ли это в действительности? Например, под этой безмятежной гладью вод плавают мерлинги, создания, отвратительнее которых вряд ли можно себе представить, а за спокойными лицами триллов скрываются чудовищной силы страсти.

— Ну вот, приехали! — воскликнул Глиннес. — Вы сильно преувеличиваете.

— Отнюдь нет! Тебе когда-нибудь приходилось слышать крики из толпы на хассэйдных трибунах, требующие пощадить достоинство шейлы проигравшей команды? Никогда! Она должна предстать обнаженной под музыку, выражающую... ну, как это сказать... Это чувство не имеет своего обозначения, но оно такое же бурлящее, как кровь в жилах зрителей.

— Ловлю вас на слове, — возразил Глиннес. — Ведь в хассэйд играют повсюду.

Акади не обратил внимания на это соображение.

— Или возьмем прутаншир. Поразительное зрелище — исполненные немого восторга лица наших соплеменников при виде того, как какие-то жалкие преступники наглядно демонстрируют, насколько ужасной может быть медленная смерть.

— Прутаншир может служить вполне благородной цели, — заметил Шермац. — О воздействии подобных мер очень трудно судить.

— Только не с точки зрения злодея, подвергающегося прутанширу, — сказал Акади. — Разве это не самое страшное — умирать, глядя на восторженную толпу, понимая, что твои судороги приносят особую пикантность потехе?

— Но ведь это из ряда вон выходящий случай, — печально улыбнувшись, произнес Шермац. — Тем не ме-

нее, население Тралльона рассматривает прутаншир в качестве необходимого установления, и поэтому он не отмирает.

— Это позор Тралльона и всего скопления Аластор,— холодно заявил Акади.— Вседержителю следовало бы запретить подобное варварство.

Шермац почесал подбородок.

— В ваших словах что-то есть. Тем не менее, Вседержитель не решается вмешиваться в местные традиции.

— Весьма двусмысленная добродетель! Мы надеемся на мудрые решения с его стороны. Нравятся вам фанширы или нет, но они, по крайней мере, категорически против прутаншира и уничтожили бы его. Если они придут к власти, они обязательно это сделают.

— Нисколько не сомневаюсь в том, что они заодно ликвидировать и хассэйд,— заметил Глиннес.

— Никоем образом,— ответил ему Акади.— Фаншеры относятся с безразличием к этой игре. Она для них, с любой точки зрения, просто бессмысленна.

— Какая унылая и привередливая публика! — воскликнул Глиннес.

— Такими они кажутся, поскольку являют собой прямую противоположность своим безответственным и неряшливым родителям,— сказал Акади.

— Что верно, то верно,— согласился с ним Райл Шермац.— И все же, всегда нужно иметь в виду, что крайности в мировоззрении часто провоцируют появление других крайностей, но с противоположным знаком.

— Как раз вот такой случай мы и имеем здесь на Тралльоне,— сказал Акади.— Я ведь предупреждал вас, насколько обманчивой может оказаться внешне идиллическая атмосфера, царящая на нашей планете.

На какое-то мгновение весь кабинет неожиданно залил чрезвычайно яркий свет. Акади вскрикнул в изумлении и бросился к окну, за ним последовал Глиннес. Они увидели огромный белый корабль, неторопливо пересекающий Клинкхаммерский залив. Кабинет затопил светом, скользнув по обоям Акади, луч прожектора на верхушке мачты.

— По-моему,— удивленно произнес Акади,— это «Скопея», яхта лорда Райэнла. С чего бы это она могла оказаться в Клинкхаммерском заливе?

С борта яхты спустили шлюпку, которая сразу же направилась к причалу Акади. Одновременно с этим раздались три предупредительных сигнала сирены. Акади пробормотал что-то себе под нос и выбежал из дома. Райл Шермац стал бродить по комнате, с интересом рас-

смаатривая разбросанные по ней с характерной для Акади бессистемностью различные сувениры, старинные безделушки, антикварные вещицы. Здесь же находилась и принадлежащая Акади богатая коллекция небольших бюстов различных выдающихся личностей, тем или иным образом оказавших ощутимое влияние на ход истории Аластора, — ученых, воинов, мыслителей, поэтов, музыкантов, проповедников, а на самой нижней полке — зловещая галерея «анти-героев».

— Интересно,— произнес Шермац.— Как богата наша история, как и история тех эпох, что предшествовали нашей.

Глиннес показал на один из бюстов.

— Вот здесь вы видите Акади собственной персоной, который вообразил, что его место тоже среди бессмертных.

Шермац беззлобно рассмеялся.

— Поскольку Акади сам собрал эту галерею, ему должно быть, предоставлено право включать в нее кого угодно по собственному усмотрению.

Глиннес подошел к окну и увидел возвращающуюся на яхту шлюпку. Мгновением позже в кабинет вошел Акади, лицо его было мертвенно-бледным, волосы свисали беспорядочными прядями.

— Что с вами стряслось? — спросил удивленно Глиннес.— Вы сейчас похожи на привидение!

— Это был лорд Райэнл,— еле выдавил из себя Акади.— Отец лорда Эрзана-Райэнла, похищенного старменстерами. Он требует назад свои сто тысяч озов.

Лицо Глиннеса вытянулось в изумлении.

— Он бросает своего сына на произвол судьбы?

Акади прошел к нише, где хранил телефон, и включил его. Затем повернулся к Шермацу и Глиннесу и произнес:

— Гвардия накрыла логово Бандольо, арестовала самого Бандольо, всех его приспешников и захватила все корабли пиратов. Гвардейцы освободили всех узников, которых Бандольо захватил в Узлгене, и еще множество других.

— Отличнейшая новость! — воскликнул Глиннес.— Почему же это у вас такой вид, как у мертвеца?

— Сегодня после полудня я отдал посыльному все хранившиеся у меня деньги. Тридцать миллионов озов бесследно пропали.

Глава 18

Глиннес взял Акади под руку и провел к креслу.

— Садитесь, выпейте вина.— Он скосил взгляд в сторону Шермаца — тот стоял, глядя на пламя в камине.— Скажите, каким образом вы отослали деньги?

— Воспользовавшись услугами посыльного, которого ты сам направил сюда. При нем был соответствующий условный знак. Я отдал ему пакет. Он ушел, вот и вся история.

— Посыльный вам не знаком?

— Никогда не видел его раньше.— К Акади вдруг снова вернулась способность нормально соображать. Он встрепнулся, глаза его загорелись.— Тебя, похоже, очень уж сильно это заинтересовало.

— А разве можно оставаться равнодушным к судьбе тридцати миллионов озов?

— Как же это так получилось, что ты ничего не знал об успешной операции Гвардии? Об этом только и говорили, начиная еще с полудня! Все бросились созваниваться со мною.

— Я работал в саду, не обращая внимания на телефонные звонки.

— Деньги принадлежат тем, кто уплатил выкуп,— решительно заявил Акади.

— Бесспорно. Но всякий, кому удастся спасти их, может на вполне законных основаниях запросить щедрое вознаграждение.

— Вот оно как,— пробормотал Акади.— Неужели у тебя нет ни стыда, ни совести?

Прозвучал гонг. Акади вздрогнул всем телом и проковылял к телефону.

— Лорду Гайгэксу также не терпится получить назад свои сто тысяч озов,— сказал, вернувшись сразу же, Акади.— Он никак не может поверить, что я отослал деньги. Его настойчивость в какой-то мере даже оскорбительна.

Снова зазвучал гонг.

— Занятой выдался вам сегодня вечерок,— сказал, поднимаясь, Глиннес.

— Ты уходишь? — спросил жалобно Акади.

— Да. На вашем месте я снова выключил бы телефон.— Он поклонился Райлу Шермацу.— Рад был с вами познакомиться.

Глиннес на полной скорости пересек Клинокхаммерский залив, прошел под мостом Верлет, спустился вниз по Меллишскому гирлу реки Заур. Впереди показались десятка два тусклых огней — Зауркаш. Глиннес пришвартовался и выпрыгнул на берег. Царившую в поселке тишину нарушали только несколько приглушенных голосов и смех, время от времени раздававшийся в расположенном рядом с пристанью «Чудо-Лине». Глиннес прошел по причалу к прокатному пункту Харрада. Сдаваемые напрокат лодки освещал установленный на шесте прожектор. Глиннес подошел к каптерке и заглянул в открытую дверь. Харрада-младшего нигде не было видно, хотя в каптерке горел свет. Один из посетителей таверны встал и засеменил по причалу. Это был Харрад-младший.

— Слушаю, сэр, чем могу быть полезен? Если необходим ремонт лодки, ничем не могу помочь до утра... О, сквайр Халден, не узнал вас при электрическом освещении.

— Пустяки,— успокоил его Глиннес.— Дело вот в чем. Сегодня я увидел в одной из ваших лодок знакомого с виду парня, хассэйдера, которого я разыскиваю. Вы, случайно, не запомнили его имя?

— Сегодня? Во второй половине дня или чуть раньше?

— Примерно в это время.

— Я записал его имя в журнале. Давайте пройдем внутрь. Так вы говорите, он — хассэйдер? По виду не скажешь. Впрочем, внешность часто обманчива. А как там дела у «Танхиар»?

— В самом скором времени мы снова начнем играть. Как только сумеем собрать десять тысяч озов. Слабые команды теперь бегут от нас, как от огня.

— И не без оснований! Ну что ж, заглянем в журнал... Вот, скорее всего, нужное вам имя.— Харрад-младший повернул журнал к свету и наклонил сначала в одну сторону, затем в другую.— Шильд Зодерганг, так что ли. Адрес не указан.

— Не указан? И вы не знаете, где его можно найти?

— Мне, пожалуй, стоит быть более предусмотрительным,— извиняющимся тоном произнес Харрад-младший.— Чтоб не сглазить, я пока что еще не потерял ни одной лодки, если не считать того случая, когда старик Зэкс ослеп, налакавшись дряного самогона.

— Зодерганг ни о чем с вами не разговаривал? Совершенно ни о чем?

— Нет, только спросил дорогу к дому Акади.

— А когда вернулся — тогда тоже ни о чем не спрашивал?

— Тогда? Спросил, когда в Зауркаш заходит катер, совершающий регулярные рейсы в Порт-Мэхьюл. Ему пришлось подождать около часа.

— С ним был небольшой черный чемоданчик?

— Да, точно был.

— Он разговаривал с кем-нибудь?

— Он только дремал вон на той скамейке.

— Ну что ж, все это мелочи, — сказал Глиннес. — Встречусь с ним в какой-нибудь другой раз.

Слома голову Глиннес мчался по темным речным протокам и рукавам, мимо выстроившихся по берегам молчаливых деревьев, черные силуэты которых были обрамлены серебристой бахромой из звезд. В полночь он прибыл в Уэлген. Переночевал в гостинице у самой пристани и ранним утром взошел на борт парома, отправлявшегося в восточном направлении.

Порт-Мэхьюл, называемый так скорее вследствие находящегося поблизости взлетно-посадочного поля, используемого космическими кораблями, чем из-за своего местонахождения на берегу Южного Океана, был самым большим городом в Префектуре Джолани и, пожалуй, старейшим поселением на Тралльоне. Застроен он был большей частью соответствующими архаичным стандартам массивными, способными выстоять много веков, зданиями из светло-коричневого глазированного кирпича или неподверженных действию времени сальпиниевых бревен, с крутыми крышами, покрытыми синей стеклянной черепицей. Центральная площадь считалась не менее живописной, чем в любом другом из крупных городов Мерланка. Со всех сторон ее окружали древние здания, фасады которых частично были скрыты буйно разросшимися черными сульпицеллами, а главным ее украшением была мостовая, выложенная «в елочку» желтовато-коричневыми кирпичами и как бы светящимися изнутри булыжниками из кристаллического актинолита, добываемого в расположенных неподалеку горах. В самом центре города располагался прутаншир, отличавшийся от других наличием стеклянного резервуара, сквозь боковые стенки которого посаженного в него преступника обдавали кипятком, а восторженная толпа могла наблюдать

во всех подробностях мучения, которые он при этом испытывает. С тыльной стороны окружавших центральную площадь зданий лепились многочисленные базарчики, затем следовали хаотически разбросанные гроздьями небольших обветшавших домов, а на восточной окраине — вытянутое в длину здание космовокзала из стали и стекла. Само поле простиралось еще дальше на восток вплоть до Генглинских Болот, где, как рассказывали, выползали из камышей и тины мерлинги, чтобы подивиться зрелищу совершающих посадку или стартующих в космос звездолетов.

Глиннес провел в Порт-Мэхьюле три наполненных трудами и заботами дня, разыскивая Шилля Зодерганга. Стюард парома, курсировавшего между Порт-Мэхьюлом и Шхерами, довольно смутно припоминал, что был на борту парома такой пассажир, Шилл Зодерганг, но кроме голого этого факта больше ничего не мог вспомнить, даже название причала, где тот сошел на берег. В адресном столе города Зодерганг не числился в качестве одного из жителей, в управлении полиции тоже никогда не слышали такого имени.

Глиннес не поленился посетить и космопорт. Звездолет компании «Андржакья Лайнз» отбыл из Порт-Мэхьюла на следующий день после визита Зодерганга в Шхеры, но фамилия «Зодерганг» не числилась в журнале регистрации пассажиров.

Во второй половине третьего дня пребывания в Порт-Мэхьюле Глиннес отправился назад, в Уэлген, а затем уже в своем собственном скутере приплыл в Зауркаш. Здесь он встретился с Харрадом-младшим, которому прямо-таки нетерпелось выплеснуть сенсационные новости, и Глиннесу пришлось повременить со своими собственными распросами и выслушать болтовню Харрада-младшего, которая оказалась сама по себе достаточно увлекательной. Судя по всему, не имеющее себе равных по дерзости злодеяние было совершено, так сказать, почти под самым носом у Харрада-младшего. Оказывается именно Акади, которому Харрад-младший и раньше не очень-то доверял, был тем хладнокровным негодяем, который решил воспользоваться предоставившейся возможностью прикарманить тридцать миллионов озолов.

Глинес расхохотался, не веря ни единому слову из услышанного.

— Сушая нелепица!

— Нелепица? — Харрад-младший поглядел на Глиннеса в упор, дабы удостовериться, что Глиннес говорит это совершенно серьезно. — Этого мнения придержи-

живаются все до единого лорды — неужели могут ошибаться так много всеми уважаемых людей? Они отказываются поверить, что Акади выключил свой телефон как раз в тот день, когда стало известно о поимке Бандольо.

— Я в тот день сделал то же самое, — пренебрежительно фыркнув, произнес Глиннес. — Неужто я — преступник, если следовать логике лордов?

Харрад-младший пожал плечами.

— Кто-то стал богаче на тридцать миллионов озовов. Кто? Явных улик пока еще нет, но все, что бы не делал за эти дни Акади, никак не говорит в его пользу.

— Э, куда это вас занесло! А что же еще он такого сделал?

— Он присоединился к фаншераду. Он теперь фаншер. Все совершенно уверены в том, что они приняли его в свои ряды из-за оказавшихся у него огромных денег.

Глиннес схватился за голову.

— Акади — фаншер? Вот уж ни за что не поверю! Он слишком умен для того, чтобы связывать свою судьбу с этими посмешищами!

Однако Харрада-младшего оказалось не так легко вышибить с занимаемых им позиций.

— Почему он отплыл со своего острова глубокой ночью и отправился в путешествие к Долине Зеленых Призраков? А вспомните еще о том, что он уже давно носит фаншерские одежды и, как обезьяна, подражает их манерам.

— Акади просто несколько чудачковат. Ему нравится потакать своим «пунктикам».

Харрад-младший презрительно фыркнул.

— Он может поступать так, как ему заблагорассудится, это бесспорно. Между прочим, я даже уважаю подобную смелость, но когда речь идет о тридцати миллионах озовов, ссылка на отключенный телефон выглядит более, чем сомнительной.

— А что еще может он сказать, кроме правды? Я сам видел отключенный телефон у него в доме.

— Что ж, все равно, все тайное рано или поздно становится явным. А вам удалось найти того хассэйдера, как его там, то ли Джоркома, то ли Джеркома?

— Джоркома? Джеркома? — удивился Глиннес. — Вы имеете в виду Зодерганга?

Харрад-младший виновато улыбнулся.

— Зодерганг совсем другой человек, рыбак из затона Айли. Я при регистрации перепутал фамилии.

Глиннес с огромным трудом сохранил спокойствие голоса.

— Значит, этого человека зовут Джоркаи? Или Джеркаи?

— Давайте-ка глянем, — ответил Харрад-младший и вытащил журнал. — Вот Зодерганг, а вот записана другая фамилия. Мне кажется — Джерком. Он сам вписал ее.

— Похоже, что Джерком, — согласился Глиннес. — Или это Джеркони?

— Джеркони! Вы совершенно правы! Именно так он и назывался. В какой линии он играет?

— Линии? Полузащиты. Не мешало бы с ним когда-нибудь встретиться. Только я вот не знаю, где он живет. — Глиннес взглянул на часы в каптерке Харрада-младшего. Если он, сломя голову бросится назад, в Уэлген, еще, может быть, удастся застать там направляющийся в Порт-Мэхьюл паром. Махнув в отчаянии на все рукой, он спрыгнул в скутер и на максимальной скорости помчался на восток, в Уэлген.

В Порт-Мэхьюле, как вскоре обнаружил Глиннес, фамилия «Джеркони» была ничуть не более известна, чем «Зодерганг». Усталый и охваченный каким-то тупым безразличием он прошел в беседку перед входом в таверну «Отдых путника» и заказал бутылку вина. На столике, за которым он устроился, кто-то оставил свежий информационный бюллетень. Глиннес поднял его и пробежался взглядом. В глаза ему бросилась следующая статья: **«ПРОВАЛ ПОПЫТКИ НАПАДЕНИЯ НА ФАНШЕРОВ»**

Вчера в Порт-Мэхьюл пришло известие о заслуживающем осуждения нападении, совершенном группой треван, на лагерь фаншеров в Долине Зеленых Призраков или, как ее называют треване, Долине Ксиан. Мотивы, которыми руководствовались треване, довольно сомнительны. Известно, что они возмущены присутствием фаншеров в долине, считающейся среди треван священной. Не лишне также напомнить, что ментор Джано Акади, в течение многих лет проживавший в окрестностях Зауркаша, объявил себя фаншером и теперь живет в лагере фаншеров. Общественное мнение не без оснований связывает Акади с суммой в тридцать миллионов озовов, которую, как утверждает Акади, он выплатил старментеру Загмондо Бандольо, однако сам Бандольо категорически отрицает ее получение. Не исключено, что вожак группы треван, некий Ванг Дроссет, решив, по всей вероятности, что Акади забрал эти деньги с собой в Долину Зеленых

Призраков, поэтому именно с целью захвата денег и организовал налет на лагерь фаншеров. Факты таковы: семеро треван вошли в палатку Акади ночью, однако им не удалось заглушить его крики о помощи. На его призыв откликнулось немало фаншеров и в возникшей вслед за этим схватке двое треван были убиты, а еще несколько — ранены. Те, кому удалось спастись, нашли убежище среди участников проводившегося в это время неподалеку собрания треван с целью выполнения священных обрядов. Наверное, излишне говорить о том, что треванам так и не удалось овладеть тридцатью миллионами озолов, которые, очевидно, спрятаны в надежном месте. Фаншеры оскорблены вышеописанным нападением, которое они расценивают, как акт преследования их со стороны треван.

«Мы сражались, как карпауны», — заявил представитель фаншеров. «Мы ни на кого не нападаем, но свои права будем отстаивать, не брезгуя никакими средствами. Будущее за фаншером! Мы призываем молодежь Мерланка и всех, кто против постылого, безответственного образа жизни: присоединяйтесь к фаншеру! Протяните нам руку дружбы и вливайтесь в наши ряды, крепите нашу мощь!»

Шериф Фелидис сообщил, что он крайне озабочен случившемся и назначил проведение особого расследования. «Я не потерплю никаких дальнейших нарушений общественного спокойствия», — заявил он.

Глиннес отшвырнул бюллетень. Грузно опустившись на стул, он одним махом опорожнил добрых полкубка вина. Мир, который он знал и любил, казалось, распался на разрозненные фрагменты. Фаншеры и фаншер! Льют Касагэйв, лорд Эмбл! Джорком, Джерком, Джеркони, Зодерганг! Ему было тошно от каждого из этих имен!

Он допил до конца бутылку, после чего вернулся в гавань и стал дожидаться рейса на Уэлген.

Глава 19

Остров Рабендари показался Глиннесу неестественно тихим и одиноким. Через час после возвращения Глиннеса домой зазвенел телефон. На экране Глиннес обнаружил лицо своей матери.

— Я считал, что ты тоже ушла к фаншерам, — беспечно произнес шутливым тоном Глиннес.

— Нет, нет, только не я.— Голос Марчи звучал раздраженно и обеспокоенно.— Джано ушел только для того, чтобы избежать неразберихи. Ты себе даже не представляешь, какой гнев на нас обрушился, какие угрозы, какие обвинения посыпались в наш адрес! Мы не имели ни минуты покоя, и бедняга Джано в конце концов почувствовал, что ему ничего иного не остается, как покинуть свой дом.

— Значит, он после всего никакой не фаншер?

— Конечно, нет! Ты всегда был таким простодушным ребенком! Неужели ты так до сих пор и не понял, что можно глубоко интересоваться какой-нибудь идеей, но совершенно необязательно при этом становиться ее непоколебимым сторонником?

Глиннес спокойно воспринял критику приписываемых ему недостатков.

— И сколько же времени Акади пробудет в Долине?

— Я считаю, что ему следовало бы немедленно вернуться. Разве он сможет там нормально жить? Ведь это в самом буквальном смысле опасно. Ты слышал о том, что на него напали треване?

— Я слышал о том, что они пытались отобрать у него деньги.

Голос Марчи едва не сорвался.

— Тебе не следует говорить подобные вещи, даже в шутку! Бедный Джано! Чего только ему не пришлось испытать! А ведь он всегда был тебе таким хорошим другом.

— Я никогда ничего не имел против него.

— Сейчас ты должен кое-что сделать ради него. Я хочу, чтобы ты отправился в Долину и доставил его домой.

— Что? Я не вижу смысла в подобной экспедиции. Если он захочет вернуться домой, то он так и сделает.

— Все совсем не так! Ты даже представить не можешь, какие настроения владеют им. Он настолько безволен, что не в состоянии на что-либо решиться.

— Может быть, он просто отдыхает — проводит там, так сказать, отпуск.

— Отпуск? Хорош отпуск, когда жизнь его подвергается опасности! Ведь это общеизвестно, что треване замышляют устроить там массовую резню.

— Гмм. Не думаю, что все именно так, как ты говоришь.

— Ладно. Если ты отказываешься помочь, тогда я сама должна туда отправиться.

— Куда? И для чего?

— В лагерь фаншеров. Настоять на том, чтобы Джо вернулся домой.

— Выбрось из головы эту затею. Ладно, попробую. Но что, если он не захочет возвращаться?

— Ты должен сделать все, что в твоих силах.

В расположенный в предгорьях город Сиркани Глиннес добрался азробусом, затем нанял допотопную сухопутную колымагу, способную доставить его в Долину Ксиан. В оплату стоимости входила и плата за услуги говорливого старика с повязанным на голове синим шарфом. Старик управлял архаичным средством передвижения так, как будто это было непослушное и упрямое животное. Временами жалкая тачка скребла землю днищем корпуса, но бывало и так, что подпрыгивала вверх метров на десять, предоставляя Глиннесу бесценную возможность полюбоваться едва ли не с птичьего полета красотою окружающей местности. Внимание Глиннеса привлекли два энергоствола на сиденьи рядом с водителем, и он не преминул справиться у водителя о их назначении.

— Опасная территория, — ответил водитель. — Ну кто бы когда-нибудь мог подумать, что мы доживем до такого?

Глиннес стал с большим вниманием присматриваться к пейзажам, однако они все равно продолжали ему казаться такими же мирными, как и остров Рабендари. Здесь и там виднелись горные помандеры — кроны их казались облаками из розоватого тумана, зацепившимися за растопыренные серебряные пальцы стволов. Стройными рядами вдоль кряжей маршировали сине-зеленые фиалы. Всякий раз, когда машина взлетала в воздух, кругозор резко увеличивался. Территория к югу уходила вдаль постепенно понижающимися террасами мертвенно-бледного цвета.

— Я не усматриваю таких уж особых причин для тревоги, — сказал Глиннес.

— Коль вы не фаншер, то можете чувствовать себя достаточно сносно, — заметил водитель. — Но все равно, лучше быть начеку — треване собрались всего в какой-то миле-две отсюда, они сейчас злые, как осы, у которых разворожули гнезда. Они пьют «рэкк», который возбуждает нервную систему и от которого они не становятся добрее.

Долина заметно сузилась. Теперь по обе стороны круто вздымались горные вершины. По довольно ровному дну долины плавно катила воды спокойная речка. Оба берега ее поросли сомбариллами, помандерами, деодарами.

— Вот это и есть Долина Зеленых Призраков? — спросил Глиннес.

— Некоторые именно так ее и называют. Треване здесь между деревьев хоронят умерших детей. Настоящая священная Долина чуть дальше, сразу же за лагерем фаншеров. Вот он показался впереди. Трудолюбивый народ, ничего не скажешь... Только вот хотелось бы знать, что все-таки они здесь затевают? Понимают ли они сами до конца, что хотят сделать?

Машина проскочила на территорию лагеря — бурная и беспорядочная деятельность здесь была в самом разгаре. Вдоль берега реки были разбиты сотни палаток. На прибрежных лугах уже в стадии строительства находились здания из пенобетона.

Глиннес нашел Акади без труда. Он сидел за письменным столом в тени глиптуса, выполняя какую-то канцелярскую работу. Он поздоровался с Глиннесом без тени удивления и даже не очень-то приветливо.

— Я здесь для того, чтобы образумить вас, — без обиняков заявил Глиннес. — Марча требует, чтобы вы вернулись на Акулий Зуб.

— Я вернусь, когда нахлынет соответствующее настроение, — ответил спокойно Акади. — До того, как я сюда прибыл, здесь все было тихо и спокойно... Должен признаться, мои огромные познания и жизненный опыт здесь оказались никому не нужными. Я ожидал, что меня встретят, как пользующегося всеобщим уважением мудреца. Вместо этого меня засадили вот сюда подсчитывать всякую ерунду. — Он пренебрежительно показал на свой стол. — Мне сказали, что я должен отрабатывать свое содержание, а вот это — как раз та работа, за которую никто не удосужился взяться. — Он бросил хмурый взгляд в сторону ближайшего скопления палаток. — Все хотят принимать участие в осуществлении грандиозных планов. Директивы и объявления сыпятся как из рога изобилия.

— Как я полагаю, — сказал Глиннес, — тридцать миллионов озовов сделали бы вашу жизнь в лагере достаточно легкой.

В усталом взгляде Акади сверкнул явный упрек.

— Неужели ты не понимаешь, что именно этот эпизод пустил всю мою жизнь вверх тормашками? Под вопросом оказалась моя честность, и мне уже никогда не быть ментором.

— Вы достаточно богаты и без этих тридцати миллионов, — сказал Глиннес. — Что мне сказать матери?

— Скажи, что мне здесь скучно и приходится перерабатывать, но, по крайней мере, сюда не доходят обвинения в мой адрес. В твои намерения входят встретиться с Глэем?

— Нет. Что это за бетонные сооружения?

— Я придерживаюсь принципа: ничего не знать.

— Вы видели призраков?

— Нет, но, с другой стороны, я и не стремился к этому. Могилы траван можно найти по ту сторону речки, но священное обиталище птицы смерти в глубине долины за милю отсюда, сразу же за деодаровой рощицей. Я прогулялся туда — и пришел в неописуемый восторг. Бесспорно, обворожительнейшее место — слишком даже прекрасное для траван.

— Как тут с питанием? — без всякой задней мысли спросил Глиннес.

Акади недовольно скривился.

— Фаншеры вознамерились выведать тайны вселенной, но пока что еще не в состоянии даже как следует выпекать хлеб. Кормежка одинаковая — что на завтрак, что на обед, что на ужин. Овсяная размазня и салат из грубо приготовленной зелени. Ни одной бутылки вина на много миль вокруг... — Акади завелся так, что проговорил несколько минут безостановочно. Отметил энтузиазм фаншеров, но наибольшее впечатление на него произвел их аскетизм, вот его Акади никак не мог им простить. Он затрясся от ярости при упоминании о тридцати миллионах озолов, тем не менее, с трогательной горячностью пытался оправдаться. — Ты сам видел посыльного. Ты объяснил ему дорогу к моему дому. Неужели этого аргумента совершенно недостаточно?

— Никто не потребовал от меня дать свидетельские показания. А как там ваш приятель Райл Шермац? Где он?

— Передачи денег именно из рук в руки он не видел. Станный человек, этот Шермац! Душа у него, как ртуть.

Глиннес поднялся.

— Значит, уходим отсюда. Вам здесь совершенно нечего делать. Если хотите, чтобы вас не беспокоили, поживите, никого не ставя об этом в известность, неделю другую на Рабендари.

Акади почесал подбородок.

— Что ж, а почему бы и нет? — Он пренебрежительно постучал ладонью по бумагам. — Разве фаншеры что-то смыслят в таких вещах, как оригинальность, изысканность, интуиция? Они посадили меня учетчиком. — Он встал из-за стола. — Я покидаю этот лагерь. Фаншерад

становится все более скучным. В конечном счете этим парням никогда не покорить вселенную.

— В таком случае — в путь, — сказал Глиннес. — Вам ничего не надо взять с собой? Тридцать миллионов озолов, например?

— Эта шутка потеряла былой смак, — сказал Акади. — Я ухожу как есть, и чтобы хоть как-то отметить свой уход, дополню выполненные мной подсчеты своеобразным уравнением. — Он быстро и размашисто черкнул что-то на бумаге, затем перебросил через плечо. — Я готов.

Наземный экипаж покинул Долину Зеленых Призраков и к эвнессу прибыл в Сиркани. Акади и Глиннес расположились на ночь в небольшой деревенской гостинице.

В полночь Глиннеса разбудили возбужденные голоса, а еще через несколько минут послышались звуки бегущих ног. Он выглянул в окно, однако на залитой звездным светом улице все было тихо. Решив, что шумели подвыпившие гуляки, Глиннес завалился в постель.

Утром ему рассказали, чем был вызван ночной переполох. На протяжении всего вечера треване на своем сборище впадали во все большее и большее буйство. Они ходили по кострам, неистовствовали в своих необузданных плясках, их «Гротески» — так называют они своих пророков — надышавшись чада, издаваемого кореньями некоторых лесных трав, громкими нечленораздельными выкриками изрыгали судьбу всей расы треван. Воины отвечали им безумными криками и завыванием, а затем бегом пустились по залитым звездным светом холмам и, высоко подпрыгивая и воинственно размахивая ножами, напали на лагерь фаншеров.

Это нападение отнюдь не застало врасплох фаншеров. Они пустили в ход бластеры и притом с не знающей никакой меры жестокостью. Несущиеся лавиной с горных склонов треване на полном бегу превращались в безжизненные статуи, охваченные голубым пламенем. Атака захлебнулась. Находившиеся в первых рядах нападавших особо пылкие противники фаншеров усеяли своими корчащимися в муках телами все склоны на подступах к лагерю, и начавшееся было сражение на этом и закончилось — часть треван погибла, остальные разбежались в таком же ужасе и отчаянии, с каким была проведена и первая их атака. В гнетущем молчании фаншеры глядели вслед убегающим. Они победили — и они же оказались потерпевшей поражение стороной. Фаншераду

больше уже никогда не бывать тем, чем он был до того. Внутренний огонь и жизненная сила оставили его, и только безрадостный труд ждал его радетелей.

Акади и Глиннес вернулись на Рабендари без происшествий, однако холостяцкая атмосфера, царившая в доме Глиннеса, раздражала Акади и уже к концу первого же дня пребывания на Рабендари он решил вернуться на Акулий Зуб.

Глиннес позвонил Марче, но теперь настроение матери было совершенно иным. Перспектива возвращения Акади вызвала у нее немалое беспокойство.

— Здесь сейчас такой переполох, что у меня прямо раскалывается голова. Лорд Генсифер требует, чтобы Акади немедленно с ним связался. Он не прекращает изводить меня своими звонками, а тон, с каким он со мной разговаривает, становится все более и более враждебным.

Акади, больше уже не в силах сдерживать волнение, дал полную волю своей ярости.

— Как он смеет меня запугивать? Сейчас я поставлю его на место и притом очень быстро. Ну-ка свяжите меня с ним!

Глиннес позвонил лорду Генсиферу. Его лицо сразу же появилось на экране.

— Как я понимаю, вам не терпится перебраться парой слов с Джано Акади, — сказал Глиннес.

— Совершенно верно, — подтвердил лорд Генсифер. — Где он?

В поле зрения передающей камеры вступил Акади.

— Я здесь и не собираюсь делать из этого особой тайны. Однако я что-то не припоминаю, чтобы у нас с вами было какое-то дело, не терпящее отлагательства. Тем не менее, вы непрестанно звоните ко мне домой.

— А вот теперь появилось, — высокомерно выпятив нижнюю губу, произнес лорд Генсифер. — Нужно срочно обсудить вопрос, касающийся судьбы тридцати миллионов озолов.

— Почему я должен обсуждать этот вопрос с вами? — возмутился Акади. — Вы же к этому не имеете ровно никакого отношения. Вас никто не похищал, вы не платили выкуп.

— Я — секретарь Коллегии лордов и уполномочен рассмотреть этот вопрос.

— Я что-то никак не могу понять, почему вы разговариваете со мной таким тоном, — сказал Акади. — Я достаточно ясно изложил свою позицию. И не намерен больше обсуждать данный вопрос.

Лорд Генсифер на мгновение задумался, затем в конце концов произнес:

— У вас, возможно, не будет выбора.

— Я в самом деле не понимаю вас,— ледяным тоном ответил Акади.

— Ситуация крайне проста. Гвардия предоставляет Загмондо Бандолью в распоряжение шерифа Филидиса в Уэлгене. Он, несомненно, будет вынужден изобличить своих пособников.

— Меня это совершенно не касается. Пусть себе изобличает, кого считает необходимым.

Лорд Генсифер чуть склонил голову набок.

— Некто, располагающий конфиденциальной информацией обо всем, что имеет место в округе, регулярно делился ею с Бандолью. Теперь он должен разделить судьбу своего патрона.

— И вполне заслуженно.

— Позвольте мне сказать только то, что если вы припомните хоть что-нибудь, касающееся этого дела, пусть даже любой пустяк, вы можете сообщить мне об этом в любое время дня или ночи, кроме, разумеется, того дня на этой неделе,— тут лорд Генсифер соизволил добродушно хихикнуть,— на который у меня назначена свадьба с будущей леди Генсифер.

Такое заявление не могло не расшевелить профессиональное любопытство Акади.

— И кому же это суждено стать новобрачной леди Генсифер?

Лорд Генсифер полузакрыв глаза в томной задумчивости.

— Она изящна, красива и добродетельна — ей нет равных во всех этих отношениях. Она даже слишком хороша для такого как я. Я имею в виду бывшую шейлу «Танхинар» Дьюссану Дроссет. Ее отец был убит во время недавней стычки, и она обратилась ко мне за поддержкой и утешением.

— Этот день, в таком случае, доставил нам, по крайней мере, один достойный восхищения сюрприз,— сухо произнес Акади.

Лицо лорда Генсифера выразило удовлетворение услышанными словами, после чего экран погас.

В Долине тем временем воцарилось какое-то необыкновенное спокойствие. Никогда еще эта сказочная долина не казалась такой красивой. Стояла исключительно ясная погода. Прозрачный воздух, как линза из хрустала, еще

больше усиливал и без того яркие краски долины, делал их насыщенными. Более четкими стали и раздававшиеся в ней звуки, хотя и казались несколько приглушенными — возможно, те, кто находился в Долине, изрядно подумомонились и воздержались от резких или неожиданных звуков. Зажигавшиеся ночью огни были тусклыми и немногочисленными, разговоры, по сути, велись шепотом в темноте. Налет треван только подтвердил то, о чем многие уже давно догадывались — для успешного развития фаншерада его сторонникам придется преодолевать довольно широкий спектр противодействующих ему сил. Наступило время решительных действий, требующее непреклонной стойкости духа! Некоторые неожиданно покинули Долину и больше их уже в ней не видели.

А на сборище треван ярость все более усиливалась и углублялась. Если кто и призывал к умеренности, то их голосов больше уже не было слышно в неистовстве барабанов, труб и нарвоунов, духовых инструментов, звуки которых обладали особой глубиной и мощностью благодаря нескольким виткам звукового канала и расширяющемуся раструбу в конце его. Ночью мужчины прыгали через костры и наносили себе ножевые раны, окропляя собственной кровью жертвенники при выполнении священных обрядов. Прибыло подкрепление — кланы треван из Дубового Урочища и Восточных пустошей. Многие были вооружены бластерами. Были откупорены и тут же распиты множество бочонков с крепчайшим самогоном особой очистки, известным под названием «рэкк», после чего воины нараспев дружно скандировали величайшие клятвы под яростный аккомпанемент нарвоунов, барабанов и гобоев.

На третье утро после ночного нападения треван в местности, где продолжалось их сосредоточение, появился наряд полиции во главе с самим шерифом Филидисом. Он порекомендовал треванам проявить благоразумие и объявил о своей решимости поддержать порядок.

Треване громкими криками выражали свое возмущение. Фаншеры посягнули на их священные земли, на Долину, где обитают их души!

Шериф Филидис повысил голос:

— Ваша озабоченность небезосновательна. Я намерен выйти с вашими претензиями к фаншерам. Тем не менее, чем бы не завершились мои переговоры с ними, вы обязаны строго придерживаться того решения, которое я вынесу. Вы согласны?

Треване встретили эти слова всеобщим молчанием.

Шериф Филидис повторил требование не противодей-

ствовать его попыткам урегулировать конфликт и снова треване не взяли на себя никаких обязательств.

— Если вы наотрез отказываетесь выполнять выдвинутые мною условия,— сказал шериф,— то будете приведены к покорности силой. Считайте, что я вас предупредил!

Полицейские забрались внутрь вертолета и отправились в Долину Зеленых Призраков, отделенную от места сбора треван холмистой грядой.

Переговоры с шерифом Филидисом проводил сам Джуниус Фарфан. Он сильно похудел, одежда теперь мешком висела на нем, лицо избородили глубокие морщины. Шерифа Филидиса он выслушал, не перебивая, а затем холодно ответил:

— Мы здесь работаем вот уже в течение нескольких месяцев, не причиняя никому неудобств. Мы чтим могилы треван. Об осквернении их или о каком-либо ином святотатстве не может быть и речи. Им никогда не чинилось ни малейших помех при проходе в Долину Ксиан. Поведение треван совершенно нелогично, а их опасения не имеют под собой никаких постижимых разумом оснований. При всем к ним уважении нам ничего не остается другого, как отказаться покинуть нашу территорию.

Шериф Филидис, кражистый угловатый мужчина с бледным лицом и ледяными голубыми глазами, казавшийся еще более массивным и непоколебимым вследствие сокрушительной мощи сил, представителем которых он был в Префектуре Джолани, никогда не питал особой благосклонности к упрямому непокорству.

— Так вот,— решительно заявил он.— Я уже запретил треванам нарушать порядок. Теперь я делаю аналогичное предупреждение и вам.

Джуниус Фарфан учтиво склонил голову.

— Мы никогда первыми не нападём на треван. Но мы готовы защитить себя.

Шериф Филидис фыркнул с откровенной издевкой.

— Треване — воины, все мужчины до единого. При даже малейшем попустительстве с моей стороны, они с удовольствием перережут вам всем глотки. Я настоятельно рекомендую перебраться в какое-нибудь другое место. Почему это обязательно нужно возводить свое предприятие в таком сомнительном месте?

— Эта территория была свободна, на нее никто не претендовал. Вы в состоянии обеспечить нам выделение земельного участка в другом месте?

— Естественно, нет. Только, откровенно говоря, я не

усматриваю какой-либо такой уж необходимости для того, чтобы вообще затевать столь грандиозное строительство. Не проще ли разойтись по домам и прекратить склоку?

Джунуис Фарфан улыбнулся.

— Мне понятны ваши идеологические предрассудки.

— Это никакие не предрассудки, это естественное предпочтение тому, что было уже многократно опробовано в прошлом и доказало свою правильность. Это проявление самого элементарного здравого смысла.

Джунуис Фарфан только пожал плечами, понимая всю бесполезность опровергать точку зрения изначально неопровержимую. Полиция выставила патрули вдоль горных склонов.

День клонился к концу. Эвнесс принес сильную грозу. В течение часа пурпурные пряди молний прошивали погруженные в тьму склоны гор. Фаншеры повыходили из палаток подивиться на грандиозное зрелище. Треване же были потрясены до глубины души столь зловещим предзнаменованием. В соответствии с их пониманием мироустройства Урманк-Губитель Душ взобрался на тучи и выплевывал души как треван, так и триллов. Тем не менее, они выстроились в боевые порядки, приняли «рэкк», крепко обнялись и ровно в полночь выступили в поход, чтобы произвести нападение на лагерь фаншеров в сером сумраке за час до рассвета. Прячась за стволами деодаров, используя в качестве прикрытия многочисленные валуны и бугры, они проскользнули мимо полицейских с их инфракрасными биноклями и ультразвуковыми детекторами, но несмотря на всю скрытность передвижения нарвались на засаду фаншеров. Громкие крики и вопли вспороли предрассветную тишину. Серую мглу прорезали вспышки бластеров. Вступившие в рукопашную схватку противники вырисовывались причудливо фантастическими силуэтами на фоне неба. Треване сражались, цедя сквозь зубы проклятья и издавая гортанные хриплые звуки в стремлении превозмочь боль от ран. Фаншеры бились до последнего в зловещем молчании. Полицейские отчаянно кричали в репродукторы. Размахивая черно-серым полотнищем флага, символизировавшего власть правительств, они все ближе подступали к полю сражения. Треване, неожиданно осознав, с каким не ведающим пошадой противником они столкнулись, дрогнули и обратились в бегство. Фаншеры пустились за ними в погоню, как неумолимые боги возмездия. Никто не обращал внимания на призывы полицейских уgomониться, их ряды были смяты, вырван из их рук черно-серый флаг.

Полицейские радировали в Сиркани. Шериф Филидис, поднятый с постели и злой, как сто чертей на фаншеров, приказал поднять ополчение.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда в Долину прибыло ополчение — большой отряд деревенских триллов. Они крепко недолюбливали треван, но знали, что они из себя представляют, и мирились с их существованием. Станные и непонятные фаншеры не вписывались в их круг представлений и, следовательно, были для них чужаками. Треване, переборов панику, последовали за ополчением в Долину в сопровождении скачущих вприпрыжку музыкантов, наяривавших пронзительные боевые мелодии.

Фаншеры отступили под защиту деодаровой рощи. Остались поджидать ополченцев только Джуниус Фарфан и несколько ближайших его помощников. Они уже больше не надеялись на победу. На них теперь обрушилась вся мощь государства. Вперед вышел командир ополчения и приказал фаншерам немедленно покинуть Долину.

— На каком основании? — спросил Фарфан.

— Ваше присутствие провоцирует беспорядки.

— Наше присутствие здесь вполне законно.

— Тем не менее, оно создает напряженность, которой раньше не существовало. Законность не должна вступать в противоречие со здравым смыслом, и ваше дальнейшее пребывание в Долине Зеленых Призраков как раз-то ему и противоречит. Я обязан убедить вас в необходимости покинуть Долину.

Джуниус Фарфан посоветовался с товарищами. Затем со слезами, струившимися по щекам — тяжело было осознавать крушение мечты всей жизни — отвернулся, чтобы отдать распоряжения тем фаншерам, что спрятались за стволами деодаров. Одурманенные рэкком треване больше уже не в силах были себя сдерживать. Они накинулись на ненавистного Фарфана. Брошенный одним из них нож воткнулся ему прямо в затылок. Фаншеры взвыли и с выпученными от ужаса глазами ринулись на треван и на ополченцев без разбору. Ополченцы, которым совершенно не хотелось принимать какого-либо участия в схватке, расстроили свои ряды и пустились кто куда. Треване же и фаншеры сцепились друг с другом, не желая уступать ни пяди противнику и стремясь нанести ему как можно больший урон.

Через некоторое время, по какой-то загадочной негласной взаимной договоренности, те, кому удалось остаться в живых, потихоньку разползли в разные стороны. Треване

вернулись к своему теперь громко причитающему по покойникам сборищу за холмистой грядой. Фаншеры только на несколько мгновений задержались в своем лагере, а затем понуро побрели к выходу из Долины. С фаншерадом было покончено. Великое начинание провалилось.

Несколькими месяцами позднее Вседержитель в разговоре с одним из своих министров упомянул о сражении в Долине Зеленых Призраков.

— Я находился неподалеку и был хорошо проинформирован о ходе событий. Трагическое стечение обстоятельств — вот что я могу сказать об этом.

— Вы никак не могли предотвратить столкновение? Вседержитель пожал плечами.

— Мог, разумеется, призвать на помощь Гвардию. Я прибегнул к этому в одном довольно похожем на этот случай — с тамархистами на планете Рамнотис — но ничего этим не достиг. Неблагополучное общество напоминает человека, у которого несварение желудка. Стоит ему опорожниться как самочувствие его улучшается.

— И все же — многим пришлось поплатиться жизнью.

На чело Вседержителя легла тень.

— Мне нравится атмосфера товарищества, царящая в хорошей пивной, в деревенской гостинице, в припортовой таверне. Я много путешествую по планетам Аластора и повсюду обнаруживаю людей, которых нахожу обаятельными и достойными уважения, людей, которых я люблю. Каждый из пяти триллионов является сам по себе вселенной. Каждый по-своему уникален и незаменим... Бывает, что я нахожу мужчину или женщину, которые мне ненавистны. Я вглядываюсь в их лица и вижу злобность, жестокость, порочность. И тогда я думаю вот что: эти люди в равной степени полезны в общей системе мироустройства. Они выступают в роли тех образцов, сравниваясь с которыми может узнать истинную цену своей добродетели. Жизнь без контрастов все равно, что пища без соли... Как Вседержитель я обязан мыслить в рамках высокой политики. В этом случае я вижу только совокупного человека, лица которого не разобрать, так как в нем совместились пять триллионов лиц. К этому человеку я не испытываю каких-либо чувств. Вот как было со мной и в Долине Зеленых Призраков. Фаншерад ждала печальная судьба с момента его возникновения — чего другого можно было ожидать от такого слабака, как Джунуис Фарфан?

Многие из фаншеров тогда спаслись, но они перестали быть фаншерами. Некоторые сбросили характерные для движения одежды и снова стали обыкновенными триллами. Некоторые переселятся на другие планеты. Кое-кто из них, возможно, даже станет старментером. Нескольким упрямцев сохраняют привычки фаншеров в своей повседневной жизни. И все, кто участвовал в фаншераде, будут помнить великую мечту своей жизни и будут чувствовать себя обособленно от тех, кто не разделил с ними славы и трагедии.

Глава 20

Глэй заявился на остров Рабендари в рваной и перепачканной одежде, с забинтованной рукой.

— Мне нужно где-то жить, — уныло произнес он. — Здесь, пожалуй, было бы не так уж плохо.

— Во всяком случае, не хуже, чем где-нибудь еще, — ответил ему Глиннес. — Как я полагаю, ты не удосужился принести с собой деньги.

— Деньги? Какие деньги?

— Двенадцать тысяч озов.

— Нет.

— Жаль. Касагэйв величает сейчас себя лордом Эмблом.

Глэя это несколько не интересовало. Его охватило полнейшее ко всему безразличие — мир стал серым и унылым.

— Предположим, он на самом деле лорд Эмбл. Это дает ему право на остров?

— Он, похоже, именно так и считает.

Гонг позвал Глиннеса к телефону. На экране появилось лицо Акади.

— О Глиннес! Я очень рад, что застал тебя дома. Мне нужна твоя помощь. Ты можешь немедленно отправиться на Акулий Зуб?

— А почему бы и нет, если вы уплатите обычный мой гонорар.

Акади раздраженно замахал руками.

— Мне сейчас не до шуток. Так ты можешь или нет?

— Ладно, ладно. В чем заключаются ваши трудности?

— Объясню, когда ты придешь.

Акади встретил Глиннеса у дверей своего дома и едва ли не рысью повел его в один из кабинетов.

— Позволь познакомить тебя с двумя служащими префектуры, которые настолько введены в заблуждение, что подозревают меня, усталого, жалкого человека в совершении правонарушения. Справа — наш высокоуважаемый шериф Бенко Филидис. Слева — инспектор Люсьен Даль, следователь, тюремщик и оператор прутаншира. Это, джентльмены, мой приятель и сосед Глиннес Халден, которого вы лучше, пожалуй, знаете как грозного правого ударного нападающего «Танхинара».

Все трое поприветствовали друг друга. Как Филидис, так и Даль с похвалой отзывались об игре Глиннеса на хас-сэйдном поле. На Филидисе, крупном широкоплечем мужчине с бледным, несколько грустным лицом и холодными голубыми глазами, был светло-коричневый габардиновый костюм, отороченный черной плетеной тесьмой. Даль был худой и костлявый, с длинными тонкими руками и продолговатыми пальцами. У него была иссиня-черная курчавая шевелюра, а лицо такое же бледное, как и у его начальника, но состоящее как бы из одних острых углов. Даль отличался крайней учтивостью манер и деликатностью в такой мере, как будто для него была совершенно несвойственной даже мысль кого-нибудь обидеть.

Акади обратился к Глиннесу в свойственной ему манере строго придерживаясь точности и взвешенности в каждом произносимом им слове:

— Вот эти два джентльмена, являющиеся как компетентными, так и беспристрастными должностными лицами, говорят мне, что я вступил в преступный сговор со старментером Загмондо Бандольо. Они объясняют подобное обвинение тем, что собранные мной в качестве выкупа деньги до сих пор находятся на хранении у меня. В настоящее время я доведен до такого состояния, что уже сомневаюсь в собственной своей невинности. Ты можешь меня разубедить?

— По моему глубокому убеждению, — ответил Глиннес, — вы совсем не прочь получить лишний озол, но так, чтобы это не было сопряжено хотя бы с малейшим риском.

— Это не совсем то, что я имел в виду. Разве не ты объяснил посыльному дорогу ко мне? И не ты ли, прибыв сюда, обнаружил, что у меня серьезный разговор с неким Райлом Шермацем и что мой телефон был отключен?

— Истинная правда, — сказал Глиннес.

У заговорившего первым шерифа Филидиса голос оказался неожиданно кротким.

— Заверяю вас, Джано Акади, мы прибыли сюда главным образом потому, что нам просто некуда больше идти. Деньги попали к вам в руки, затем исчезли. К Бандольо они доставлены не были. Мы произвели гипнодопрос Бандольо, он не обманывает нас. По сути, он сейчас в состоянии говорить только правду и готов чистосердечно с нами сотрудничать.

— А каков был механизм передачи денег Бандольо? — спросил Глиннес.

— Ситуация в высшей степени любопытная. Бандольо работал с лицом фанатически осторожным, лицом, которое — позвольте вас процитировать — «не прочь заработать лишний озол, но так, чтобы это не было сопряжено даже с малейшим риском». Это лицо как раз и инициировало весь этот проект. Оно послало Бандольо письмо по каналам, известным только старментерам, что предполагает, что это лицо — назовем его «Х» — то ли само было старментером, то ли имело сообщника из числа старментеров.

— То, что я никакой не старментер, общеизвестно, — с апломбом заявил Акади.

— И все же — я говорю об этом чисто теоретически, — произнес Филидис, — у вас много знакомых, среди которых могли бы оказаться старментер или бывший старментер.

Акади несколько смутился.

— Допускаю, что такое не исключено.

— По получении подобного письма, — продолжал Филидис, — Бандольо предпринял ряд мер, чтобы встретиться с «Х». Эти меры, естественно, были изощренными — обе стороны соблюдали крайнюю осторожность. Они встретились в темноте неподалеку от Уэлгена. На «Х» была хассэйдная маска. Его план был предельно прост. Во время хассэйдного матча он мог так устроить, что самые богатые в префектуре лица оказались бы на одной и той же трибуне. «Х» гарантировал это тем, что разошлет им бесплатные приглашительные билеты. За все это «Х» должен был получить два миллиона озов. Все остальное забирал себе Бандольо...

Подобный план показался Бандольо вполне реальным, он согласился принять участие в его осуществлении, а о том, как события разворачивались дальше, мы знаем. После удачно проведенного налета Бандольо послал сюда одного из своих помощников, некоего Лемпеля, которому всецело доверял, с целью получить деньги у посредника,

который занимался сбором средств, необходимых для выкупа пленников — то есть, у вас.

Акади подозрительно сощурился.

— Посыльного звали Лемпелем?

— Нет. Лемпель прибыл в Порт-Мэхьюл через неделю после налета. И так отсюда и не отбыл. Он был отравлен — предположительно «Х»-ом. Он умер во сне в гостинице «Турист» в Уэлгене за день до того, как было получено известие о поимке Бандольо.

— То есть, за день до того, как я отдал деньги.

Шериф Филидис, не выдержав, улыбнулся.

— Прикарманить выкуп — такой из этого можно сделать вывод — совершенно не входило в его намерения. Итак, я выложил перед вами все известные нам факты. Деньги были у вас. У Лемпеля их не могло быть. Куда же они подевались?

— Лемпель, по всей вероятности, обо всем договорился с посыльным до того, как был отравлен. Деньги должны быть у посыльного.

— Но кто этот таинственный посыльный? Кое-кто из лордов считает это выдумкой чистой воды.

— Сейчас я делаю официальное заявление, — четким голосом, тщательно подбирая слова, произнес Акади. — Я вручил деньги посыльному в строгом соответствии с полученными инструкциями. При этом присутствовал некий Райл Шермац, став тем самым свидетелем факта передачи денег.

Впервые за все время заговорил Даль:

— Он на самом деле видел, как деньги перешли из рук в руки?

— Он, по всей вероятности, видел, как я передаю посыльному черный чемоданчик.

Даль пренебрежительно взмахнул долговязой рукой с длинными пальцами.

— Далеко не всякий настолько доверчив, чтобы не поинтересоваться, а были ли деньги в этом чемоданчике.

На что Акади хладнокровно ответил:

— Зато любой хоть сколько-нибудь здравомыслящий уразумел бы, что я и озола не осмелился бы утаить от Загмондо Бандольо, не говоря уже о тридцати миллионах.

— Но к этому времени Бандольо был уже пойман.

— Мне-то об этом ничего не было известно. В этом вы можете удостовериться, спросив у Райла Шермаца.

— Ох уж этот таинственный Райл Шермац. Кто он?

— Странствующий журналист.

— Вот оно что! И где он сейчас?

— Я видел его два дня назад. Он сказал, что собирается в скором времени покинуть Тралльон. Возможно, уже и покинул — а куда, не знаю.

— Но ведь он — единственный свидетель, который может подтвердить ваши слова.

— Отнюдь нет. Посыльный сбился с пути и спросил у Глиннеса Халдена, как ко мне проехать. Верно?

— Верно, — ответил Глиннес.

— Произведенный Джано Акади словесный портрет этого «посыльного», — на этом слове Даль сделал некоторое ударение, — к несчастью, носит слишком общий характер, чтобы помочь нам.

— Ну что я могу сказать? — возмущенно воскликнул Акади. — Молодой человек средних физических данных и заурядной внешности. У него не было каких-либо особых примет.

Филидис повернулся к Глиннесу.

— Вы подтверждаете это?

— Целиком и полностью.

— И он не представился, когда заговорил с вами?

Глиннес задумался, пытаясь вспомнить события более, чем недельной давности.

— Насколько мне помнится, он спросил у меня, как добраться до особняка Акади, ничего более.

Глиннес вдруг замолчал, оборвав фразу вроде бы на полуслове. Даль, сразу что-то заподозрив, подался всем телом вперед.

— И ничего более?

Глиннес отрицательно покачал головой и произнес на сей раз решительно:

— Ничего более.

Даль принял прежнюю позу. В кабинете Акади воцарилось молчание. Первым его нарушил Филидис, многозначительно произнеся:

— К сожалению, мы не располагаем сведениями о местонахождении упомянутых вами лиц, которые могли бы подтвердить ваши слова.

Только теперь Акади бурно проявил свое негодование.

— Я не усматриваю необходимости подтверждения моих слов! Я отказываюсь признать потребность в каких-либо других действиях с моей стороны, кроме констатации фактов!

— С вами можно было бы согласиться, если бы не были столь экстраординарными обстоятельства, — произ-

нес Филидис.— Но когда речь идет о судьбе тридцати миллионов озов — никак нет.

— Вы теперь знаете ровно столько же, сколько и я,— заявил Акади.— Следует надеяться что, теперь вам удастся повести расследование куда более плодотворно.

— Мы хватаемся за соломинки,— унылым тоном признался Филидис.— А ведь деньги где-то, существуют.

— Только не здесь, заверяю вас,— произнес Акади.

Глиннес больше уже не в состоянии был себя сдерживать и направился к выходу.

— Хорошей погоды всем вам. А у меня еще своих дел по горло.

Полицейские вежливо с ним распрощались. Акади же только бросил на него крайне недовольный взгляд.

Глиннес едва ли не бегом пустился к своему скутеру. Взяв курс на восток по протоку Вернис, он вместо того, чтобы круто повернуть на юг, столь же круто повернул к северу и, пройдя сложный лабиринт рукавов и протоков, вышел к тому месту, где в могучую реку Заур впадал мало чем уступающий приток — река Скъуж. Следуя ее многочисленным изгибам, он через каждые сот метров яростно чертыхался в отношении собственной глупости. В месте слияния рек Скъуж и Карбаш в тени огромных свечных деревьев скрывался сонный поселок Эрч, где «Танхинары» когда-то разгромили местных «Стихий».

Глиннес привязал скутер к пирсу и разговорился с мужчиной, сидевшим на скамейке у входа в полуразвалившуюся винную лавчонку.

— Где я могу найти некоего Джеркони? Или, может быть, Джеркома?

— Джеркони? Кого из них вы разыскиваете? Отца? Сына? Или перекупщика прыгунов?

— Мне нужен парень, который работает в синей форменной спецовке.

— Это Ремо. Он работает стюардом на пароме, выполняющем рейсы в Порт-Мэхьюл. Вы его найдете дома. Поднимитесь вон по той тропинке. Его дом сразу же за кустами.

Глиннес поднялся по тропинке к настолько разросшемуся кусту, что он почти полностью закрывал небольшую хижину с крышей из огромных листьев, держащихся на дюжине шестов. У входа в хижину Глиннес потянул за веревку, которая раскачивала язычок небольшого колокольчика. Из окна выглянуло заспанное лицо.

— Кто там? Что нужно?

— Отдыхаете после работы, если не ошибаюсь,— произнес Глиннес.— Вы меня помните?

— Конечно. Вы — Глиннес Халден. Вот уж не ожидал увидеть вас у своих дверей! Подождите минуточку.

Джеркони завернулся в парай и распахнул настежь скрипучую дверь. Затем показал на беседку, устроенную среди кое-как подрезанных ветвей кустарника.

— Присаживайтесь. Чашка-другая холодного вина нам не помешает?

— Отличная мысль,— сказал Глиннес.

Ремо Джаркони принес кувшин и пару кружек.

— Что, если это не секрет, привело вас ко мне сюда?

— Одно довольно любопытное дело,— ответил Глиннес.— Как вы помните, мы повстречались, когда вы разыскивали особняк Джано Акади.

— Совершенно верно. Я взялся выполнить небольшое поручение одного джентльмена из Порт-Мэхьюла.

— Насколько я понимаю, вы должны были доставить ему пакет или что-то вроде этого?

— Тоже верно. Хотите еще вина?

— С огромным удовольствием. И вы доставили ему этот пакет?

— В строгом соответствии с полученными инструкциями. Джентльмен этот, по всей вероятности, был удовлетворен, так как я с ним больше уже не встречался.

— Можно поинтересоваться, в чем заключались полученные вами инструкции?

— Пожалуйста. Джентльмен велел мне доставить пакет в камеру хранения космовокзала в Порт-Мэхьюле и поместить его в ячейку N 42, ключ от которой он мне оставил. Я сделал все, что он велел, тем самым заработав двадцать озов — довольно приличные деньги за такой пустяк.

— Вам запомнился нанявший вас джентльмен?

Джеркони наморщил лоб, глядя на листву.

— Не очень-то. Мне показалось, что он не с Тралльона, невысокий, коренастый мужчина с быстрыми движениями. Он был, насколько мне помнится, лысый. Еще я обратил внимание на отличный изумруд у него в ухе — мне он очень понравился. Теперь вы, может быть, просветите меня. Почему вы задаете мне такие вопросы?

— Все очень просто,— ответил Глиннес.— Этот джентльмен — издатель с Гетрина. Акади захотелось добавить послесловие к трактату, который он переслал этому джентльмену несколько ранее.

— А! Понятно.

— Вот и все. Я успокою Акади, сказав, что его работа уже наверняка на Гетрине.— Глиннес поднялся.— Спасибо за вино. Мне пора возвращаться в Зауркаш... Простите за любопытство, но как вы поступили с ключом от ячейки?

— Так, как мне было велено. Оставил в столе дежурного багажного отделения.

Глиннес на полной скорости помчался на запад, оставляя за собой хвост из пузырей и пены во всю ширину узкого Канала Джейд, соединявшего Скьюж с текущей на юг рекой Барабас. Он вихрем влетел в ее русло, обдав серебристыми брызгами деревья, подступавшие на берегу к самой воде, а затем, снова петляя по многочисленным протокам, взял курс снова на запад, сбросив скорость только на траверсе Порт-Мэхьюла. Привязав швартов несколькими хитрыми узлами к одной из стоек на главной пристани города, он затем отправился пешком, но уже через первую сотню метров перешел на бег трусцой в направлении расположенного в километре от пристани здания космовокзала, высокого сооружения из стали и стекла, теперь уже изрядно позеленевшего от времени. На взлетно-посадочной площадке не было как космических кораблей, так и аэробусов местного сообщения.

Глиннес прошел в зал ожидания, погруженный в приятный полумрак — первое впечатление было такое, будто здание вокзала находится на небольшой глубине под водой. Путешественники сидели на скамьях, дожидаясь того или иного рейсового аэробуса. Ячейки камеры хранения выстроились вдоль стены рядом с багажным отделением, в проеме которого за низкой стойкой сидел дежурный по приему и выдаче багажа.

Глиннес пересек весь зал ожидания и пробежал взглядом по ячейкам. Свободные ячейки бросались в глаза открытыми дверцами с ключами в замочных скважинах. Дверца ячейки N 42 была закрыта. Глиннес бросил взгляд в сторону дежурного, затем попробовал дверцу — она оказалась запертой на замок.

Сама ячейка была изготовлена из прочного листового металла. Дверца была подогнана очень аккуратно — по всему ее контуру не было ни единой сколько-нибудь заметной щелки. Осознав невозможность вскрыть ячейку, Глиннес присел на одну из расположенных поблизости скамеек.

Несколько возможностей напрашивались сами собой.

Большинство ячек было свободно. Среди пятидесяти Глиннес насчитал лишь четыре ячейки с закрытыми дверцами. Стоит ли возлагать слишком уж большие надежды

на то, что ячейка N 42 все еще содержит черный кейс? Пожалуй, стоит, отметил про себя Глиннес. Вполне могло оказаться, что Лемпель и коренастый лысый инопланетянин, нанявший Джеркони, одно и то же лицо. Лемпель скончался до того, как успел изъять кейс из ячейки N 42... Так что, чем черт не шутит!

Загвоздка только в том, как проникнуть в ячейку N 42?

Глиннес внимательно рассмотрел дежурного по багажному отделению — невысокий мужчина с редкими растрепанными волосами, продолговатым подергивающимся носом, с выражением безрассудного упрямства на лице. К такому не подступишься — ни прямо, ни каким-нибудь окольным образом. Этот человек оказался прямым воплощением крючкотворства.

На продумывание плана дальнейших действий у Глиннеса ушло примерно пять минут. Затем он поднялся и прошел к стеллажу с ячейками. В щель монетоприемника на лицевой панели ячейки N 30 он опустил монетку. Закрыв дверь, вынул из замка ключ.

Подойдя к стойке дежурного, Глиннес выложил ключ на стол. К столу тотчас же подошел дежурный.

— Что вам угодно, сэр?

— Сделайте одолжение, спрячьте этот ключ у себя, — попросил Глиннес. — Я боюсь потерять его, если возьму с собой.

Дежурный сделал кислую мину, однако ключ взял.

— Вы надолго собираетесь отлучиться? Попадаются такие клиенты, что оставляя у меня ключ, прямо-таки злоупотребляют моим долготерпением.

— Меня здесь не будет не более суток. — С этими словами Глиннес положил на столик монету. — Это для поощрения вашего терпения.

— Спасибо. — Дежурный открыл дверцу тумбы и опустил ключ в один из выдвижных ящиков.

Глиннес отошел в сторону и присел на скамейку, с которой можно было незаметно следить за дежурным.

Прошел час. Произвел посадку аэробус из Кэмп-Флори, выгрузил пассажиров, загрузился новыми. Возле стойки багажного отделения возникла обычная в таких случаях суета. Дежурный проворно сновал между многочисленными стеллажами с багажом и вешалками для одежды. Казалось, что после такой вспышки активности он может почувствовать потребность в том, чтобы передохнуть или сбегать в туалет, однако вместо этого дежурный, как только обслужил последнего клиента, налил себе чашку холодного чая и выпил ее одним залпом, затем налил еще одну, но эту уже растянул на

несколько минут. После этого он снова приступил к своим обязанностям, и Глиннес смирился с необходимостью за-
пастись терпением.

Через какое-то время его охватила апатия. Перед ним проходило внутрь здания вокзала или выходило наружу множество самых различных людей и, чтобы убить время, Глиннес начал строить догадки в отношении того, чем занимается тот или иной пассажир, какие у него тайные наклонности, однако вскоре это надоело Глиннесу. Какое ему дело до всех этих коммивояжеров или дедушек и бабушек, только-только навестивших внуков, всех этих заправил в различных сферах бизнеса и их секретарш или референтов? Куда больше интересовал его дежурный и, в частности, емкость мочевого пузыря дежурного. Каждый раз, когда тот выпивал очередную чашку чая, Глиннеса прямо-таки бросало в ужас. В каком органе в тщедушном теле вмещается вся эта жидкость? Мысль об этом всякий раз уже самого Глиннеса заставляла чувствовать себя не очень уютно. С вожделением он время от времени по-
сматривал в тот угол помещения вокзала, где размещался туалет. Если он не выдержит и направится туда, то может случиться так, что именно в это мгновение туда же пройдет и дежурный, и тогда все его бдение окажется напрасным... Глиннес переменял позу. У него не было сомнений в том, что он в состоянии потерпеть не менее, чем дежурный. Сила духа немало способствовала его успехам на хассэйдном поле. В состязании со зрителем багажа сила духа снова может стать решающим фактором.

А люди все шли и шли — мужчина в шляпе с затейливой желтой кокардой, пожилая женщина, за которой тянулся забивающий дух шлейф запаха мускуса, двое молодых людей, шеголявших одеянием фаншеров и непрерывно озиравшихся в надежде увидеть кого-нибудь, кто обратит внимание на их дерзкий вызов... Глиннес скрестил ноги, затем забросил одну ногу на другую, сменил ноги, снова занял прежнюю позу. Дежурный присел за стол и начал делать какие-то отметки в журнале. Чтобы утолить жажду, он снова налил себе чашку чая из термоса. Глиннес поднялся и стал расхаживать по залу ожидания. Вот дежурный встал из-за столика и стал смотреть в дальний конец помещения. При этом он, казалось, чуть покусывал нижнюю губу. Затем отвернулся и протянул руку — «Нет! — взмолился Глиннес, — лишь бы не к термосу с чаем! Он ведь не сверхчеловек!» Однако дежурный только приоткрыл пробку термоса и заглянул внутрь, затем почесал подбородок и как будто серьезно

призадумался — Глиннес все это время стоял, прислоняясь к стене и раскачиваясь из стороны в сторону.

Дежурный решил. Он обогнул стойку и быстрым шагом направился в мужской туалет.

Издав еле слышный вздох облегчения, Глиннес двинулся бочком вдоль стенки. На него, похоже, никто не обращал внимания. Нырнул к стойке, распахнул дверцу тумбы и заглянул внутрь. Два ключа. Он схватил оба, закрыл дверцу и вернулся на прежнее место под стенкой. Никто, насколько он мог судить, не заметил выполненного им маневра.

Глиннес прошел напрямиком к ячейке N 42. На бирке первого ключа было выштамповано черными цифрами «30». Под номером «42» был помечен второй ключ. Глиннес открыл ячейку, извлек из нее черный чемоданчик и снова захлопнул дверцу. Осталось ли у него время для того, чтобы вернуть ключи на место? Глиннес решил, что не осталось. Он вышел из здания вокзала и направился прямо к окутанной в дымку зньесса пристани. По дороге туда он зашел за какую-то старую стенку и облегчился.

Скутер он нашел там, где и оставил. Сбросив под ноги швартов, он взял курс на восток.

Подперев румпель коленом, попытался открыть чемоданчик. Замок не поддавался его пальцам. Тогда он с помощью стальной отвертки вырвал накладку «с мясом». Под действием пружины крышка отскочила в сторону. Глиннес потрогал пальцами находившиеся внутри деньги — аккуратно сложенные пачки сертификатов Аластора. Тридцать миллионов озов.

Глава 21

К Рабендари Глиннес причалил за полчаса до полуночи. В окнах свет не горел. Глэя не было дома. Глиннес поставил кейс на стол и призадумался на пару минут. Затем открыл крышку, вынул сертификаты на сумму в тридцать тысяч озов, заткнул в кувшин и зарыл в землю рядом с верандой. Вернувшись в дом, позвонил Акади, однако добился только появления на экране расши-ряющихся красных кругов, указывавших на то, что телефон не работает в режиме «прием». Глиннес присел на диван, ощущая смертельную усталость, но отнюдь не апатию. Еще раз позвонил в особ-

няк Акади и не получил ответа. Тогда швырнул черный чемоданчик к себе в скутер и взял курс на север.

С реки особняк Акади казался погруженным в темноту, что было вовсе не в духе Акади — вряд ли мог лечь спать чуть за полночь человек, для которого в удовольствие была ночная активность...

Еще издали Глиннес заметил какого-то человека, неподвижно стоящего на причале перед особняком Акади. Глиннес выключил двигатель и свернул в сторону, чтобы держаться от причала подальше. Темная фигура не пошевелилась. Тогда Глиннес громко крикнул:

— Эй, кто это там на причале?

Через какое-то время донесся хриплый, приглушенный голос:

— Констебль полиции префектуры. Поставлен часовым.

— Джано Акади дома?

Вновь пауза, затем тихий ответ:

— Нет.

— Где он?

Пауза. Приглушенный безучастный голос.

— Он в Уэлгене.

Глиннес резко развернул скутер и, выпустив шлейф пены, помчался к реке Заур. Когда он вернулся на Рабендари, в доме было также темно, как и в полночь. Глэй неизвестно куда подевался. Глиннес пришвартовался и занес черный чемоданчик в дом. Затем позвонил Гилвегу. Вспыхнул экран, на нем появилось лицо Вареллы, одной из совсем еще маленьких девочек. «Дома сейчас только дети, — сказала она. — Все остальные разошлись по друзьям любоваться звездами или пить вино. А может быть, и отправились в Уэлген — присутствовать на казни». В общем, она так ничего толком и не объяснила Глиннесу.

Глиннес дал отбой. Засунув черный кейс между стеблями сушеного тростника, служившего кровлей дома, так, чтобы его не было видно, Глиннес свалился на диван и почти мгновенно уснул.

Утро выдалось ярким и ясным. Теплый бриз поднял легкую рябь на поверхности Пролива Эмбл. Небо было такого чисто сиреневого цвета, какой далеко не часто наблюдается в Шхерах.

Глиннес начал было завтракать, но затем снова сделал попытку дозвониться к Акади. Несколькими минутами позже к причалу подошла лодка и на берег выпрыг-

нул Глэй. Глиннес вышел ему навстречу. Глэй тут же остановился и внимательно стал смотреть на Глиннеса.

— Ты кажешься чрезмерно взволнованным.

— Я собрал достаточно денег, чтобы расплатиться с Касагэйвом. Мы этим займемся прямо сейчас.

Глэй бросил взгляд через пролив на остров Эмбл — в это погожее утро он выглядел так прелестно, как никогда раньше.

— Пожалуйста. Только сначала лучше позвони ему.

— Зачем?

— Чтобы предупредить его.

— Обойдется и без предупреждений, — сказал Глиннес. Тем не менее отправился к телефону. На экране появилось лицо Льюта Касагэйва.

— Что вам нужно? — в голосе его звучал металл.

— Я приготовил для вас двенадцать тысяч озовов, — сказал Глиннес. — Я не намерен больше мешкать с аннулированием договора о продаже острова. Деньги я доставлю сразу же после этого разговора — надеюсь, так вам будет удобнее всего.

— Деньги перешлите через владельца, — сказал Касагэйв.

— Я и есть владелец.

— Владелец — Шира Халден. Как я полагаю, только он вправе аннулировать эту сделку, если сочтет это нужным.

— Сегодня я представляю письменное показание, данное под присягой, удостоверяющее факт смерти Ширы.

— В самом деле? И где же это вы его добудете?

— Его оформит Джано Акади, официальный ментор префектуры, засвидетельствовавший признание убийцы Ширы.

— Да ну! — хохотнул Касагэйв прямо в экран, после чего изображение исчезло.

— Эта совсем не та реакция, которую я ожидал, — сказал в замешательстве Глиннес, обращаясь к Глэю. — Такое впечатление — как будто ему нет никакого до этого дела.

Глэй пожал плечами.

— А чего ему беспокоиться? Акади в тюрьме. Его ждет прутаншир, если лорды не передумают. Любые оформленные Акади документы не имеют юридической силы.

Глиннес закатил глаза и всплеснул руками.

— Скажи на милость — кого еще так упорно преследовали неудачи? — вскричал Глиннес.

Глэй отвернулся, ничего не ответив. Затем прошел к своей кушетке и завалился спать.

Глиннес в глубокой задумчивости долго мерял веранду размашистыми шагами. Затем, нечленораздельно выругавшись, прыгнул в скутер и взял курс на запад.

Через час он уже был в Уэлгене и лишь с огромным трудом нашел место на пристани, где можно было бы поставить скутер — так много народу ни с того, ни с сего решило в этот день посетить Уэлген. Особенно бурная деятельность наблюдалась на площади. Горожане и жители окрестных островов непрерывно сновали туда-сюда по площади, одним глазом не переставая поглядывать на прутаншир, где рабочие подгоняли друг к другу детали какого-то массивного агрегата, назначение и принцип действия которого показались Глиннесу совершенно непонятными. Он остановился, чтобы расспросить какого-то старика, стоявшего, опираясь о посох.

— Что это затевается на прутаншире?

— Очередной каприз Филидиса.— Старик презрительно плюнул на булыжную мостовую.— Он все время настаивает на применении всяких новых штучек, хотя понятия не имеет, как добиться того, чтобы они правильно выполняли то, что им положено. При подлежащих смертной казни шестидесяти двух пиратах за весь вчерашний день этой штуковине удалось до конца перемолоть только одного-единственного человека. И вот сегодня ей потребовался ремонт? Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном? В мои годы мы с успехом обходились устройствами куда попроще.

Глиннес заглянул в полицейское управление, однако шерифа Филидиса там не оказалось. Глиннес тогда потребовал пятиминутное свидание с Акади, но ему в нем отказали. Сегодня тюрьма закрыта для посетителей.

Глиннес вернулся на площадь и устроился на открытой веранде у входа в таверну «Святой Гамбринус», где, как ему казалось, очень давно он беседовал с Джуниусом Фарфаном. Заказав себе рюмку чистого спирта, он одним глотком осушил ее. Все злые боги, по-видимому, сговорились расстраивать любые его начинания! Он доказал факт смерти Ширы и тут же потерял все свои деньги! Восстановил с лихвой свое финансовое положение, но теперь уже не в состоянии доказать, что Ширы нет в живых. Свидетельские показания, заверенные Акади, утратили силу, а главный виновник гибели Ширы — Ванг Дроссет — сам теперь мертв!

Ну и что же теперь прикажете делать? Тридцать миллионов озовов? Нелепая шутка. Уж лучше вышвыр-

нуть эти деньги мерлингам, чем отдать такому ничтожеству и бездари как шериф Филидис. Глиннес дал знак официанту, чтобы тот принес еще рюмку спирта, затем на какое-то мгновение задержал взгляд на выглядящий сегодня особенно омерзительным прутаншир. Чтобы спасти Акади, наверное, придется вернуть все деньги властям — хотя, по сути, обвинения против Акади кажутся в высшей степени несостоятельными...

Чей-то силуэт закрыл вход в таверну. Пришурившись, Глиннес увидел мужчину среднего роста, держащегося очень скромно. Лицо мужчины показалось Глиннесу знакомым. Он пригляделся к нему, затем быстро вскочил с места, ощущая внезапный прилив сил. Вновь вошедший откинулся на его оживленные жесты и приблизился к столику Глиннеса.

— Если не ошибаюсь, — произнес Глиннес, — вы — Райл Шермац. А я — Глиннес Халден, друг ментора Акади.

— Разумеется! Я прекрасно вас помню, — ответил Шермац. — А как поживает наш общий друг Акади?

Официант принес спирт. Глиннес тотчас же пододвинул рюмку поближе к Шермацу.

— Вам все равно это понадобится через минуту — другую... Насколько я понимаю, вы не в курсе последних событий?

— Я только что вернулся с Морилии. Почему вы спрашиваете меня об этом?

Подогретый выпитым спиртом и удачным стечением обстоятельств, Глиннес никак не мог удержаться от некоторых преувеличений.

— Акади швырнули в темницу. Его обвиняют в воровстве грандиозных размеров и, если лорды и дальше будут гнуть свою линию, его пропустят вон через ту мясорубку.

— В самом деле очень печальная новость! — воскликнул Шермац, после чего действительно поднес рюмку к губам, на мгновение задержал ее как бы в каком извращенном нежном тосте, приличествующем скорее поминкам, затем выпил. — Акади ни в коем случае не следовало полагаться на свои способности законника-крючкотвора. Ему недостает той хладнокровной решимости, которая отличает удачливого преступника.

— Вы совершенно неправильно меня поняли, — с некоторой дрожью в голосе произнес Глиннес. — Обвинение поражает своей откровенной нелепостью.

— А вот меня удивляет, с какой уверенностью вы обо всем этом говорите, — произнес Шермац.

— При необходимости невиновность Акади может быть продемонстрирована таким образом, что всякий в ней убедится. Но суть-то совсем не в этом. Меня поражает, почему Филидис, руководствуясь только лишь подозрениями, заключил Акади в тюрьму в то время, как настоящий преступник разгуливает на свободе.

— Интересное соображение. Вы можете назвать этого настоящего преступника?

Глиннес покачал головой.

— Очень хотелось бы — особенно, если учесть то, что виновным является одно вполне определенное лицо.

— А почему вы столь откровенны именно со мной?

— Вы видели, как Акади передает деньги посыльному. Ваше свидетельство сняло бы с него все подозрения.

— Я видел только то, что из одних рук в другие перешел небольшой черный чемодан. Внутри него могло оказаться все, что угодно.

Глиннес насторожился и стал подбирать слова более тщательно.

— Вас, по всей вероятности, удивляет, почему я так уверен в невиновности Акади. Причина проста. Я подлинно знаю, что он отдал деньги через посыльного — все было так, как он утверждает. Бандольо поймали. Его пособник Лемпель убит. Деньги так и остались не востребованными. По-моему глубокому убеждению знать, столь назойливо домогающаяся возвращения денег, заслуживает их ничуть не более, чем Бандольо. У меня нет ни малейшего желания помогать любой из сторон.

Шермац понимающе кивнул, лицо его стало еще более серьезным.

— Я понял ваш намек, не утруждайте себя объяснениями. Если Акади на самом деле не виновен, то кто же истинный сообщник Бандольо?

— Меня удивляет то обстоятельство, что Бандольо на сей счет не сказал ничего определенного, однако шериф Филидис, нисколько в этом не сомневаясь, не позволит мне даже словом перекинуться с Акади, не говоря уже с Бандольо.

— У меня несколько иное мнение, — сказал, поднимаясь из-за стола, Шермац. — Несколько слов с шерифом Филидисом были бы весьма полезны.

— Не торопитесь идти в полицию, — произнес Глиннес. — Он не захочет с нами встречаться.

— Как я полагаю, еще как захочет. Мой обществен-

ный статус чуточку выше положения странствующего журналиста, поскольку я обличен полномочиями старшего инспектора Гвардии Вседержителя. Шериф Филидис примет нас с огромным удовольствием. Давайте сразу же к нему отправимся, чтобы провести расследование. Где его нужно искать?

— Вон в том здании, — ответил Глиннес. — Оно довольно невзрачное, но здесь, в Уэлгене, именно оно представляет всю мощь законов Тралльона.

В вестибюле полицейского управления Глиннес и Райл Шермац задержались не очень-то долго — шериф Филидис все-таки удостоил их своим вниманием, хотя, судя по озабоченному выражению лица, ему было не очень-то до досужих посетителей.

— Ну что там еще? Кто вы, сэр? — спросил он, выходя в вестибюль.

Шермац выложил на стол металлическую пластинку.

— Прошу вас удостовериться в моих полномочиях.

Глянув на пластинку повнимательнее, Филидис тотчас же сник.

— Я, разумеется, всецело к вашим услугам.

— Я здесь по делу, связанному со старменгером Бандольо, — произнес Шермац. — Вы его допрашивали?

— Более или менее. Производить более тщательное расследование не имело смысла.

— Вы выяснили, кто является его сообщником из местных жителей?

Филидис самодовольно улыбнулся.

— Ему помогал некий Джано Акади, который содержится у нас под арестом.

— Значит, у вас нет ни малейших сомнений в отношении виновности Акади?

— Улики настолько очевидны, что не вызывают сомнений.

— Он сознался?

— Нет.

— Вы его подвергли психозондированию?

— В Уэлгене мы не располагаем соответствующей аппаратурой.

— Мне бы хотелось допросить как Бандольо, так и Акади. Акади, пожалуйста, первым.

Филидис вызвал одного из низших чинов полиции и отдал необходимые распоряжения. Затем обратился к Шермацу и Глиннесу:

— Не угодно ли пройти ко мне в кабинет?

Через пять минут в кабинет шерифа втолкнули бурно возмущающегося Акади. Увидев Глиннеса и Шермаца, он мгновенно притих.

— Доброе утро, Джано Акади, — учтиво поздоровался с ним Шермац. — Рад новой встрече с вами.

— При таких вот обстоятельствах? Подумать только — меня держат взаперти в одиночке, как преступника! Я уже подумал было, что меня волокут на прутаншир! Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном?

— Надеюсь, нам удастся прояснить ситуацию. — Шермац повернулся к Филидису. — Какие именно обвинения выдвинуты против Акади?

— Он обвиняется в сговоре с Загмондо Бандольо и незаконном присвоении не принадлежащих ему тридцати миллионов озов.

— Оба обвинения ложны! — вскричал Акади. — Кому-то выгодно погубить меня!

— Мы непременно доберемся в этом деле до истины, — произнес Шермац. — Не послушать ли нам старменстера Бандольо? Я уверен в том, что ему есть о чем нам рассказать.

Филидис связался с одним из своих помощников и вскоре в комнату вошел Загмондо Бандольо — высокий чернобородый мужчина, лысый, с черной тонзурой на черепе, ясными голубыми глазами и кротким выражением лица. И это тот человек, который командовал пятью наводящими ужас кораблями и четырьмя сотнями изгоев, человек, который был виновником десятка тысяч трагедий ради целей, которые были известны только ему одному?

Шермац подал знак, чтобы он вышел вперед.

— Загмондо Бандольо, мне хочется задать вам один вопрос, если честно признаться, из праздного любопытства. Вы раскаиваетесь в той жизни, которую до сих пор вели?

Бандольо сдержанно улыбнулся.

— В чем я определенно раскаиваюсь — так это в двух последних неделях. Что касается предшествующего периода, то это сложный вопрос, и в любом случае мне не очень-то ясно, как на него правильно ответить. Задним умом все мы крепки, но в повседневной жизни способность задумываться над последствиями своих действий нами не расценивается как особо полезное свойство ума.

— Мы производим расследование по делу о вашем налете на Уэлген. Вы можете с большей определенностью

идентифицировать вашего сообщника из местных жителей?

Бандольо потянул себя за бороду.

— Да я вообще, если память мне не изменяет, этим не занимался.

— Предварительный допрос Бандольо производился под гипнозом,— пояснил шериф Филидис.— У него не осталось никаких сведений, которые он мог бы утаить.

— И что же вам удалось выяснить во время гипнодопроса?

— Инициатива исходила с Тралльона. Бандольо получил предложение по тайным каналам старментеров. Для проведения предварительного обследования Бандольо послал одного из своих ближайших соратников по имени Лемпель. Лемпель представил оптимистический отчет и Бандольо собственной персоной отправился на Тралльон. С триллом, который стал его пособником, он повстречался на пляже неподалеку от Уэлгена. Лицо трилла было закрыто хассэйдной маской и говорил он настолько измененным голосом, что, как утверждает Бандольо, он бы не сумел определить его владельца. Там же, на пляже, они обо всем договорились, и Бандольо больше уже никогда не встречался с этим человеком. К осуществлению проекта он подключил Лемпеля. Лемпеля ныне нет в живых. Никакими другими сведениями Бандольо не располагает, а произведенное в Порт-Мэхьюле психозондирование полностью это подтвердило.

Шермац повернулся к Бандольо:

— Здесь точно изложена суть дела?

— Абсолютно точно, за исключением имеющегося у меня подозрения в том, что мой подельник из местных жителей убедил Лемпеля раскрыть Гвардии тайну нашего местонахождения с тем, чтобы можно было поделить на двоих всю сумму выкупа. После того, как Гвардия была уведомлена о месте нашего базирования, жизнь Лемпеля подошла к концу.

— Значит, в таком случае у вас нет причин скрывать личность вашего сообщника с Тралльона?

— Совсем наоборот. Мое самое заветное желание — увидеть, как он пляшет под музыку прутаншира.

— Перед вами стоит Джано Акади. Вы его знаете?

— Нет.

— Возможно такое, что вашим сообщником был вот этот Акади?

— Нет. Тот человек был таким же высоким, как и я. Шермац поглядел на Филидиса.

— Вам теперь все ясно — вы допустили прискорбную ошибку, которая только по счастливой случайности не была доведена до логического конца на прутаншире.

На мертвенно-бледном лице Филидиса выступили капельки пота.

— Заверяю вас, я подвергался невыносимому давлению! Верховная Коллегия аристократов настаивала на том, чтобы я действовал без промедления. Она уполномочила лорда Генсифера, секретаря Коллегии, потребовать от меня решительных мер. Коль мне не удалось отыскать деньги, то хоть.. — Филидис примолк и провел языком по губам:

— Чтобы ублажить Коллегию аристократов вы заключили в тюрьму Джано Акади.

— Подобный образ действия казался наиболее очевидным.

У Глиннеса тоже было несколько вопросов к Бандольо.

— Вы встретились со своим сообщником при свете звезд?

— Ну, разумеется, — как-то почти даже весело ответил Бандольо.

— Как он был одет?

— На нем были обычные для триллов парай и накидка то ли с ватными плечиками, то ли с эполетами, то ли еще с какой-то набивкой, похожей на сложенные крылья — одним триллам известно их назначение. Его силуэт, когда он стоял на берегу в хассэйдной маске, был точь-в-точь как силуэт огромной черной птицы.

— Значит, вы были довольно близко к нему.

— Нас разделяло менее двух метров.

— Какая маска прикрывала его лицо?

Бандольо рассмеялся.

— Откуда мне знать здешние ваши маски? На висках торчали рога, во рту были видны клыки, язык свободно свешивался вниз. Клянусь, у меня было такое ощущение, будто на берегу мне повстречалось какое-то чудовище.

— А что вы можете сказать о его голосе?

— Хриплый шепот. Он явно не хотел, чтоб его голос запомнился.

— Его жесты, манера держаться, какие-нибудь особенности движений?

— Никаких. Он совершенно не шевелился.

— Его лодка?

— Обычная моторка.

— И какова же дата этой вашей встречи?

— Четвертый день лиссема месяца.

Глиннес на мгновение задумался.

— Затем вся связь с ним поддерживалась только через Лемпеля?

— Совершенно верно.

— И с человеком в хассэйдной маске вы уже больше никогда не встречались?

— Никогда.

— Какой была его основная функция?

— Он взялся усадить триста самых богатых людей префектуры на трибуне Е стадиона и свое обещание выполнил с блеском.

Здесь свое замечание вставил Филидис.

— Билеты были приобретены анонимно и доставлены курьерами. От них ничего не удалось добиться существенного.

Райл Шермац повернулся к Филидису и в течение нескольких секунд внимательно к нему присматривался, отчего шериф почувствовал себя крайне неудобно.

— Я до сих пор никак не в состоянии уразуметь,— произнес Шермац,— почему вы засадили за решетку Джано Акади, основываясь на уликах, которые даже с первого взгляда кажутся более, чем сомнительными.

— Я получил конфиденциальную информацию из источника с безупречной репутацией,— с достоинством ответил Филидис.— Поскольку обстоятельства не допускали отлагательства, а общественность была крайне взволнована, я решил прибегнуть к самым крутым мерам.

— Информация конфиденциальная, вы так говорите?

— Да.

— И кто же этот источник с безупречной репутацией?

Филидис заколебался, не зная, что ответить, затем уныло махнул рукой.

— Секретарь Коллегии лордов убедил меня в том, что Акади известно местонахождение денег, собранных в качестве выкупа. Он порекомендовал арестовать Акади и угрожать ему прутанширом до тех пор, пока тот не расстанется с деньгами.

— Секретарь Коллегии лордов... То есть лорд Генсифер?

— Так точно,— подтвердил Филидис.

— Такая неблагодарность! — прошипел сквозь зубы Акади.— Скажу я ему пару теплых слов!

— Не мешало бы познакомиться с теми сообра-

жениями, руководствуясь которыми он выдвинул подобное обвинение, — как бы рассуждая вслух, заметил Шермац. — Я предлагаю всем присутствующим отправиться с визитом к лорду Генсиферу.

Филидис предостерегающе поднял руку.

— Сегодня — самый неподходящий день для подобного визита к лорду Генсиферу. В усадьбе лорда Генсифера собирается вся местная знать, чтобы отпраздновать его бракосочетание.

— Удобства лорда Генсифера, — объявил Акади, — меня заботят точно в той мере, как мои — его. Мы отправимся к нему прямо сейчас.

— Я полностью согласен с Джано Акади, — сказал Глиннес. — В особенности из-за того, что нам, возможно, удастся опознать истинного преступника и арестовать его.

Райл Шермац повернулся к Глиннесу со скептической усмешкой на лице.

— Вы говорите об этом с какой-то особой уверенностью.

— Возможно, я ошибаюсь, — ответил Глиннес. — По этой причине у меня такое чувство, что нам не помешало бы взять с собой Загмондо Бандольо.

Филидис, прекрасно понимая, что события выходят из-под его контроля, стал еще с большим упорством отстаивать свою точку зрения.

— Такое предложение неблагоприятно по целому ряду причин. Во-первых, Бандольо крайне хитер и изворотлив. Нельзя допустить, чтобы он избежал прутаншира. Во-вторых, он сам заявил, что не в состоянии произвести опознание преступника, так как лицо его было спрятано под маской. А в-третьих, я нахожу сомнительной, мягко выражаясь, мысль о том, что виновного мы найдем среди присутствующих на церемонии бракосочетания лорда Генсифера. Я категорически против того, чтобы превратить расследование в фарс, а нас самих выставить посмешищами.

— Человека честного, добросовестного, — возразил Шермац, — никак не может унижить выполнение его долга. Я предлагаю провести расследование, пренебрегая второстепенными вопросами, не имеющими непосредственного отношения к рассматриваемому делу.

Филидис сделал кислую мину и очень неохотно согласился.

— Что ж, отправляемся, значит, к лорду Генсиферу. Констебль, оденьте наручники на арестованного! И тща-

тельно проверьте надежность замка, а сами наручники соедините цепью с парфорсом вокруг его шеи!

Прошло совсем немного времени и черно-серый полицейский катер пересек озеро Флейриш и вышел на траверс Пяти островов. Около полусотни самых различных яхт и катеров скопилось у причала перед усадьбой лорда Генсифера, а сама пристань и садом к парку, окружавшему особняк лорда, были украшены гирляндами из шелковых лент светло-розового, желтого и ярко-алого цвета. По дорожкам парка прогуливались лорды и их леди в великолепных старинных одеждах, надевавшихся только в самых торжественных случаях. Простому люду даже мельком взглянуть на такие наряды не выпадало счастья за всю жизнь.

Только что прибывшая официальная делегация, прекрасно понимая, насколько сама она нелепо выглядит в подобном окружении, начала неторопливо подниматься по дорожке к парку. В состоянии особо сильного душевного смятения находился шериф Филидис, которому только охватившая его оторопь при виде такого скопления аристократов в одном месте в какой-то мере помогала сдерживать kloкочущий в нем гнев. Райл Шермац внешне выглядел вроде бы невозмутимым и только, казалось, Бандольо всем своим видом показывал, что сложившаяся ситуация доставляет ему огромное удовольствие. Он шел с высоко поднятой головой и весело посматривал то в одну сторону, то в другую. Узревший незваных гостей старый дворецкий тотчас же поспешил к ним навстречу, весь охваченный ужасом. Филидис невнятно пробормотал какое-то объяснение, вызвав этим только еще большее недовольство дворецкого.

— Вы не имеет ни малейшего права нарушать этикет — церемония вот-вот начнется. Ваше поведение в высшей степени возмутительно!

Самообладание шерифа Филидиса дало трещину. Дрожащим от волнения голосом он произнес:

— Угмонитесь! Дело государственной важности! Вы свободны — впрочем, нет, подождите! У нас могут быть особые указания для вас. — Он недовольно посмотрел на Шермаца. — Каковы ваши пожелания?

Шермац в свою очередь обернулся к Глиннесу.

— Вы, кажется, хотите что-то предложить?

— Одну минутку, — ответил Глиннес и устремил взор на парк, вглядываясь в лица почти двух сотен гостей, приглашенных на церемонию бракосочетания лорда

Генсифера. Никогда раньше не доводилось ему видеть такого разнообразия великолепных нарядов — бархатных накидок лордов с геральдическими эмблемами на спинах, роскошных вечерних платьев дам, отделанных черными коралловыми бусами или переливающейся, как кристаллы, чешуей мерлингов или прямоугольными турмалинами. Характеру отделки платьев соответствовали пояса и диадемы. Взгляд Глиннеса перескакивал с одного лица на другое. Льют Касагэйв или, как он предпочитает теперь себя называть, лорд Эмбл — обязательно должен быть где-то здесь. Он увидел Дьюссану — в простом белом длинном платье и крохотной газовой белой шляпке без полей. Почувствовав взгляд Глиннеса, Дьюссана обернулась и увидела его. Глиннес при этом испытал чувство, какое не смог бы выразить словами — ощущение того, что из жизни его уходит нечто крайне ценное, чувство потери чего-то такого, что уже никогда к нему не вернется. Рядом с Дьюссаной стоял лорд Генсифер. Ему уже доложили о новоприбывших и лицо его помрачнело — он был удивлен этим и не скрывал недовольства.

Кто-то из находившихся поблизости резко развернулся на каблуках и стал поспешно удаляться. Это привлекло внимание Глиннеса. Он рванулся вперед, поймал уходящего за руку, повернул лицом к себе.

— Льют Касагэйв!

Лицо Касагэйва было бледным и суровым.

— Я — лорд Эмбл. Как вы смели прикасаться ко мне?

— Будьте любезны пройти вот сюда, — сказал Глиннес. — Вопрос крайне важен.

— Я не считаю необходимым заниматься сейчас решением каких бы то ни было вопросов.

— Тогда задержитесь здесь на пару секунд. — Глиннес взмахом руки подозвал своих попутчиков. Касагэйв снова предпринял попытку затеряться в толпе, но Глиннес оттащил его назад. Лицо Касагэйва побледнело еще больше.

— Что вам от меня нужно? — зловеще спросил он.

— Прошу вашего внимания, — произнес Глиннес. — Вот это — Райл Шермац, Главный инспектор Гвардии. Вот это — Джано Акади, некогда официальный ментор Префектуры Джолани. Они оба засвидетельствовали признание Ванга Дроссета в том, что он убил Ширу Халдена. — Я — сквайр Рабендари и я требую, чтобы вы незамедлительно оставили остров Эмбл.

Льют Касагэйв ничего не ответил.

— И ради вот этого вы привели всех нас сюда,— брюзгливо спросил Филидис.— Только для того, чтобы беспокоить лорда Эмбла?

Слова Филидиса были встречены веселым смехом Загмондо Бандольо.

— Значит, теперь,— лорд Эмбл! А ведь когда-то было далеко не так. В самом деле, не так!

Касагэйв повернулся, чтобы уйти, но его остановил спокойный голос Шермаца.

— Задержитесь, пожалуйста, на минутку. Расследование носит официальный характер, и вопросом первостепенной важности становится выяснение вашей личности.

— Я — лорд Эмбл. Этого вполне достаточно!

Райл Шермац повернулся к Бандольо.

— Вам этот человек известен под другим именем?

— Мне известны не только его другое имя, но и немало всякого другого — кое-что из того, что он сделал, заставило меня хорошо помучаться. Он совершил то, что мне следовало сделать десять лет тому назад — уйти на покой, прихватив добычу. Вы видите здесь перед собой Алонзо Диррига, некогда известного под прозвищами «Ледяной Дьявол» и «Потрошитель черепов», одно время являвшегося хозяином четырех кораблей и слывшего одним из самых искусных старментеров.

— Вы заблуждаетесь — кем бы вы не были на самом деле.

Касагэйв раскланялся и собрался было уже удалиться.

— Не спешите нас покидать! — воскликнул Филидис.— Мы, похоже, сделали только что одно важное открытие. Если все обстоит так, как утверждает Бандольо, то Джано Акади в таком случае полностью оправдан. Лорд Эмбл, вы отвергаете обвинение Загмондо Бандольо?

— Тут и отвергать-то нечего. Он просто ошибся.

Бандольо встретил эти слова откровенно издевательским смехом.

— Приглядитесь к ладони его правой руки. Вы увидите шрам, который я лично там оставил.

— Вы отрицаете, что вы — Алонзо Дирриг? — продолжал Филидис.— Отрицаете свое участие в сговоре с целью похищения трехсот лордов Префектуры? Отрицаете обвинение в том, что это вы убили Лемпеля?

Касагэйв высокомерно скривил губы.

— Разумеется, я отрицаю все это. Докажите это, но это вам никак не удастся сделать!

Филидис повернулся к Глиннесу.

— В чем заключаются ваши доказательства?

— Одну минуту, — несколько растерянно произнес Шермац, после чего обратился к Бандоль. — Это тот человек, с которым вы вели переговоры на берегу неподалеку от Уэлгена?

— Чтобы Алонзо Дирриг обратился ко мне как к орудию осуществления его замыслов? Никогда, никогда, никогда — только не Алонзо Дирриг!

Филидис укоризненно поглядел на Глиннеса.

— Получается, что вы и сами ошиблись, и нас ввели в заблуждение.

— Не торопитесь с выводами! — сказал Глиннес. — Я никогда ни в чем не обвинял Касагэйва или Диррига — кем бы он ни был на самом деле. Я просто решил попутно прояснить кое-какие наши чисто личные взаимоотношения.

Касагэйв развернулся и зашагал прочь. Райл Шермац подал знак. Филидис тут же приказал двум полицейским:

— Догнать его! И немедленно арестовать!

Полицейские рванулись вслед за Касагэйвом. Тот обернулся и, заметив преследование, опрометью спустился к причалу и прыгнул в свой скутер. Взметнув высокий шлейф из пены, он устремился к ближайшему же протоку, выходящему в озеро Флейриш.

— Живо в катер! — взревел Филидис на своих подручных. — Не упускайте его из виду! Радируйте о присылке подкрепления! Арестуйте его и в тюрьму!

Тотчас же перед ним предстал лорд Генсифер с перекошенным от злости лицом.

— Почему вы здесь подняли такой беспорядок? Неужели вам не ясно, что мы все здесь собрались, чтобы торжественно отпраздновать очень важное событие?

— Нам самим, естественно, причиняет немалую боль произведенное нами вторжение, — ответил шериф Филидис с тем достоинством, какое он еще в состоянии был сохранять. — У нас имелись причины подозревать лорда Эмбла в том, что он был сообщником Загмондо Бандоль. По всей вероятности, он здесь совершенно ни при чем.

Лицо лорда Генсифера зарделось. Он бросил взгляд в сторону Акади, затем снова обратился к Филидису.

— Разумеется, ни при чем! Ведь мы уже обстоятельно разобрались в этом вопросе и знаем, кто сообщник Бандоль!

— В самом деле? — скрежеща зубами, как пила о гвоздь, спросил Акади. — И кто же это?

— Это тот потерявший всякую совесть ментор, который с таким коварством и мастерством собрал, а затем утаил тридцать миллионов озов! — во всеуслышание объявил лорд Генсифер. — Его имя — Джано Акади!

— Загмондо Бандольо сомневается на сей счет, — вкрадчивым голосом произнес Райл Шермац. — Он утверждает, что не имел никаких дел с Акади.

Лорд Генсифер всплеснул руками.

— Ну что ж — пусть будет по-вашему. Акади не виновен! Да не все ли равно? Мне все это чертовски надоело! Пожалуйста, уходите. Вы без спроса вторглись в мои владения, да еще во время проведения такой торжественной церемонии.

— Примите мои извинения, — произнес шериф Филидис. — Заверяю вас, я ко всем этим предположениям не имею абсолютно никакого отношения... Так что, джентльмены, нам, пожалуй, самая пора...

— Еще минутку, — взмолился Глиннес. — Ведь мы так еще и не добрались до сути вопроса. Загмондо Бандольо в самом деле не в состоянии опознать человека, с которым разговаривал на пляже, но ему, наверное, ничего не стоит опознать маску. Лорд Генсифер, будьте добры, принесите один из шлемов «Горгон Флейриша».

Лорд Генсифер всполошился.

— И не собираюсь! Что это за фарс вы здесь развели? В последний раз категорически требую, чтобы вы немедленно покинули мою усадьбу!

Глиннес, не обращая на него внимания, повернулся к Филидису.

— Когда Бандольо упомянул о рогах и болтающемся из маски языке, я тотчас же подумал о «Флейришских Горгонах». Четвертого лиссема у «Горгон» еще не было новой формы команды. Только лорд Генсифер мог воспользоваться шлемом «Горгон». Следовательно, лорд Генсифер и есть тот преступник, которого мы разыскиваем!

— Как вы смеете говорить такое? — выпучив в изумлении глаза и широко разинув рот, едва прохрипел Филидис.

— Ага! — вскричал Акади и набросился с кулаками на лорда Генсифера. Глиннес поймал его и оттащил назад.

— Что за бредовую напраслину вы на меня возводите? — взревел лорд Генсифер, все лицо которого вне-

запно покрылось красными крапинками.— Вы, что, совсем рехнулись?

— Что за нелепица? — поддержал его Филидис.— Не желаю больше ничего об этом слышать!

— Спокойно, не горячитесь,— слегка улыбаясь, произнес Райл Шермац.— Предположение Глиннеса Халдена несомненно заслуживает внимания. По-моему, оно является недвусмысленным, крайне интересным и вполне обоснованным.

— Лорд Генсифер,— упавшим голосом произнес Филидис,— лицо, пользующееся огромным влиянием. Он — секретарь Коллегии...

— И выступая в подобном качестве, он заставил вас посадить за решетку Акади,— перебил его Глиннес.

Лорд Генсифер, задыхаясь от бешенства, помахал Глиннесу пальцем, но так и не смог ни слова вымолвить.

— Вы можете доказать несостоятельность обвинения? — уныло проворчал шериф Филидис, обращаясь к лорду Генсиферу.— Может быть, кто-то украл у вас шлем?

— Об этом-то как раз и речь! — вскричал, воодушевившись, лорд Генсифер.— Кто-то — да что там сомневаться, Акади — украл из моей кладовой шлем «Горгон».

— В таком случае,— возразил ему Глиннес,— сейчас недостает одного шлема. Давайте пересчитаем шлемы.

Лорд Генсифер обрушил на Глиннеса бешеной силы удар, но Глиннес увернулся. Шермац дал знак Филидису:

— Арестуйте этого джентльмена и отправьте в тюрьму. Мы подвергнем его психозондированию и установим истину.

— Ни за что! — по-звериному прорычал лорд Генсифер.— Не видеть вам меня на прутаншире!

Как и Касагэйв, он ринулся к причалу, вызвав настоящий переполох среди своих гостей. На такой свадьбе им еще никогда не приходилось бывать.

— Взять его! — коротко распорядился Шермац. Шериф Филидис пустился вдогонку и, громко стуча ботинками, устремился по дощатому настилу причала к тому месту, откуда лорд Генсифер спрыгнул в свой скоростной катер. Отбросив всякую осторожность, Филидис прыгнул вслед за ним. Лорд Генсифер предпринял попытку оттолкнуть его в сторону. Филидис, падая на лорда Генсифера, с такой силой рванул его к себе, что тот перелетел через борт и оказался в воде. Филидис попы-

тался было схватить его, перевалившись туловищем за борт, но лорд Генсифер поднырнул под настил причала.

— Бессмысленно прятаться, лорд Генсифер, — окликнул его Филидис. — Правосудие должно свершиться. Выходите по собственнй воле!

Только круги на воде указывали на то место, где застался Лорд Генсифер. Филидис еще раз позвал его.

— Лорд Генсифер! Зачем создавать ненужные трудности всем нам? Выходите — вам уже никак не сбежать!

Из-под настила послышался хриплый отчаянный вскрик, затем плеск лихорадочных ударов руками по воде, после чего воцарилась тишина. Сидевший все это время на корточках Филидис медленно выпрямился и застыл, глядя на воду со смертельно бледным лицом. Затем он взобрался на причал и присоединился к Райлу Шермацу, Глиннесу и Акади.

— Можно объявить данное дело закрытым, — сказал он. — А тридцать миллионов озов — судьба их так и останется тайной. Скорее всего, мы никогда не узнаем всей правды.

Райл Шермац покосился на Глиннеса, который стоял с хмурым лицом, закусив губы.

— Что ж, по-моему в этом нет такой уж особой беды, — произнес Шермац. — А где наш пленник Бандольо? Неужели этот негодник сумел воспользоваться замешательством?

— Похоже на то, — тоскливо признался Филидис. — Он исчез! Ну что за несчастный сегодня у нас день!

— Совсем наоборот, — возразил Акади. — Еще никогда я не испытывал такого огромного морального удовлетворения.

Его тут же поддержал Глиннес.

— Касагэйва прогнали взашей — я крайне за это признателен. И для меня этот день отличный.

Филидис потер лоб.

— А я вот все еще в замешательстве. Лорд Генсифер всегда мне казался прямо-таки воплощением честности!

— Лорд Генсифер здорово просчитался, особенно с моментом начала своих решительных действий, — сказал Глиннес. — Он умертвил Лемпеля после того, как Лемпель подробно проинструктировал посыльного, но до того, как деньги могли оказаться у Лемпеля. А затем еще просчитался и с Акади, будучи уверен в том, что Акади стол же бесчестен, как и он сам.

— Очень грустная история, — сказал Акади. — А тридцать миллионов озов — кто знает, где они

теперь? Может быть, как раз сейчас посыльный пользуется в свое удовольствие неожиданно доставшимся ему богатством на какой-нибудь далекой планете.

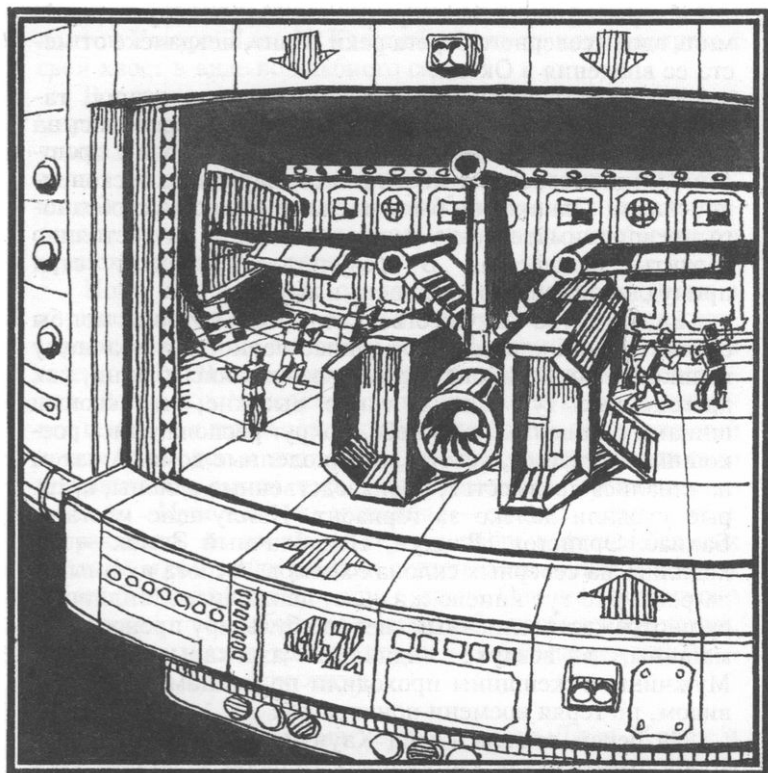
— Так, скорее всего, и обстоит дело,— сказал Филидис.— А нам, как мне кажется, остается еще только сделать что-то вроде официального заявления, чтобы успокоить гостей.

— Извините меня,— сказал Глиннес,— но мне нужно кое с кем повидаться.— Он направился к тому месту парка, где чуть раньше видел Дьюссану. Но теперь там ее не оказалось. Несколько раз он обошел весь парк, но Дьюссаны так и не встретил. Может быть, она прошла внутрь дома? Вряд ли — этот дом больше уже ничего не значит для Дьюссаны...

Тропинка вокруг дома вела к пляжу на противоположной стороне острова, на берегу, выходящему к океану. Глиннес спустился по склону и увидел Дьюссану — она стояла на песке и глядела куда-то в океанскую даль, в то неясно просматриваемое пространство, где небосвод смыкался с океаном.

Глиннес подошел к ней. Она обернулась и посмотрела на него так, как будто видела его в первый раз в своей жизни. Затем отвернулась и медленно побрела вдоль самой воды на восток. Глиннес двинулся за нею следом, и так вместе они и шли вдоль берега в зыбком мареве надвигающегося эвнесса.

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

ЧАСТЬ 1.

Кларжес, последний город планеты, растянулся на 30 миль вдоль северного берега реки Шант, невдалеке от места ее впадения в Океан.

Кларжес — древний город. Монументы, здания, таверны возрастом от двух до трех тысяч лет встречались на каждом шагу. Жители города обожали эти связи с прошлым, у них возникало мистическое ощущение бесконечной жизни. Однако они были членами общества свободного предпринимательства и это заставляло их постоянно вводить новшества. В результате Кларжес стал причудливой смесью древности и модерна.

Еще никогда не существовало города, который мог бы сравниться с Кларжесом по величественности и мрачному великолепию. В районе Мерсер возвышались башни, как драгоценные турмалины, такие высокие, что своими шипами они вонзались в небо. Вокруг располагались роскошные магазины, театры, великолепные дома. А затем начинались предместья, производственные районы, которые уходили далеко за горизонт. Наилучшие места — Балиас, Эрдистон, Вандун, Подоблачный Замок — находились на северных склонах холмов. А с юга их омывала река. Все тут кипело жизнью, движением. Миллионы окон отражали солнечный свет, по бульвару пронеслись машины, в воздухе виднелись аэрокары, авиетки. Мужчины и женщины проходили по улицам с деловым видом, не теряя времени понапрасну.

За рекой лежала Глэйд Каунти — обширная территория, непригодная для жизни. Там не росло ничего, кроме приземистых ив и колючих кустов. Глэйд Каунти не имела никакого права на существование. Однако в нее входили 600 акров, которые занимал Карневаль.

Карневаль! Это поистине драгоценность, пышный цветок на сером безжизненном фоне Глэйд Каунти. Все 600 акров его территории были расцвечены всеми цветами радуги. Там находились всевозможные средства развлечения и увеселения.

Жизнь в Кларжесе определялась деловой активностью людей. Карневаль жил своей собственной жизнью. По утрам там царила тишина. К полудню начинали работать машины по уборке улиц да появлялись редкие прохожие. А вечером Карневаль оживал, трепеща разноцветными крыльями, как только что появившаяся на свет бабочка. К заходу солнца весь Карневаль был полон жизни, веселья, эмоций.

Вокруг Карневалья проносились кометы-автомобили: Сангрил, Рублон, Голд Глориана, Мистик Эмеральд, Мелантон Ультра-Лазурь. Каждый из них на ходу распускал свой хвост в виде волшебного сияния.

Все зеркальные окна павильонов Карневалья отражали мириады разноцветных огней, украшавших город. На улицах, аллеях, бульварах появлялись праздничные толпы веселых людей. Звуки музыки, песен, рулеток, шипенье пронесившихся автомобилей-комет, крики зывал — все это создавало атмосферу необычности происходящего на улицах.

Ночь шла и общее опьянение усиливалось. Люди в карнавальных костюмах, масках и полумасках пели, плясали, играли, веселились, забыв обо всем. Празднество близилось к своему пику. Все моральные заслоны переставали существовать. Веселый смех переходил в истерический хохот, беззаботное пение — в дикий вой. Все это походило на спиритуальный оргазм. Ночь шла и люди уставали, костюмы утрачивали свою праздничность, маски открывали потные лица с воспаленными глазами. Мужчины и женщины — сонные, измученные, отправлялись по домам. И те, что жили в фешенебельных районах, и обитатели рабочих окраин смешивались в вагонах сабвея без всякой зависти друг к другу. Они все приезжали в Карневаль, чтобы забыть о тяготах и заботах обыденной жизни, они приходили сюда тратить деньги — и больше чем деньги — они тратили здесь свою жизнь.

Человек в медной маске стоял возле Дома Жизни и созывал посетителей. Вокруг его головы светился ореол из символов бесконечности, а на фасаде здания сияла идеальная версия ладони. Блестящая линия жизни проходила по ней правильной параболой.

Человек в маске кричал:

— Друзья, послушайте меня! Неужели вам жалко флорина за свою жизнь? Заходите в Дом Жизни! Вы встретитесь с дидактором Монкуром и познакомитесь с его замечательными методами!

Он дотронулся до кнопки и низкий рокошующий звук заполнил воздух. Его высота и громкость постепенно нарастали.

— Стоп! Стоп! Приходите в Дом Жизни! Предоставьте возможность дидактору Монкуру проанализировать ваше будущее! Ознакомьтесь с его методами! Только один флорин за вход в Дом Жизни!

Высота звука все увеличивалась, переходя в вой, пронзительный свист, и, наконец, звук перешел предел слышимости, оставив после себя ощущение неуверенности, нестабильности. Но зато голос человека в медной каске, напротив, вселял уверенность, спокойствие.

— У каждого человека есть мозг и он одинаков у всех людей. Но почему есть Бруды, Веджи, Серды, Вержи и Амаранты?

Он наклонился вперед и заговорил тихо, доверительно:

— Секрет жизни — техника. Дидактор Монкур обучает технике жизни. Разве бесконечность не стоит флорина?

Некоторые прохожие отдавали свои флорины и заходили в Дом. Наконец, он наполнился посетителями.

Человек в медной маске сошел с возвышения. Кто-то схватил его за руку. Человек резко повернулся и схвативший испуганно отскочил.

— Вэйлок! Ты испугал меня. Это я, Бэзил.

— Вижу, — коротко ответил Гэвин Вэйлок. Бэзил Тинкоп, коротенький, толстый, разодетый, как сказочная птица: ярко-желтый пиджак отделан зелеными металлическими полосами, красно-серые пластины закрывают ноги, черные перья колышутся вокруг лба, как лепестки. Если Бэзил и заметил недружелюбие Вэйлока, то счел возможным проигнорировать его.

— Я ждал, что услышу о тебе, — сказал Бэзил. — Я был уверен, что наша последняя беседа...

Вэйлок покачал головой.

— Я не хочу быть замешанным в такое дело.

— Но твое будущее, — запротестовал Бэзил. — Это же парадокс, что ты уговариваешь других позаботиться о своем будущем, а сам остаешься гларком.

Вэйлок пожал плечами.

— Всему свое время.

— Всему свое время! А драгоценные годы проходят и твой слоп остается плоским.

— У меня свои планы. Я пока готовлюсь.

— А другие уходят вперед! Плохая политика.

— Хочешь, я открою тайну? Ты никому не скажешь ни слова?

Бэзил обиделся.

— Разве я когда-нибудь давал повод сомневаться? За семь лет..

— Один месяц короче семи лет... Через месяц я буду регистрироваться в Бруды.

— Я рад слышать это. Идем выпьем по стакану вина за твоё решение.

— Мне нужно присматривать здесь.

Бэзил покачал головой и это движение шатнуло его. Стало ясно, что он в подпитии.

— Ты удивляешь меня, Гэвин. Семь лет... И вот...

— Почти семь лет.

Бэзил удивленно моргнул.

— Семью годами больше или меньше... Ты все равно удивляешь меня.

— Каждый человек загадка. Я стараюсь быть проще.

Бэзил пропустил это мимо ушей.

— Приходи к нам в Балиасский Паллиаторий.— Он наклонился к Вэйлоку и перья скользнули по маске.— Я пытаюсь разработать новый метод лечения,— сказал он доверительно.— Если все будет хорошо, то крутой слоп мне обеспечен. Мне хотелось с тобой расплатиться, хотя бы частично.

Вэйлок рассмеялся. Маска отозвалась глухим эхом.

— Самый маленький из долгов, Бэзил.

— Ничего подобного! — вскричал Бэзил.— Если бы не ты, где бы я был сейчас? На борту «Ампродекса».

Вэйлок пренебрежительно махнул рукой. Семь лет назад они с Бэзилом служили на корабле Ампродекс. Капитана Хэснер Уэлси был огромный мужчина с большими черными усами и нравами носорога. Он был Веджем и все его усилия пройти в Серды были тщетными. Целых десять лет он был Веджем. Это не принесло ему никакого удовлетворения и он постоянно находился в состоянии раздражения и недовольства. Когда корабль вошел в устье реки Шант и перед матросами возникла громада башен Мерсер, Хэснер Уэсли впал в помешательство. Он

схватил топор, разрубил пополам вахтенного офицера, разгромил кают-компанию и стал пробиваться к реактору, намереваясь уничтожить блок защиты реакции и взорвать корабль. Никто не мог остановить его. Перепуганная команда попряталась. Вэйлок, преодолев страх, попытался подкрасться к капитану сзади, но вид сверкающего топора вселил в него ужас. Он увидел, как из каюты вышел Бэзил, осмотрелся, подошел к капитану, который занес топор. Бэзил увернулся от первого удара и стал говорить с капитаном, тихо, доверительно. Уэлси выронил топор, тупо уставился на Бэзила и тут его помешательство перешло из буйной фазы в коллапс. Капитан упал на палубу в глубоком обмороке. Вэйлок вышел из укрытия, глядя на капитана.

— Не знаю, как это удалось тебе, но это чудо.— Он улыбнулся.— Ты сможешь быстро возвыситься, работая с психическими больными.

Бэзил с сомнением посмотрел на него.— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Бэзил вздохнул и покачал головой.— Вряд ли.

— Тебе нужно только пронырливость и нахальство. И везение.

Вэйлок ответил:

— Я попытаюсь.

Он попытался и через пять лет стал Веджем. Его благодарность Вэйлоку была безграничной. И сейчас, стоя перед Домом Жизни, он хлопнул Вэйлока по спине.— Приходи в Паллиаторий посмотреть на меня. Ведь я ассистент психиатра. Мы поможем тебе начать свой слоп. Сначала, конечно, ничего особенного, но затем ты сможешь развить успех.

Вэйлок сардонически рассмеялся.— Служить помешанным? Это не для меня, Бэзил.— Он снова поднялся на возвышение и снова символы бесконечности закружились вокруг его головы. Его голос зазвенел медью.— Повышайте свой слоп! Дидактор Монкур держит ключи жизни! Читайте его трактаты, пейте его тоники, делайте то, что советует он! Слоп! Слоп! Слоп!

Слово «слоп», которое буквально означало «наклон», имело в те времена особый смысл. Слоп служил мерой положения человека в обществе. В этом слове отражалось прошлое человека, предугадывалось его будущее. Короче говоря, слоп — это угол линии жизни человека, производная от его положения в обществе в зависимости от возраста.

Началом этой системы послужил Феэ-Плей — Акт, который возник 300 лет назад во времена мальтузианского хаоса. ФПА был продиктован ходом человеческой истории. Когда число болезней и смертей значительно сократилось в результате повышения эффективности методов лечения, население Земли стало удваиваться ежегодно. При такой скорости через три столетия люди покрыли бы Землю слоем в пятьдесят футов толщиной.

Теоретически проблема была разрешима: контроль за рождаемостью, синтетическая пища для стерилизации определенной части населения, освоение пустынь... Но в мире, где жили люди, имеющие тысячи национальных и религиозных предрассудков, теория была бессильна. Даже когда объединенный институт разработал технику, которая впоследствии завоевала весь мир, начались первые выступления недовольных. Начался век Мальтузианского Хаоса, приближался Большой Голод.

Вся земля охвачена этим хаосом. Разгорались небольшие, но жестокие войны. Города подвергались грабёжам и поджогам, миллионы бродили по земле в поисках пищи, слабые не выживали, количество трупов превосходило количество живых.

И разгоревшийся пожар погасил сам себя. Население земли сократилось на три четверти. Расы и национальности смешались, политические различия стерлись, государства исчезли, чтобы возродиться в виде экономических районов.

Одним из районов стал Кларжес с окрестностями. Он пострадал сравнительно мало и стал цитаделью цивилизации. Кларжес предусмотрительно закрыл свои границы электрическим барьером и сотни тысяч обгорелых трупов валялись вдоль границ.

Это породило легенду о кровожадности жителей Кларжеса. Ни один ребенок из кочевых народов не стал взрослым, не услышав баллады, возбуждающей ненависть к Кларжесу.

В Кларжесе находился объединенный Институт, где велись исследования жизни человека. Ходили слухи, что в Институте открыта тайна долгожительства. Слухи были недалеко от истины.

Конечным результатом исследований института была вечная жизнь.

Жители Кларжеса были охвачены гневом, когда об этом объявили публично. Неужели забыт Большой Голод? Это

был странный протест. Разрабатывались сотни планов, призванных избавить мир от новой угрозы. Постепенно был обнародован ФПА, который завоевал всеобщее одобрение. По этому плану право на повышенную продолжительность жизни имел только тот, кто проявил себя на службе обществу. Были учреждены пять филлов, или пять уровней общественной значимости: основной, второй, третий, четвертый и пятый. Основной — это Бруды, 2-й — Веджи, 3-й Серды и 4-й — Вержи. Пятая группа образовала общество Аморантов. ФПА тщательно разработал условия перехода из фила в фил. Ребенок рождался вне фила. В любое время после 16 лет он мог зарегистрироваться как Бруд и таким образом он обязывался подчиняться правилам ФПА.

Если он не хотел регистрироваться, то жил обычной жизнью до среднего возраста в 82 года. Это были гларки, имеющие минимальный социальный статус.

ФПА установил продолжительность жизни Брудов такую же, как у гларков — 82 года. Достигшие ступени Веджей имели право на медицинскую обработку, предупреждающую старение, и получали лишних 10 лет жизни. Серды — 26 лет, Вержи — 46 лет. Те же, кто достигал ступени Аморантов, получали неограниченную жизнь.

К этому времени население Кларжеса достигло 20 миллионов человек при установленном максимуме в 50 миллионов. Очень скоро этот максимум будет достигнут. И тогда возникнет новая проблема — что делать с человеком, достигшим установленного срока жизни? Эмиграция? Это не решение проблемы. Кларжес ненавидели во всем мире. Любой, выехавший за его пределы, рискует жизнью. Тем не менее, офицеры эмиграции были приглашены обсудить эту проблему.

Офицеры сделали свое заявление на сессии Пританеона.

В мире сейчас существует пять районов, где поддерживается более или менее сносная цивилизация: Кипр, Су-Вентр, Империя Гондвана, Сингали и Новый Рим. Но ни один из этих районов не разрешает эмиграцию, разве что в приграничные области. Кларжес мог бы расширить свои границы силой оружия, а это, теоретически, означало, что когда-нибудь настанет момент, когда Кларжес завоюет весь мир и останется лицом к лицу со своей проблемой.

Пританеон угрюмо выслушал все это, а затем потребовал изложения плана ФПА. После этого службе эмиграции

было вменено в обязанности насильственно лишать жизни тех, кто достиг разрешенного законом возраста..

Конечно, такое решение не прошло гладко. Противники говорили об ненормальности такого решения, но им указывали на опасность перенаселения. Сторонники подчеркивали, что каждый имеет право выбора — или жить нормальной жизнью, и умереть своей смертью, или попытаться и, возможно, выиграть высший фил, обеспечив себе большую продолжительность жизни. Но при этом человек берет на себя обязательство добровольно отказаться от жизни, когда истечет срок. В любом случае человек не теряет ничего, но зато имеет возможность выиграть самое ценное сокровище.

ФПА стал законом. Почти все люди зарегистрировались в Бруды. Достигнуть фила Ведж было нетрудно — особенно на первых порах. Достаточно было заниматься обычной общественно-полезной деятельностью. Подняться выше было сложнее, но вполне возможно для тех, кто обладал способностями выше среднего. Новая система послужила стимулом, и таких людей стало больше. Появились предпосылки для вступления Кларжеса в Золотой век. Бурно развивались науки, искусство...

Проходили годы и ФПА модифицировался. Теперь награда для каждого фила варьировалась в зависимости от деятельности человека за каждый год, количество людей, имеющих этот фил, количества гларков и множества других факторов.

Для подсчета награды для каждого фила по этой сложной системе был сконструирован компьютер — Актуариан. Он, кроме расчетов, печатал карты жизни по требованию человека, где изображался слоп его жизни, по наклону которого можно было судить, приближается ли человек к горизонтальной границе следующего фила, или же он быстрее достигнет вертикальной линии — терминатора, означавшего конец жизни.

Если слоп пересекает терминатор, то офицер Эмиграции и его люди выполняют мрачную обязанность, возложенную на них ФПА. Это безжалостно, но необходимо.

Система, конечно, не была лишена недостатков. Все мыслящие люди стремились работать в тех областях, где было наиболее вероятно получить ощутимые результаты. В новые, малоизученные области многие стремились не лезть. В искусстве тоже почти все шли проторенными путями, стараясь побыстрее добиться результата. Так что

всем неизвестным, необычным занимались только гларки, не думающие о карьере.

Непрерывная борьба за восхождение по общественной лестнице изнурила нервную систему людей и психбольницы были переполнены теми, кто решил удалиться в нереальный мир.

Непрерывная борьба за повышение слопа доминировала в Кларжесе. Каждая минута человека была посвящена работе или изучению техники достижения цели. Хобби и спорт были заброшены, общественно-полезная деятельность отошла на второй план. И без спускового клапана ни один человек не выдержал бы изнурительной борьбы и сошел бы с ума. И этим клапаном стал Карневаль. Сюда каждый приезжал один или два раза в месяц. Здесь затуманенный работой мозг мог найти отдохновение. Здесь человек давал волю эмоциям. Здесь он мог не думать об основной цели своей жизни.

В Карневаль изредка приезжали и Амаранты, одетые в роскошные костюмы. Неузнаваемые под своими масками, они могли забыть о зависти, которая владела всеми остальными, когда они видели этих счастливиц.

В Карневаль приехала и Джакинт Мартин, ставшая три года назад амарантом и прошедшая обновление три недели назад.

Джакинт Мартин трижды поднималась из Брудов: сначала как специалист по средневековым инструментам, затем как концертирующая флейтистка и, наконец, как музыкальный критик. Трижды линия ее жизни круто устремлялась вверх и трижды она возвращалась обратно к горизонтали.

В возрасте 48 лет она мужественно расширила сферу своей деятельности и стала заниматься историей музыкальной культуры. Это помогло ей в возрасте 54 лет стать Веджем. За оригинальные исследования в области музыкальной символики, она перешла в Серды в возрасте 67 лет. Ее назначили ассистентом в Картербургский Университет, но через четыре года она сама стала сочинять музыку. «Древний Грааль» — насыщенная страстью оркестровая сюита, полностью отражающая особенности ее незаурядной натуры, подняла ее в Веджи в возрасте 92 года.

Затем на 30 лет она отошла от активной деятельности, разыскивая новые стимулы, которые дали бы ей возможность перейти в Амаранты.

Она всегда интересовалась загадочной культурой королевства Сингали, и, несмотря на почти неустранимые препятствия на грозные опасности, она решила провести один год в Сингали.

Она тщательно готовилась к этому, изучала язык, обычаи, ритуалы, подготовила одежду, выкрасила кожу. Правительством выдано ей воздушный шар и она вылетела за пределы Кларжеса в варварскую страну, где ее жизнь подвергалась постоянной опасности.

В Канасте она объявила себя колдуньей и, пользуясь последними научными достижениями, заработала себе прочную репутацию. Знатные лорды Гондваны предлагали ей посетить их пиратскую империю, и она с благодарностью приняла приглашение. Намеченные планы она быстро выполнила, но, очарованная гондванскими художниками, их своеобразным видением мира, провела там четыре года. Многие аспекты жизни в Гондване показались ей неприличными — особенно равнодушные к людским страданиям. Она была очень эмоциональной женщиной, очень чувствительной, и все время пребывания за границами Кларжеса она находилась в состоянии крайнего отвращения. В Торренге она случайно присутствовала на церемонии Большая Ступа. Все виденное ею внушило ей такой ужас, что она бежала из Гондваны и вернулась в Кларжес в состоянии коллапса.

Шесть месяцев спокойной жизни вернули ей душевное равновесие и следующие шесть лет были для нее весьма продуктивными. Она опубликовала книгу «гондванское искусство», много эссе по гондванской музыке, подводным королевским садам, ритуальным танцам на склонах горы Валакунем.

И в возрасте 104 лет она стала амарантом.

После обновления она превратилась в очаровательную 19-летнюю девушку, более или менее похожую на нее саму в возрасте 19 лет.

Новая Джакинт действительно была девятнадцатилетней, но опыт ее и знания были накоплены за 104 года. В новой Джакинт Мартин нельзя было найти ни одной черты характера, не присущей старой Джакинт. Да, она действительно осталась сама собой в новом облики.

Джакинт получила прекрасное стройное тело. Пепельно-серые волосы блестящим каскадом спадали на очаровательные плечи. Несмотря на наивность, открытость взгляда, можно было угадать скрытые глубины ее натуры.

Если сравнить красоту женщины с цветком, то можно было сказать, что она находилась в самой поре расцвета.

Во время борьбы за достижение высшего фила ее сексуальные инстинкты были придавлены. Она еще никогда не выходила замуж и теперь ей предстояло открыть для себя новые ощущения.

В этот вечер она надела серебряное платье, обтягивающее ее стройную фигуру, и поехала в Карневал без какой-то определенной цели, не особенно задумываясь, что она будет делать там.

Она припарковала свой кар, проехала на пассажирском диске через прозрачный туннель и очутилась в самом сердце Карневала.

Яркие костюмы, веселый смех и возгласы, музыка, звучащая всюду, разнообразные запахи, яркие глаза, смотрящие из-под масок, ярко расцвеченные рты, руки и ноги, проделывающие гротесковые движения в танце, шелест одежды, сверкание красочных реклам. Карневал! Он очаровал Джакинта. Ей оставалось только растеряться в нем, подчиниться его ритму, бездумно плыть по течению...

Она пересекла Конкур, прошла через Фоли Икредибль в Малый Овал, спустилась по Аркади Вэй, с интересом осматривая все вокруг.

Яркие цвета она воспринимала как звон колоколов. Она слышала гармонию цвета, ее обертоны, мягкие и взрывные, бьющие по нервам, возбуждающие в ее душе отклик. Она сама не ожидала такого эффекта. Она проходила мимо всех достопримечательностей Карневала — Замок Истины, Голубой Грот, Лабиринт, Колледж Эроса, где перед публикой демонстрировались технические приемы любви.

Перед нею разворачивалась игра реклам и ярче всех светилась реклама Дома Жизни. Человек в медной маске мощным голосом созывал публику. В ее мозгу вдруг вспыхнули тревожащие душу воспоминания о церемонии Большая Ступа: главный жрец, демонически красивый, таким же громовым голосом руководил стонущей в религиозном экстазе толпой верующих...

Джакинт остановилась послушать.

— Друзья, каков ваш слоп? — кричал Вэйлок. — Заходите в Дом Жизни! Дидактор Монкур поможет вам! Бруд перейдет в Веджи. Ведж — в Серды. Серд — в Вержи. Верж — в Амаранта. Зачем жалеть час, если Монкур даст вам годы? Всего флорин, один флорин! Разве это много за вечность? — голос его гудел, как медный коло-

кол.— Увеличивайте свой слоп! Смотрите в будущее с надеждой! Всего флорин за вход в Дом Жизни!

Вокруг него собралась толпа. Вэйлок обратился к мужчине:

— Вот ты, я вижу, Серд. Когда ты станешь Вержем?

— Я Бруд.

— Но ты должен быть Сердом! Зайди в Дом Жизни и через десять минут ты сможешь показать нос своим убийцам. А ты...— Это была женщина средних лет.— У тебя есть шанс пережить своих детей. Не менее 42 амарантов обязаны своим возвышением Дидактору Монкуру.

Вэйлок заметил прекрасную девушку в серебряном платье.

— О, прекрасная леди! Ты хочешь стать амарантом? Джакинт рассмеялась.

— Меня это не интересует.

Вэйлок картинно развел руками. Нет? А почему?

— Может потому, что я гларк.

— Сегодняшний день может оказаться поворотным пунктом в твоей жизни. Заплати флорин и ты можешь оказаться амарантом. И тогда ты возблаговаришь дидактора Монкура и его чудесный метод!

Облако голубого дыма вылетело из Дома Жизни и повисло над его головой.

— Заходи, если хочешь увидеть дидактора Монкура. Войти — это всего лишь минута и всего лишь флорин. Один флорин за продление твоей жизни.

Вэйлок спрыгнул с возвышения. Теперь он был свободен. Те, что не вошли в Дом Жизни, уже не войдут туда. Он поискал глазами в толпе. Вот оно: серебряное платье. Он протолкнулся через толпу, пристроился к Джакинт.

Серебряная маска скрыла удивление на лице Джакинт.

— Неужели дидактор Монкур не пользуется популярностью и тебе приходится выискивать клиентов в толпе?— Тон ее был легким, игривым.

— В настоящий момент я принадлежу себе. И так будет до завтрашнего вечера.

— Но ты столько говорил о Вержах, амарантах... Какой тебе интерес к девушке-гларку?

— Самый простой. Ты очень красива. Разве этого мало?

— Что можно увидеть под маской?

— Ты одна в Карневале?

Она кивнула и бросила на него взгляд искоса, от души надеясь, что он не заметил его.

— Я буду сопровождать тебя, если позволишь.

— О, я могу втянуть тебя в неприятности.

— Я не боюсь риска.

Они прошли по Аркадии Вэй и вышли на Беллармин Серкус.

— Сейчас мы на перепутье, — сказал Вэйлок. — Колохан выведет нас на эспланаду. Малый Конкур вернет на Конкур, Рьяченда приведет в Район Тысячи Воров. Куда ты хочешь?

— Мне все равно. Я приехала посмотреть.

— В таком случае, выберу я. Я живу здесь и работаю здесь, но знаю о Карневале немногим больше тебя,

Джакинт заинтересовалась.

— Ты здесь живешь?

— У меня квартира в районе Тысячи Воров. Многие из работающих в Карневале живут там.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Значит, ты Бербер?

— О, нет. Берберы — деклассированные элементы. А я обычный человек, гларк, как и ты.

— И тебе никогда не надоедает это? — Она показала на оживленные толпы.

— Иногда до смерти.

— Тогда почему же ты не живешь в Кларжесе? Это всего несколько минут лета.

Вэйлок посмотрел вдаль.

— Я редко выбираюсь в Кларжес. Раз или два в неделю. Вот там большая Пиротека. Мы сможем увидеть сразу весь Карневаль.

Они прошли под аркой, рассыпающей разноцветные искры. Затем эскалатор привез их на посадочную площадку. Один из кометных автомобилей — Ультра-Лазурь — стремительно опустился на площадку. Из него вышли 30 пассажиров и столько же вошли. Двери захлопнулись и Ультра-Лазурь стремительно взмыл вверх, рассыпая за собой голубые искры.

Они летели низко, огибая башни и высокие здания. Затем взлетели так высоко, что Карневаль казался им не более снежинки. Стремительный спуск — и вот они уже снова на посадочной площадке. Джакинт радовалась и щебетала как ребенок, настолько ее восхитило и изумило воздушное путешествие.

— Ну а сейчас,— сказал Гэвин Вэйлок,— сверху вниз, из воздуха под воду.

Он провел ее по веренице лестниц в темный холл. Там они встали на низкий пьедестал и прозрачный колпак накрыл их. Площадка дрогнула под ними и они поплыли через темный канал. Вскоре они оказались в водном царстве, царстве голубого и зеленого цвета. Они плыли между коралловых башен, стоящих в садах из водорослей. Рыбы подплывали взглянуть на них, осьминоги вытягивали разноцветные щупальца. Вскоре они оказались над морской впадиной. Под ними не было ничего, только темная бездна.

Купол всплыл на поверхность и они снова оказались в царстве людей, в царстве света, красок, звуков — в Карневале.

— Вот это Дом Снов,— сказал Вэйлок.— Опускаешься на диван и видишь много чудесного.

— Боюсь, что мне не нравится видеть сны.

— Тогда Дом Далеких Миров. Там ты можешь почувствовать себя на Марсе, Венере, дотронуться до Юпитера, Сатурна, пройти по далеким мирам. А вот Холл Откровения. Там всегда очень интересно.

Они вошли в холл и очутились в большом зале, где не было ничего, кроме большого количества трибун. За несколькими из них стояли самые разные люди: строгие, возбужденные, злые, истеричные... Каждый из них говорил, обращаясь к кучке своих слушателей. Слушатели тоже были разные. Одни слушали с любопытством, другие с благоговейным трепетом, третьи — равнодушно. Это были проповедники различных доктрин и религиозных культов. Один из них объявил себя не более и не менее, как Маниту, второй говорил о тайнах Диониса, третий требовал вернуться к поклонению силам природы, четвертый доказывал, что он Мессия, и требовал поклонения себе.

Вэйлок и Джакинт вышли на улицу.

— Они смешны и трагичны,— заметила девушка.— Хорошо, что есть место, где они могут высказаться перед слушателями, излить то, что на них давит изнутри.

— Весь Карневаль для это и создан. Видишь тех людей?— из одного из домов выходили люди. Мужчины и женщины, по двое, по трое, покрасневшие и возбужденные. Некоторые хихикали, некоторые были бледны, как смерть.— Они выходят из Дома Ощущений. Жутких ощущений. Ощущения действительно жуткие. Это угроза...— Он помолчал, подыскивая подходящее слово для

замены слова «смерть», не принятого в Карневале.— ... угроза перехода. Они платят за страх. Они с криком ужаса падают с высоты 200-300 футов, но на мягкие подушки. В узком коридоре на них опрокидывается ковш расплавленного металла. Он падает на них так близко, что искры прожигают одежду. Человек в черном — имитация убийцы — заводит их в черную комнату, где их ждет гильотина. И смертоносное лезвие останавливается в миллиметре от шеи. Люди выходят оттуда бледные от страха. Может, это и хорошо для нас — поиграть в неизбежность. Я не знаю.

— Этот Дом не для меня,— заявила Джакинт, передернув плечами.— У меня нет страха перед неизбежностью.

— Нет?— он взглянул на нее сквозь прорези маски.— Ты так молода?

Она рассмеялась.

— У меня достаточно других страхов.

— В Карневале много Домов, способных принести забвение от любого страха. Ты боишься бедности?

— Я не хочу жить, как живут варвары.

— Может, ты хочешь стать богатой?

— Заманчивая идея.

— Тогда идем.

Заплатив по десять флоринов, они вошли в Дом. Здесь на них надели одежду, к которой были подвешены десять бронзовых колец.

— Каждое кольцо стоит флорин,— сказал служитель.— Как только вы войдете в коридор, начинайте воровать кольца друг у друга. Когда пробьет установленное время, включится свет и вы идете получать деньги за украденные вами кольца. Можно выиграть, но можно и проиграть. Счастливого воровства.

Они вошли в полутемный коридор с зеркальными стенами, зашторенными нишами, альковами. Здесь царила атмосфера недоверия. Откуда-то из-за угла вдруг показалась голова и исчезла, из-за шторы протягивалась рука и хватала кольцо. Свет начинал мигать и гаснуть. Тогда слышались мягкие шаги, шорох, вскрики, шелест одежды... Наконец зазвенел звонок и Вэйлок вышел к кассе. Здесь его уже ждала Джакинт. Вэйлок получил 12 флоринов за 12 колец.

— Мне повезло меньше,— сказала Джакинт.— У меня всего три кольца.

Вэйлок улыбнулся.

— Я украл два кольца для тебя.

Они вышли на улицу, зашли в маленькое бистро и выпили по бокалу фиолетового шампанского.

— Ночь началась! — воскликнул Вэйлок и широким жестом показал на город. — Карневаль!

Они пошли по набережной. На противоположном берегу реки высились башни Мерсера и другие здания Кларжеса. Город был строг и монументален, полон безумного веселья и страсти.

Повернув на Гранадиллу, они прошли мимо здания Астарты с его двадцатью сверкающими куполами, сделанного в виде гигантского мужского полового органа, хвастливо упирающегося в небо...

Сотни людей в масках и красочных костюмах шли по улицам, где стояли запахи цветов, где по сторонам стояли скульптурные изображения демонов, ведьм и разной нечисти. Вскоре они снова очутились на Конкуре.

Сознание Джакинт раздвоилось. Одна — меньшая часть ее воспринимала все окружающее с холодной беспристрастностью, другая — большая — была захвачена ритмом жизни в Карневале. Она вся сконцентрировалась на ощущениях: глаза ее были широко раскрыты, нос жадно вдыхал чудесные ароматы. Она с готовностью смеялась любой шутке и охотно шла за Вэйлоком.

Они посетили дюжину Домов, попробовали множество напитков. Воспоминания Джакинт стали путаться, блекнуть, как краски на старой картине.

На одной из площадок игроки кидали копыя в живых лягушек. Зрители бурно приветствовали каждый успех и осмеивали неудачников

— Это противно, — сказала Джакинт.

— Зачем же ты смотришь?

— Мне не оторваться. В игре есть какая-то мрачная притягательность.

— Игра? Это не игра. Они делают вид, что играют. Им просто нравится убивать.

Джакинт отвернулась.

— Должно быть, это Вейрды.

— Может быть, каждый из нас немного Вейрд.

— Нет. — Она энергично замотала головой. — Только не я.

Они прошли до самой границы района Тысячи Воров, затем повернули назад и зашли в кафе Памфилия.

Механическая кукла принесла им покрытые инеем стаканы с Санг де Диос.

— Это освежит тебя и ты забудешь усталость.

- Но я не устала.
Он вздохнул.
— Я устал.
Джакинт наклонилась к нему.
— Но ты же сам говорил, что ночь только началась.
— Я выпью пару стаканов.— Он приподнял маску и выпил один. Джакинт с любопытством смотрела на него.
— Ты не назвал мне своего имени.
— В Карневале это не принято.
— О, скажи свое имя.
— Меня зовут Гэвин.
— А я Джакинт.
— Красивое имя.
— Гэвин, сними маску,— резко сказала девушка.— Дай мне увидеть твоё лицо.
— В Карневале принято скрывать лицо под масками.
— Но моя серебряная маска совсем не скрывает меня.
— Только очень красивая девушка рискнет надеть такую маску. Для большинства вся прелесть в том, что нужно носить маску. В маске я в твоём воображении могу сойти за принца. Но если её снять, то я превращусь в обыкновенного человека.
— Мое воображение отказывается принимать тебя за принца. Сними маску.
— Потом.
— Ты хочешь, чтобы я подумала, что ты безобразен?
— Нет, конечно нет.
Джакинт рассмеялась.
— Ты разжигаешь мое любопытство.
— Нет. Считаю меня жертвой обстоятельств.
— Как древних Туарегов?
Вэйлок удивленно посмотрел на нее.
— Не ожидал такой эрудиции от девушки гларка.
— Мы оба весьма любопытная парочка,— сказала Джакинт.— А какой твой фил?
— Гларк, как и ты.
— А,— она кивнула.— Кое-что сказанное тобой заставило меня удивиться.
— Я что-то сказал? Что именно?— насторожился Вэйлок.
— Всему свое время, Гэвин.— Она поднялась.— А теперь, если ты выпил достаточно, чтобы прогнать усталость, идем отсюда.
— Идем, куда пожелаешь.
— Куда пожелаю?

— Да.

— Хорошо. Идем.— Она повела его по улице.

Где-то вдали колокол пробил полночь. Воздух стал гуще, цвета — ярче, движения людей наполнились тайным смыслом, как будто они на ходу исполняли ритуальный танец страсти.

Вэйлок притянул к себе Джакинт. Рука его легла на гибкую талию.

— Ты чудо,— хрипло прошептал он.— Ты сказочный цветок.

— Ах, Гэвин,— сказала она.— Какой ты лжец.

— Я говорю правду.

— Правду? А что такое правда?

— Этого никто не знает.

Она резко остановилась.

— Мы можем узнать правду. Ведь здесь есть Замок Истины.

Вэйлок отшатнулся.

— Там нет истины. Только злобные идиоты, которые всех пачкают грязью.

Она взяла его за руку.

— Идем, Гэвин. Нам плевать на их мнение.

— Идем лучше в...

— Гэвин, ты сказал, что пойдешь туда, куда я пожелаю.

Вэйлок неохотно вошел с ней в широкие ворота. Их встретил слугитель.

— Обнаженную правду или приукрашенную?

— Обнаженную,— быстро сказала Джакинт.

Вэйлок попытался протестовать, но Джакинт искоса посмотрела на него и он сказал:

— Пусть так. Мне стыдиться нечего.

— Идем, Гэвин. Подумай только — ты узнаешь мое мнение о себе.

— Но ты увидишь меня без маски.

— Разумеется. Но разве ты не планировал это с самого начала? Не думал же ты целовать меня, не снимая маски?

Слугитель провел их в альковы.

— Здесь вы можете раздеться. Повесьте бирки с номерами на шею. Возьмите микрофоны и говорите в них все, что думаете о тех людях, что будут вам встречаться. Они в свою очередь будут говорить свое мнение о вас. На выходе получите печатный листок со всеми отзывами о вас.

Через пять минут Джакинт вышла в центральный холл. На ее шее висела бирка с номером 202, в руках был небольшой микрофон. Она была полностью обнажена.

Пол холла был покрыт толстым пушистым ковром, в котором приятно утопали ноги. Пятьдесят голых мужчин и женщин всех возрастов прогуливались по холлу, разглядывая друг друга.

Появился Гэвин Вэйлок с номером 98. Он был, скорее, высокого, чем среднего роста, моложавый, хорошо сложенный. Волосы у него были густые, темные, глаза светло-серые, лицо красивое, выразительное.

Он подошел к Джакинт, смело встретив ее взгляд.

— Почему ты так на меня смотришь?— спросил он.

Она отвернулась и посмотрела на людей в холле.

— Теперь нам нужно прохаживаться и демонстрировать себя.

— Люди всегда чертовски злы,— сказал Вэйлок. Он осматривал Джакинт с головы до ног.— Но ты вне всякой критики.

Поднеся микрофон ко рту, он сказал несколько слов.

— Теперь мое впечатление о тебе на пленке.

Почти пятнадцать минут они прохаживались по холлу, перекидываясь короткими репликами. Затем они вернулись в свои альковы и оделись. На выходе они получили сложенные листки с надписью: «Обнаженная правда». На листках были отпечатаны отзывы о них тех людей, с которыми они встречались.

Джакинт стала читать. Сначала она нахмурилась, затем хихикнула, затем густо покраснела и скомкала листок.

Вэйлок пренебрежительно взглянул в свой листок и тут же впился в него глазами:

«Это лицо знакомо мне. Но откуда я знаю его? Внутренний голос называет мне имя: Грэйвин Варлок! Но этот ужасный монстр осужден и передан убийцам. Кто же тогда этот человек?»

Вэйлок поднял глаза. Джакинт смотрела на него.

Глаза их встретились и Джакинт не выдержала — отвернулась.

Вэйлок аккуратно сложил листок, спрятал его в карман.

— Ты готова?

— Да.

— Тогда идем.

ЧАСТЬ 2.

Гэвин Вэйлок выругал себя. Из-за этого красивого личика он забыл о своей бдительности, о которой не забывал все семь долгих лет.

Джакинт могла только предполагать, что происходит в голове Вэйлока. Маска скрывала его лицо, но руки судорожно сжимали листок, когда он его читал, и пальцы дрожали, когда он его складывал...

— Твое самолюбие ранено?— спросила Джакинт.

Глаза Вэйлока сверкнули из прорезей маски. Но когда он заговорил, голос его был спокойным.

— Легко. Давай посидим немного в Памфилии.

Они перешли улицу и вошли в кафе, прячущееся в зарослях жасмина. Легкое ощущение у них обоих исчезло. Каждый был погружен в свои мысли. Они уселись возле балюстрады в полуметре от прохожих. Служитель принес им бокалы с вином и еще некоторое время они сидели молча.

Джакинт тайком поглядывала на медную маску, живо представляя умное сардоническое лицо под ней. И в ее мозгу всплывал другой образ — образ жреца в Торенге. Он приходил к ней из прошлого прежней Джакинт и внушал ужас.

Джакинт содрогнулась. Вэйлок быстро посмотрел на нее.

— Замок Истины подействовал на тебя угнетающе?— спросила Джакинт.

— Я немного озадачен.— Вэйлок достал листок.— Послушай.— Он прочел запись, которая вызвала такую реакцию в его душе.

Джакинт выслушала без особого интереса.

— Ну и что?

Вэйлок откинулся на спинку кресла.

— Странно, что твоя память возвращает тебя в те времена, когда ты могла быть не более, чем ребенком.

— Я? — воскликнула девушка.

— Ты одна в Замке знала мой номер. Я незаметно от тебя перевернул бирку другой стороной.

Джакинт ответила звенящим голосом.

— Хорошо. Это написала я.

— Тогда ты обманула меня,— сказал Вэйлок.— Ты не можешь быть гларком, так как семь лет назад ты была

ребенком. И ты не Бруд. Но девушка твоего возраста, достигшая фила Ведж, уникальное явление. Значит, ты амарант. Твоя исключительная красота подтверждает мою мысль. Такое совершенство не может быть создано только природой. Значит, твои гены подверглись модификации. Как тебя зовут?

— Джакинт Мартин.

— Я был прав в моих предположениях. Ты частично права в своих. У меня действительно лицо Варлока. Я его реликт.

После того, как человек вступает в общество амарантов, он подлежит перевоплощению, ему даруется вечная молодость. Из его тела экстрагируется пять клеток. После необходимой перестройки генной структуры клетки помещают в раствор нутреинов, гормонов и специальных стимуляторов, благодаря чему клетки быстро проходят цикл развития: эмбрион, новорожденный, ребенок, молодой человек. В результате получают пять идеализированных копий прототипа. А когда в них вкладывают память прототипа, они становятся полными копиями.

Пока проходит цикл развития суррогатов, Амаранты уязвимы, как обычные люди, и они тщательно оберегают себя, не желая погибнуть по глупой случайности. Но после перевоплощения амарант полностью независим от превратностей жизни. Даже если амарант гибнет в катастрофе, в жизнь вступает его следующая копия.

Однако бывали случаи, когда амаранты гибли до полного развития суррогата. Такие суррогаты, внешне копии амарантов, но без вложенной в них памяти, назывались реликтами. Они выходили в мир и жили обычной жизнью, отличаясь от остальных только своим бессмертием. Если суррогат хотел, то мог регистрироваться как Бруд, и бороться за повышение фила, так как, несмотря на бессмертие, срок их жизни был ограничен рамками закона. Если они оставались гларками, то могли жить бесконечно, но постоянно опасаясь, что их обнаружат и тогда они автоматически становились Брудами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гэвин Вэйлок оказался именно таким человеком — реликтом без памяти о прошлом и без опыта жизни своего прототипа. Джакинт Мартин, напротив, была суррогатом, получившим все от своего прототипа.

— Реликт...— задумчиво произнесла Джакинт.— Реликт Грэйвена... Семь лет назад... Для реликта с семилетним стажем ты хорошо развит.

— Я очень способный,— отпарировал Вэйлок.

Джакин отхлебнула из бокала.

— Грэйвен Варлок высоко поднялся в свое время. Чем он занимался?

— Журналистика. Он основал газету «Кларжес Дирекшен».

— Припоминаю. Его соперником был Абель Ман-девилль со своим Кларином.

— И его врагом. Они однажды встретились на Порфировой Башне. Слова, оскорбления. Абель ударил Грэйвена. Тот ответил и Абель упал с высоты тысячи футов на Картерхауз-сквер.— В голосе Вэйлока появились горькие нотки.— Его объявили монстром, присудили к всеобщему презрению и выдали убийцам, когда суррогаты еще только развивались.— Глаза его сверкнули.— Среди амарантов такого не бывает. Смерть для них исключена. Если она и случится, то ненадолго. Через несколько недель новый суррогат продолжит его жизнь. И вот с Грэйвеном случилось такое... Его отдали убийцам, хотя он только что стал амарантом.

— Ему бы следовало быть осторожнее до перевоплощения,— сухо заметила Джакинт.

— Но он был нетерпелив, импульсивен, он не мог долго находиться в изоляции. И он не учел мстительности и вероломства своих врагов.

Джакинт заговорила строгим тоном:

— Существуют законы государства. То, что они иногда беспомощны, не умаляет их значение. Каждый, кто совершает чудовищный акт убийства, подлежит забвению.

Вэйлок ответил не сразу. Он поудобнее устроился в кресле, поиграл бокалом и пытливо на нее взглянул.

— Что ты теперь собираешься делать?

Джакинт допила вино.

— Мне не хотелось бы узнавать то, что я узнала. А теперь я не могу скрывать монстра.

Вэйлок перебил ее.

— Монстра нет! Грэйвен уже семь лет как предан забвению!

Джакинт кивнула:

— Да, конечно!

Круглое лицо в обрамлении черных перьев появилось над баллюстрадой.

— О, это же Гэвин! Старый, добрый Гэвин!

Бэзил Тинкоп ввалился на террасу и осторожно опустился в кресло возле их столика. Его птичий костюм был в полном беспорядке. Черные перья печально свешивались на лицо.

Вэйлок встал.

— Прости нас, Бэзил. Мы как раз собирались уходить.

— Не так скоро! Неужели я не могу увидеть тебя нигде, кроме как перед входом в Дом Жизни? — Бэзил заказал еще выпивку. — Гэвин, — обратился он к Джакинт, — мой самый старый друг.

— Да? Сколько же лет ты знаешь его?

Вэйлок медленно опустился в кресло.

— Семь лет назад мы ловили Гэвина из воды. Это был корабль «Ампродекс» с капитаном Нестером Уэлси. Он потом чокнулся. Ты помнишь, Гэвин?

— Прекрасно помню, — напряженно ответил Гэвин. Он повернулся к Джакинт:

— Идем.

Она взяла его за руку. — Твой друг Бэзил заинтересовал меня. Значит, вы вытащили Гэвина Вэйлока из воды.

— Он уснул в воздушном шаре, и тот занес его в море.

— И это случилось семь лет назад? — Джакинт искоса посмотрела на Вэйлока.

— Что-то вроде этого. Гэвин может сказать точно. У него прекрасная память.

— Гэвин мало говорит о себе.

Бэзил важно кивнул.

— Посмотри на него: сидит, как статуя, под своей маской.

Они оба посмотрели на Вэйлока. В глазах Гэвина стоял туман как после анестезии. Усилием воли он заставил себя выпить бокал. Алкоголь прояснил его мозги.

Бэзил тяжело поднялся.

— Простите меня. Небольшое дело. Умоляю, не уходите. — Он, пошатываясь, побрел по террасе.

Вэйлок и Джакинт смотрели друг на друга через стол. Джакинт мягко заговорила:

— Семь лет назад Грэйвен Варлок был передан убийцам. Семь лет назад Гэвина Вэйлока выловили из воды... Но дело не в этом. Ведь монстр уничтожен...

Вэйлок промолчал.

Вернулся Бэзил и плюхнулся в кресло:

— Я уговариваю Гэвина бросить свое дурацкое занятие. У меня есть некоторое влияние. Я мог бы дать ему неплохой старт.

— Простите,— сказал Вэйлок. Он поднялся и направился в туалет.

Но по дороге он зашел в телефонную будку, дрожащими пальцами нажал кнопки набора. Вспыхнул экран. На нем появился черный круг.

— Кто вызывает? — спросил низкий голос.

Вэйлок показал лицо.

— А, Гэвин Вэйлок!

— Мне нужно говорить с Карлеоном.

— Он занят в музее.

— Соедините меня с Карлеоном!

Щелчок.

На экране появилось круглое лицо. Черные, как агаты, глаза смотрели на Вэйлока с любопытством. Вэйлок изложил свою просьбу. Карлеон задумался.

— Я сейчас занят выставкой...

— Это подождет,— резко сказал Вэйлок.

Лицо на экране не изменило выражения.

— Хорошо. Две тысячи флоринов.

— Хватит и тысячи.

— Ты же богатый человек, Вэйлок.

— Хорошо. Две тысячи. Но побыстрее.

— Задержки не будет.

Вэйлок вернулся к столу. Бэзил что-то горячо говорил Джакинт:

— Ты не понимаешь! Каждая индивидуальность — это круг. Как к нему может прикоснуться другой разум? Только к одной точке на окружности. Хотя на ней много точек, число их определяется количеством способностей человека, то есть, оно равно числу точек, из которых разум способен воздействовать на внешний мир.

— О,— проговорила Джакинт, искоса поглядывая на Бэзила.— По-моему, ты все упрощаешь.

— Ха, ха! Ты не хочешь понять всю глубину моего метода. У каждого есть любимые точки приложения сил, в которых он действует успешнее всего. Я пытаюсь найти эти точки и заставить пациента направить свои силы именно в них. Однако сейчас я пошел дальше. У меня возникла новая идея. Если она сработает, то я могу воздействовать на сам источник, который не позволяет человеку использовать свои силы на максимуме возможно-

стей. Это будет огромный шаг вперед и выдающееся достижение.— Он замолчал, а потом добавил: — Прости, но весь этот разговор здесь не к месту.

— Напротив,— ответила Джакинт. Она повернулась к Вэйлоку.— А ты как считаешь, Гэвин?

— Мы уходим?

Она улыбнулась, покачала головой, и Гэвин понял, что так должно быть.

— Я остаюсь тут, Гэвин. Но ты устал и хочешь спать. Иди отдыхай.— Ее улыбка перешла в смех. Бэзил Тинкоп позаботится обо мне. Иди...

Она всмотрелась в проходящую толпу:

— Альберт! Денис!

Двое мужчин в роскошных костюмах остановились, посмотрели на баллюстраду.

— Джакинт! Приятный сюрприз!

Они поднялись на террасу. Вэйлок нахмурился, сжал пальцы.

Джакинт представила вновь пришедших:

— Альберт Пондиферри, Денис Лестранж, Бэзил Тинкоп, а это... Гэвин Вэйлок.

Денис Лестранж был стройным и элегантным. Его светлые волосы были коротко пострижены. Альберт Пондиферри был смуглый, крепкий, со сверкающими черными глазами. Он ответил на приветствие со сдержанной корректностью.

Бросив хитрый взгляд на Гэвина, Джакинт сказала:

— Друзья, только в Карневале можно встретить поистине интересных людей.

— Да? — Они с любопытством посмотрели на Бэзила и Гэвина.

— Бэзил работает психиатром в Балисском Паллиатории.

— Вероятно, у нас найдется много общих знакомых,— заметил Денис.

— А Гэвин Вэйлок... Вам никогда не догадаться.

Вэйлок стиснул зубы.

— Я не буду и пытаться,— сказал Альберт.

— О, я попытаюсь,— Денис с любопытством рассмотрел Вэйлока.— По телосложению — профессиональный акробат.

— Нет,— сказала Джакинт,— давай дальше.

— Ну помоги, сделай хоть намек. Какой у него фил?

— Если я это скажу, то не будет и тайны,— ответила Джакинт.

Вэйлок едва сдерживал себя. Эта женщина была невыносима.

— Бессмысленное развлечение, — заметил Альберт. — Сомневаюсь, что Вэйлоку нравится эта игра.

— Я уверена, что совсем не нравится. Но игра имеет смысл. Однако, если вы...

В воздухе что-то прошелестело. Прошелестело так тихо, что услышал это только Гэвин. Джакинт вздрогнула, поднесла руку к плечу. Но укол был настолько мгновенен, что она ничего не поняла. Это могло быть локальное раздражение нерва.

Бэзил Тинкоп положил руки на стол, обвел всех взглядом.

— Должен сказать, что у меня разыгрался чудовищный аппетит. Кто разделит со мной омара?

Все отказались. Немного подумав, Бэзил поднялся.

— Я пройду по набережной и где-нибудь поем. А вообще-то пора идти домой. Это вы, счастливые амаранты, можете не думать о завтрашнем дне.

Альберт и Денис церемонно пожелали ему спокойной ночи. Джакинт покачнулась в кресле. Она изумленно моргала, раскрыв рот, как будто ей не хватало воздуха.

Вэйлок встал.

— Я с тобой, Бэзил. Пора и мне домой.

Джакинт наклонила голову, с трудом дышала. Альберт и Денис с удивлением смотрели на нее.

— Что-нибудь случилось? — спросил Вэйлок.

— Ничего страшного, — лениво ответил Денис. — Пусть рас-слабится.

Джакинт медленно опустила голову на руки. Ее пепельные волосы рассыпались по столу.

— Мы позаботимся о ней, можешь не беспокоиться, — ответил Альберт.

Вэйлок пожал плечами.

— Идем, Бэзил.

Выйдя из кафе, он обернулся. Джакинт не двигалась. Она лежала неподвижно. Альберт и Денис смотрели на нее, ничего не понимая.

Вэйлок глубоко вздохнул.

— Идем, Бэзил. Это не наше дело.

Часть 3.

Вэйлок чувствовал себя очень утомленным. Он расстался с Бэзиллом возле ресторана.

— Я не голоден. Я просто устал.

Бэзил хлопнул его по плечу:

— Не забывай о моем предложении. Я всегда смогу подыскать тебе место в Паллиатории.

Вэйлок медленно пошел по набережной. Уже занимался рассвет и красочные огни Карневаля стали меркнуть. Редкие запоздавшие прохожие шли с усталыми глазами и утомленными лицами.

Горькие мысли теснились в мозгу Вэйлока. Семь лет назад его ярость оказалась губительной для него. Абель Мандевиль упал с башни. Сегодня, чтобы заставить замолчать женщину, вознамерившуюся погубить его, он совершил второе убийство. Теперь он дважды монстр.

Монстр. В те времена это слово означало конец человека. Ведь тот, кто приносил смерть, а слово смерть не было принято в Кларжесе, считался кошмарным чудовищем, исчадием ада, монстром.

Однако Вэйлок никого не лишал жизни. Абель Мандевиль возобновил свое существование, когда не прошла и неделя после его гибели. Новая Джакинт тоже скоро появится. А он сам должен был исчезнуть насовсем семь лет назад. Ведь к тому времени его суррогаты еще не прошли полный цикл развития. И тогда он не упустил своего шанса. Он захватил воздушный кар и сбежал за границу Кларжеса. Убийцы не стали его преследовать. Ведь житель Кларжеса, попавший в руки варваров, погибал мучительной смертью.

Однако Вэйлок не погиб. Он обогнул Кларжес с юга, пересек пустыню, озеро Хук и очутился над Южным Морем. Там он обнаружил «Ампродекс», имитировал крушение, был подобран и зачислен в команду, чтобы оплатить свой проезд. Гэвин Вэйлок начал свое существование.

Вэйлок тщательно скрывался все эти годы. Только раз в неделю он покидал Карневаль, и то в маске, своем альтер эго.

Жил он в районе Тысячи Воров, но даже в таком притоне никто и никогда не видел его без маски.

Самое плохое было в том, что оставался всего месяц до того момента, когда по законам города Грэйвен Варлок будет оправдан за давностью преступления. И тогда Гэвин Вэйлок смог бы начать новую карьеру под новым именем, не боясь никаких разоблачений.

Но еще не все потеряно. Он надеялся выпутаться из этой истории. Ведь новая Джакинт появится только через неделю или две.

Вэйлок прошел по темным пустым улицам, вошел в квартиру и лег спать.

Через шесть часов беспокойного сна Вэйлок проснулся, принял ванну и сел завтракать. Он вспомнил события прошлой ночи, поморщился и выкинул их из головы — только будущее стоит того, чтобы о нем думать.

Цель его была ясна. Он должен проложить себе путь наверх, снова пробиться в общество амарантов.

Но как?

Грэйвен Варлок продвинулся на поприще журналистики. Он основал «Кларжес Дирекшен» и сделал его самым читаемым журналом. Но Абель Мандевилл сразу узнает своего старого врага. Нет, журналистику, как поле деятельности, следует исключить.

Наиболее часто повышают свои филы люди искусства: художники, музыканты, писатели, артисты. Но из-за этого в области искусства работает много людей и пробиться там сложно.

Космолетчики тоже быстро получают высокие филы, но зато у них высокая смертность и в количественном отношении число амарантов космолетчиков не выше, чем людей других профессий.

В течение первых пяти лет Вэйлок разрабатывал теорию, способы достижения успеха. Он понимал, что главное — это правильно выбрать точку приложения силы, поле деятельности. Но теперь он стал сомневаться, что этого будет достаточно. Можно всю жизнь стремиться к цели, много работать — и погибнуть в самом конце пути. Нет, чтобы быстрее добраться до заветного фила, гарантирующего бессмертие, нужно полностью освободиться от моральных ограничений, стать холодным и безжалостным по отношению к конкурентам. Общество не было милосердно к Грэйвену Варлоку. Он был принесен в жертву общественному мнению. Следовательно, Гэвин Вэйлок ничем не обязан обществу и может воспользоваться им для достижения своих

целей. В соответствии с новым ходом мыслей Вэйлок за последний год переработал свою теорию, перевел ее в план практических действий. Но пока еще не окончательный.

Он открыл записную книжку, стал читать. Знакомые мысли, выношенные годами...

Он захлопнул книжку.

Через месяц в Актуриан. Гэвин Вэйлок, гларк, мог бы жить вечно, если бы сумел стать амарантом. Гэвин Вэйлок тоже должен это сделать.

Чем скорее он станет Брудом, тем скорее начнет путь в общество амарантов.

Часть 4

Месяц прошел без происшествий. Вэйлок, как всегда, работал в Доме Жизни, делая еженедельные визиты в Кларжес, по адресам, которых никто, кроме него, не знал.

Прошел месяц и с ним семь лет с тех пор, как Грэйвен Варлок покинул пределы Кларжеса. Теперь он по всем законам мертв.

Теперь Гэвин Вэйлок может свободно ходить по улицам без медной маски, не опасаясь разоблачения. Грэйвен Варлок мертв. Зато Гэвин Вэйлок полон жизни и решимости бороться.

Он бросил работу в Доме Жизни, выехал из района Тысячи Воров и поселился в роскошной квартире на Фариот Вэй в Октагоне, в нескольких сотнях метров к югу от Мерсера, поблизости от Эстердази Сквер и Актуриана.

Утром он прошел по Алеманд Авеню, вышел на Олифант Стрит, прошел несколько кварталов и очутился на Эстердази Сквер. Далее он прошел по тенистым дорожкам сквера мимо кафе «Далмация» и оказался на площади перед Актурианом. Вэйлок зашел в кафе выпить чашку чаю. На площади перед Актурианом всегда толпился народ. Ведь это было сосредоточение всех надежд. Люди жаждали знать, насколько они пре-успели на жизненном пути, каков их слоп.

Вэйлок почувствовал волнение. Все семь лет он жил относительно спокойно, но регистрация в Актуриане изменит все. Он познает те же волнения и беспокойства, которые обуревали всех жителей Кларжеса.

Сидя в теплом уютном кафе, он подумал, не бросить ли все это. Но, допив чай, он поднялся, решительно пересек площадь и вошел в Актуриан.

Он подошел к стойке с надписью «Информатор» . Служитель, бледный юноша с горящими глазами и тонкими бескровными губами, спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я хочу зарегистрироваться в Бруды.

— Заполните, пожалуйста, карту.

Вэйлок взял карту, вставил в щель кодирующего устройства, стал нажимать необходимые клавиши. Застрековала машинка, отпечатывая вводимые данные, закрутилась магнитная лента.

К стойке подошла женщина средних лет. Лицо ее было полно тревоги и она не могла встретиться глазами с сияющим взором служителя.

— Чем могу быть полезен?

Женщина стала говорить, но речь ее прерывалась. Наконец она справилась с собой:

— Я относительно своего мужа. Его имя Эган Форт-там. Я уезжала на три дня, а когда вернулась домой, мужа там не было.— Голос ее дрожал.— Может, вы поможете мне отыскать его?

Голос клерка наполнился участием. Он сам заполнил карту.

— Ваше имя, мадам?

— Голд Фортам.

— Фил?

— Я Ведж, школьный учитель.

— Имя вашего мужа?

— Эган Фортам.

— Его фил?

— Бруд.

— Его код?

— ИХД-995-ААС.

— Адрес?

— 2244, Клеобюри Курт, Уиблсайд.

— Минуточку.

Он опустил карту в щель машины, а сам занялся юношей лет восемнадцати, который, видимо, только что закончил колледж и пришел регистрироваться в Бруды.

Защелкала машина. Клерк прочел ленту и повернулся к женщине.

— Миссис Фортам, вашему мужу Эгану Фортаму нанес визит убийца в 8.39 в прошлый понедельник.

— Благодарю,— прошептала Голд Фортам и понуро пошла к выходу.

Клерк печально склонил голову, затем снова поднял ее, приняв прежний лучезарный вид. Он взял карту Вэйлока.

— Прекрасно, сэр. Теперь положите сюда палец правой руки.

Клерк взял отпечаток пальца, бросил в щель.

— Необходимая проверка, сэр. Некоторые умники снова приходят регистрироваться, когда их слоп приближается к терминальному.

Вэйлок задумчиво потер подбородок. Сейчас он достанет его старую карту семилетней давности... Он ждал. Медленно тянулись секунды. Клерк рассматривал свои ногти.

Короткий звонок. Клерк с изумлением посмотрел на экран, затем повернулся к Вэйлоку:

— Дубликат!

Вэйлок стиснул пальцами стойку. Клерк прочел:

— Идентично отпечатку Грэйвена Варлока, переданного убийцам.— Он посмотрел на Вэйлока, прочел дату.— Семь лет назад.

— Я его реликт,— сказал Вэйлок.— Я ждал семь лет, чтобы иметь возможность зарегистрироваться.

— О, да,— сказал клерк.— Да, да.— Он надул щеки.— Тогда все в порядке. Ваш отпечаток не принадлежит ни одному живому человеку, а мертвые нас не интересуют. Мы редко встречаемся с реликтами.

— Нас мало.

— Да.— Клерк подал Вэйлоку металлическую пластину.— Ваш кодовый номер КАО-321-ЖСР. Если пожелаете узнать свою линию жизни, наберите кодовый номер на ЭВМ и прижмите палец к сенсору.

Вэйлок кивнул.

— Я понял.

— А сейчас пройдите в комнату С, там запишут ваш Альфа для телевекции.

В комнате С девушка завела Вэйлока в кабину, усадила в металлическое кресло. Сотрудник в белой маске надел на голову Вэйлока металлический шлем с полусотней электродов.

Девушка подкатила тележку с черным ящиком, установила контакты размером с боксерские перчатки на висках Вэйлока.

— Мы делаем анестезию,— сказала она.— Тогда излучение вашего мозга будет четким и ясным.— Она положила руку на тумблер.— Это не больно, но ваш мозг на секунду онемееет.— Щелкнул тумблер, и сознание Вэйлока погасло. Он пришел в себя, не представляя, сколько же прошло времени.

Девушка сняла шлем, ласково улыбнулась.

— Благодарю, сэр. Первая дверь направо.

— Это все?

— Все. Теперь вы Бруд.

Вэйлок вышел из Актуриана, пересек площадь, снова занял место в кафе и заказал чай.

Возле Актуриана стояла железная клетка. В ней скорчилась какая-то старуха. Это была Пещера Стыда. Старуху, видимо, бросили туда, пока Вэйлок был в Актуриане. Она нарушила правила Актуриана и теперь, по древнему обычаю, несла наказание.

За соседним столиком сидели двое мужчин — толстый и тонкий. Они обсуждали происходящее.

— Эта старая ворона,— сказал толстяк,— хотела обдурить Актуриан.

— Теперь это не редкость,— ответил его собеседник.— Раньше эти клетки использовались не чаще одного раза в год.— Он покачал головой.— Мир изменился...

Вэйлок перестал слушать их, когда заметил прекрасную девушку, идущую с деловым видом по площади. Серый плащ оттенял красоту ее фигуры, пепельные волосы развевались по ветру.

Это была Джакинт Мартин.

Она прошла совсем близко от кафе. Вэйлок привстал, но тут же одернул себя. Что он ей скажет?

Джакинт взглянула на него, как будто припоминая что-то, но ее мозг был занят другим. И в своем сером плаще, прижимаемом ветром к ее стройным ногам, она исчезла за углом, как прекрасное видение.

Вэйлок постепенно пришел в себя. Странное ощущение! Ведь для новой Джакинт он был незнакомец. Она же для него всего лишь красивая женщина.

Вэйлок приказал себе не думать о ней. Главная забота сейчас для него — будущее.

Он подумал о предложении Бэзила работать в Паллиатории.

Взгляд его привлекла кipa газет. Как и во все времена, пресса Кларжеса обсуждала самые горячие темы жизни. Газеты могли помочь сделать ему выбор.

Вэйлок подошел к столу, просмотрел заголовки. При виде Кларiona он горько усмехнулся. Вернувшись к столу, он стал просматривать новости.

Несмотря на технические достижения, в Кларжесе было еще много недостатков с социологической точки зрения. Люди не успевали за развивающейся техникой. Социологи с тревогой отмечали нарастающую волну самоиндуцированных переходов, попросту, самоубийств. Вэйлок читал дальше:

«Веджи вносят наибольший вклад в число таких исчезновений. За ними идут Серды и затем Бруды. Вержи и гларки наименее всего подвержены этому бичу нашего времени. Амаранты, естественно, не могут уйти из жизни, даже если захотят».

Вэйлок задумался. Может, заняться методом выявления и наказания потенциальных самоубийц? Это может дать повышение фила...

Он стал читать дальше. Два амаранта — Блэйд Дюкерман и Фиделия Бусби — были закиданы гнилым виноградом в одной деревушке. Это случилось во время праздника. Толпа гнала их через всю деревню с криками и хохотом. Вмешались местные власти, но наказания не последовало. Все было объяснено обильными возлияниями. Власти извинились и извинения были приняты.

Интервью с дидактором Тальбертом Фальконе Вержем, выдающимся психопатологом.

Дидактор Фальконе был...

«... крайне обеспокоен нарастающим количеством умственных расстройств. 92 процента больных в стране — это психические больные. Один человек из шести находится на учете в психдиспансерах. Серьезнейшая проблема нашего времени, но ею никто не занимается, так как не видно путей ее решения, а значит, возможности повышения фила».

Вэйлок перечитал параграф. Это же его собственные слова! Он стал читать дальше с интересом.

«Причина всех психических расстройств очевидна. Интеллигентный человек, много работающий, вдруг обнаруживает, что, несмотря на все его усилия, его слоп неотвратимо приближается к терминатору. Человек впадает в транс. Временами, при определенных обстоятельствах, он становится буйным и опасным для окружающих».

Это самая характерная особенность нашего времени. И количество таких больных увеличивается в связи с тем, что повышение фила становится все более и более т...

ным. Разве это не трагедия? Мы, познавшие тайны материи, покорившие межзвездное пространство, построившие роскошные дворцы до небес, и, наконец, уничтожившие время, мы, знающие и умеющие так много, — все еще беспомощны, когда нам приходится иметь дело с человеческим мозгом!»

Вэйлок задумчиво положил газету. Он поднялся, вышел из кафе, пересек Эстергази сквер и прошел по Рамбольд Стрит в Мерсер.

Вот его поле деятельности — и именно тут пролегает путь в амаранты, именно здесь предлагает ему работу Бэзил, обещая поддержку. Разумеется, ему сначала будет трудно. Придется много учиться. Но Бэзил прошел через все это и теперь уже приближается к Сердам.

Вэйлок задумчиво шел дальше, дошел до башни Пелагис Индастри и поднялся на лифте на верхнюю площадку.

Вид был исключительный. Горизонт расширился до пятидесяти миль. Он видел реку Шант, Глэйд Каунти, Карневаль и даже далекое море. Внизу лежал город, извергающий низкие звуки, вверху сиял беззвучный купол неба. Вэйлок подставил лицо ветру и волна энтузиазма охватила его. Кларжес! Блистательная цитадель цивилизации в море дикости и варварства. Он, Гэвин Вэйлок, уже раз вознесся над ним.

Он сделает это еще раз!

Часть 5.

К северу от Мерсера река огибала Семафор Хилл и втекала в долину Ангелов. Затем она извивалась среди холмов Вандун Хайлед — самая красивая местность в Кларжесе. На северном холме расположился Балиас, тоже красивое место, не менее престижное. Здесь, в основном, жили Вержи и Серды, а также богатые гларки, которые компенсировали отсутствие фила экстравагантным образом жизни.

Паллиаторий был расположен всего в нескольких сотнях метров от Риверсайд Рoad. Вэйлок вышел из Субвея на станции Балиас, поднялся на поверхность и очутился перед Паллиаторием. Он прошел в приемную.

Там он спросил, где ему найти Бэзила Тинкопа, и был направлен на третий этаж в 303 кабинет. Найти его оказалось несложно. На двери висела табличка:

БЭЗИЛ ТИНКОП

психиатр

и чуть ниже более мелким шрифтом:

СЭТ КАДДИГАН

психотерапевт

Вэйлок вошел.

За столом сидел и работал человек. Он отчеркивал линии на листе бумаги. Вероятно, это и есть Сэт Каддиган. Он был высоким, но немощным, с костистым лицом, растрепанными рыжими волосами и чересчур длинным носом. Он нетерпеливо посмотрел на Вэйлока.

— Я хотел бы видеть мистера Бэзила Тинкопа.

— Бэзил на конференции.— Каддиган вернулся к работе.— Садитесь, он скоро вернется.

Вэйлок не стал садиться, а подошел к стене посмотреть на фотографии. Это были групповые съемки, очевидно, персонал Паллиатория. Каддиган искоса наблюдал за ним. Внезапно он спросил:

— А зачем вам мистер Тинкоп? Может, я помогу вам? Вам нужно место в Паллиатории?

Вэйлок рассмеялся.

— Разве я похож на сумасшедшего?

Каддиган наблюдал его с профессиональной беспристрастностью.

— Слово «сумасшедший» не несет в себе научной информации. Мы, врачи, редко используем его.

— Вы ученый? — спросил Вэйлок.

— Считаю себя таковым.

На столе лежал лист, на котором было что-то изображено красным фломастером. Вэйлок взял лист.

— И художник, к тому же.

Каддиган взял лист, поднес его к носу, положил на стол.

— Этот рисунок,— ровно сказал он,— сделан пациентом. Он нужен для диагноза.

— А я думал — это ваша работа.

— Почему?

— В ней чувствуется что-то необычное.

Каддиган снова посмотрел на рисунок.

— Вы действительно так считаете?

— Да, конечно.

— Вероятно, у вас те же мании, что и у больного, рисовавшего это.

Вэйлок рассмеялся.

— А что это?

— Пациента попросили нарисовать его мозг.

Вэйлок заинтересовался:

— У вас много таких рисунков?

— Очень.

— Вы как-то классифицируете их?

Каддиган показал на какой-то прибор.

— Пытаемся с его помощью.

— А когда проведете классификацию, что тогда?

Каддиган явно не хотел отвечать. Наконец он сказал:

— Вы, конечно, знаете, что психология, как наука, развивается не так быстро, как другие науки.

— Я это предполагаю, — задумчиво сказал Вэйлок. — Психология мало привлекает талантливых людей.

Каддиган поморщился.

— Трудность и сложность нервной системы человека и отсутствие точных методов контроля. Уже набрано громадное количество материала — например, диагностика по рисункам. — Он показал на лист бумаги. — Я надеюсь, что моя работа внесет небольшой вклад в это дело. Психология бурно развивается, но всегда наталкивается на основную трудность — сложность мозга и отсутствие точных методов. О, кое-что уже сделано. Можно вспомнить амарантов Абрюяна или Сашевского, Коннели, Меларсона... Но несмотря на это, паллиатории полны больных и наши методы лечения ничем не отличаются от методов во времена Фрейда и Юнга. — Он устремил на Вэйлока пронзительный взгляд:

— Вы хотели бы стать амарантом?

— Очень.

— Решите одну из 20 основных проблем психологии и вы на вершине славы. — Он склонился над столом, как бы говоря о конце беседы. Вэйлок улыбнулся, пожал плечами и пошел по комнате.

Внезапно раздался пронзительный, леденящий душу вой. Вэйлок посмотрел на Каддигана.

— Старый добрый шизофреник, — сказал тот. — Наш хлеб.

Дверь открылась. Вэйлок повернулся. В дверном проеме стоял Бэзил Тинкоп в строгой серой униформе.

Во второй половине дня Гэвин Вэйлок покинул Паллиаторий. Усевшись в воздушный кар, он полетел над городом. Солнце опускалось в оранжевый туман за Глэйд

Каунти. Башни Мерсера горели в последних лучах солнца, затем погасли. В городе начали зажигаться огни. За рекой веселой россыпью засветился Карневаль.

Вэйлок думал о своем новом деле. Бэзил был несказанно рад, увидев его, и сказал, что Вэйлок сделал правильный выбор.

— У нас работы столько, Гэвин, горы работы! Работы и слопа!

Каддиган с легкой ухмылкой смотрел на восторги Бэзила. Он явно считал его дилетантом.

Сейчас главное, думал Вэйлок, овладеть терминологией, жаргоном. Однако, нужно все время стараться избежать рутины, в которой запутались и застряли сотни его предшественников.

Он должен изучить это дело критически, не поддаваясь никакому влиянию, абсолютно непредвзято.

Он должен остаться в стороне от всех доктрин и теорий, однако, четко понимать, что дает каждая из них.

А пока не представится возможность для повышения фила или пока он сам не создаст ее,— он должен приобрести репутацию, которая поможет ему скидывать одного за другим тех, кто стоит выше его. Вверх к слопу! К дьяволу всякие предрассудки!

Он очутился в Флориандер Ден, в самом сердце Октагона, всего в трех минутах ходьбы от его квартиры.

Остановившись возле стенда новинок, он пробежал глазами индексы и выбрал две книги по психологии и организации психиатрических учреждений. Вэйлок нажал соответствующие кнопки, опустил в щель флорин и через минуту получил микрофильмы в целлофановых пакетах.

Вскоре он уже шел по Фариот Вэй. Все утреннее возбуждение у него пропало. Он устал и очень хотел есть. Придя домой, он поужинал и поспал пару часов.

Проснулся он, чувствуя себя маленьким, слабым, ничтожным. Он взял микрофильмы, устройство для просмотра и вышел в ночь.

Лениво брел он по Эстергази Сквер и по привычке завернул в кафе «Далмация». Площадь, темная и пустая, казалась, хранила эхо шагов тех, кто ходил по ней днем. Клетка Стыда все еще стояла на площади и в ней сидела старуха. В полночь ее освободят.

Он заказал чай, кексы и стал работать.

Когда Вэйлок поднял глаза, он удивился, что в кафе столько народу. Время было 11 часов. Он вернулся к чтению.

Без четверти 12 все столики уже были заняты. Мужчины и женщины были странно возбуждены и старались не смотреть в лицо друг другу.

Вэйлок больше не мог работать. Он посмотрел на темную площадь. Пусто. Но все знали, что Вейрды там.

Полночь. Голоса в кафе притихли.

Клетка заколебалась. Старуха стиснула руками прутья, глядя на площадь.

Вот дверь открылась, и старуха была свободна. Наказание кончилось.

Все приникли к окнам, затаив дыхание.

Старуха осторожно пошла вдоль фасада Актуриана по направлению к Бронз Стрит.

Камень упал на тротуар позади нее. Еще и еще. Ее ударило в бедро. Она побежала. Камни сыпались на нее из тьмы. Один, размером с кулак, попал ей в шею. Она пошатнулась, упала. Затем она с трудом поднялась, проковыляла до угла и исчезла в темноте.

— Она сбежала, — сказал чей-то голос.

Ему ответил другой:

— Ты сожалешь об этом, значит ты такой же, как Вейрды.

— Вы заметили, сколько было камней? Настоящий град.

— Вейрдов становится все больше.

— Вейрды, Визереры и остальные... Я не знаю, не знаю...

Часть 6.

На следующее утро Вэйлок прибыл в Паллиаторий точно вовремя. Это принесло ему горькую мысль:

— Я похож на всех остальных трудолюбивых неудачников.

Бэзила Тинкопа не было, и Вэйлок представился Сэту Каддигану.

Каддиган протянул ему бланк:

— Заполните это, пожалуйста.

Вэйлок просмотрел бланк, нахмурился. Каддиган рассмеялся:

— Если хочешь работать здесь, заполни.

— Но я уже принят на работу.

Каддиган терпеливо повторил:

— Бланк нужно заполнить. Таковы правила.

Вэйлок написал несколько слов, поставив прочерки против тех вопросов, на которые не хотел отвечать, и вернул бланк.

— Вот. Моя история жизни.

Каддиган просмотрел листок.

— Твоя жизнь кажется мне сплошным вопросительным знаком.

— Какая есть.

Каддиган пожал плечами.

— Здесь у нас наверху сидят люди, которые любят строго придерживаться правил. Твоя бумажка будет для них как красная тряпка для быка.

— Может, эти люди нуждаются в таком стимуляторе.

Каддиган строго взглянул на него.

— Люди твоего положения редко бывают стимуляторами, не пожалев об этом.

— Надеюсь, что я недолго буду в таком положении.

Каддиган спокойно улыбнулся.

— Я уверен, что недолго.

Последовала короткая пауза, а затем Вэйлок спросил:

— Ты когда-нибудь был в такой должности, как я?

— Нет. Я получил образование в Хорфройдском колледже. Два года проработал интерном в Мидоу Групп Хоум. Следовательно...

— Каддиган посмотрел на свои руки. — Я был сразу принят на более интеллектуальную работу.

Он с сардоническим ожиданием взглянул на Вэйлока.

— Хочешь познакомиться со своими обязанностями?

— По крайней мере, мне любопытно.

— Отлично. Работенка не очень приятная. Иногда опасная. Если ты причинишь вред пациенту, твой слоп понизится. Мы не имеем права на эмоции и жестокости — если, конечно, сами не сходим с ума. — Глаза Каддигана сверкнули. — А теперь, если ты пройдешь со мной...

Вот наша маленькая империя,— с иронией сказал Каддиган.

Он прошел в зал, который чем-то напоминал Вэйлоку музей. По обеим сторонам зала стояли кровати. Все было выдержано в серо-белых тонах. Прозрачные пластиковые перегородки отделяли одну кровать от другой, образуя ряд стойл вдоль стен.

Вследствие этого, кровати в дальнем конце зала казались окутанными туманом. Пациенты лежали на спинах, вытянув руки вдоль тела. У некоторых глаза были открыты. Все пациенты были мужчинами, довольно молодыми.

— Все тихо и спокойно,— сказал Каддиган.— Они в сильном коллапсе и даже не могут шевельнуться. Но иногда в мозгу кого-нибудь из них что-то происходит, и тогда он начинает извиваться, корчиться...

— Тогда он опасен?

— Это зависит от человека. Некоторые просто корчатся. Другие вскакивают на ноги и бегут по залу, уничтожая все на своем пути. Если, конечно, позволить им это.— Он угрюмо улыбнулся.— Посмотри...— он показал на углубление в полу, куда входили ножки кроватей.— Как только пациент поднимается с постели, датчики давления вырабатывают сигнал управления и специальное устройство закрывает дверь отсека. Пациент не может бежать, и тогда он начинает рвать простыни. Мы разработали специальный материал для постельного белья, который рвется со страшным треском. Когда пациент истратит свою ярость на них, входим мы, успокаиваем его и укладываем в постель.— Он помолчал.— Но такие больные не самое страшное. Есть гораздо хуже.— Он посмотрел на потолок.— Там наверху крикуны. Они лежат тихо и неподвижно, как статуи, но иногда издают вопли. Это трудно выдержат, ведь мы люди, а человеческий мозг очень чувствителен к звукам определенной частоты.— Он снова замолчал.

Вэйлок с содроганием смотрел на безжизненные лица больных. Каддиган продолжал:

— Я часто думаю, что если бы у меня был смертельный враг, я поместил бы его в палату крикунов, где он мог бы все слышать и не мог бы бежать оттуда. Через шесть часов он стал бы таким же, как они.

— Вы не используете седативы?

Каддиган пожал плечами.

— В отдельных случаях без них не обойтись, а в остальном мы работаем по указаниям психиатра, ведущего отделение. Здесь это дидактор Альфонс Клу. Дидактор Клу разработал курс лечения, в котором совершенно не используется телепатия, что, по моему, неверно. Но я Бруд, а дидактор Клу за свой метод получил Вержа. Помощником Клу является Бэзил Тинкоп. Этот зал его домен. У него тоже свои представления о лечении. Очень необычные. Он считает, что все известные методы лечения неправильные. Необходимо делать все как раз наоборот. Если, например, известно, что в определенных случаях истерии помогает массаж, Бэзил оборачивает пациента в мокрую простыню. Бэзил — экспериментатор. Он делает все, что хочет, без сомнений и колебаний.

— И какие результаты?

Каддиган поджал губы.

— Никому хуже не стало. Некоторым помогло... Но, конечно, Бэзил сам не знает, что делает.

Они пошли по центральному проходу: лица, разные лица, но выражение у всех одно: глубокая меланхолия и ни проблеска надежды.

— О, Боже,— прошептал Вэйлок.— Эти лица... Они в сознании? Мыслят они? Знают они, что мы смотрим на них?

— Они живые. В какой-то мере мозг их функционирует.

Вэйлок покачал головой.

— Но ты не думай о них, как о людях,— сказал Каддиган.— Если ты будешь так думать, то ты пропал. Ты ляжешь рядом с ними. Для нас они только объекты, с помощью которых мы повышаем свой слоп. Идем. Я покажу тебе, что нужно сделать.

Вэйлоку его обязанности показались отвратительными. По своей должности он должен был убирать, проветривать, кормить 36 коматозных пациентов, каждый из которых в любой момент мог стать буйным. Кроме того, в его обязанности входило вести записи и помогать Каддигану и Тинкопу.

Бэзил заглянул в зал в конце дня. Он был в прекрасном настроении и хлопнул Вэйлока по спине:

— Ничего, Гэвин. Ты не слушай ворчание Сэта. Вообще-то он умный мужик.

Каддиган поджал губы и отвернулся.

— Полагаю, что мне пора пойти поесть.— Он коротко поклонился и пошел к выходу.

Бэзил взял руку Гэвина.

— Идем, я покажу тебе кафе. Мы поедем и подумаем, чем тебе заняться.

Вэйлок взглянул в зал:

— А как с ними?

Бэзил усмехнулся.

— А что с ними? Куда они денутся? Что с ними может случиться? Они лежат, как замороженные. А если вырвутся, то что? Из камеры не выйти. Разорвут простыни, уляжется пыл и они снова будут спать.

Кафе размещалось в полусфере, прикрепленной к главному зданию. Из окон открывался великолепный вид на залитую солнцем долину. Столы в зале были расставлены так, что все посетители сидели лицом к окнам. Бэзил провел Вэйлока к самому дальнему столу, причем выбор места, по-видимому, был сделан без определенного расчета. Посетители холодно отнеслись к их появлению.

Когда они сели за стол, Бэзил кивком поздоровался с кем-то.

— Заметил, как они бесятся?

Вэйлок неопределенно хмыкнул.

— Они знают, что я иду вперед. Я вытащил приз прямо у них из-под носа, и это их злит.

— Я думаю.

— Все эти,— Бэзил показал на посетителей,— погрязли в зависти и подозрениях. Они мне завидуют и сплетничают обо мне, как деревенские бабы. Сэт Каддиган тебе высказал свое отношение к моим действиям?

Вэйлок рассмеялся.

— Не совсем так. Он назвал их необычными и сказал, что они беспокоят его.

— Разумеется. Мы оба начинали с одного уровня. Но Сэт занялся тем, что принялся разрабатывать классические методы. Я же плюнул на них.

Принесли меню. Бэзил заказал леттук и крекеры, объяснив, что он себя лучше чувствует, когда поест.

— Сэт трудится очень много, но он больше работает над совершенствованием психиатрии. Я же... экстравагантен. Так говорят они. Но, в основном, я прав. Наше общество — это самая стабильная структура в истории, и

у нее нет тенденции к изменению. Это причина всех психических заболеваний. Мы должны сражаться с ними яростно, сняв перчатки.— Вэйлок, занятый котлетой и кресс-салатом, кивнул.

— Они говорят, что я экспериментирую с пациентами, как с морскими свинками,— пожаловался Бэзил.— Это не так. Я просто пробую разные системы терапии. И это могло бы осуждаться всеми, если бы не приносило результатов. Но... ха-ха-ха,— засмеялся он, закрывая рот рукой,— к их великому огорчению, моим пациентам становится лучше. Некоторых я даже выписал. Кто больше всех вызывает зависть, как не дерзкий и удачливый выскочка? — Он хлопнул Вэйлока по плечу.— Я так рад, что ты со мной, старина! Кто знает, может, мы вместе пробьемся в амаранты. Неплохая игра, да?

После ленча Бэзил провел Вэйлока в покой 18 и оставил его. Вэйлок без особого энтузиазма пошел вдоль ряда кроватей, впрыскивая через кожу в кровь витамины и тонизирующее.

Он думал о больных. 36 мужчин — и всех их сюда привел слоп. Не было никакой тайны в причине психоза. Здесь они доживут до того момента, когда за ними придет черный лимузин.

Вэйлок шел, всматриваясь в эти пустые лица. У каждой кровати он спрашивал себя: как лечить этих несчастных?

Он остановился у постели, где лежал шуплый человек с закрытыми глазами. Вэйлок прочел на табличке имя и фил. Олаф Джеремски, Ведж. Там были еще какие-то значки, но он их не понял.

Вэйлок коснулся щеки человека.

— Олаф,— мягко сказал он.— Проснись. Ты здоров. Олаф, ты здоров, ты можешь идти домой.

Лицо Олафа Джеремски оставалось таким же безжизненным. Ничто не шевельнулось в нем.

— Олаф Джеремски,— строго сказал Вэйлок,— твоя линия жизни пересекла горизонталь. Теперь вы Серд. Поздравляю, Олаф. Вы — Серд.

Лицо не изменилось. Глаза не двинулись. Но Вэйлоку показалось, что какое-то выражение мелькнуло на лице Олафа.

— Олаф Джеремски! Серд! Олаф Джеремски! Серд! — громовым голосом вскричал Вэйлок.— Олаф Джеремски, теперь вы — Серд!

Но то едва заметное проявление жизни снова скрылось под маской бесконечной меланхолии.

Вэйлок отошел, хмурясь, посмотрел на безжизненную маску. Затем он снова наклонился к Олафу.

— Жизнь! — прошептал он. — Вечная жизнь! Жизнь, жизнь!

Лицо оставалось меланхолически спокойным. Лишь глубокая печаль пришла откуда-то изнутри, но вот угасла и она, как последние лучи в небытие.

Вэйлок наклонился ниже.

— Смерть! — жестко произнес он.

Смерть — самое страшное слово, запрещенное в языке. Смерть! Смерть! Смерть!

Вэйлок смотрел в лицо Олафа. Оно оставалось спокойным, но из глубины на поверхность стало подкатываться что-то жуткое. Вэйлок отступил назад, не отрывая взгляда от лица.

Глаза Олафа внезапно открылись. Они поворачивались то вправо, то влево, затем зафиксировались на Вэйлоке. Глаза горели дьявольским огнем. Губы растянулись в зловещем оскале. В груди его что-то стало клочкотать, рот открылся, и вот Олаф издал дикий вопль. Кажется, без всяких усилий он вскочил с кровати. Руки его протянулись к горлу Вэйлока, но тот успел отскочить. Спинай он ощутил металлические прутья клетки. Она автоматически захлопнулась.

Джеремски шел вперед, вытянув руки. Вэйлок крикнул, ударил по рукам — но это было все равно что бить по стальным трубам.

Вэйлок изо всех сил оттолкнулся от Джеремски, схватился за прутья клетки и закричал:

— На помощь!

Джеремски снова бросился на него. Вэйлок пытался снова оттолкнуть его, но маньяк схватил его за пиджак. Вэйлок упал на пол, увлекая за собой Джеремски. Тот висел у него на спине, как клещ. Вэйлок перевернулся на спину, выскользнул из пиджака, оставив его в руках Олафа, и бросился за кровать, взывая о помощи. Джеремски, дико хохоча, кинулся за ним. Гэвин юркнул под кровать. Джеремски остановился, чтобы в момент изодрать пиджак в клочья, затем заглянул под кровать. Вэйлок забился подальше, чтобы его было не достать. Джеремски бросился под кровать, чтобы схватить его с другой стороны, но Вэйлок успел откатиться на противоположную сторону. Началась смертельная игра. Джеремски, как куз-

нечик, прыгал с одной стороны кровати на другую, а Вэйлок перекашивался под кроватью.

Затем Джеремски вскочил на кровать и замер. Вэйлок оказался в ловушке. Он не знал, куда ему откатываться, а лежа в центре, он был в зоне досягаемости и с той и с другой стороны.

Он услышал голоса, звуки шагов.

— Помогите! — завопил он. Он увидел ноги Сэта Каддигана. — Я здесь!

Ноги остановились возле клетки.

— Этот маньяк хочет задушить меня! — крикнул Вэйлок. — Я не могу сдвинуться с места!

— Спокойно, — сказал Каддиган. Появились еще чьи-то ноги. Клетка открылась. Джеремски завопил и бросился в коридор, но его тут же схватили, одели смирительную рубашку, положили в постель.

Вэйлок выполз из-под кровати. Он встал, поправляя одежду, а Каддиган сделал больному впрыскивание. Тот вытянул руки вдоль тела и впал в коллапс. Каддиган повернулся к Вэйлоку, кивнул ему и вышел из зала.

Вэйлок бросился за ним, затем остановился, взял себя в руки и спокойно вышел. Каддиган сидел в кабинете и занимался бумагами. Вэйлок опустил в кресло, пригладил волосы.

— Довольно неприятное ощущение.

Каддиган пожал плечами.

— Тебе еще повезло, что Джеремски слабак.

— Слабак! Да у него руки, как железо! Я еще никогда не встречал такой силищи.

Каддиган кивнул, усмехнулся.

— Возможности маньяков чудовищны. Они разбивают все наши представления о механике человеческого тела. Но есть и другие феномены. — Голос его стал педантично монотонным. — Например, в древности и сейчас существуют люди, способные ходить босиком по огню.

— Да, я знаю.

— Я сам видел человека, который мог управлять полетом птиц, заставлял их лететь туда, куда хочет он. Ты можешь в это поверить?

— А почему нет?

Каддиган кивнул.

— Ясно одно: такие личности могут управлять такими силами в своем организме, которых мы даже распознать не можем. Олаф Джеремски становится в шесть раз сильнее, чем обычно. Но он еще довольно слабенький. У нас есть два

силача: Максимилиан Герцог и Фидо Веделиус.— Улыбка искривила губы Каддигана.— Должен предупредить — а именно к этому я вел разговор — что очень опасно возбуждать наших клиентов, какими бы мирными они ни казались.

Вэйлок промолчал. Каддиган откинулся на спинку кресла, сжал пальцы.

— Должен сказать, что на сегодня я блокирую твой лист прогресса и не выставлю высокий балл. Я не знаю, как ты попал сюда, да и знать не хочу.

Вэйлок открыл рот для ответа, но промолчал.

Каддиган поднял руку.

— Может, ты считаешь Бэзила Тинкопа образцом для подражания? Если так, то получше планируй свои действия. А еще лучше изучи секрет его поразительного везения.

— Я думаю, ты неправильно понимаешь ситуацию.

— Возможно,— насмешливо сказал Каддиган.— Но думаю, что ты и Бэзил приверженцы того метода в психиатрии, который можно назвать методом Молота и Наковальни.

— Твой юмор весьма тонок.

Бэзил вошел в комнату, посмотрел на обоих.

— Этот старый шакал Каддиган снова скрипит? — Он прошел вперед.— Когда я впервые оказался здесь, то мне постоянно приходилось выслушивать его. Я думаю, что пробился в Веджи только для того, чтобы избавиться от его нравоучений.

Каддиган промолчал и Бэзил обратился к Вэйлоку.

— Значит, у тебя уже было боевое крещение?

— Чепуха,— ответил Вэйлок.— Теперь я буду осторожнее.

— Правильно,— сказал Бэзил.— Только так.

Сэт Каддиган встал.

— Прошу прощения, но у меня сегодня вечером занятия и я должен подготовиться.

Он поклонился и вышел.

Бэзил покачал головой и ехидно улыбнулся.

— Бедный Сэт, он большими трудами воздвигает свой слоп. И набивает голову всякой чепухой. Сегодня... хм... сегодня лекция по поведению вирусов и хирургия при температуре абсолютного нуля. Завтра он будет изучать развитие эмбриона. Послезавтра еще что-нибудь...

— Обширная программа.

Бэзил уселся в кресло, отдуваясь.

— Мир большой и мы не можем все быть одинаковы. Твоя работа на сегодня кончилась. Можешь идти домой. Завтра у нас важный день.

— Я с радостью пойду, — сказал Гэвин. — Мне нужно кое-что почитать.

— О! Ты серьезно взялся за дело!

— Я буду наверху. В любом случае!

Бэзил поморщился.

— Только не вбивай это себе в голову слишком сильно, а то кончишь, как они, — и он выразительно pokrutil пальцем у виска.

— Нет. Это исключено.

Часть 7.

Вэйлок вошел в прихожую своей квартиры и с неудовольствием осмотрелся. Такая безвкусица! Он с сожалением вспомнил апартаменты Варлока в Подоблачной Башне. Это все его собственность. Но как можно предъявить права на нее?

Ему захотелось есть, но, просмотрев холодильник, он не нашел ничего, что соблазнило бы его. Он взял микрофильмы, прибор и вышел на улицу.

Пообедал он в ресторане, предназначенном для гларков. Он ел и думал о событиях прошедших дней. Ему припомнилась Джакинт, какой она явилась ему в Замке Истины — стройной, как тополь, грациозная, как котенок, неестественно прекрасная. И теплое чувство охватило его. Что он может сделать? Вряд ли ему следует говорить, что он был одним из последних, видевших ее живой в прежней ипостаси. Ведь тогда, наверняка, начнется следствие. И хотя его, Гэвина Вэйлока, трудно обвинить в чем-либо, но лучше не касаться этого.

Чем же тогда заняться? Он подумал и отверг различные публичные развлечения. Ему хотелось дружеского общения, беседы. Кафе «Далмация»? Нет. Бэзил Тиркоп? Нет. Сэт Каддиган? Не самая дружественная по отношению к нему личность, но... почему бы и нет?

Вэйлок, никогда не сопротивляющийся импульсам, пошел к телефону, нашел код Каддигана, нажал кнопки. На экране появилось лицо Каддигана:

— О, Вэйлок...

— Хелло, Каддиган. Как занятия?

— Как обычно.— Каддиган держался настороженно.

Вэйлок симпровизировал предлог для звонка.

— Ты не очень занят? Мне нужен твой совет.

Каддиган не проявил большой любезности, но пригласил Вэйлока к себе. Вэйлок сразу двинулся в путь. Каддиган жил в Воконфорде, восточном пригороде, который носил на себе отпечаток богемы. Квартира Каддигана была выдержана в неопределенных тонах, разнотильная мебель оживляла интерьер. Освещение исходило из шаров бледно-лимонного цвета, развешанных в разных углах. На стенах висели картины художников-дисторсионистов, странные керамические фигурки стояли на низких книжных шкафах. Вэйлоку показалось, что на самом Каддигане появился налет эксцентричности.

К удивлению Вэйлока, у Каддигана была жена — высокая женщина, живая, доброжелательная, внушающая симпатию.

Каддиган представил ее как Пледж и с нежностью сказал:

— Пледж буквально выбила меня в Веджи. Сама она дизайнер, и, вероятно, хороший.

— Дизайнер? — воскликнул Вэйлок.— Для меня это звучит как ...

Пледж улыбнулась:

— Как нечто древнее? Не смущайся. Все считают нас смешными. Но мы просто любим ощущать материал, форму... кстати, все древние предметы сделаны гораздо красивее, чем наши.

— Да, у вас в квартире необычно.

— Да, есть определенный стиль. Но сейчас я должна извиниться и покинуть вас. У меня много работы. Я делаю калейдоскоп.

Пледж с достоинством вынесла свое красивое тело из комнаты, а Каддиган проводил ее взглядом, полным гордости.

Он повернулся к Вэйлоку, рассматривавшему лист бумаги, исчерченный кривыми слопами. Их было много, и все вместе они создавали довольно красивую картину.

— Это,— сардонически заметил Каддиган,— запись наших взлетов и падений. Беспощадно открытая

биография. Иногда мне хочется стать гларком. Короткая, но счастливая жизнь.— Голос его изменился.— Ну, что тебя привело ко мне?

— Я могу надеяться на твою скромность? — спросил Вэйлок.

Каддиган покачал головой.

— Я не очень скромнен. И не хотел бы быть таким.

— Но если я хочу поговорить конфиденциально?

— Я ничего не могу гарантировать. Мне жалко, что приходится говорить это, но лучше, чтобы между нами не было непонимания.

Вэйлок кивнул. Его это устраивало, тем более, что у него и не было настоящего вопроса к Каддигану.

— Тогда я, пожалуй, воздержусь от обсуждения своей проблемы.

Каддиган кивнул.

— Очень мудро. Впрочем, не требуется особого воображения, чтобы разгадать твою тайну.

— О, Каддиган, ты все время впереди меня на несколько шагов.

— И намереваюсь оставаться впереди. Хочешь послушать, как я реконструирую твою проблему?

— Давай, попробуй.

— Дело касается Бэзила Тинкопа. Кроме меня, тебе никто не даст нужную информацию. Так вот ты хочешь получить информацию о Бэзиле от того, кто стоит достаточно близко к нему. Ты же человек с амбицией, и, к тому же, без особых моральных принципов.

— Сейчас все такие,— сказал Вэйлок, но Каддиган пропустил его слова мимо ушей.

— Должно быть, ты спрашиваешь себя, как тесно ты должен связать свою судьбу с Бэзилем? Будет он возвышаться или падать? Ты хочешь возвышаться с ним, но падать с ним вместе у тебя нет желания. Ты хочешь получить мою оценку будущего Бэзила. Когда я предложу тебе ее, ты выслушаешь, но свое мнение сохранишь при себе. Ты знаешь, что я представляю течение, в корне противоположное энергетическому прагматизму Бэзила. Тем не менее, ты считаешь меня честным человеком и надеешься получить объективную оценку. Я прав?

Вэйлок шутливо покачал головой.

Губы Каддигана искривились в усмешке.— Теперь,— сказал он,— когда мы покончили с формальностями, я хочу предложить тебе чашку чаю.

— Благодарю,— Вэйлок откинулся в кресле.— Каддиган, почему у тебя такая неприязнь, предубеждение ко мне?

— Неприязнь, не то слово. Предубеждение — лучше, но тоже неточно. Я чувствую, что ты не искренний психиатр. Ты пришел сюда не для того, чтобы лечить людей, а для того, чтобы воздвигнуть свою карьеру. Но уверяю тебя, в данной области это совсем не просто.

— А как же Бэзил?

— Везение.

Вэйлок сделал вид, что задумался.

Каддиган заговорил:

— Хочешь, я скажу тебе то, о чем ты даже не догадываешься?

— Ради бога.

— Бэзил легко может ввести в заблуждение. Сейчас он излучает оптимизм и довольство. Но если бы ты видел его до того, как он стал Веджем! Он был погружен в черную меланхолию и чуть сам не стал нашим пациентом.

— Я понятия не имел об этом.

— Про Бэзила я могу сказать одно: он вполне искренне хочет улучшить мир.— Каддиган коротко взглянул на Вэйлока.— Он вылечил девять пациентов. Это очень неплохо, но у него наивная мысль, что если он интенсифицирует свою терапию, то излечит 900 пациентов. Но его случай, как перец в пище: немного перца улучшает вкус, а если пищу переперчить, то она становится несъедобной.

— Значит, ты считаешь, что его успехи позади?

— Разумеется, случиться может всякое.

— А что у него за методы лечения?

Каддиган пожал плечами:

— Перец в пище.

В комнату вошла Пледж. Она вошла, звеня браслетами, одетая в черно-красно-коричнево-золотое сари и в невообразимо красные сандалии с изумрудно-зелеными пряжками.

— А я думал,— сухо заметил Каддиган,— что ты занимаешься докладом. Или это и есть калейдохром?

— Нет, конечно. Но у меня возникла идея и мне тут же захотелось проверить ее на практике.

— Бабочка никогда не думает о своем слопе.

— О, слоп! Плевать на него.

— Ты заговоришь по-другому, когда я стану Сердом.

Пледж подняла глаза к небу.

— Иногда я жалею, что ввязалась в эту гонку. Кому хочется стать амарантом?

— Мне, — ухмыльнулся Вэйлок. Он заметил, что понравился Пледж. Но еще более обрадовался, когда увидел, что это беспокоит Сэта.

— Мне тоже, — сухо заметил Сэт. — И тебе, что бы ты ни говорила.

— Я говорю правду. Раньше люди боялись смерти...

— Пледж! — воскликнул Каддиган и глазами показал на Вэйлока.

Пледж стиснула руки со звенящими браслетами.

— Не будь идиотом. Все мы смертны, за исключением амарантов.

— Вряд ли хорошо говорить об этом.

— А почему бы и нет? Почему бы нам не говорить о том, как все обстоит на самом деле?

— Обо мне не думайте, — сказал Вэйлок. — Считайте, что меня здесь нет.

Пледж опустилась в кресло.

— У меня есть теория. Хотите выслушать ее?

— Конечно.

— Пледж, — предостерегающе проговорил Каддиган, но Пледж проигнорировала его.

— Главная причина того, что в паллиаториях много пациентов, это постоянная необходимость сдерживать себя, придавливать свои эмоции.

— Чепуха, — заявил Сэт. — Я психиатр, и я утверждаю, что это не имеет ни малейшего отношения к психическим расстройствам. Пациенты являются жертвами страха и меланхолии.

— Может быть. Но взгляни, как люди ведут себя в Карневале.

Сэт кивнул на Вэйлока.

— Он специалист по Карневалю. Он проработал там семь лет.

Пледж с восхищением посмотрела на Вэйлока.

— Как, должно быть, прекрасно жить вечно веселом мире, полном красок, смеха, музыки, встречаться с людьми, полностью раскрепощенными.

— Да, довольно интересно.

— Скажи, — чуть дыша проговорила Пледж, — о Карневале ходит много слухов. Ты можешь подтвердить или опровергнуть их?

— Какой именно?

— В Карневале много нарушителей закона. Верно?

— В какой-то степени верно. Люди там нередко занимаются тем, за что были бы наказаны в Кларжесе.

— О, какой стыд,— пробормотал Сэт.

Пледж не обращала на него внимания:

— Насколько глубоко распространяется беззаконие? Я имею в виду... я слышала, что там есть Дом, очень дорогой, где можно увидеть смерть. Смерть молодых юношей и прекрасных девушек!

— Пледж,— взмолился Сэт.— Что ты говоришь? Ты сошла с ума!

— Я даже слышала,— продолжала Пледж хриплым шепотом,— что если у вас есть много денег, тысячи и тысячи флоринов, то вы можете купить человека и убить его своей рукой любым способом, каким хочешь...

— Пледж! — крикнул Каддиган.— Ты говоришь страшные вещи! Опомнись!

Пледж фыркнула.

— Сэт я слышала об этом, и теперь хочу услышать, что скажет об этом мистер Вэйлок.

Вэйлок подумал о Карлеоне и его музее, о Рубелле, о Лорите и других Берберах.

— Я тоже слышал нечто подобное,— заговорил он,— но я считаю это просто слухами. Я никогда не встречал людей, которые с уверенностью могли бы подтвердить этот слух. Как вы знаете, посетители Карневала платят за то, что они убивают копьями лягушек или рыб электрическим током. Но вряд ли они сами понимают, что делают. Это у них подсознательное желание.

Сэт с отвращением отвернулся.

— Чепуха.

— Теперь, Сэт, ты сам несешь чепуху. Ты ученый, но ты отказываешься смотреть в лицо фактам, противоречащим твоим теориям.

Сэт помолчал, затем ответил с шутливой галантно-стью:

— Я уверен, что мистер Вэйлок составил о тебе совершенно неверное представление.

— Нет, нет,— возразил Вэйлок.— Мне очень интересно.

— Видишь? — обрадовалась Пледж.— Я уверена, что мистер Вэйлок — человек без предрассудков.

— Мистер Вэйлок,— медленно произнес Каддиган,— хищник. Он пробьет себе путь наверх и его совершенно не интересует, чьи ноги он отдавит при этом.

Вэйлок улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Во всяком случае,— заявила Пледж,— он не Гиппократ и он мне нравится.

— Приятное лицо, хорошие манеры...

— Сэт, ты не боишься оскорбить мистера Вэйлока?

Сэт улыбнулся.

— Мистер Вэйлок реалист и правда его не оскорбляет.

Чувствуя себя не очень удобно, Вэйлок заставил себя заговорить:

— Ты наполовину прав, наполовину неправ. У меня есть определенные амбиции...

Музыкальный звук прервал его. Вспыхнул экран, на котором появился человек, стоящий возле двери дома. Он был одет в черную униформу убийцы.

— О, боги! — вскричала Пледж.— Он пришел за нами!

— Неужели ты не можешь быть серьезной? — рявкнул Сэт.— Спроси, что ему нужно?

Пледж открыла дверь. Убийца вежливо поклонился.

— Миссис Пледж Каддиган?

— Да.

— Согласно нашим данным, вы до сих пор не зарегистрировались у нас как Ведж.

— О, я совсем забыла. Но ведь вы и так знаете, что я Ведж?

— Конечно.

— Тогда зачем я должна вас уведомлять об этом?

Голос убийцы был холоден.

— Таковы правила. И вы значительно облегчите нашу работу, если будете помогать нам, неукоснительно соблюдая правила.

— Ну хорошо. Форма у вас с собой?

Убийца подал ей конверт. Пледж закрыла за ним дверь, швырнула конверт на стол.

— Столько шуму из ничего. Такова наша жизнь. Это две стороны медали. Если бы не было убийц, не было бы амарантов. А так как мы все хотим стать амарантами, нам приходится помогать убийцам.

— Точно,— сказал Сэт.

— Порочный круг. Змея, кусающая свой хвост.

Каддиган искоса посмотрел на Вэйлока.

— Пледж стала Визерером.

— Визерером?

— Это правда,— сказала Пледж.— Мы создали общество и мы вместе спрашиваем, что нужно сделать,

чтобы изменить мир, существующий порядок в нем. Вы, мистер Вэйлок, должны прийти на вашу встречу.

— С удовольствием. А где это происходит?

— О, здесь, там, где угодно. Иногда в Карневале, в холле Откровений.

— Вместе с остальными идиотами,— заметил Сэт Каддиган.

Пledge не приняла оскорбления.

— Мы не скрываемся и делаем все открыто.

Последовала короткая пауза. Вэйлок поднялся.— Думаю, что мне пора.

— Но ты так и не заговорил о своей проблеме,— сказал Сэт.

— Я думал о ней, слушая вас. Много мне теперь стало ясно.— Он повернулся к Пledge.— Доброй ночи.

— Доброй ночи, мистер Вэйлок. Надеюсь, ты позвонишь нам еще.

Вэйлок взглянул на молчащего Сэта.

— С удовольствием.

Утром, когда Вэйлок прибыл в паллиаторий, Каддиган уже сидел за столом. Он приветствовал Вэйлока неизбежным кивком, и тот сразу приступил к выполнению своих обязанностей. Каддиган несколько раз проходил по залу, окидывая все критическим взором, но Вэйлок был внимателен и Каддигану не удалось ни к чему придраться.

Перед полуднем торопливо ворвался Бэзил. Он увидел Вэйлока и остановился.

— Трудная работенка, да? — Он посмотрел на часы.— Время ленча. Идем, поедим. Я попрошу Каддигана присмотреть здесь.

В кафе они уселись за тот же стол. Вид из окна был впечатляющий. С гор обрушилась буря, рваные облака неслись по небу, черные волны вздымались на реке, деревья в парке едва выдерживали сильные порывы ветра.

Бэзил отвел глаза от окна, чтобы этот вид не отвлекал его от более важных дел.

— Гэвин,— начал он.— Мне трудно говорить это, но ты единственный в паллиатории, кому я могу доверять. Я нуждаюсь в твоей помощи.

— Я потрясен,— сказал Вэйлок.— И удивлен. Ты нуждаешься в моей помощи?

— Я пришел к этому методом исключения. Конечно, я предпочел бы работать с человеком, имеющим опыт в

психиатрии.— Он покачал головой.— Но те, что выше меня, считают меня эмпириком, а те, что ниже и должны были бы уважать меня, предоставили меня самому себе.

— Сейчас каждый предоставлен самому себе.

— Ты прав,— Бэзил наклонился к Вэйлоку, хлопнул его по руке.— Ну так что ты скажешь?

— О, я рад возможности помочь тебе.

— Отлично, я хочу попробовать новую терапию. На Максимилиане Герцoge — одном из наших любопытнейших пациентов.

Вэйлок вспомнил, что Каддиган упоминал это имя.

— Случай интересный,— продолжал Бэзил.— Во время коллапса Герцог лежит, как мраморная статуя, но в буйном состоянии он страшен.

— И чем я могу помочь тебе? — осторожно спросил Вэйлок.

Бэзил посмотрел вокруг, прежде чем ответить.

— Гэвин,— хрипло сказал он.— На этот раз я получил средство лечения психозов. Эффективное для девяноста процентов наших пациентов.

— Хм...

— В чем дело?

— Если мы вернем пациентов во внешний мир, еще большее количество людей вернется сюда.

Бэзил задумался.

— Ты предлагаешь совсем не лечить их?

— Да нет. Просто мне кажется, что теперешнее число пациентов при этом возрастет вдвое.

— Возможно,— без энтузиазма согласился Бэзил. Он поджал губы и с жаром заговорил: — Но зачем же тогда вообще лечить их? Эти пациенты вверены нам. Ими могли быть и мы сами...— Он замолчал, и Вэйлок вспомнил слова Каддигана о меланхолии Бэзила.— Во всяком случае, не нам судить этих несчастных. Это дело Актуриана. Мы просто должны делать свою работу. Вот и все.

Вэйлок пожал плечами.

— Ты сам сказал, что это не наша проблема. Наша проблема — просто лечить. Пританеон устанавливает общественную политику, Актуриан оценивает наши жизни, убийцы поддерживают равновесие...

— Верно,— сказал Бэзил.— К этому времени я уже пробежал несколько новых тестов и достиг некоторого успеха. Максимилиан Герцог — это яркое доказательство тому. Я уверен, что если смогу вы-

лечить Герцога или добиться существенного улучшения, я докажу эффективность моего метода.— Бэзил снова сел в кресло.

— Мне кажется, что если дело у тебя пойдет, ты попадешь в Серды.

— Да, в Серды. А может, и в Вержи. Это великолепный успех!

— Могу я знать принцип твоего метода?

Бэзил осторожно осмотрелся.

— Я еще не готов обсуждать его. Я только могу сказать, что, в отличие от традиционной терапии, основой которой является терпение и выдержка, мой метод сильный и быстродействующий. Разумеется, состояние Герцога может ухудшиться, и тогда...— он улыбнулся,— у меня будут неприятности. Меня обвинят в страшном грехе: в том, что я использую пациентов, как подопытных животных. И это правда. Но как еще можно лечить этих несчастных? — Бэзил стал серьезным.— Мне нужна твоя помощь. Если я выиграю, то выиграешь и ты, как помощник. Но по этой же причине риск существует и для тебя.

— Почему?

Бэзил с презрением посмотрел на коллег в кафе.

— Всем им очень не нравятся мои идеи.

— Я помогу тебе,— сказал Вэйлок.

Бэзил Тинкоп вел Вэйлока по паллиаторию — из зала в зал, вдоль нескончаемого ряда коек, на каждой из которых лежал человек. Человек с безжизненным лицом. Наконец, они оказались возле двери. Бэзил сказал что-то в отверстие, затянутое сеткой, и дверь скользнула в сторону. Они прошли через короткий туннель в зал 101. Это была высокая пентагональная камера с пластиковыми отделениями для коек по периферии. Пациенты лежали на подвешенных полотняных матрацах. Над каждым из них висела сеть, готовая упасть на пациента в тот момент, когда он начнет входить в фазу бешенства. На пациентах не было ничего, кроме набедренной повязки из металлической сетки.

— Чтобы пациент не смог повредить себя во время буйства,— пояснил Бэзил. Он добавил:— Сети очень крепкие — с 14-кратным запасом прочности, если рассчитывать на силу обычного человека. Но Рой Атвен порвал уже три таких сети. Максимилиан Герцог — две.

Вэйлок в изумлении покачал головой.

— Кто из них Герцог?

Бэзил показал. Герцог не был высоким, но зато очень широким и мощным. Могучие руки его были перевиты канатами мышц.

— Интересно,— сказал Бэзил,— что даже в таком состоянии он поддерживает высокий физический тонус! Ведь можно было бы ожидать полной атрофии мышц, а все остальные, хотя и лежат без движения, выглядят как хорошо тренированные атлеты.

— Это возможный предмет исследования,— заметил Вэйлок.— Может, мозг сумасшедшего производит гормоны — строители мышц.

Бэзил поджал губы.

— Вполне возможно.— Он нахмурился и кивнул.— Я подумаю об этом позже. Интересная мысль... Но скорее всего, мышечный тонус сохраняется из-за того, что мышцы в постоянном напряжении. Посмотри на лица больных.

Вэйлок взглянул и увидел, что Бэзил прав. Маски нечеловеческого отчаяния были на каждом лице. Зубы стиснуты, носы обтянуты кожей. Лицо Максимилиана было выразительнее всех.

— И ты думаешь, что ты сможешь вылечить его?

— Да, да. Сначала переправим его в мой кабинет.

Вэйлоку казалось, что мощное тело Герцога, зажатое в тиски неведомых сил, похоже на паровой котел, в котором нагнетается высокое давление. Он спросил:

— А это не опасно?

Бэзил рассмеялся.

— Естественно, мы примем меры предосторожности. Например, гранулы миорала. Герцог будет слабым, как ребенок.

Бэзил подошел к Герцогу, прижал сопло распылителя к шее. Послышалось шипение и препарат вошел в кровь. Бэзил отошел от постели, махнул рукой.

Тут же два служителя принесли носилки и положили на них Герцога. Бэзил подписал какую-то бумажку, поданную ему служителем, и все формальности были закончены.

Носилки покатали к туннелю и затем в лифт.

— Теперь мы можем идти,— сказал Бэзил.— Герцога доставят в мою личную лабораторию.

Бэзил и Вэйлок прошли через приемную, где сидел Каддиган, занятый своими картами и записями. Он поднял голову и, не произнеся ни слова, вернулся к своей работе.

Бэзил и Вэйлок вошли в кабинет Бэзила. Там Бэзил набрал кодовый шифр, стена скользнула в сторону и они оказались в лаборатории Бэзила.

Она была небольшая, но прекрасно оборудованная. У одной стены стоял диван, у другой — компьютер с различной аппаратурой измерений, записи, и бог знает для чего еще. Тут же стоял шкаф с книгами и лекарствами.

Бэзил пересек комнату, сдвинул стенную панель. За ней находилось неподвижное тело Максимилиана Герцога.

Бэзил потер руки.

— Ну вот и он, наш инструмент, с помощью которого мы сможем продвинуться. И я надеюсь, что мы заодно и вылечим его.

Они освободили Герцога от пут.

— А сейчас,— сказал Бэзил,— начнем процедуру. В некотором смысле она,— он сделал паузу,— нападение на источник болезни.

Он выпрямил большое тело Герцога, поправил его руки и ноги. Находясь под действием лекарств, Герцог выглядел спокойным и умиротворенным. Бэзил подошел к ЭВМ, щелкнул тумблерами и положил металлический цилиндр на грудь больного. На экране дисплея побежали цифры и замелькали вспышки света.

— Пульс слишком замедленный,— сказал Бэзил.— Подождем. Миорал быстро рассасывается.

— А потом что? — спросил Вэйлок.— Он будет в коллапсе или в безумии?

— Кто знает? Садись, Гэвин. Я постараюсь тебе кое-что объяснить.

Вэйлок устроился в кресле, Бэзил прислонился к постели. Счетчик пульса установили на груди Герцога. На экране уже высветилась цифра 41.

— Мозг наших пациентов,— заговорил Бэзил,— можно сравнить с заклинившим мотором.

Вэйлок кивнул. Частота пульса уже поднялась до 46.

— Естественно, что существует бесчисленное множество теорий и методов лечения. Одни из них дают результаты в отдельных случаях, а в других случаях они бесполезны. Однако, все они основаны на том, что необходимо приглушить, обесчувствовать неверно функционирующую часть мозга, но никак не излечить его. Есть методы, основанные на применении шоков химического, электрического, механического, спиритуального. Иногда эти методы

дают поразительные результаты, но чаще всего сам шок становится губительным для мозга.

Есть хирургические методы замены поврежденных частей мозга, всего мозга. И, наконец, система Готвальда Левишевски, аналогичная тому, как выращивают суррогаты амарантов. Но этот процесс вряд ли можно назвать лечением. Скорее, это получение нового человека. Я изучил все эти методы и убедился: ни в одном из них нет нападения на сам источник болезни. Чтобы излечить нашего больного, нужно убрать препятствие, мешающее вращаться мотору, который заклинило. Самое простое, но вряд ли приемлемое — изменить существующую систему жизни. Или же изменить мозг пациента так, что это препятствие не будет для него непреодолимым.

Вэйлок кивнул:

— Понятно.

Бэзил горько улыбнулся.

— Совсем понятно, да? Но как это сделать? Гипноз слишком слаб, хирургия слишком рискованна, да и неизвестно, что нужно вырезать. Остается электролечение и лечение препаратами. Остается выбрать наиболее эффективное лечение.

Глаза Вэйлока не отрывались от экрана. Пульс уже 54.

— Я нашел ключ к решению проблемы в работах Хельмута и Герарда, — продолжал Бэзил. — Я имею их работы в области хирургии синапсов — короче, я понял, что происходит, когда импульс проходит от нерва к нерву. Результат Хельмута-Герарда действительно интересен. Оказывается, при передаче импульсов имеет место двадцать одна химическая реакция. И если хоть одна из них запаздывает, или не произойдет, импульс возбуждения не перескочит от нерва на нерв.

— Мне кажется, я понимаю к чему ты клонишь, — сказал Вэйлок.

— Значит, мы теперь имеем способ контролировать мыслительные процессы. Нам нужно выключить из мозга нашего пациента память о препятствии, о неразрешимой проблеме. И очевидный путь для того, чтобы сделать это, атаковать синапсы на пути прохождения определенного импульса возбуждения. Для этого я выбрал вещество, полученное Хельмутом и Герардом. Бэзил подошел к шкафу, достал мензурку с оранжевой жидкостью. — Вот он, антигептант. Растворимый в во-

де, нетоксичный, высокоэффективный. Будучи введенный в мозг, он действует как кнопка стирания, воздействующая на активные в данный момент цепи, но не трогает бездействующие.

— Бэзил! — искренне воскликнул Вэйлок. — Это же гениально!

— Осталась еще одна серьезная проблема, — сказал, улыбаясь, довольный Бэзил. — Мне совсем не хочется стирать куски памяти у наших пациентов, но как это сделать, я не знаю, да меня это не очень интересует сейчас.

— Ты уже пробовал антигептант?

— Только на пациенте с легкой формой психоза. Герцог будет пробным камнем его метода.

— Его пульс стал почти нормальным, — заметил Вэйлок. — Нам нужно быть поосторожнее.

Бэзил махнул рукой. — Не беспокойся. Сэт у нас под рукой. Наша основная цель — перевести его в состояние буйства.

Вэйлок поднял брови. — А я думал — предотвратить его.

Бэзил покачал головой. — В его мозгу нам нужен только источник болезни. Когда мы его распознаем, мы введем антигептант. Мыслительная цепь, ведущая к источнику, рухнет, и с нею сам источник. Человек здоров!

— Просто и гениально!

— Просто и элегантно. — Бэзил всмотрелся в лицо Герцога. — Он возвращается в нормальное состояние. Теперь, Гэвин, приготовься измерять антигептант.

— Что я должен делать для этого?

— Нам нужно знать концентрацию антигептанта в мозгу Герцога. Если его ввести слишком много, то мы отключим большую часть его мозга. — Бэзил прикрепил электроды к голове пациента. — Антигептант слабо реактивен, поэтому мы не можем измерять его количество. — Бэзил воткнул разъем в прибор. На экране вспыхнуло небольшое красное пятно. Бэзил повернул ручку настройки, установил резкость. — Вот измеритель. Концентрация антигептанта должна стать такой, чтобы пятно перешло в желтый цвет. Но ни в коем случае нельзя допускать перехода в зеленый цвет. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. — Бэзил подготовил шприц и без колебаний ввел иглу в сонную артерию Герцога. Пациент шевельнулся. Пульс сразу подскочил до 70.

Бэзил подсоединил трубку к резервуару.

— Видишь кнопку? При прикосновении к ней ты вводишь в мозг Герцога один миллиграмм антигептанта. Как только я скажу, нажимай на нее. Но будь очень внимателен. Понял?

Вэйлок кивнул.

Бэзил посмотрел на экран.— Сейчас я введу стимулятор. Выбрав в шкафу нужный шприц, он ввел препарат в кровь Герцога.

Дыхание пациента стало глубоким и тяжелым. На лице его появилось выражение крайнего отчаяния и напряжения. Вэйлок заметил, что он шевельнулся.— Осторожнее,— сказал он. Герцог сейчас очнется.

— Хорошо. Это нам и надо.— Бэзил смотрел на аппаратуру.— Действуй быстро, если потребуется.

— Я готов.

— Хорошо.— Бэзил склонился над Герцогом.

— Герцог! Максимилиан Герцог!

Пациент, казалось, затаил дыхание.

— Герцог! — крикнул Бэзил.— Проснись!

Герцог шевельнулся.

— Герцог! Ты должен проснуться. У меня есть новости. Хорошие новости.— Ресницы больного затрепетали. Бэзил быстро сказал:

— Антигептант!

Вэйлок нажал кнопку. Препарат проник в мозг Герцога. Красное пятно дрогнуло, посветлело, перешло в оранжево-желтое.

Бэзил кивнул.

— Герцог! Проснись! Хорошие новости!

Глаза Герцога приоткрылись. Желтый цвет снова превратился в красный.

— Антигептант! — шепнул Бэзил, и Вэйлок снова нажал кнопку.

— Герцог! — тихо, но повелительно заговорил Бэзил.— Ты проиграл. Ты не смог стать Сердом.— Антигептант...— Герцог, ты пытался, ты много работал, но сделал много ошибок. Тебе нужно винить только себя за то, что ты выброшен из жизни.

Из горла Герцога вырвался низкий звук, как бы предвещающий бурю. Бэзил снова потребовал антигептант.— Максимилиан Герцог,— торопливо заговорил он.— Ты человек низшего сорта. Другие смогли стать Сердами, а ты не смог. Ты проиграл. Ты потерял время. И потеряешь жизнь.

Вены набухли на лбу Герцога. Клокочущие звуки неслись из его груди.— Антигептант, Гэвин!

Вэйлок нажал кнопку. Бэзил снова повернулся к Герцогу. Герцог, ты помнишь, сколько шансов упустил ты? Люди, которые ничем не лучше тебя, стали Сердами и Вержами. А тебя впереди не ждет ничего, кроме последней поездки в черном автомобиле.

Максимилиан Герцог медленно сел в постели. Он посмотрел на Бэзила, затем на Вэйлока.

Все молчали. Вэйлока не мог отпустить кнопку, так как пятно снова стало красным.

Наконец Вэйлок спросил:

— Хватит антигептанта?

— Хватит,— нервно ответил Бэзил.— Я не хочу слишком обширного воздействия.

— Какого еще воздействия? — спросил Герцог. Он пощупал электроды на своей голове, увидел трубки, тянущиеся к его телу.— Что все это значит?

— Только ничего не трогай,— сказал Бэзил.— Это необходимые условия для лечения.

— Лечение? — Герцог был озадачен.— Разве я болен? Я чувствую себя прекрасно. Еще никогда я не был в такой хорошей форме. Ты уверен, что я болен? — Он нахмурился.— Мое имя...

Бэзил многозначительно взглянул на Вэйлока. Антигептант стер из памяти больного его имя.

— Максимилиан Герцог.

— А, да, конечно,— Герцог осмотрелся.— Где я?

— Ты в больнице. Мы лечим тебя.

Максимилиан Герцог подозрительно взглянул на Бэзила. Бэзил продолжал:

— Тебе лучше лечь. Через несколько дней все будет хорошо и ты сможешь вернуться к своим делам.

Герцог лег в постель, переводя взгляд с Бэзила на Вэйлока и обратно.

— Но где я? Что со мной? — он бросил быстрый взгляд на Вэйлока, заметил на его униформе слова — Балиасский Паллиаторий.

— Балиасский Паллиаторий! — прохрипел он.— Так вот в чем дело! — Грудь его заходила ходуном, голос стал хриплым. Выпустите меня отсюда. Со мной все нормально. Я такой же здоровый, как и все!»

Он сорвал с головы электроды, отшвырнул трубку.

— Нет, нет, лежи спокойно,— обеспокоенно заговорил Бэзил.

Герцог отшвырнул его в сторону и стал вставать с постели.

Вэйлок повернул ручку. Сеть опустилась на Герцога, прижала его к кровати. Он стал рычать и рваться. Дикая ярость охватила его.

Бэзил подошел к нему и ввел в кровь транквилизатор. Герцог постепенно успокоился.

Вэйлок перевел дыхание.— Фу!

Бэзил тяжело опустился в кресло.— Ну, Гэвин, что скажешь?

— Некоторое время он был вполне рационален,— осторожно ответил Вэйлок.— Этот метод мне кажется перспективным.

— Перспективным! — воскликнул Бэзил.— Гэвин, еще ни один метод в мире не давал столь поразительных результатов.

Они освободили Герцога от сети, закатали кровать в бокс.

— Завтра,— сказал Бэзил,— мы попробуем проникнуть глубже.

Вернувшись в кабинет, они застали там Каддигана. Тот отложил работу.— Ну, джентльмены, как продвинулись исследования?

Ответ Бэзила был уклончив:

— Нормально.

Каддиган скептически посмотрел на него, хотел что-то сказать, затем пожал плечами и отвернулся.

Бэзил и Вэйлок пересекли Риверсайд Род и вошли в одну из старых таверн. Они уселись за стол из темного дерева, заказали пиво.

Вэйлок предложил тост за успех Бэзила. Тот выразил уверенность в хорошем будущем Вэйлока.

— Кстати,— сказал Бэзил.— Ты помнишь ту женщину, Джакинт Мартин? Она мне вчера звонила.

Вэйлок взглянул на него.

— Не могу представить, что ей нужно,— сказал Бэзил, опустошив кружку.— Мы немного поболтали, затем она поблагодарила меня и мы распрощались. Удивительное создание. Ну, мне пора домой, Гэвин.

На улице они расстались. Бэзил сел в метро, чтобы добраться до своего района Семафор Хилл, Вэйлок задумчиво побрел по Риверсайд Род.

Джакинт заинтересовалась своей смертью. От Бэзила ей ничего не узнать. И от него тоже, если он сам не захочет все рассказать.

Монстр. Вэйлок презрительно улыбнулся. Так должны были бы называть его жители Кларжеса. Жуткий человек, исчадие ада, посягающее на жизнь граждан.

Но разве можно убить амаранта? Например, Джакинт Мартин. А Абель Мандевиль? Вэйлок с горечью вспомнил то, что произошло семь лет назад.

Он зашел в другую старую прибрежную таверну Тузитала, стоявшую на сваях прямо над водой. Там он выпил кружку пива и заказал немного еды.

На экране телевизора появилось лицо комментатора. Вэйлок прослушал новости — в основном местного масштаба. Комиссия естественных ресурсов разрешила культивацию 100 тысяч акров Глэйд Каунти. Разработчик плана Ги Лэсли принял поздравления по этому поводу. Комментатор предсказал, что Лэсли за этот успех несомненно станет амарантом.

Затем Канулел Клод Имиш по старому обычаю объявил о начале новой сессии Пританеона. Имиш был огромный человек с обаятельной улыбкой. У него не было особых талантов, да их и не требовалось, чтобы руководить архаичным и, по сути, формальным органом власти.

— Домой из космоса, — радостно объявил комментатор, — возвращается корабль Стар Энтерпрайз. Наши герои посетили Плеяды, исследовали десятки планет и везут домой много любопытного. Хотя пока неизвестно, что именно.

Затем комментатор провел двухминутное интервью с Каспаром Джеремсом, генеральным директором ведомства убийц. Это был высокий человек с бледным лицом, густыми черными бровями и горящими глазами.

Джеремс говорил о возрастающей активности Вейрдов и Верберов, которые основались в Карневале. Если дело пойдет так и дальше, то в Карневаль придется ввести специальные подразделения по поддержанию порядка.

Такого в Карневале еще не было.

Комментатор закончил обзор сплетнями о тех, кто собирается в ближайшее время повысить свой слоп, а некоторые даже собираются продвинуться в амаранты.

Когда Вэйлок вышел из Тузиталы, на Кларжес уже опустилась ночь. Небо светилось отраженными

огнями. Стоя на тротуаре, Вэйлок ощущал ритм жизни города, мозговую деятельность ста миллионов его жителей.

В нескольких милях к югу лежал Эльгенбург и космический порт. Вэйлок с трудом удержался от желания посетить Стар Энтерпрайз. Он пошел по Риверсайд Роад по направлению к Дистрикт Мартон. Там он спустился в метро и через несколько минут вышел на станции Эстергази возле кафе Далмация.

Он сел за свой любимый столик, где уже сидел молодой человек с совиными глазами. Он представился Гэвину как Один Ласло, математик из Актурiana. Кроме того, Ласло занимался хореографией. Узнав, что Гэвин работает в Паллиатории, он очень возбудился.

— Расскажи мне о Паллиатории! Я задумал балет, уникальный, даже в чем-то зловещий: день жизни сумасшедшего. Я хочу показать мозг человека, как чистый кристалл. Затем нарастает напряжение, все связи в мозгу рвутся — от жизни, замыкание внутри себя!

Вэйлоку стало не по себе.— Ты хочешь, чтобы я говорил тебе о работе, хотя я пришел сюда, чтобы забыть о ней.

Он выпил свой чай, распрощался с новым знакомым и вышел из кафе.

Он прошел по Алеманд Авеню, свернул на Фариот Вэй, подошел к своему дому. Лифт быстро поднял его на нужный этаж. Он вошел в свою квартиру.

Когда он открыл дверь в гостиную, то увидел спокойно сидящую на диване Джакинт Мартин.

Часть 8

Джакинт встала.— Надеюсь, ты простишь меня. Дверь была открыта и я решила войти.

Вэйлок знал, что он запирает дверь.— Я рад, что ты пришла.— Он подошел к ней, обнял, поцеловал.— Я ждал тебя.

Джакинт освободилась из его объятий, взглянула на него. Она была одета в бледно-голубую тунику, белые сандалии, темно-голубой плащ. Волосы ее золотым потоком стекали на плечи, в больших темных глазах сузились зрачки.

— Ты необыкновенная,— сказал Вэйлок.— Ты могла бы стать амарантом только за свою красоту, если бы зарегистрировалась в Актуриане.

Он снова хотел ее обнять, но она отступила.

— Должна тебя разочаровать,— холодно сказала она. Каковы бы не были твои отношения с прежней Джакинт, на меня они не распространяются. Я новая Джакинт.

— Новая Джакинт? Но тебя зовут не Джакинт!

— Мне лучше судить об этом.— Она отошла еще на шаг, осмотрела его с головы до ног.— Ты Гэвин Вэйлок?

— Да.

— Ты очень похож на Грэйвена Варлока.

— Его нет в живых. Я его реликт.

Джакинт подняла брови.— Да?

— Да. Но я не пойму, зачем ты здесь?

— Я объясню,— жестко сказала она.— Я — Джакинт Мартин. Месяц назад моя первая версия была убита в Карневале. Кажется, что большую часть ночи ты сопровождал меня. Мы вместе пришли в Памфилию и там к нам присоединились Бэзил Тинкоп, а позже Альберт Пондиферри и Денис Лестранж. Вы с Бэзилом ушли непосредственно перед моей смертью. Верно?

— Сначала я должен привести все в порядок у себя в голове,— сказал Вэйлок.— Значит, ты Джакинт Мартин, но ты не гларк?

— Я Джакинт Мартин.

— И ты была убита?

— Ты не понял этого тогда?

Когда ты положила голову на стол, мы решили, что ты пьяна, и ушли. Альберт с Денисом пообещали позаботиться о тебе.— Он показал на диван.— Садись. Позволь налить тебе вина.

— Нет. Я пришла к тебе только за информацией.

— Отлично. Что ты хочешь узнать еще?

Глаза ее сверкнули.— Метод убийства! Кто-то лишил меня жизни. Я должна узнать его имя и отомстить.

— Мечь — не то слово,— мягко возразил Вэйлок.— Ты жива, ты дышишь, кровь течет в твоих жилах, ты полна жизни и красоты.

— Только монстр может оправдывать этим свое преступление.

— Значит, ты винишь во всем меня? Ты считаешь, что монстр — это я? Это я лишил тебя жизни?

— Я не обвиняю тебя в этом. Я только комментирую ход твоих мыслей.

— Значит, мне следует воздерживаться от высказывания мыслей,— сказал Вэйлок.— По правде говоря, я предпочел бы более приятное времяпрепровождение.— Он снова потянулся к ней.

Она отступила, вспыхнув гневом.— Каковы бы не были у тебя отношения с моей предшественницей, теперь их не будет. Ты для меня чужой.

— Я был бы рад начать все сначала,— сказал Вэйлок. Хочешь вина?

— Я не хочу пить! Я хочу знать! Я должна знать, кто и как меня убил! — Она стиснула руки.— Я должна знать и я узнаю. Скажи мне.

Вэйлок пожал плечами.— Что я могу сказать?

— Мы с тобой встретились... Где? Когда? Ты работал в Карневале. У Дома Жизни.

— О, ты много узнала у Бэзила Тинкопа.

— Месяц назад ты покинул Карневаль, ты бросил дело, которым занимался семь лет, зарегистрировался в Бруды. Ты изменил свою жизнь. Почему?

Вэйлок подошел к ней. Она отступала, пока не уперлась спиной в стену. Вэйлок положил свои руки на ее груди. Но девушка даже не обратила на это внимания, видимо, все ее женское естество было придавлено одним — жаждой мести.

— Ну вот,— тихо сказала она.— Как все просто узнать. Я вижу, вижу все в твоем лице. Вижу правду.

— Ты просто хочешь увидеть ее там.

Она взяла его руки за кисти и с силой отвела их от себя.— Я не хочу, чтобы ты касался меня.

— Тогда у тебя не будет причины находиться здесь.

— Ты так и не ответил на мои вопросы.

— Я не хочу отвечать, раз у тебя уже сложилось определенное мнение.

— Тогда ты ответишь против воли. Ты будешь говорить перед теми, кто умеет читать мысли.

Она прошла мимо него к двери. Там она задержалась, бросила на него взгляд и вышла.

Вэйлок прислушался к ее удаляющимся шагам. Подумать только! Женщина, способная подарить высшее блаженство, стала для него страшной угрозой. Несколько минут он стоял неподвижно, погруженный в размышления. Если у нее были какие-то подозрения

относительно него, то как же она рискнула прийти сюда одна ночью?

И вдруг он понял. Он быстро осмотрел комнату, начал поиски. Под диваном он нашел маленький передатчик. Значит, кто-то слышал их разговор и мог вмешаться в нужный момент.

Теперь все ясно.

Вэйлок раздавил передатчик каблуком и выбросил обломки в мусоропровод. После этого он с бутылкой вина прилег на диван и попытался разобраться в случившемся.

Джакинт Мартин достаточно высказать подозрения, и тогда его заберут в камеру для допроса. Там быстро выпотрошат его мозг.

Если окажется, что он невиновен, то заплатит Джакинт Мартин. Если же его вина подтвердится, мир никогда больше не услышит о Гэвине Вэйлоке.

Вэйлок с отвращением посмотрел вокруг. Его мозг предаст своего хозяина. Обмануть чтецов мыслей невозможно!

Он вскочил на ноги. Чтецы мыслей! Пусть читают его мысли! Они ничего не узнают!

Он стал рассказывать по комнате, размышляя. Прошло полчаса. Затем он сел к диктофону и продиктовал два длинных текста. Один из них он завернул в бумагу, второй вставил в диктофон и оставил записку для себя.

Затем, заведя будильник на 7 часов, он лег спать.

Вэйлок прибыл в Паллиаторий рано утром, застав еще служителей ночной смены.

Он прошел мимо дежурного, поднялся на второй этаж.

Магнитофон на столе Бэзила подмигивал, что означало наличие на нем телефонного сообщения. Вэйлок нажал кнопку, чтобы прослушать его.

— Офис Суперинтенданта Бенберри, — заговорил женский голос. — Внимание, Бэзил Тинкоп. — Затем вступил голос, видимо, самого суперинтенданта. — Бэзил, как придешь, сразу свяжись со мной. Я серьезно встревожен. Нам нужно выработать политику поведения, которая сделала бы твои исследования менее раздражающими Совет. Твои стихийные работы должны прекратиться. Не приступай к работе, пока я не переговорю с тобой.

Вэйлок прошел в лабораторию. Там он выбрал распылитель и наполнил его антигептантом. В мензурке осталось совсем немного. Впрочем, Бэйзил вряд ли приступит к работе сегодня. А ему, Вэйлоку, антигептант крайне необходим.

В мензурку он добавил воды, чтобы не было заметно уменьшения. Вернувшись в кабинет, он вставил пленку в магнитофон, затем поднес распылитель к шее. Но затем опустил его, написал несколько слов на листе бумаги. Снова поднял распылитель, нажал кнопку.

Он сразу почувствовал, что память покидает его. Он уже не помнил ничего, даже своего имени. Магнитофон рассказывал, как он убил Джакинт Мартин. Но эти слова текли мимо его мозга, не задерживаясь. Но та информация, которую он занес на пленку, исчезла из его памяти, стиралась.

Запись кончилась. Вэйлок закрыл глаза, откинулся в кресле, усталый опустошенный. Антигептант рассосался в его мозг и потекли мысли, смутные, неясные, как тени в тумане.

Он сел прямо. Листок бумаги, написанный им, привлек его внимание. Он взял его и прочел:

— Только что я стер память из своего мозга. Возможно, я стер слишком много. Мое имя — Гэвин Вэйлок. Я реликт Гэйвина Варлока. Мой адрес — 414, Фариот Вэй, квартира 820.

Там было еще много напоминаний, а в конце было записано:

— Вероятно, в памяти будут еще провалы. Не беспокойся об этом. Возможно, что спецслужба вызовет тебя для чтения мыслей по вопросу убийства Джакинт Мартин, о которой я ничего не знаю. Непременно сотри магнитную запись. Не прослушивай ее, иначе стирание памяти будет бессмысленным.

— Не забудь стереть запись!

Вэйлок дважды прочел текст, затем стер запись на пленке. Значит, его зовут Гэвин Вэйлок — в этом есть что-то знакомое.

Он положил распылитель в шкаф и уничтожил все следы своего пребывания в лаборатории.

Вошел Сэт Каддиган. Он был удивлен:

— Что привело тебя сюда в такую рань?

— Совесть, — сказал Вэйлок.

— Удивительно, — Каддиган прошел к столу, просмотрел свои бумаги. — Кажется, ничего не пропало.

Вэйлок проигнорировал его. Немного погодя, Каддиган сказал:

— В Паллиатории ходят слухи, что дни Бэзила сочтены. Он будет уволен из-за профессиональной некомпетентности. Твоя судьба, конечно, будет не лучше. На твоём месте я бы искал другое поле деятельности.

— Благодарю, Каддиган. Твоя открытая неприязнь мне больше по душе, чем фальшивое дружелюбие.

Каддиган ухмыльнулся и сел за стол.

Послышались шаги Бэзила. Он вошел в комнату.

— Доброе утро, Сэт, доброе утро, Гэвин. Еще один день работы. К делу! Часы идут вперед. Попусту затраченное время укорачивает жизнь.

— О, Боже до чего напыщенно! — воскликнул Каддиган.

Бэзил ткнул пальцем в его сторону. — Ты вспомнишь совет старого Бэзила, когда к тебе постучится черный убийца. Гэвин, иди работай.

Вэйлок неохотно последовал за Бэзилом в его кабинет. Он стоял возле двери, пока Бэзил слушал приказ Бенберри. Бэзил сначала был ошарашен, затем решительно повернулся и пошел в лабораторию. — Я не слышал этого. Идем, Гэвин.

Вэйлок колебался. В бутылке уже почти не было антигептанта. Просто вода. — Мы не можем сейчас останавливаться, — сказал Бэзил. — Мы почти у цели. Если мы позволим остановить себя, мы погибли.

— Может, лучше... — начал Гэвин, но Бэзил не дал ему договорить. — Ты можешь поступать, как хочешь. Но я dokonчу эксперимент даже один.

Вэйлок кашлянул. Ему было плевать на приказ Бенберри, но как он объяснит отсутствие антигептанта?

Бэзил по внутренней связи уже приказал доставить к нему Максимилиана Герцога.

Вэйлок очень неохотно пошел за ним. Инъекция воды в Герцога. К чему это может привести? Может, он даже не выйдет из транса. А если выйдет?... черт побери, в конце концов, ведь есть же сеть!

Вэйлок сделал слабую попытку отложить эксперимент, но Бэзил был полон решимости.

— Если хочешь, уходи, Гэвин. Всего тебе хорошего. Но я должен пробить эту стену косности и непонимания. Бенберри... глупая обезьяна.

Прозвенел звонок. Тело Герцога всплыло в лабораторию.

Бэзил начал подготовку. Вэйлок напряженно стоял в центре комнаты. Если он скажет, что использовал антигептант, ему придется объяснять и мотивы. Память у него была пуста, но у него было ощущение чего-то зловещего. Оно возникло от чтения записки, которую он оставил себе.

Бэзил спросил его:

— Ты помнишь свои функции?

— Да,— пробормотал Вэйлок. Сети вдруг показались ему чересчур хлипкими. Он открыл дверь в кладовую.

— Зачем? — спросил Бэзил

— Вдруг сети не выдержат?

— М-м-м. Сегодня сети нам не понадобятся. Если ты готов, начнем. Антигептант.

Вэйлок тронул кнопку. Жидкость стала вливаться в кровь Герцога.

Бэзил смотрел на индикатор.— Еще, еще,— он осмотрел датчик.

— Что за дьявольщина.

— Может препарат выдохся?

— Не пойму. Вчера было все прекрасно.— Он осмотрел мензурку.— Препарат тот же... Черт, надо продолжать.— Он склонился над неподвижной фигурой.— Максимилиан Герцог, проснись! Сегодня мы освобождаем тебя из Паллиатория. Просыпайся.

Герцог сел в постели так резко, что Бэзил чуть не упал назад. Герцог сорвал с себя электроды, трубки. Клокочущий звук вырвался из его горла. Он вскочил с постели и стоял, покачиваясь, посреди комнаты. Глаза его горели адским пламенем.

— Сеть! — крикнул Бэзил.

Герцог протянул к нему руки. Бэзил отскочил в сторону, как краб. Вэйлок швырнул навстречу Герцогу стол, схватил Бэзила за руку, втащил в кладовую.

Герцог ударом ноги откинул стол и прыгнул за ними. Дверь захлопнулась перед его носом. Он ударил плечом в дверь, и вся стена загудела.

— Мы не можем оставаться здесь. Нам нужно как-то скрутить его,— сказал Бэзил.

— Как?

— Не знаю, но мы должны, иначе я пропаю.

Из-за двери послышались шаги. Затем звук шагов стих и тут же раздался дикий крик ужаса: голос Сэта Каддигана.

Вэйлоку стало плохо. Вот крик резко оборвался. Послышался звук, как будто на пол упало что-то мягкое, затем взрыв дикого хохота и громоподобный рев:

— Герцог! Максимилиан Герцог! Убийца! Максимилиан Герцог!

У Бэзила подогнулись колени. Вэйлок смотрел на него, зная, что вся вина на нем, Вэйлоке. Он открыл дверь, осторожно прошел в лабораторию через кабинет.

Сэт Каддиган был мертв. Вэйлок взглянул на изувеченное тело. Действительно, только монстр мог сделать такое. Слезы показались у него на глазах.

В кабинет вошел Бэзил. Он увидел Каддигана и спрятал лицо в ладони. Откуда-то из холла донесся пронзительный крик, затем хрипкое рычание.

Вэйлок заскочил в лабораторию, схватил распылитель, зарядил его препаратом «Мгновенный отключатель». Затем он присоединил распылитель к пластиковой трубке длиной в четыре фута, взвел курок. Теперь он был вооружен.

Он снова выскочил в кабинет, пробежал мимо Бэзила. В коридоре он осторожно осмотрелся и прислушался.

Послышалось женское всхлипывание. Значит, Герцог там. Вэйлок побежал по коридору, заглянул в настежь распахнутую дверь. Герцог стоял над истерзанным телом человека.

Прижавшись к стене, стояла женщина. Глаза ее были стеклянными от ужаса. Она изредка всхлипывала. Герцог держал ее за волосы, поворачивая голову женщины из стороны в сторону, как бы примериваясь, как легче оторвать ее одним рывком.

Вэйлок вошел в дверь, заглянул в лицо мертвеца. Дидактор Бенберри!

Вэйлок сделал глубокий вдох, шагнул вперед, приставил распылитель к шее Герцога, нажал курок.

Герцог отпустил волосы женщины, повернулся. Он хлопнул себя по шее, посмотрел без всякого выражения на Вэйлока, прыгнул вперед. Вэйлок нажимал и нажимал на курок.

— Тебе не напугать меня! — прорычал Герцог. — Дай мне только добраться до тебя, и я разорву тебя на куски. Я убью весь мир, начиная с тебя.

Вэйлок отступил назад. — Почему ты не хочешь договориться мирно? Тогда ты будешь свободен.

Герцог рванулся вперед, вырвал трубку из рук Вэйлока. — Мы можем договориться, — хрипел он. — Но сначала

я убью вас всех.— Он уже шатался: препарат начал действовать на его мозг. И вот он рухнул на пол, полностью парализованный.

Вэйлок подождал пока прибежали служители. С ними появился и дидактор Сэм Юдиг, помощник суперинтенданта. Они остановились в дверях, с ужасом глядя на тела.

Вэйлок прислонился к стене. Голоса ушли куда-то вдаль. Он слышал только бешеные удары своего сердца. Сэт Каддиган и дидактор Руф Бенберри... оба мертвы...

— Теперь поднимется страшный шум,— сказал кто-то.

— Не хотел бы я оказаться на месте Тинкопа.

Тело Каддигана унесли. Бэзил стоял у окна, потирая ладони.— Бедный Каддиган.— Он повернулся и посмотрел на Вэйлока.— Что же было неправильно? Гэвин, что могло произойти?

— Препарат потерял силу,— медленно сказал Вэйлок.

Бэзил взглянул на Вэйлока. В глазах его загорелась мысль, но она угасла, не успев разгореться. Он снова отвернулся.

— Вероятно, жене Каддигана уже сообщили? — спросил Вэйлок.

— А? — Бэзил нахмурился.— Юдиг должен был позаботиться об этом.— Он заморгал.— Я думаю, что мне следует подыскать ей новое жилье.— Такова была традиция: если умирал член семьи, оставшиеся должны были переселиться в другое место.

— Если хочешь, я займусь этим. Я с нею немного знаком.

Бэзил с облегчением согласился.

Вэйлок набрал номер Пledж Каддиган. Она уже знала о трагедии и сотрудник Паллиатория снабдил ее препаратом «Не хнычь», таблетками, заставляющими забыть о горе. Видимо, она нашла им хорошее применение: лицо ее горело, яркие глаза возбужденно светились, голос звенел.

Вэйлок сказал все, что требовалось в подобных случаях. Пledж с готовностью рассказала о своих планах повышения слопы, пригласила заходить, и на этом разговор закончился.

Бэзил и Вэйлок молча сидели несколько минут. Затем к телефону позвали Бэзила. Это был дидактор Сэм Юдиг, ныне суперинтендант Паллиатория.

— Тинкоп, собрался Совет. Мы хотели бы выслушать твои показания. Ждем тебя в кабинете суперинтенданта.

— Хорошо. Я иду.

Бэзил поднялся.— Я пошел,— тяжело сказал он. Затем, заметив скорбное лицо Вэйлока, он добавил с деланным оптимизмом:

— Не бойся обо мне, Гэвин. Я выкручусь.— Он хлопнул Вэйлока по плечу и вышел.

Вэйлок прошел в лабораторию. Здесь был страшный разгром. Он нашел мензурку с антигептантом, вылил содержимое, уничтожил мензурку. Затем он вернулся в кабинет и сел за стол Каддигана.

Он чувствовал связь между этой трагедией и каким-то другим, не менее ужасным событием. Джакинто Мартин? При чем тут она? Они вместе провели ночь в Карневале... Больше он не помнит ничего.

Он ходил взад-вперед, стараясь оправдать себя. Почему он должен чувствовать себя виновным? Жизнь в Кларжесе построена по принципу каждый за себя. Когда кто-то становится Вержем, он автоматически уменьшает число Брудов на несколько десятков человек. Жизнь суровая игра, и если он хочет выиграть, нужно выработать свои правила и строго придерживаться их.

Это было его право. Общество виновато перед ним и должно платить за свою вину. Грэйвен Варлок добился звания амаранта. И статус амаранта по праву принадлежит ему, Вэйлоку. И он имел право использовать все средства, чтобы вернуть себе этот статус.

В коридоре слышались шаги. Вошел Тинкоп, поникший, с опущенными плечами.— Я уволен,— сказал он.— Я больше не работаю здесь. Они сказали, что мне еще повезло, что я не встретился с убийцами.

Смерть дидактора Руфуса Бенберри и Сэта Каддигана произвела сенсацию в Кларжесе. Гэвина Вэйлока восхваляли везде за исключительную храбрость и хладнокровие. Бэзила Тинкопа характеризовали как карьериста, использующего несчастных пациентов в качестве подопытных животных для подъема по лестнице карьеры.

Когда Бэзил прощался с Гэвином, он был в полнейшем расстройстве. Щеки его обвисли, глаза потухли, в них стояли слезы.— Что же было неправильно?— спрашивал он время от времени.— Может, судьба, Гэвин? Может,

Великий Принцип нашего общества хочет, чтобы люди страдали психозами, как бы расплачиваясь за все благодеяние?— Он улыбнулся через силу.

— Что ты собираешься делать?— спросил Вэйлок.

— Найду что-нибудь. Видишь, психиатрия не моя область. Попробую начать сначала. Но это вопрос будущего.

— Желаю тебе счастья.

— И я тебе желаю, Гэвин.

ЧАСТЬ 9.

Новым суперинтендантом Балиасского Паллиатория стал дидактор Леон Граделла, приглашенный из какого-то другого института. Выглядел он уродливо: тяжелый торс и пауэи конечности. Голова его была очень большая, взгляд подозрительный.

Граделла объявил, что сделает внутреннюю перестройку структуры. Начал он с ведущих специалистов. От него никто не выходил улыбающимся и никто не рассказывал о содержании бесед. На следующий день был вызван и Гэвин Вэйлок. Он вошел в кабинет и Граделла указал ему на кресло. Не говоря ни слова, он углубился в досье Вэйлока.

— Гэвин Вэйлок, бруд,— сказал он, подняв глаза на Вэйлока. Маленькие пронзительные глазки внимательно изучали его.— Вы здесь недавно.

— Да.

— Вы приняты на низшую должность.

— Да. Я хотел начать с самого низу, чтобы мое продвижение по службе было обусловлено моей работой. Я хотел, чтобы моя работа говорила сама за себя.

На Граделлу это не произвело впечатления.— Люди могут имитировать бурную деятельность, чтобы обеспечить себе путь наверх. Здесь этого не будет. Ваша квалификация в области психиатрии слишком низка, чтобы на что-то надеяться.

— Я не согласен.

Граделла откинулся на спинку кресла.— Естественно. Но как вы можете убедить меня в обратном?

— Что такое психиатрия?— спросил Вэйлок.— Это изучение болезней мозга и лечение их. Когда вы используете термин «квалификация», вы имеете в виду фор-

мальное образование в этой области, которое совсем не связано с умением лечить больных. Следовательно, квалификация — иллюзорное понятие. Истинная квалификация доказывается успехами в лечении. У вас какая квалификация с этой точки зрения?

Граделла улыбнулся почти с удовольствием. — О, по вашему определению, я вообще профан. И, значит, вы полагаете, что нам следовало бы поменяться местами?

— А почему нет? Я согласен.

— Лучше оставайтесь пока на своем месте. Я буду внимательно следить за вашей работой. Вэйлок поклонился и вышел.

В тот же вечер звонок оторвал Вэйлока от его занятий. У двери стоял высокий человек в черном.

— Это вы Гэвин Вэйлок, Бруд?

Вэйлок рассматривал пришельца, не говоря ни слова. Лицо у человека было длинным, сосредоточенным, подбородок заострялся в точку, голова покрыта редкими волосами. На нем была одета черная униформа. Эмблема гласила, что это человек из Специального Отряда Убийц.

— Я Вэйлок. Что вам нужно?

— Я убийца. Если хотите, можете проверить мои полномочия. Я почтительно прошу следовать за мной в Дистрикт Келл для короткой беседы. Если сейчас время, неудобное для вас, мы можем договориться на более подходящее время.

— Разговор о чем?

— Мы расследуем преступление против Джакинт Мартин. Получена информация, которая указывает на вас как возможного преступника. Мы хотим получить либо доказательство, либо опровержение.

— Кто источник информации?

— Наши источники конфиденциальны. Я советую идти сейчас, хотя, разумеется, решаете вы.

Вэйлок поднялся. — Мне скрывать нечего.

— Внизу нас ждет служебный автомобиль.

Они подъехали к старому угрюмому зданию на Парментер Стрит, поднялись по узкой каменной лестнице на второй этаж, где убийца передал Вэйлока молоденькой девушке с глазами, как оловянные пуговицы. Она усадила его в кресло, предложила минеральной воды.

Вэйлок отказался. — Где трибуны? — спросил он. — Я не желаю, чтобы кто-нибудь шарил по моим мыслям в отсутствие трибунов.

— Здесь трое трибунов, сэр. Вы можете потребовать еще большего количества, если желаете.

— Кто эти трибуны?

Девушка назвала их имена. Вэйлок удовлетворился: ни один из них не был замешан в чем-нибудь скандальном.

— Они будут здесь через минуту. Сейчас заканчивается очередное дело.

Прошло пять минут. Открылась дверь, вошли три трибуна, а за ними инквизитор, высокий тощий человек с умными, но язвительными глазами.

Инквизитор сделал формальное заявление:

— Гэвин Вэйлок, вы допрашиваетесь по делу об устранении Джакинт Мартин. Мы хотим знать все, что вы делали в период времени, когда это устранение произошло. У вас есть возражения?

Вэйлок задумался. — Вы сказали: в период, когда произошло устранение. Это слишком расплывчато. Это может быть и минута, и час, и день, и месяц. Я думаю, что для ваших целей достаточно спросить, что делал я в момент устранения.

— Время точно не установлено, сэр. поэтому мы должны рассматривать некоторый период.

— Еслия виновен, — заявил Вэйлок, — то я знаю точный момент, если я невиновен, то вторжение в мою частную жизнь вам ничем не поможет.

— Но, сэр, — улыбнулся инквизитор, — мы на службе общества. Неужели в вашей жизни есть нечто, что нужно скрывать от нас?

Вэйлок повернулся к трибунам. — Вы слышали мое заявление. Будете ли вы защищать меня?

Один из трибунов сказал:

— Мы разрешим задавать вопросы, касающиеся только трех минут до и трех минут после устранения Джакинт Мартин. Я думаю, что такой период времени должен устроить всех.

— Хорошо, — сказал Вэйлок. — Я готов.

Он сел в кресло. Девушка принесла электроды, закрепила их на висках. Послышалось шипение, в шее стало покалывать. Это девушка ввела в мозг препарат.

Наступила тишина. Инквизитор расхаживал взад-вперед, трибуны сидели неподвижно.

Прошло две минуты. Инквизитор коснулся кнопки. Электроды запульсировали, в мозгу Вэйлока сформировались спирали, которые бешено крутились сжимаясь в точку.

— Смотрите на свет,— сказал инквизитор.— Расслабьтесь. Больше от вас ничего не требуется. Расслабьтесь и ждите. Скоро все кончится.

Вэйлок смотрел на раскаленную до бела точку. Сознание стало удаляться, покидать его. Вокруг слышались неясные голоса, двигались какие-то тени. Вдруг свет мигнул, яркое пятно стало рассасываться, размазываться — и вот он уже в полном сознании.

Инквизитор стоял рядом, вглядываясь в лицо Вэйлока.

Было очевидно, что чтение мыслей ничего не дало. Трибуны смотрели в сторону, как бы стесняясь своей неудачной роли, позволяющей им выслушивать сокровенные тайны людей. За ними стояла Джакинт Мартин.

Вэйлок привстал в кресле и гневно заговорил:

— Почему эта женщина была здесь? Это противоречит всем законам. Я потребую наказания для вас!

Главный трибун, Джон Фостер, поднял руку:

— Присутствие этой женщины, конечно, нежелательно. Но оно не противоречит законам.

— Почему бы тогда не производить чтение мыслей прямо на улице? Тогда все прохожие смогут удовлетворить свое любопытство.

— Ты не понял. Джакинт присутствует здесь по своему положению. Она сама убийца. Недавно зачислена в штат.

Вэйлок повернулся к Джакинт. Джакинт улыбнулась холодной улыбкой.— Да. Я расследую собственное убийство. Кто-то совершил чудовищное преступление. Я хочу знать, кто это.

— Хорошенькое занятие для красивой женщины.

— Что делать. Но я не собираюсь заниматься этим все время.

— Есть у вас какой-нибудь прогресс?

— Он был бы, если бы не странные провалы в твоей памяти.

Инквизитор откашлялся.— Вы не хотите дать нам информацию по свое воле?

— Какую?— спросил Вэйлок.— Я ничего не знаю о преступлении.

Инквизитор кивнул. — Мы это выяснили. В вашем мозгу есть провал относительно всего, что относится к данному делу. — Он отошел. Трибуны поднялись с кресел. — Благодарим, мистер Вэйлок. Вы старались нам помочь.

Вэйлок повернулся к трибунам:

— Благодарю вас за помощь.

— Это наш долг, мистер Вэйлок.

Вэйлок бросил взгляд на Джакинт, вышел из комнаты и пошел к выходу. Сзади слышались шаги. Это была Джакинт Мартин. Вэйлок остановился и стал ждать ее. Она подошла с выжидательной улыбкой. — Я должна поговорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— О чем?

— Разве ты не знаешь?

— Я не могу сказать ничего, кроме того, что ты уже знаешь.

Джакинт прикусила губу. — Но ты был со мной в ту ночь! Правда, я не знаю, как долго. Эта часть ночи мне совсем неизвестна. А в ней, может, и содержится ключ.

Вэйлок пожал плечами.

Она сделала шаг вперед, вглядываясь в его глаза. — Гэвин Вэйлок, ты будешь говорить со мной

— Если хочешь.

Они нашли укромное место в Голубом Боболинке, старой таверне, деревянные стены которой почернели от древности. На стене висела коллекция старых фотографий — знаменитости давно ушедших лет. Официант принес им заказ и удалился, не сказав ни слова.

— Ну, Гэвин Вэйлок, — сказала Джакинт, — расскажи мне, что случилось в тот вечер.

— Я мало что могу тебе сказать. Ты все уже знаешь. У нас возникло взаимное влечение друг к другу, по крайней мере, мне так показалось. Мы посещали разные Дома развлечений и под конец пришли в Памфилии? Остальное ты знаешь от своих друзей.

— А где мы были до Памфилии?

Вэйлок, как помнил, перечислил все их действия. С большим трудом он выуживал из своей памяти и наконец добрался до встречи с Бэзиллом.

Джакинт запротестовала. — Но ты многое пропустил. Вэйлок нахмурился. — Я не помню. Может, я был сильно пьян?

— Нет. Денис и Альберт утверждают, что ты был совершенно трезв и насторожен.

Вэйлок пожал плечами.— Значит, тогда не произошло ничего такого, что произвело бы на меня впечатления и отложилось в памяти.

— И еще,— сказала Марти.— Ты забыл сказать, что мы заходили в Дом Истины.

— Да? И это я не помню.

— Странно. Служитель хорошо запомнил тебя.

Вэйлок согласился, что это действительно странно.

— Хочешь услышать мою теорию?— мягко спросила Джакинт.

— Пожалуй.

— Я уверена, что в Доме Истины я узнала о тебе нечто такое, что ты хотел бы скрыть. И ты решил убить меня. Что ты скажешь на это?

— Ничего.

— Ты ничего не сказал во время чтения мыслей.— Голос ее стал горьким.— Самые интересные события почему-то отсутствуют в твоей памяти. Не знаю, как ты добился этого. Но я хочу узнать правду. И ты увидишь, что не смог извлечь выводы из своего преступления.

— Что имеешь в виду?

— Больше я ничего не скажу.

— Ты странный человек.

— Я обычный человек, но с сильными чувствами.

— И я тоже.

Джакинт сидела неподвижно.— О чем ты?

— О том, что распри между нами ни к чему хорошему не приведут.

Джакинт ррасхоталась.— Ты более уязвим, чем я.

— И соответственно более безжалостен.

Джакинт поднялась.— Я должна идти. Но думаю, ты не забудешь меня.— Она быстро пробежала по ступеням и скрылась из виду.

На следующее утро Вэйлок направился в Паллиаторий. Примерно через час его вызвали к директору Граделле.

Он был холоден и суров.— Я рассмтрел ваше дело. У вас нет никаких оснований занимать эту должность, и, следовательно, вы уволены.

ЧАСТЬ 10.

Бэзил Тинкоп позвонил Вэйлоку через день после того, как его уволили из Паллиатория.— Гэвин! Я боялся, что не застану тебя дома.

— Зря боялся. Я больше не работаю в Паллиатории.

Розовое лицо Бэзило превратилось в лицо обиженного ребенка.— Плохо, Гэвин! Какое несчастье!

Вэйлок пожал плечами.— Работа была так себе. Может, мне удастся найти что-нибудь получше.

Бэзил с сомнением покачал головой.— Хотел бы я сказать то же самое.

— Значит, у тебя еще нет планов?

Бэзил вздохнул.— В молодости я занимался стекловудным делом. Я мог бы предложить несколько усовершенствований. А может, я вернусь на корабль. Я все еще не устроен и не уверен ни в чем.

— Только не бросайся на первую попавшуюся вакансию.

— Разумеется. Но я должен подумать о своем слопе, иначе надолго застряну ниже Серда.

Вэйлок налил себе чаю.— Нужно все хорошо обдумать.

Бэзил махнул рукой:

— Обо мне не беспокойся. Я всегда останусь на ногах.

— Давай думать. Ты утверждал, что в Паллиаторий необходим приток свежих мыслей.

Бэзил покачал головой.— И какая от этого польза?

— Другое подобное заведение,— сказал Вэйлок,— это Актуриан. Может мы наладим его работу так, что добьемся всеобщего признания.

Бэзил с сомнением потер нос.— Любопытно. У тебя очень гибкий ум.

— Актуриан не какое-нибудь святилище.

— Это просто основа всей нашей жизни!

— Точно. Подумаем над этим. Его основные операции установлены лет 300 назад. Может ввести изменения — ведь основные уравнения те же самые, те же самые пропорции филов в обществе, тот же самый уровень рождаемости.

Бэзил задумался.— И что можно получить от изменения?

— Слушай... чисто гипотетически: предел численности населения основан на максимальной производительности общества в сфере материальных благ. Увеличение производительности может повысить допустимое число Вержей и амаратов. Человек, который докажет это, повысит свой слоп.

Бэзил помолчал, глядя в потолок.— Но ведь такие вещи контролируются кем-то, кто заведует в Актуриане всем.

— А твой дидактор Бенберри помогал тебе лечить больных?

Бэзил покачал головой.— Бедный старик Беберри.

— И еще,— сказал Вэйлк.— Клетка Стыда.

— Отвратительно,— пробормотал Бэзил.

— Ужасное наказание, даже в те времена, когда не было Вейрдов.

Бэзил улыбнулся.— Человек может повысить свой слоп, избавив Кларжес от Вейрдов.

Вэйлок кивнул.— Несомненно. Но тот, кто предпримет действия в отношении устранения такого наказания, заслужит всеобщее одобрение и повысит свой слоп.

Бэзил покачал головой.— Я не уверен. Кто протестует против такого наказания? А когда наказанный выходит из клетки в полночь, многие уважаемые граждане выходят посмотреть.

— Или смешиваюсь с Вейрдами.

Бэзил глубоко вздохнул.— Может, ты наведешь меня на что-нибудь ценное, важное.— Он посмотрел на Вэйлока. Благодарю, что ты теряешь время на меня.

— Ничуть не теряю. Дискуссия полезна нам обоим.

— Что ты собираешься делать?

— У меня идея: клиническое изучение Вейрдов, исследование их психологии, мотивов, привычек, распределение филов у них, их общее число.

— Интересно. Однако тема запрещена.

Вэйлок улыбнулся.— Но зато такая, которая заинтересует многих.

— Но где ты получишь материал? Никто не признает себя Вейрдом. Нужно иметь огромное терпение, изворотливость, смелость...

— Я семь лет назад был резидентом в районе Тысячи Воров. Под моим управлением была сотня Берберов.

Бэзил был подавлен.— Мы должны поговорить еще. Я созвонюсь с тобой.

Экран погас. Вэйлок прошел к столу и стал набрасывать план будущих исследований. На практическую работу потребуется шесть месяцев, на описание — еще три. Результат должен поднять его до Веджа.

Он позвонил в одно из известных издательств и через несколько часов явился туда.

Беседа прошла именно так, как он и ждал. Беррет Хоскине, издатель, заговорил о тех же трудностях, о которых говорил Бэзил, но Вэйлок парировал их теми же доводами, и выиграл. Хоскинс сказал, что такие исследования наконец-то прояснят проблему Вейдов, о которых ходят пока только невообразимые сплетни и слухи. Контракт для подписи будет готов на следующий день.

Вэйлок вернулся домой в радостном возбуждении. Это была именно та работа, о которой он мечтал! Какого черта он позволил затащить себя в Паллиаторий? Вероятно, семь лет выжидания затмили его разум, погасили воображение. Теперь он снова в седле и никто не оставит его. Он откроет новую область социологических исследований, он поразит население Кларжеса.

Беррет Хоскинс позвонил Вэйлоку в полдень. На лице его не было и следа вчерашнего энтузиазма. Он прятал глаза от Вэйлока.

— Я действовал опрометчиво, мистер Вэйлок. Наше издательство не может опубликовать это исследование.

— Что!? Что случилось?

— Выявились некоторые обстоятельства, и главный редактор наложил вето на эту публикацию.

Вэйлок бросил трубку в холодном бешенстве. На следующий день он объехал несколько издательств, но ни в одном из них его даже не хотели слушать.

Вернувшись домой, он стал расхаживать по комнате. Наконец он сел к телефлну, набрал номер Джакинт Мартин.

На экране появилась Джакинт, холодная и прекрасная.

Вэйлок не стал тратить слова:

— Ты вмешиваешься в мои дела.

Она несколько секунд молча смотрела на него, затем улыбнулась.— У меня сейчас нет времени говорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— Выслушай меня.

— Поговорим в другой раз.

— Хорошо. Когда?

Она задумалась. Внезапно у нее вспыхнула идея, которая показалась ей забавной:

— Сейчас вечером я буду в Пан-Арт Юнион. Ты можешь мне все сообщить там, если хочешь.— И она загадочно добавила:

— Может, и я что-нибудь скажу тебе.

Экран погас. Вэйлок долго сидел, задумавшись. Убийцы следят за ним. Общество амарантов делает все, чтобы не допустить его успеха. Это очевидно. Все радостные мечты вчерашнего дня оказались иллюзией. Он ощутил меланхолию, такую глубокую, что вся дальнейшая борьба показалась ему бессмысленной. Как хорошо было бы сейчас отдохнуть, погрузившись в сладкое забытие...

Он перевел дыхание. Как мог он хоть на секунду подумать о том, чтобы сдаться, подчиниться?

Он поднялся, одел вечерний костюм — серый с темно-голубым. Он пойдет в Пан-Арт Юнион и встретится со своим противником на его поле. Но зато он задумался. Последние слова Джакинт... не означали ли они что-нибудь зловещее. Он хмыкнул, стал одеваться дальше, но беспокойство росло.

Проверив комнату на предмет наличия шпионских устройств, которые могли быть установлены в его отсутствие, он достал маску — свое альтер эго — и надел ее. Лицо его теперь стало тяжелым и длинным, губы красными и выпуклыми, волосы темно-коричневыми. Затем он набросил плащ и закрепил в волосах безвкусную серебрянную пряжку.

Фариот вэй была пустынной. Несколько человек стояли на движущемся тротуаре. Вэйлок некоторое время смотрел на них из окна. Если это шпионы, то недостаточно опытные. Лишь бы они не подключили воздушное наблюдение и сложную систему связи. Правда, от этого тоже можно уйти, но придется приложить много труда. нельзя уйти только от телевекции, но она запрещена законом.

Вэйлок хотел уйти от слежки сразу, чтобы не раскрыть свое инкогнито. Самая опасная область начиналась в холле, при выходе из квартиры. он приоткрыл дверь и в щель рассматривал все, что мог увидеть. Он не заметил ничего подозрительного, хотя обзор у него был слишком маленький.

Вэйлок снял маску, плащ, свернул их в узел и, неся в руке, вышел из квартиры.

Он прошел по Фариот Вэй на станцию метро. Алеманд Авеню. Там, убедившись, что за ним никто не идет, и никто не подходил близко, чтобы незаметно закрепить на его одежде радиотрейсер, он вошел в капсулу и нажал первую попавшуюся кнопку: Гарстенг. Капсула пришла в движение, и Вэйлок снова натянул альтер это и плащ. После этого он направил капсулу на станцию Флориандер Дек. Он вышел из капсулы, почти уверенный в том, что скрылся от возможного наблюдения.

В киоске он купил коробку Стимос и после минутного колебания проглотил желтую, зеленую и пурпурную таблетки.

Стимос — это таблетки, воздействующие на нервную систему и мозг. Оранжевые таблетки вызывает восторженность и веселье, красные — влюбленность, зеленые — сосредоточенность и усиление воображения, желтые — мужество и решительность, пурпурные — остроту ума и способность общаться с людьми, темно-голубые — сентиментальность, светло-голубые улучшают способность владения мышцами, черные возбуждают визуальные фантазии, белые минимизируют эмоциональный отклик. Таблетки можно комбинировать для получения сложного эффекта.

Впереди возвышались залитые светом склоны холмов. Там находились Подоблачный замок, Вандун Хайленд, Балиас с Паллиаторием возле реки, а дальше — Семафор Хилл, Эйнджел Ден, где жил Бэзил, а еще дальше был расположен Пан-Арт Юнион.

Вэйлок поднялся на посадочную площадку и сел в воздушный кэб. Кэб взвился в воздух. И внизу и вверх сияли мириады огней. За черной лентой реки пылало загромождение Карневала, отражающегося в воде.

ЧАСТЬ 11

Воздушный кэб доставил Вэйлока на посадочную площадку, где уже было много частных флайеров — дорогих игрушек, наслаждаться которыми имели время лишь амаранты да гларки. Широкий туннель, покрытый черным ковром, вел в холл. Вэйлок ступил на ковер. Оказалось, что все ворсинки его незаметно вибрируют и перемещают человека. Вэйлок проехал под стеклянно-золотой портал и оказался в вестибюле. Там он увидел надпись.

**СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!
АКВАФАКТЫ!
РЕЙНГОЛЬД БИБУРСОН!!!**

Большая ленивая женщина сидела за столиком, над которым висел плакат:

Пожертвования принимаются с благодарностью.

Женщине, видно, было скучно, и она плела из проволочной нити замысловатый узор. Вэйлок положил на стол флорин. Женщина поблагодарила его хриплым голосом, не отрываясь от работы. Вэйлок шагнул за бархатные портье и оказался в холле.

Аквафакты Рейнгольда Бибурсона, сложные конфигурации из сгущенной воды, располагались на пьедесталах. Посмотрев на них, Вэйлок решил, что они не представляют для него интереса, и стал наблюдать за присутствующими.

Здесь было около двухсот человек. Они стояли группами, беседовали или циркулируя вокруг блестящих пьедесталов. Рейнольд Бибурсон стоял возле двери. Высокий худой человек семи футов ростом. Он выглядел скорее не как почетный гость, а как жертва, обреченная на страдание. Эта выставка должна была обеспечить ему успех, признание, финансовую поддержку, но он походил на человека, идущего по пустынному лесу. И только когда кто-нибудь обращался непосредственно к нему, он опускал глаза и становился любезен и внимателен.

Джакинт стояла у противоположной стены и разговаривала с молодой женщиной, одетой в платье трагического серо-зеленого цвета. На Джакинт было платье того же цвета, что и ее волосы. Платье было сшито в стиле одежды аквитанских уличных танцовщиц. Волосы ее были уложены в прическу, напоминающую пламя свечи. Глаза ее скользнули по Вэйлоку, когда он вошел в зал, но, видимо, она не узнала его.

Вэйлок двигался вместе со всеми вокруг зала. Джакинт не узнала его, и по-прежнему наблюдала за входом. Ее подруга, молодая, изумительно сложенная женщина, казалась, тоже внимательно следила за входом в зал. Лицо ее сужалось к подбородку и расширялось к скулам. На нем выделялись большие темные блестящие глаза. Роскошные волосы волнами спадали на плечи. Это лицо показалось Вэйлоку знакомым. Где-то, когда-то он видел его.

Он прошел за ними и задержался, чтобы обрывки разговора долетели до него.

— Он придет?— спросила Джакинт волнуемым статто.

— Конечно,— ответила темноволосая,— он ведь без ума от меня.

Вэйлок поднял брови. Значит, ждут не его! Он был даже немного разочарован. Джакинт нервно рассмеялась.— До такой степени?

— Винсет, если я попрошу его, он будет жить даже среди кочевников... А вот и он.

Вэйлок проследил за ее взглядом и увидел человека, вошедшего в зал. Ему, по всей вероятности, было лет тридцать. И по его виду у него был средний фил. Одежда его была слегка экстравагантна и носил он ее с непринужденным изяществом. Маленькие глаза цвета глины, длинный острый нос, маленький подбородок... скорее всего, учитель-наставник, строгий и придирчивый.

Джакинт отвернулась, чтобы отойти.— Может не стоит, чтобы он видел нас вместе?

Темноволосая пожала плечами.— Как хочешь.

Теперь Джакинт могла видеть Вэйлока, и он решил отойти. Так что больше он ничего не мог слышать.

Темноволосая девушка торопливо направилась навстречу тому, кого ждала, и столкнулась с двумя пожилыми джентльменами, направляющимися к Джакинт. Темноволосая сконфуженно улыбнулась и исчезла. Пожилые мужчины подошли к Джакинт и стали беседовать с нею.

Вэйлок продолжал движение по залу, кажется, этот Винсет каким-то образом вовлечен в планы Джакинт. С ним полезно познакомиться поближе.

Винсет сразу направился к темноволосой девушке, но, заметив Рейнгольда Бибурсона, подошел поближе.

— К своему стыду,— говорил юноша,— должен признаться, что совсем незнаком с вашими работами.

— Многие незнакомы,— сказал Бибурсон гортанным голосом.

— Меня очень интесует, мистер Бибурсон,— продолжал юноша,— а сам я техник, как вы переводите воду в такое сгущенное стеклообразное состояние. Как вы получаете из воды такие сложные поверхности и сохраняете их.

Бибурсон улыбнулся.— для меня нет проблем. Я ведь космолетчик, а в коосмосе нет силы тяжести, там я могу делать что угодно, а с помощью излучателя сохраняю формы.

— Великолепно! — воскликнул юноша. — Но склонен думать, что чудовищные бездонные глубины космоса должны скорее повлиять подавляюще, чем возбуждать тягу к творчеству.

Бибурсон снова улыбнулся:

— Космос — это разинутый рот, который требует, чтобы его наполнили, это голова — требующая мыслей, пустота — требующая формы.

— А куда вы летали в последний раз? — спросил Вэйлок.

— Сириус. И планета Дог.

— А! — воскликнул юноша, — значит вы были на борту Стар Эндевор.

— Я главный навигатор.

К ним присоединился мужчина средних лет. — Позвольте представиться, — сказал он, — Якоб Мил.

Вэйлоку показалось, что юноша насторожился. — Мое имя Винсент Роденейв, — сказал он неохотно.

Вэйлок промолчал. Бибурсон смотрел на них со спокойной отрешенностью.

Якоб Мил обратился к нему:

— Еще никогда не разговаривал с космолетчиком. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Конечно, нет.

— Я читал, что во вселенной существует бесчисленное множество миров.

Бибурсон кивнул.

— И есть миры, где человек может выйти из корабля и жить.

— Я видел такие миры.

— Вы исследуете такие миры, если предоставляется возможность?

Бибурсон улыбнулся. — не часто. Я ведь всего лишь пилот, извозчик, и делаю только то, что мне приказывают.

— О, я вижу, что вы можете рассказать больше, — запротестовал Мил.

Бибурсон кивнул. — Есть планета, о которой я редко рассказываю. Свежая и прекрасная, как весенний сад, она моя, еще никто не открыл ее. Это девственная планета с ледяными шапками полюсов, континентов, горами, океанами, лесами, пустынями... Она моя. Я бродил по берегу реки. Справа и слева от меня стояли голубые леса, впереди возвышались горные хребты. И все это мое. Ни одного человека в пределах пятнадцати световых лет...

— Да, вы богач,— сказал Мил.— Вам можно позавидовать.

Бибурсон покачал головой.— Этот мир я видел лишь однажды. И увидеть его снова столько же шансов, сколько увидеть знакомое лицо на улице чужого города. Я потерял свою планету. И, вероятно, никогда ее не найду.

— Но есть и другие миры. Мжет, их хватит на всех? Стоит только отыскать их.

Бибурсон рассеянно кивнул.

— Вот такая жизнь мне нравится,— сказал Вэйлок.

Якоб Мил рассмеялся.— О, мы, люди, живущие в Кларжесе, не космолетчики. И Бибурсон не один из нас. Он из прошлого. Или из будущего?

Бибурсон посмотрел на Мила с меланхолическим интересом, но ничего не сказал.

— Мы живем в крепости,— сказал Мил.— Мы отгородились от варваров барьером, мы находимся на острове в море дикости. И это определяет всю нашу жизнь. Слоп! Слоп!! Слоп!!! Вот все, что можно услышать в Кларжесе.— Мил воздел руки в сардоническом отчаянии и пошел прочь.

Роденейв тоже двинулся по залу, обходя аквафакты. Вэйлок немного постоял, затем присоединился к нему. Они вступили в разговор.

— Меня удивляет,— сказал Роденейв, указывая на причудливые формы,— как поддерживаются эти линии? Ведь поверхностное натяжение воды должно было бы все перевести в сферы.

Винсент согласился без спора. Они прошли мимо Джакинта, все еще беседующей с двумя стариками.

— Это Джакинт Мартин,— небрежно бросил Вэйлок.— Ты знаком с нею?

Роденейв бросил на Вэйлока острый взгляд.

— Только понаслышке. А ты знаешь ее?

— Очень мало.

— Лично я здесь по настоящему приглашению Анастасии Фанкур,— сказал Винсент, и Вэйлок ощутил дрожь в его голосе.

— Я не знаком с нею.— Так вот почему это лицо показалось ему знакомым! Анастасия Фанкур!

Знаменитая мим!

Роденейв снова оценивающе посмотрел на Вэйлока.— Она подруга Джакинта.

Вэйлок расхохотался.— Между амарантами не бывает дружбы. Они слишком довольны собой и не нуждаются в дружбе.

— Ты, вероятно, серьезно изучал психологию амарантов?

Вэйлок пожал плечами.— Да нет.— Он посмотрел вдале. Рэйнгольд Бибурсон. Какой у него фил?

— Ведж. Хорошее достижение для космолетчика.

— А какой фил у тебя?— спросил Вэйлок.

Роденейв назвал свой статус: Серд. Он работал техническим руководителем в Актуриане. В последний год я ввел упрощение в телевикторную систему. Раньше оператор интерпретировал код и затем переводил его в координаты общей карты. Сейчас информация печатается прямо на лист, который является непосредственной частью карты. За это я и стал Сердом.

— Поздравляю,— сказал Вэйлок.— Мой друг хочет перейти на работу в Актуриан. Он будет рад услышать, что там есть возможности для повышения.

Винсент посмотрел на Вэйлока.— В какой области он хочет работать?

—Вероятно, в области общественных отношений.

— О, там он ничего не заработает,— фыркнул Роденейв.

— Разве нет возможности повысить слоп на усовершенствованиях? Я и сам хотел бы поступить в Актуриан.

Роденейв смутился.— К чему эта всеобщая миграция в Актуриан? У нас прозаическая работа, ничего необычного.

— Но ты же существенно повысил свой слоп.

— В технической области, если у человека есть логический ум, точная память, работоспособность, он всегда добьется успеха. Хотя, должен заметить, мой успех больше связан с изобретением.

Вэйлок посмотрел по сторонам.— Интересно. И что же ты изобрел?

— Ничего существенного, но это приобрело большую популярность. Ты, наверное, и сам не раз грелся у очага.

— Конечно! — воскликнул Вэйлок.

— Очаг — это встроенный в стену экран. При включении на экране возникает изображение огня с углями, с потрескиванием с запахом дыма... и с инфракрасным излучением.

— О, ты со своим изобретением, наверное, повысил не только свой слоп, но и улучшил материальное положение.

Роденейв фыркнул.— Кто думает о деньгах, когда жизнь так коротка? Сейчас я должен был бы быть дома и изучать логарифмы.

— ?!

— Я тренирую память. Уже сейчас я умею определять логарифмы числа при любом основании.

Вэйлок с сомнением улыбнулся.— Чему равен логарифм сорока двух?

— при каком основании?

— 10.

— 62352

— 85?

Роденейв покачал головой.— я дошел только до 71.

— Тогда 71?

— 85126.

— Как ты делаешь это?

Роденейв махнул рукой.— Мнемоническая система. каждую цифру я представляю как часть речи. 1 — неодушевленное существительное, 2 — одушевленное существительное, 3 — существительно-растение, 4 — минерал, 5 — глагол, 6 — наречие эмоции, 7 — наречие цвета, 8 — наречие направления, 9 — размера, 0 — ничто. Для каждого числа я составляю кодовое предложение.

— Замечательно.

— Сегодня,— вздохнул Роденейв,— я должен был дойти до 74 или 75. Если бы не Анастазия.— Он замолчал.— А вот и она.

Винсент смотрел на Анастезию, как замороженный.

Анастезия подошла к ним легкими, как у котенка, шагами.

— Добрый вечер, Винсент,— сказала она чистым голосом и искоса бросила на Вэйлока короткий взгляд. Роденейв сразу забыл о Вэйлоке.

— Я принес то, о чем ты просила. И позаботился, чтобы не было ни малейшего риска.

— Прекрасно, Винсент.— Она взяла его руки и наклонилась совсем близко к нему, отчего он весь напрягся и побледнел.— Зайди ко мне после представления.

Роденейв расплылся в улыбке. Анастазия тоже улыбнулась ему, снова бросила косой взгляд на Вэйлока и исчезла. Двое мужчин смотрели ей вслед.

— Чудесное создание, — пробормотал Винсент.

Анастасия остановилась возле Джакинт, которая спросила ее о чем-то. Анастасия кивком показала на Винсента Роденейва. Джакинт повернулась и увидела стоящих рядом Винсента и Вэйлока.

Глаза ее расширились от изумления. Она нахмурилась и отвернулась. — Неужели она узнала его? — подумал Вэйлок.

Винсент Роденейв тоже заметил взгляд Джакинт. Он с любопытством посмотрел на Вэйлока. — Ты не назвал мне своего имени.

— Я — Я Гэвин Вэйлок, — грубо и прямо ответил Вэйлок.

Брови Роденейва взметнулись вверх, рот открылся. — Ты сказал — Гэвин Вэйлок?

— Да.

Роденейв осмотрелся. — Сюда идет Якоб Мил. Я лучше уйду.

— Чем он неприятен тебе?

Роденейв бросил на него короткий взгляд. — Разве ты не слышал о Визерерах?

— Я слышал, что они встречаются в Холле Откровения.

Роденейв кивнул. — Я не желаю слушать его излияния. Он гларк с головы до ног.

Роденейв поспешил прочь. Вэйлок взглянул на Джакинт, которая все еще была занята беседой.

Якоб Мил подошел к Вэйлоку и с улыбкой посмотрел вслед Роденейву. — Можно подумать, что юный Роденейв избегает меня.

— Кажется, он боится твоей философии.

Якоб Мил начал что-то говорить, но Вэйлок извинился и пошел за Роденейвом, который остановился возле одной из структур. Заметив Вэйлока, он отвернулся.

Вэйлок тронул его за плечо, и Винсент повернулся к нему с недовольной миной.

— Я хочу поговорить с тобой, Роденейв.

— Сожалею, не сейчас...

— Может, нам лучше выйти?

— У меня нет такого желания.

— Тогда пройдем в боковой холл. Там легче поговорить о делах. — Вэйлок взял Роденейва за руку и повел его в один из боковых альковов.

Там он отпустил Винсента. — Отдай это мне.

— Что?

— Ты принес для Анастазии что-то, что касается меня. Я хочу увидеть это.

— Ты ошибаешься.— Роденейв хотел уйти, но Вэйлок крепко взял его за руку.— Отдай это мне.

Роденейв стал вырываться. Вэйлок распахнул его пиджак и в кармане жилета увидел конверт. Он взял его, несмотря на отчаянные протесты и сопротивления Винсента Роденейва.

Открыв конверт, Вэйлок увидел три квадратные пленки. Он взял одну, посмотрел на свет. Изображение было слишком мелким, но разобрать метку он смог: Грэйвин Варлок.

— А,— сказал Вэйлок.— Я начинаю понимать.

Роденейв стоял поникший, но взбешенный.

На второй пленке стояла метка: Гэвин Вэйлок. На третьей.— Анастазия.

— Это же телевекторы,— сказал Вэйлок.— И ты мне скажешь...

— Я не скажу ничего! — резко оборвал его Роденейв.— Глаза его злобно сверкнули.

Вэйлок с любопытством посмотрел на него.— Ты понимаешь, что будет, если я заявлю на тебя?

— Безвредная шутка, и ничего больше.

— Безвредная? Шутка? Ведь ты вмешиваешься в мою жизнь. Ведь даже убийцы не имеют права пользоваться телевекцией.

— Ты преувеличиваешь серьезные дела.

— А ты преувеличиваешь расстояние до клетки Стида.

Роденейв махнул рукой.— Отдай мне пленки.

Вэйлок насмешливо посмотрел на него.— Ты сумасшедший?

Роденейв стал пытаться свести свою роль к минимуму.— Я сделал это только по просьбе Анастазии.

— Зачем ей это?

— Не знаю.

— Я уверен, что она хотела передать пленки Джакинт.

Роденейв пожал плечами.— Не мое дело.

— Ты сделаешь ей другие?— осторожно поинтересовался Вэйлок.

Роденейв встретился с ним взглядом, отвернулся.— Нет.

— Мне бы хотелось, чтобы это было так.

Роденейв посмотрел на конверт.— А что ты с ними будешь делать?

— Ничего, что затронуло бы тебя. Благодарю бога, что удалось легко отделаться.

Винсент повернулся и вышел из алькова.

Вэйлок некоторое время размышлял, затем снял маску, сунул ее в угол и вышел в зал.

Джакинт сразу увидела его. Глаза их встретились, и Вэйлок почувствовал в них вызов. Он пошел к ней. Джакинт ждала его с холодной усмешкой.

— Халдеман видел руины в Бискайской гавани...— говорил один из собеседников Джакинт.— Стены, бронзовые стеллы, обломки мозаики, панель голубого стекла...

Другой хлопнул в ладоши от энтузиазма.— О, это настоящие чудеса! Если бы я не был занят в офисе, я присоединился бы к экспедиции.

Джакинт протянула руку в направлении Вэйлока.— Вот человек, предназначенный для авантюры! — Она представила всех друг другу:

— Сидом Сэм...— подтянутый человек с обветренным лицом.

— ... и его честь Канцлер Пританеона Клод Имиш... хорошо откормленный седоватый старец.

Вэйлок сделал необходимые формальности.

Джакинт, ощущая внутреннее напряжение Вэйлока, сказала ему:

— Мы говорим о последней экспедиции Сэма. Он подводный археолог. Разве это не увлекательно, Гэвин Вэйлок, увидеть разрушенные города под водой?

— Очень увлекательно! — воскликнул канцлер Имиш.

— А что это за город?— спросила Джакинт.

Сэм покачал головой.— Кто знает? Только дальнейшие исследования могут ответить на это.

— А вам досаждали пираты?

— До некоторой степени. Но мы научили их остерегаться нас.

Вэйлок больше не мог сдерживать нетерпение. Он обратился к Джакинт.— Могу я поговорить с тобой?

— Конечно.— Она извинилась перед собеседниками и они отошли в сторону.

— Ну, Гэвин Вэйлок, что ты хочешь?

— Почему ты хотела, чтобы я явился сюда?

Она изобразила удивление.— Разве ты не хотел встретиться со мной?

— Я тебе уже сказал: если ты будешь вмешиваться в мою жизнь, я буду вмешиваться в твою.

— Это звучит как угроза, Гэвин.

— Нет. Я не угрожаю тебе в присутствии этого...— он указал на круглую кнопку, передающее устройство, с помощью которого вся информация о жизни амаранта поступает к его суррогатам.

— Если бы я имела это в Карневале,— вздохнула она. Тогда бы не было всего, что произошло.— Она посмотрела мимо Вэйлока и глаза ее сузились от возбуждения.— А вот и тот, с кем тебе нужно встретиться. Очередной любовник Анастазии... один из них...

Вэйлок повернулся. Абель МанDEVиль!!! Они смотрели друг на друга.

— Грэйвен Варлок! — воскликнул Абель.

Вэйлок холодно ответил:

— Мое имя Гэвин Вэйлок.

— Гэвин заявил, что он реликт Грейвена,— сказала Джакинт.

— Тогда я извиняюсь,— глаза Абеля сузились.— Реликт? Не суррогат?

— Реликт.

Абель внимательно смотрел на Вэйлока, изучая его движения.— Возможно, возможно. Но ты не реликт. Ты Грэйвен, каким-то образом избежавший уничтожения.— Он повернулся к Джакинт.

— Что можно сделать с монстром, чтобы привести его в руки правосудия?

— Не знаю,— задумчиво ответила Джакинт.

— Почему ты общаешься с ним?

— Должна признать, он интересуется меня. И, может быть, он суррогат...

Абель махнул большой красной рукой:

— Где-то произошла ошибка. Когда убийцы хватают человека, они должны уничтожать все, даже память о нем.

— Абель,— сказала Джакинт, глядя на Вэйлока.— К чему вспоминать о прошлых ошибках, когда полно новых?

Абель хрипло прорычал:

— Монстериизм становится респектабельным занятием.— Он повернулся и ушел.

Джакинт и Вэйлок смотрели ему вслед.— Он сегодня более желчен, чем обычно,— сказала Джакинт.— Это из-за Анастазии. Ревность грызет его.

— Ты пригласила меня сюда для встречи с ним?

— Ты слишком чувствителен. Да, я хотела быть свидетелем этой встречи. Меня интересует, каковы были твои мотивы для моего уничтожения. И я уверена, что ты Грэйвен Варлок.

— Но мое имя Гэвин Вэйлок.

Она отмахнулась от этих слов.— Я не уверена в этом. Прежняя Джакинт не могла бы заинтересоваться тобой. Причина всему — дело Варлока-Мандевилля.

— Даже если это и так, почему я должен был убивать тебя?

— Когда я увидела тебя в Карневале, еще не прошло семь лет. Ты боялся, что я передам тебя убийцам?

— Предположим, что это так. Ты сообщила бы обо мне убийцам?

— Обязательно. Ты повинен в ужасном перступлении и повторил его в Карневале.

— Ты очень странная. Чтение мыслей доказало, что я ничего не знаю, а ты не хочешь поверить в это.

— Я не дуручка, Гэвин Вэйлок.

— Даже если я виновен... а я никогда этого не признаю... в чем состав преступления? Ни ты, ни Абель не испытали ничего, кроме маленького неудобства.

— Преступление,— мягко сказала Джакинт,— состоит в твоей готовности отобрать чужую жизнь.

Вэйлок беспокожно осмотрелся. Мужчины, женщины... они разговаривали, смеялись, рассматривали экспонаты... Его беседа с Джакинт казалась чем-то нереальным.

— Сейчас вряд ли подходящее время спорить об этом,— сказал он.— Однако я должен сказать, что, если лишение жизни — преступление, то преступники все, кроме гларков.

Джакинт прошептала в притворном ужасе:

— Расскажи, в чем заключается мое преступление.

Вэйлок кивнул.— Один амарант на две тысячи человек, такова разрешенная пропорция. Когда ты стала амарантом, информацию об этом ввели в Актуриан. Две тысячи черных автомобилей выехали по приказу Актуриана. Две тысячи дверей отворились, две тысячи несчастных покинули свои дома, поднялись на три ступеньки, две тысячи...

Голос Джакинт зазвучал как расстроенная скрипка:

— Но я тут ни при чем...

— Да,— ответил Вэйлок.— Это борьба за существование, вечная борьба, но самая жестокая и безжалостная

за всю историю человечества. И ты сочиняешь фальшивые теории, обманываешь себя, ослепляешь... Если бы ты честно смотрела в лицо действительности, в паллиатории было бы меньше пациентов.

— Bravo! — воскликнул канцлер Имсиш, подошедший сзади. Неортодоксальный взгляд на вещи, высказанный с большой искренностью.

Вэйлок поклонился. — Благодарю. — Он поклонился Джакинт и пошел через толпу.

Вэйлок сел в тихом углу. Значит, Джакинт заманила его сюда, чтобы установить его личность. Если не с помощью Абея Мандевиля, то по телевекторным диаграммам, которые, по требованию Анастазии, достал ее поклонник.

Вэйлок достал пленки, стал рассматривать их. Телевекторные диаграммы Гэвина Вэйлока и Грэйвена Варлока совпадали полностью. Вэйлок улыбнулся и разорвал их. На диаграмме Анастазии изображение было расплывчатым. Как будто два изображения наложились одно на другое. Даже красный крест — знак совмещения — и тот был двойным. Один четкий и яркий, другой бледный и расплывчатый. Почему же такая нечеткость, двойное изображение? Вряд ли это неполадки в машине. Впечатление такое, как будто наложились диаграммы двух человек. Но это же невозможно. Альфа-диаграммы каждого мозга уникальны...

И вдруг у Вэйлока вспыхнула мысль, с первого взгляда абсурдная, но... Но если это так...

Возбуждение охватило его. В его мозгу созрел подробный план действий.

Но вот звуки труб разорвали течение его мыслей. Голоса затихли, свет стал меркнуть.

Часть стены отошла в сторону и открыла сцену с черным занавесом. На сцене появился молодой человек.

— Друзья искусства! Перед нами согласилась выступить самая замечательная актриса. Я, конечно, имею в виду несравненную Анастасию де Фанкур. Она поведет нас за кулисы кажущегося и скинет вуаль с действительности. Выступление будет коротким и она просила меня извиниться за некоторую схематичность представления. Но я не хочу этого делать. Помогать Анастазии будет музыкант-любитель, иными словами — я.

Он поклонился и исчез. В холле стало темно.

Черный занавес задрожал. Вспыхнул свет прожектора, но на сцене никто не появился.

Потом из мрака вышла хрупкая белая фигурка в костюме Пьеро. Казалось, она вся трепещет в ярком свете. Она нерешительно подошла к занавесу и как бы в нерешительности отогнула его. Что-то большое, черное прыгнуло на нее. Девушка бросила занавес, отскочила, пошла со сцены. Луч света преследовал ее. Она повернулась к зрителям. Лицо ее было белое, как снег. На нем четко выделялись черные губы. Волосы едва прикрывала белая шапочка с черным помпоном. На ней был свободный белый балахон с черными помпонами на месте пуговиц. Черные большие глаза, брови, выгнутые так, что придавали лицу изумленное выражение,— наполовину клоун, наполовину привидение.

Она отошла к самому краю сцены и смотрела на занавес, который, дрожа, отошел в сторону.

Так началась пантомима, которая длилась 15 минут. Она состояла из трех эпизодов, в каждом из которых утверждалась победа сердца над разумом, фантазии над реальностью. Каждый эпизод был обезоруживающе прост, но эту простоту было трудно увидеть за дьявольским очарованием мима, ее скорбно опущенными углами черного рта, ее большими, как чернильные озера, глазами. Каждый эпизод сопровождался музыкой и ритмический рисунок начинался с простейшего, постепенно усложняясь, переходя в сложные построения, имеющие глубокий философский смысл.

Действие первого эпизода происходит в лаборатории парфюмерной фабрики, где девушка работает лаборантом. Она смешивает разные масла, эссенции, но в результате получает только зловонный пар, который заставляет морщиться зрителей в зале. Девушка в отчаянии всплескивает руками и берет толстую книгу. Затем она бросает в чашу рыбью голову и горсть розовых лепестков. В чаше вспыхивает зеленое пламя. Девушка в трансе. Она роняет в чашу свой платок и из чаши поднимается сноп разноцветных искр — чудо пиротехники. Все это сопровождается чарующей музыкой.

Во втором эпизоде девушка ухаживает за садом. Земля сухая и каменистая. Она выкапывает ямки и в каждую сажает цветок — розу, подсолнух, лилию... Цветы одни за другими сохнут и желтеют. Девушка в отчаянии. Она ломает руки, рвет цветы, бросает их на землю. В порыве отчаяния она втыкает в землю лопату. Тут же из черенка

лопаты начинают расти ветки, покрытые зелеными листьями. На ветках висят спелые плоды.

В третьем эпизоде сцена абсолютно темная. Виден только циферблат часов, зеленые стрелки и красная метка на 12 часах. Девушка выходит на сцену, смотрит на сцену и начинает строить дом. Она строит его из совсем неподходящих материалов — сломанных досок, кусков металла, осколков стекла. Несмотря на это, у нее что-то получается. Вырисовывается структура дома. Девушка снова смотрит на небо и начинает работать быстрее. Стрелка приближается к красной отметке.

Дом готов. Девушка счастлива. Она открывает дверь, чтобы войти, и отгоняет птиц. Пока она этим занята, стрелка коснулась красной отметки: яркая вспышка света, гром... яростный белый прибой расшвыривает обломки досок и камней, захлестывает и уносит девушку... Рев, скрежет, нечеловеческий вопль.

В холле включился свет, занавес опустился, секция стены встала на место.

Анастасия де Фанкур вернулась в свою комнату, закрыла за собой дверь. Она чувствовала себя так, как будто вынырнула из ледяной воды и вернулась на солнечный пляж.

Спектакль вроде бы получился, хотя и были шероховатости. Возможно, придется добавить еще один эпизод...

Она застыла. В комнате был кто-то чужой. Незнакомый. Она заглянула в маленькую прихожую. Там сидел мужчина. Большой мужчина с бородой.

Анастасия прошла вперед, сняв шапочку и распустив волосы.

— Мистер Рэйнгольд Бибурсон. Большая честь для меня.

Бибурсон медленно покачал головой. — Нет. Это честь для меня. Я не буду извиняться за вторжение. Космолетчики выше условностей.

Анастасия рассмеялась. — Я бы согласилась с вами, если бы знала, какие условности вы имеете в виду.

Бибурсон отвел глаза в сторону. Анастасия подошла к столу, взяла полотенце и начала вытирать грим с лица.

— Я не из тех, кто умеет хорошо говорить, — сказала Бибурсон. — В моих мыслях рождаются картины, которые мне трудно перевести в слова. Мне приходилось бодрствовать на вахте недели, месяцы, пока остальные спали.

Анастасия скользнула в кресло.— Вы, должно быть, очень одиноки.

— У меня есть работа. Есть скульптуры. Есть музыка. Сегодня я увидел вас и поразился. До сих пор я только в музыке находил то, что всколыхнули во мне вы.

— Этого следовало ожидать. Мое искусство как музыка. И я, как музыканты, пользуюсь символами, далекими от реальности.

Бибурсон кивнул.— Я понимаю.

Анастасия подошла к нему, заглянула в его лицо.— Вы странный человек. Вы чудесный человек. Почему вы здесь?

— Я пришел просить, чтобы вы пошли со мной,— ответил Бибурсон с величественной прямоотой.— В космос. Стар Энтепрайз готовится к полету. Скоро мы полетим на Акарнар. Я зову вас с собой, в черное, украшенное звездами небо.

Анастасия улыбнулась.

— Я такая же трусиха, как и все остальные.

— В это трудно поверить.

— Но это правда.— Она подошла к нему, положила руку на его плечо.— Я не могу покинуть свои суррогаты. Тогда распадется связь между нами. Как видишь, моя свобода весьма ограничена.

Сзади послышались шаги и раздался хриплый голос:

— Должен сказать, что сценка весьма любопытная.

В дверях стоял Абель Мандевиль и рассматривал комнату. Он прошел вперед.

— Крутишь шашни с этой бородатой вороной? Обнимаешься с ним?

Анастасия разозлилась.— Не слишком ли ты много позволяешь себе?

— Ха! Моя грубость менее тошнотворна, чем твое легкомыслие.

Бибурсон встал.— Боюсь, что я испортил вам весь вечер,— печально сказал он.

Мандевиль хмыкнул:

— Не обвиняй себя. На твоем месте мог быть любой другой.

Раздался другой голос. В комнату заглядывал Винсент. Могу я поговорить с тобой, Анастасия?

— Еще один! — воскликнул Абель.

Роденейв напрягся.— Это оскорбление, сэр.

— Не имеет значения. Что тебе здесь нужно?

— Я не вижу, почему это должно интересовать вас?

Абель двинулся к нему. Роденейв, ростом чуть ли не вдвое ниже его, не тронулся с места. Анастасия очутилась между ними.— Эй, петухи! Остановитесь! Абель, уйдешь ли ты наконец?

Абель взбесился.— Мне уйти? Мне?

— Да.

— Я уйду последним. Я хочу говорить с тобой.— Он махнул в сторону Роденейва и Бибурсона.— Эй, вы, уходите!

Бибурсон поклонился и вышел с печальной грацией.

Винсент нахмурился.— Может быть, мы увидимся позже? Мне нужно объяснить...

Анастасия пошла вперед. Ее лицо выражало страшную усталость.— Не сегодня, Винсент. Мне нужно отдохнуть.

Роденейв заколебался, затем ушел.

Анастасия повернулась к Абелью.— Абель, пожалуйста. Мне нужно переодеться.

Но Абель стоял, как бык.— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я не хочу от тебя ничего! — голос ее внезапно сорвался на крик.— Ты понимаешь, Абель? Я с тобой покончила навсегда, навсегда! Уходи! — Анастасия отвернулась от него и стала вытирать грим.

Сзади послышались тяжелые шаги, затем возглас, стон, звук упавшего тела и мерное капанье — кап, кап, кап... которое скоро прекратилось.

Часть 12

Следующий день был воскресенье. Вэйлок проснулся в состоянии крайней прострации. Он медленно оделся, вышел на улицу и пошел вдоль озера по направлению к Эстергази Сквер. Выбрав место в небольшом кафе, откуда он мог бы видеть и озеро и набережную, он заказал крепкий чай и рогастики с джемом.

Площадь была залита солнечным светом. Народу было больше, чем обычно. Дюжина крикливых детей играла в игры «Найди Гларка». Поблизости от Вэйлока сидели трое юношей и разговаривали, изредка громко смеясь.

Вэйлок прислушался. Юноши рассказывали анекдоты, большей частью неприличные.

Настроение его ухудшилось. Он мог повернуться к ним и сказать: «Смотрите на меня, я монстр. Я убил не один раз, а два. А сейчас я обдумываю способ убить много людей». Эти идиоты раскрыли бы от страха рты, они подавились бы своим кретинским смехом.

Солнце грело все сильнее, и постепенно к Вэйлоку стало возвращаться присутствие духа.

События прошлого вечера должны были реабилитировать его. Это должна была признать даже Джакинт. Если она согласится прекратить свои преследования, он может забыть тот ужасный план, что зрел в его голове. Однако он понимал, что ему будет трудно отказаться от него.

Вэйлок достал из кармана конверт Роденейва и стал рассматривать пленку Анастазии. Разделить эти два изображения, наложенные друг на друга, совсем нетрудно. Обычная фототехника с фазовым анализом.

Он снова спрятал конверт в карман. Роденейв сильно рисковал из-за Анастазии. Если бы все открылось, он потерял бы работу и его ждала бы Клетка Стыда. Он, Вэйлок, однажды рискнул и ничего не выиграл. Кажется, сейчас ему не остается ничего, кроме как рискнуть снова, но с большей вероятностью выигрыша.

Вэйлок посмотрел на залитую солнцем площадь, где играли дети, где мужчины и женщины шли в Актуриан и выходили оттуда с неподвижными лицами, угасшими глазами. Вэйлок взял газету. С первой страницы на него смотрело лицо Анастазии де Фанкур, прекрасное и одухотворенное, как лицо Сильфиды. Да, ее выступление было потрясающим. Вэйлок взглянул на название газеты. «Кларион» — газета Абеля.

Вэйлок быстро пробежал глазами новости. Миллионер гларк предлагал все свое состояние за то, чтобы стать амантом. Автор жестоко высмеивал незадачливого миллионера. Новый суперинтендант Леон Граделла рассказывал о Баллиасском Паллиатории. Лига Гражданской Морали гневно клеймила развлечения в Карневале, называя их позорными, грязными, отвратительными.

Вэйлок зевнул, отложил газету. По набережной шла странная пара: высокий угрюмый молодой человек и женщина, такая же высокая, с гладкими рыжими волосами, и лицом длинным, как скрипка. На ней был ярко-зеленый жакет, ярко-желтая юбка, на руках звенела дюжина медных браслетов.

Вэйлок узнал ее: Пледж Каддиган. Они встретились глазами.— Гэвин Вэйлок! — воскликнула она и всплес-

нула длинными руками. Она подхватила молодого человека и потащила его к столу, где сидел Вэйлок.

— Роджер Бисли, Гэвин Вэйлок,— представила она.— Мы можем посидеть с тобой?

— Конечно.— Если Пледж и скорбела о муже, то она хорошо скрывала свои эмоции.

Пледж и Роджер сели за стол Вэйлока.

— Я надеюсь, Роджер,— сказала Пледж,— что Гэвин Вэйлок станет одним из наших.

— Кем же? — спросил Вэйлок.

— Визезером, конечно. Сейчас все мыслящие люди приходят к нам.

— А кто такие Визезеры?

Пледж в притворном ужасе закатила глаза:

— О нас так много говорят... Мы люди протеста. Мы создали свою коалицию и теперь организуем центральный комитет.

— Зачем?

Пледж удивилась.— Чтобы мы стали социальной силой и могли что-то делать с правительством.

— Что именно?

Пледж снова всплеснула руками. Браслеты зазвенели. Если мы все будем заодно, то все будет просто. Нынешние условия жизни невыносимы. Мы все хотим перемен. Все, кроме Бисли.

Бисли кротко улыбнулся.— Наш мир несовершенен. Но я уверен, что нынешняя система ничем не хуже любой другой.

Пледж сделала гримасу.— Видишь, насколько он консервативен?

Вэйлок посмотрел на Бисли.— Почему же тогда он с вами?

— А почему нет? — воскликнул Бисли.— Я самый настоящий Визерер. Они спрашивают друг друга: каким будет мир? А я конкретизирую вопрос: каким будет мир, если нынешние условия сохранятся?

— Он не предлагает ничего конструктивного, лишь спорит с нами.

— Ничего подобного. У меня есть четкая точка зрения. Она настолько проста, что Пледж и ее горячие друзья не могут понять ее. Я считаю так: Первое — каждый хочет вечной жизни. Второе — этого нельзя допустить, иначе мы вступим в новый век Хаоса. И третье — очевидное решение — дать вечную жизнь только тем, кто заслужил ее. А это и есть наша нынешняя система.

— Но люди! Их постоянное нервное напряжение, страдания, ужас! Что ты скажешь о несчастных, заполняющих Паллиаторий? Двадцать пять процентов всего населения!!!

Бисли пожал плечами.— Мир несовершенен. В нем всегда будет страх и боль. Мы стремимся уменьшить их. Именно этим и нужно заниматься.

— О, Роджер! Ты не можешь серьезно верить в это!

— При отсутствии доказательств обратного верю.— Он повернулся к Вэйлоку.— Во всяком случае, такова моя точка зрения, за что и подвергаюсь нападкам со стороны этих горячих голов.

— Я встречался с Визерером прошлым вечером,— сказал Вэйлок.— Его звали Якоб Мил...

— Якоб Мил! — Пledж от возбуждения ушипнула Бисли. Роджер, позвони ему. Он живет рядом. Спроси, не придет ли он сюда.

Роджер Бисли сделал гримасу и тогда Пledж сказала:

— Хорошо. Я сама.— Она встала, пошла к телефону.

— Очень горячая особа,— заметил Бисли.

— Да, пожалуй.

Пledж вернулась.— Он выходит. Сейчас будет здесь.

Вскоре появился Якоб Мил и был представлен Вэйлоку.

Мил наморщил лоб.— Ваше лицо мне знакомо. Мы уже встречались?

— Я видел вас вчера в Пан-Арт Юнион.

— Да? — Мил нахмурился.— Возможно. Я не помню... Ужасное событие.

— Действительно ужасное.

— А? Что случилось? — спросила Пledж и не успокоилась, пока не получила полный отчет обо всем. Снова заговорили о Видерерах. Мил сетовал на упадок и дегенерацию статичного общества. Вэйлок сидел и смотрел на озеро.

Роджер Бисли воскликнул:

— Якоб, ты витаешь в облаках! Чтобы идти куда-то, нужно знать куда идти!

— Человечество уничтожило своего последнего врага. Мы открыли тайну вечной жизни и она должна принадлежать всем!

— Ха, ха,— рассмеялся Бисли.— Под этой маской доброты скрывается самая высокая доктрина. Кларжес, населенный амарантами, плодящимися и размножающимися! А потом — спасайся, кто может!

Вэйлок задумчиво сказал:

— Ход событий будет неотвратимым. Сначала мы переполним свое государство. Затем перехлестнем границы. Варвары объявят нам войну. Мы будем оттеснять их все дальше. Наше население все будет расти. Мы оросим пустыни, воздвигнем острова в океанах, вырубим тайгу и все это время нам придется воевать.

— Это будет империя, — пробормотал Бисли, — воздвигнутая на костях, сцементированная кровью.

— И что потом? — спросил Вэйлок. — Мы завоюем мир. Через сто лет мирной жизни люди будут стоять на земле плечом к плечу на суше, а тем, кому не нашлось места на суше, будут плавать на плотках.

Якоб Мил вздохнул. — Именно это я и называю ленностью мышления. Все видят проблему, обсуждают ее возможные решения, а затем опускают руки и живут по-прежнему, утешая себя мыслью о том, что хотя бы поговорили об этом.

Наступила пауза.

Снова заговорил Якоб Мил. — Если бы у меня была власть, я никому не сообщил бы своих идей. Ими должен проникнуться каждый. Каждый должен понять необходимость такого шага.

— Но Якоб! — сказала Пледж. — Все обеспокоены, все ищут решение, все думают, куда идти.

Якоб пожал плечами. — Я знаю, куда идти мне — но пойдут ли все за мной? Я не имею права звать за собой.

Роджер саркастически заметил:

— Может, ты нам укажешь направление?

Мил улыбнулся и показал на небо. — Вот наш путь. К звездам. Вселенная нас ждет.

Наступила тишина, почти замешательство. Якоб смотрел на них, улыбаясь. — Вы считаете меня сумасшедшим? Может, я и есть сумасшедший. Простите меня.

— Нет, нет, — запротестовала Пледж.

— Может, это и решение проблемы, — сказал Бисли, — но не для жителей Кларжеса. У нас устоявшийся образ жизни, привычки, карьера, в конце концов.

— Цитадель, — сказал Мил с презрением. И указал на Актуриан. — А это сердце цитадели.

Пледж вздохнула. — Ты мне напомнил. Мне нужно проверить свой слоп. Я не была там уже две недели. Кто-нибудь идет со мной?

Бисли согласился сопровождать ее. Все поднялись, вышли из кафе и разошлись.

Вэйлок купил новости. Заголовок в газете заставил его остановиться.

Абель Мандевилль совершил второе по тяжести страшное преступление: самоуничтожение. Шеф убийц Обри Хорват написал в газете:

Мы надеемся и настаиваем, чтобы те, кто будет общаться с новым Абелем Мандевилем, были великодушны и снисходительны. Естественно, его поступок не скрыть от нового Абеля, но не нужно рассматривать его как потенциального самоубийцу. Дадим ему шанс снова построить свою жизнь и будем общаться с ним, как с обычным человеком.

На следующее утро Вэйлок пришел в Актуриан и подал заявление о приеме на работу.

Суровая молодая женщина, заполнявшая его карту, не была расположена одобрять его решение. — Естественно, это ваше право — работать там, где хочется. Но я советую подумать. Ведь на каждую работу, обеспечивающую высокий слоп, претендует много не менее умных, высокообразованных людей. Человек с амбициями искал бы работу в другом месте.

Вэйлок отказался последовать совету и был послан в боковую комнату, где подвергся осмотру и десятку различных тестов. Когда он вернулся в офис, молодая женщина уже кодировала результаты тестов.

Она с новым интересом посмотрела на него.

— У вас довольно высокий коэффициент, но я все равно не могу вам предложить многого. Ваше техническое образование не позволит занять пост начальника отдела или лаборатории. Может быть, вам нужно в отдел общественных Отношений, тем более там один из инспекторов недавно ушел в отставку. Если хотите, я узнаю.

Девушка ушла. Вэйлок остался сидеть.

Шли минуты — десять, двадцать, полчаса. Вэйлок начал злиться. Прошло еще десять минут и девушка вернулась. Она прятала глаза от Вэйлока.

Он подошел к ней. — Ну?

Она торопливо заговорила. — Прощу прощения, мистер Вэйлок. Но я ошиблась. Место, о котором я говорила, уже занято. Я могу предложить три места: помощник хранителя времени, ученик механика и охранник. Все они примерно одинаковы по слопу.

Заметив изменившееся выражение лица Вэйлока, она с участием добавила:

— Возможно, со временем вы приобретете достаточную квалификацию и сможете занять подходящее место для вас.

Вэйлок смотрел на нее.— Странная ситуация,— наконец сказал он.— С кем ты говорила?

— Ситуация именно такая, как я вам объяснила ее, сэр.

— Кто проинструктировал тебя?

Она отвернулась.— Вы должны извинить меня.

Вэйлок наклонился к ней. Она не могла избежать его взгляда.— Ответь — с кем ты консультировалась?

— Я, как всегда, показала все данные супервизору.

— И?

— Он сказал, что вы не подходите для той должности, которую предложила я.

— Я хочу говорить с супервизором.

— Как желаете, сэр,— с явным облегчением сказала девушка.

Супервизором был Клеран Тисволд, толстый маленький человек с грубым красным лицом и жесткими волосами цвета соломы. При виде Вэйлока глаза его превратились в щелочки.

Разговор длился 15 минут. С начала до конца Тисволд отрицал наличие какого-то влияния на него, но голос его звучал странно. Он согласился с тем, что Вэйлок имеет достаточно высокий коэффициент, дающий ему право занять ответственный пост.— Однако,— добавил Тисволд,— я не только ориентируюсь на результаты тестов, но и сам оцениваю претендента.

— Как же вы могли оценить меня, не повидавшись со мной?

— У меня нет времени спорить с вами. Принимаете ли вы то, что вам предложено?

— Да,— сказал Вэйлок.— Я принимаю.— Он поднялся. Оформляться я приду завтра. А сейчас я иду подать на тебя заявление трибунам. Надеюсь, ты проведешь приятный вечер.

Вэйлок медленными шагами покинул Актуриан. Небо было затянуто серой пеленой. Холодный ветер с дождем загнали его обратно в Актуриан.

Двадцать минут стоял он в вестибюле и мысли его были такими же серыми и тусклыми, как небо над Кларжесом.

Вывод был простым и зловещим. Если Джакинт и ее дружки амаранты не прекратят травлю, он, Вэйлок, будет вынужден принять контрмеры.

Нужно объяснить Джакинт, к чему может привести ее тактика.

Вэйлок прошел в телефонную будку, набрал номер Джакинт.

Экран засветился, но на экране она не появилась.

— Гэвин Вэйлок! Какой угрюмый! — она еще издевалась.

— Я должен поговорить с тобой.

— Мне нечего узнавать от тебя. Если ты хочешь говорить, иди к Каспару Джарвису, расскажи, как ты убил меня, как стер память об этом из своего мозга...

Вэйлок не успел ответить, как экран погас. Джакинт выключила связь.

Он почувствовал себя слабым и опустошенным. Кто мог бы защитить его? Кто может повлиять на Джакинт? Роланд Зигмонт, президент Общества Амарантов. Вэйлок нашел код и позвонил Роланду.

Вспыхнул экран. Послышался голос. — Резиденция Роланда Зигмонта. Кто говорит и какое дело?

— Я, Гэвин Вэйлок. Хочу говорить с Роландом по делу относительно Джакинт Мартин.

— Секунду.

На экране появился Роланд Зигмонт. Сухое лицо, лишенное эмоций, и острый взгляд.

— Я узнаю лицо из прошлого, — сказал Роланд. — Это лицо Грэйвена Варлока.

— Может быть, — ответил Вэйлок. — Но я пришел говорить не об этом.

Роланд заметил:

— Я знаком с этим делом.

— Тогда вы должны остановить ее!

Роланд выразил удивление. — Монстр уничтожил Джакинт. Мы не потерпим посягательства на жизнь амарантов. Это должно быть ясно всем.

— Значит, эта травля — официальная политика Общества Амарантов?

— Не в таком выражении. Наша политика — это достижение справедливости. Я советую вам отдать себя в руки закона. В противном случае ваша карьера не состоится.

— Вы не признаете результаты чтения мыслей?

— Я смотрел записи. Совершенно очевидно, что вы нашли способ блокировать определенные участки памяти. Существование такого способа тоже является угрозой нашему обществу еще одна причина, по которой вы должны отдаться в руки закона.

Не говоря больше ни слова, Вэйлок выключил связь. Не обращая внимания на дождь, он побрел по Эстергази Сквер и вернулся домой. Он скинул промокшую одежду, принял горячий душ, вытерся насухо и бросился на диван. Спал он беспокойно, что-то бормоча и ворочаясь.

Когда он проснулся, уже прошел полдень. Дождь перестал, рваные облака неслись по небу.

Вэйлок сварил себе кофе и выпил его без удовольствия. Необходимо все же поговорить с Джакинт, объяснить с нею до конца.

Он надел новый темно-голубой костюм и вышел на улицу.

Джакинт Мартин жила на Вандунских холмах, откуда открывался вид на весь Клардес. Ее дом был небольшой, но элегантный, за домом был небольшой сад с прекрасными цветочными клумбами.

Вэйлок нажал на кнопку звонка. Возле двери появилась Джакинт. Радостное выражение на ее лице сменилось удивлением:

— Почему ты здесь?

— Могу я войти?

Она мгновение молчала. — Хорошо, — коротко сказала она и повела его в гостиную, украшенную экзотическими вещами из варварских стран: глиняная посуда из Альтамира, фигурки богов из Хотана, стекло из Дедекана...

Джакинт выглядела великолепно. Ее золотистые волосы были распущены, глаза сверкали солнечным блеском. Она выжидательно смотрела на него. — Ну, так зачем ты здесь?

Вэйлок чувствовал, что ему трудно сопротивляться прелести Джакинт. Она холодно улыбнулась. — Скоро придут мои гости. Если ты еще раз хочешь уничтожить меня, то учти, незамеченным тебе уйти не удастся. А если ты пришел, чтобы признаться мне в любви, то это совершенно бессмысленно.

— Ни то, ни другое, — хрипло сказал Вэйлок. — Хотя твое поведение заставляет меня желать первого, а твоя внешность второго.

Джакинт рассмеялась. — Может, ты присядешь, пока мы беседуем?

Вэйлок сел на низкий диван возле окна. — Я пришел говорить с тобой, убедить, упросить — если это необходимо... он помолчал, но Джакинт стояла перед ним, внимательная и настороженная.

Вэйлок продолжал:

— По меньшей мере трижды за последние две недели ты вставала на моем пути.

Джакинт хотела что-то сказать, но промолчала.

Вэйлок не обратил на это внимания.— Ты подозреваешь меня в преступлении. Но если ты ошибаешься, ты не имеешь права мешать моей карьере. А если ты права в своих подозрениях, то ты должна понимать, что я человек, способный постоять за себя.

— А,— тихо проговорила Джакинт.— Ты угрожаешь мне.

— Я не угрожаю. Если ты прекратишь мешать мне, наши жизни протекут спокойно. В противном случае, мы будем противниками, и это будет плохо и для меня и для тебя.

Джакинт посмотрела в окно. На небольшую площадку опустился голубой Пелестин.— А вот и мои друзья.

Двое мужчин и женщина вышли из кэба и направились к дому. Вэйлок встал. Но Джакинт внезапно сказала:

— Оставайся с нами. Заключим перемирие на пару часов.

— Я был бы рад заключить перемирие навсегда. И не отказался бы от более близких отношений.

— О! — воскликнула Джакинт.— До чего Монстр хитер и ловок. И распутен к тому же. Он желает изучить жертву со всех сторон.

Прежде чем Вэйлок смог ответить, зазвенел дверной звонок и Джакинт пошла встречать гостей.

Это были композитор Рори Мак-Клачерн, Малон Керманец, реставратор древних музыкальных инструментов, темноволосая девушка-гларк, известная под именем Фиминелла.

Затем пришли и другие гости, среди которых были канцлер Клод Имиш и его секретарь, самоуверенный молодой человек Рольф Авершам.

Джакинт устроила роскошный обед. Разговор был легким и шутливым. Почему, спрашивал себя Вэйлок, так не может быть всегда? Он почувствовал на себе взгляд Джакинт. Настроение у него поднялось. Он выпил вина больше, чем обычно, и с большим успехом вступал в беседу.

В течение вечера Рори Мак-Клачерн сыграл свое новое произведение, основанное на древних мелодиях.

Канцлеру Имишу музыка показалась скучной, и они с Вэйлоком удалились от остальных гостей.— Мы где-то недавно встречались,— сказал Имиш.

Вэйлок напомнил ему обстоятельства встречи.

— Да, конечно. Я встречаюсь с таким количеством людей, что мне трудно запомнить всех.

— Да, конечно, ведь у вас такая работа,— сказал Вэйлок.

Канцлер рассмеялся.— О, я присутствую на празднествах, поздравляю новых амарантов, читаю приветственные адреса в Пританеоне,— он презрительно махнул рукой.— Однако по Конституции я обладаю большими полномочиями и если бы я ими воспользовался...

Вэйлок вежливо согласился, хотя он прекрасно понимал, что через двадцать четыре часа после того, как канцлер воспользуется даже наименьшей из своих прерогатив, он будет выведен из состава Пританеона. Этот офис был анахронизмом, всего лишь символом власти, оставшимся с тех далеких времен, когда требовалось принимать срочные решения.

— Прочитай внимательно Великую Хартию,— сказал канцлер.— Это супертрибун, сторожевой пес. Мой долг — это постоянно инспектировать общественное благосостояние и общественные институты. Я имею право собирать чрезвычайные сессии Пританеона, я верховный суперинтендант убийц.— Имиш хмыкнул.— В этой работе есть один недостаток. Она не дает слопа.— Его взгляд упал на темнлицего юношу, пришедшего вместе с ним. Он сделал гримасу.— А вот еще один недостаток в моей работе. Заноза в сиденье.

— Кто он?

— Мой секретарь, помощник и козел отпущения. Его титул Вице-канцлер, а его должность еще большая синекура, чем моя.— Имиш с удовольствием смотрел на своего помощника. Однако Рольф желает, чтобы его считали важной персоной. Он пожал плечами.— А чем ты занимаешься, Вэйлок?

— Я работаю в Актуриане.

— Да? — Имиш заинтересовался.— Замечательное место. Возможно, я скоро приду туда с инспекцией.

Музыка кончилась, и все присутствующие стали поздравлять композитора. Мак-Клачерн пытался скрыть свою радость недовольным покачиванием головы. Снова началась общая беседа.

В полночь собрались уходить первые гости. Вэйлок остался и дождался, пока разъехались все. И наконец они с Джакинт остались одни.

Джакинт устроилась рядом с ним на диване, поджав под себя ноги и внимательно глядя на него.

— Ну а теперь умоляй, упрасивай меня, помнишь?

— И достигну ли я чего-нибудь?

— Думаю, нет.

— Почему ты так неумолима?

Джакинт резко сменила положение. — Ты никогда не видел того, что видела я, иначе бы ты понял мои чувства. — Она искоса взглянула на него, как бы сравнивая с ним того, кого она видела в своем воображении. — Память постоянно возвращает меня в Тонпенг. Каждый день там совершается церемония Большая Ступа, каждый день там пляшут жрецы и приносят жертвы... — Она поморщилась при этих воспоминаниях.

— А, — заметил Вэйлок. — Это может объяснить твою непримиримость.

— Если демоны существуют, — прошептала Джакинт, — то они собрались в Тонпенге. За исключением одного. — И она снова бросила взгляд на него.

Вэйлок решил проигнорировать это обвинение. — Ты преувеличиваешь зло этих людей, судишь их слишком сурово. Вспомни, они живут в совсем другой обстановке, в другом культурном слое. Они приносят жертвы... Но история человечества помнит много зла. Мы продукт эволюции, потомки хищников. Каждый кусок мяса, съедаемый человеком, отобран им от другого живого существа. Мы все рождены для убийства, мы убиваем, чтобы жить!

Джакинт побледнела при этих ужасных словах, но он не обратил на это внимания.

— У нас нет инстинктивного отвращения к убийству, оно продукт нашего времени.

— Правильно! — вскричала Джакинт. — Разве не в этом предназначение Кларжеса? Мы должны совершенствовать себя. Если мы будем терпеть среди нас монстров, мы совершим грех перед нашими потомками.

— И ты считаешь, что общество нужно очистить от меня?

Она взглянула на него, но ничего не ответила.

Немного погодя Вэйлок спросил:

— А что ты скажешь о Вэйрдах? Об Абеле Мандевиле?

— Если бы это зависело от меня, — сказала Джакинт сквозь зубы, — каждый монстр, к которому бы филу он не принадлежал, должен быть уничтожен полностью и окончательно.

— Значит, ты травить меня только потому, что это в твоих силах?

Она наклонилась к нему:

— Я не могу остановиться, я не могу пожалеть тебя, я не могу переделать свои идеалы!

Их глаза встретились.

— Гэвин Вэйлок, — хрипло сказала она. — Если бы ты доверился мне в Карневале! Но теперь ты мой личный монстр, и я не могу забыть об этом.

Вэйлок взял ее за руку. — Насколько любовь лучше ненависти.

— И насколько жизнь лучше, чем небытие, — сухо ответила она.

— Я хочу, чтобы ты правильно поняла мое положение, сказал он. — Я буду бороться за выживание, я буду так жесток и безжалостен, как тебе и не снилось.

Рука ее напряглась. — Ты имеешь в виду, что не отдашься в руки закона! — Она вырвала свою руку. — Ты бешенный волк, тебя нужно уничтожить раньше, чем ты принесешь вред тысячам людей!

— Подумай, прошу тебя. Я не хочу этой войны.

— О чем мне думать? Я больше не судья. Я доложила обо всем Совету Амарантов и они вынесли решение.

Вэйлок встал. — Значит, ты решилась?

Она тоже встала. Ее красивое лицо горело ненавистью. — Конечно.

— Тогда все, что произойдет дальше, будет определять не только мою судьбу, но и твою.

В глазах Джакинт появилась нерешительность, но затем она сказала:

— Гэвин Вэйлок. Покинь мой дом. Больше нам говорить не о чем.

ЧАСТЬ 13

В понедельник утром Вэйлок пришел на работу в Актуриан. После необходимых формальностей он был представлен своему шефу — технику Бену Риву, низенькому темнокожему человеку с задумчивым взглядом коровы. Рив рассеянно поздоровался с Вэйлоком, затем задумался. — Тебе придется начать с самого низа. Но я думаю, ты другого и не ждал.

Вэйлок ответил обычной формулой.— Я здесь для слопа. Все, что мне нужно, это шанс для возвышения.

— Ну что ж, шанс у тебя будет. Посмотрим, что можно предложить тебе сейчас.

Он повел Вэйлока через вереницу комнат, коридоров, лестниц. С удивлением и трепетом Вэйлок смотрел на окружающую его технику, жужжащие машины, крутящиеся ленты, вспыхивающие на пультах огни. Они шли, а вокруг них щелкали реле, гудели моторы, пузырился жидкий газ...

Трижды их останавливали охранники и проверяли их пропуска. Все это подавило Вэйлока. Он не предполагал такой степени секретности в Актуриане.

— Видишь, сказал ему Рив,— если не хочешь неприятностей, не выходи из своей зоны.

Когда они наконец пришли к месту работы Вэйлока, Рив стал объяснять его обязанности. Он должен был заправлять ленты в механизмы, когда заканчивалась предыдущая, следить за показаниями некоторых приборов, смазывать с полдюжины подшипников и поддерживать порядок в комнате. Это была работа для выпускника средней школы.

Вэйлок проглотил свое недовольство и принялся за работу. Рив некоторое время смотрел на него и Вэйлоку показалось, что он заметил на лице Рива улыбку.— Я знаю, что пока не очень справляюсь с этой работой,— сказал Вэйлок,— но я уверен, немного практики — и все будет в порядке.

Рив улыбнулся.— Каждый должен начинать, а это твое начало. Если ты захочешь продвигаться вперед, тебе нужно изучить это,— и он перечислил несколько технических книг. Вскоре он оставил Вэйлока.

Вэйлок работал без энтузиазма, и когда закончился рабочий день, пошел домой.

Его разговор с Джакинт сейчас казался ему чем-то нереальным, гротескным... Вдруг ему показалось, что за ним следят. Да, ему нужно быть осторожным в своих действиях. Лучше, если они будут происходить в Актуриане. Туда доступ шпионам закрыт.

На следующий день он попытался встретиться с Родевейном, но у того был выходной день. Вместо этого он встретился с Бэзиллом Тинкопом в небольшом ресторане.

— Как ты себя чувствуешь на новом поле деятельности? — спросил Вэйлок.

— Прекрасно,— глаза Бэзила засветились.— Мне уже обещали повышение и на следующей неделе мы про-
верим одну из моих идей.

— Что за идея?

— Я всегда считал, что карты жизни, которые рассы-
лают жителям Кларжеса, какие-то холодные, безжизнен-
ные. Я считал, что их можно улучшить. Теперь на каж-
дой карте выделяется место для дружеского совета,
девиза, может быть даже хорошие стихи...

— И все это строго индивидуально, все определяется
человеком, которому эта карта предназначена,— до-
бавил Вэйлок.

— Правильно!— воскликнул Бэзил.— Мы хотим,
чтобы все понимали.— Актуриан призван служить лю-
дям, заботиться об их благополучии. И все начинается с
этих маленьких посланий. Он гордо посмотрел на Вэйло-
ка.

Внезапно раздались звуки труб, сирен. Все в кафе за-
стыли, лица побледнели, как будто сигнал тревоги за-
ставил каждого из них почувствовать свою вину.

Вэйлок спросил что-то у Бэзила, но его вопрос пото-
нул в звуках сирен. В кафе вбежал человек. Он был ма-
ленький, тощий, с впалыми щеками и растрепанными во-
лосами. Он дышал очень часто, как перепуганная птица.
Все увидели его и все от него отвернулись.

Он сел на стул, и было видно, что он хочет исчезнуть,
раствориться, укрыться, как черепаха в своем панцире.
Он положил руки на стол и опустил на них голову.

Три человека в черной униформе ворвались в кафе.
Они быстро осмотрелись, подошли к беглецу, подхватили
под руки и потащили к выходу.

Сирены умолкли. Тишина была оглушающей. В кафе
все сидели молча и не двигаясь. И только после не-
скольких минут все постепенно стали возвращаться к
жизни.

— Бедняга,— сказал Бэзил.

— Его сразу посадят в Клетку Стыда? — спросил
Вэйлок.

Бэзил пожал плечами.— Может, сначала его будут
бить. Кто знает? Он обвиняется не в преступлении, а в
святотатстве.

— Да,— пробормотал Вэйлок.— Актуриан — святи-
лище Кларжеса.

— Это огромная ошибка,— горячо заговорил
Бэзил.— Обожествление машины!

Через двадцать минут возле их стола остановился Алвар Визерспок, работающий вместе с Бэзиллом. Он был очень возбужден.

— Что вы думаете об этом шакале? — спросил он, глядя то на Бэзилла, то на Вэйлока. — Нам нужно быть очень бдительными.

— Мы ничего не знаем о его проступке, — сказал Бэзилл.

— Он работал здесь. Трюк его был простым, он перехватывал ленту с сообщением о его работе и менял содержимое записи с помощью магнитных чернил.

— Неплохо, — задумчиво сказал Бэзилл.

— Такое уже было. Но виновных всегда обнаруживали и бросали в Клетку Стыда.

— Сигнал тревоги звучит только тогда, когда трюк не удастся, — задумчиво сказал Вэйлок. — Более удачливые умудряются обмануть систему тревоги.

Визерспок посмотрел на Вэйлока. — Во всяком случае, этого уже допрашивают убийцы, а потом его ждет Клетка Стыда и полуночная прогулка. Но он слишком слаб и напуган. Хорошей травли не получится.

— Меня там не будет, — ровным голосом сказал Бэзилл.

— И меня тоже, — сказал Визерспок и отошел от них, чтобы подойти к другому столу поделиться своими новостями.

Перед концом рабочего дня Вэйлок снова позвонил Роденейву и на этот раз ему повезло. Роденейв приветствовал его без энтузиазма и попытался уклониться от свидания, на котором настаивал Вэйлок.

— Боюсь, что сегодня у меня нет времени.

— Но у меня очень важное и срочное дело.

— Я извиняюсь, но...

— Вызови меня к себе сейчас.

— Это невозможно.

— Ты помнишь то, что ты сделал по просьбе Анастасии?

Роденейв поморщился и медленно опустился в кресло. Хорошо. Я пошлю за тобой.

Через некоторое время к нему пришла девушка:

— Гэвин Вэйлок, ученик техника?

— Да.

— Прошу вас пройти со мной.

Она провела Вэйлока в кабинет Роденейва. Роденейв коснулся пластины, которую протянула девушка. Этим

он брал на себя ответственность за присутствие Вэйлока в Пурпурной Зоне.

Вэйлок сел без приглашения.— Здесь можно говорить свободно?

— Да,— Роденейв смотрел на него, как домохозяйка смотрит на дохлую крысу.— В моем кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств.

— Дело в том,— сказал Вэйлок,— что сейчас я хочу говорить только правду, и в частности, о твоём служебном преступлении по просьбе Анастازии.

— Довольно,— прервал его Роденейв.— Я же сказал. Здесь ничего не записывается.

Вэйлок улыбнулся и Роденейв ответил ему улыбкой обреченной овцы.

— Я думаю,— сказал Вэйлок,— что влечение к Анастазии не уменьшилось?

— Я теперь не круглый идиот, если ты это имеешь в виду. Я не хочу, чтобы меня закидали камнями Вэйдеры.— Он выжидательно смотрел на Вэйлока.— Но ведь не мои переживания привели тебя ко мне. Почему ты здесь?

— Мне кое-что нужно от тебя. И чтобы получить это, я дам тебе то, что ты хочешь.

Роденейв скептически улыбнулся.— Что же я хочу такого, что можешь предоставить только ты?

— Анастасию де Фанкур.

Глаза Роденейва посерьезнели.— Чепуха.

— Скажем так: одну из Анастазий. Ведь их несколько. Прошла неделя после того, как Анастазия умерла. Сейчас клетки открыты. Растет новая Анастазия. И еще остается несколько Анастазий.

Взгляд Роденейва был жестким и враждебным.— Ну и что?

— Я хочу предложить тебе один из этих суррогатов.

Роденейв пожал плечами.— Никто не знает, где находятся эти клетки.

— Я знаю.

— Но ты предлагаешь мне ничто. Каждый из суррогатов Анастазия. Если один из них отвергает меня, значит и все остальные тоже.

— Если не применить аппарат, стирающий память.

Роденейв посмотрел на Вэйлока.— Это невозможно.

— Ты до сих пор не спросил меня, что хочу я.

— Хорошо. Что же ты хочешь?

— Ты достал одну телевекторную диаграмму. Мне нужны остальные.

Роденейв рассмеялся.— Теперь я вижу, что ты сумасшедший. Ты понимаешь, чего просишь? Что будет с моей карьерой?

— Ты хочешь Анастасию? Вернее, одну из них?

— Я даже не хочу обсуждать этот вопрос.

— Но ты сделал это на прошлой неделе.

Роденейв встал.— Нет. Полностью и окончательно.

Вэйлок угрюмо сказал:

— Вспомни — ты достал не одну, а три пленки. Сделав это, ты нанес мне личный вред. Поэтому жалости у меня не будет.

Роденейв упал в кресло. Прошел час, в течение которого он изворачивался, потел, спорил, умолял, пытаясь вывернуться из этой ситуации. В конце концов он начал понемногу сдаваться.

Вэйлок не дал увести себя от основной темы.— Я не прошу тебя делать ничего такого, что ты не делал раньше. Если ты поможешь мне, ты получишь то, что не получил в тот раз. Если откажешься помочь, ты просто получишь наказание за тот проступок, что ты уже совершил.

— Я подумаю.

— Не возражаю. Я подожду.

Роденейв посмотрел на Вэйлока и пять минут в комнате стояла тишина.

Наконец Роденейв шевельнулся и сказал:

— У меня нет выбора.

— Когда ты дашь мне пленки?

— Тебе нужны только пленки амарантов?

— Да.

— Я постараюсь сделать побыстрее.

— Сегодня понедельник. В среду вечером?

— В среду вряд ли. У нас будет посетитель. Канцлер Имиш со своей свитой.

— Да? — Вэйлок вспомнил разговор с канцлером.— Хорошо. Пусть будет пятница. Я приду к тебе вечером домой.

Гнев исказил лицо Роденейва.— Я передам тебе в кафе Далмация. И надеюсь, что увижу тебя в последний раз.

Вэйлок улыбнулся, встал.— Я тебе буду нужен, что-бы ты получил свою долю.

Возвращаясь домой, Вэйлок прошел под Клеткой Стыда. Заключенный сидел неподвижно, безучастно, изредка глядя отсутствующим взглядом на окружающий

мир. Вэйлок еще не остыл от разговора с Роденейвом и эта картина произвела на него сильное впечатление.

Рабочее расписание Вэйлока все еще не было отрегулировано, и в среду он освободился днем.

Он пересек площадь и зашел в кафе Далмация. Он лениво пил кофе и читал «Кларион»

Вчера в городе Кобек, расположенном в верхней долине реки Шант, вблизи границы произошли ужасные события. Жители города занимались добычей и обработкой прекрасного розового мрамора. Они вели спокойную размеренную жизнь до прошлого вторника, когда все были охвачены массовой истерией. Безумная толпа вырвалась из города и бросилась к границе. Там они разгромили казармы пограничников и перебили их.

Электрический барьер впервые за много лет был отключен. Толпа бросилась в страну варваров, где она была тут же окружена и уничтожена. Варвары перешли границу и углубились на территорию Кларжеса. На своем пути они сеяли смерть и разрушения. В конце концов они были отброшены обратно, граница восстановлена, но материальные и людские потери были огромны.

Что же случилось с жителями Кобека? Слов в этом обвинить было трудно. Жизнь там текла медленно и монотонно, но там не было Карневала и напряжение в нервной системе жителей накапливалось годами. Такова была гипотеза... Вэйлок поднял глаза от газеты. На площади, обычно закрытой для транспорта, появился большой серо-золотой правительственный автомобиль.

Из него вышел канцлер Имиш, сопровождаемый темнотой секретарем. Их встретили функционеры Актурiana. После обмена приветствиями все вошли в здание.

Вэйлок вернулся к чтению...

Канцлер Имиш в компании с Геметом Гаффенсом, помощником супервизора, двух или трех младших сотрудников и Рольфа Авермаша — своего секретаря, стоял на галерее, откуда был виден весь Архив Актурiana. Магнитные ленты в огромных шкафах непрерывно крутились, принимая и выдавая кванты информации. Имиш с содроганием смотрел на сложные механизмы, производящие непонятную ему работу. Он покачал головой:

— Пожалуй, мне никогда не понять всего этого.

Один из младших сотрудников сказал поучительным голосом:

— Эта сложная система отражает сложность нашей цивилизации.

— Да, возможно, — согласился Имиш.

Гемет Гаффенс фыркнул. — Может, мы продолжим?

Он прошел вперед и коснулся пластины на двери. Это была граница между зонами. Дверь открылась и их встретили охранники. После необходимой проверки они прошли дальше.

— У вас здесь большие предосторожности, — сказал Имиш.

— Необходимая бдительность, — коротко ответил Гаффенс.

Они прошли в дверь, на которой была надпись:

ЛАБОРАТОРИЯ ТЕЛЕВЕКЦИИ

Гаффенс вызвал Нормана Неффа, супервизора, и Винсента Роденейва, его помощника.

— Ваше лицо мне знакомо, — сказал Имиш Роденейву. Правда, я встречаюсь со столькими людьми...

— Я видел вас на выставке Бибурсона.

— Да, да. Вы друг нашей Анастазии.

Норман Нефф быстро распрощался, торопясь вернуться к своей работе. Он поручил Роденейву заняться гостями.

— Я буду очень рад, — сказал Роденейв. Он постоял, потирая подбородок, затем решил:

— Может, я покажу вам систему телевекции.

У дверей в лабораторию их снова остановили охранники. После необходимых формальностей их пропустили.

— Почему такие предосторожности? — невинным тоном осведомился Имиш. — Неужели сюда кто-нибудь решит вломиться?

Гаффенс произнес ровным тоном:

— В данном случае, канцлер, мы охраняем частную жизнь наших граждан. Даже генерал-директор Джарвис не может затребовать отсюда информацию.

Канцлер кивнул. — Может, вы объясните мне функции этой лаборатории?

— Роденейв продемонстрирует вам работу системы.

— Конечно, — пробормотал Роденейв.

Они прошли по белому полу к машине. Техники, сидящие возле нее, встали и отошли в сторону. К ним подошел старший техник. Гаффенс шепотом приказал ему что-то и он включил машину.

Роденейв подвел Имиша и Авершама к пульту.

— Каждый человек имеет свою картину излучения мозга, такую же уникальную, как отпечатки пальцев. Когда же человек регистрируется в Бруды, излучение его мозга регистрируется тут.

Имиш кивнул:

— Продолжайте.

— Чтобы обнаружить местонахождение человека, радиостанция излучает радиоволны определенной длины, а две приемные станции принимают интерференционные волны и целенгуют человека. Изображение появляется в виде черной точки на карте. Вот...— Он поискал код, нажал кнопку.— Я набрал ваш код, канцлер. Вот здесь на карте Актуриан, а эта черная точка вы.

— Превосходно!

Роденейв продолжал рассказывать, нервно поглядывая на Гаффенса и старшего техника. Как бы случайно, он нажал на пульте кнопки всего общества амарантов. Зашелкала машина и в кассету начали падать пленки — одна за другой.

Руки Роденейва дрожали, как пальмовые листья.— Это, пробормотал он,— телевекторы амарантов. Но они, конечно испорчены.— Пакет выскользнул из его рук и пленки рассыпались на пол.

Гаффенс с беспокойством воскликнул:

— Роденейв, что с вами?

— Ничего, ничего,— добродушно сказал канцлер имиш. Сейчас мы их соберем.— Он опустил на колени и начал собирать пленки.

— Не нужно,— сказал Роденейв.— Мы их все равно выбросим в корзину.

— А тогда...— канцлер, поднялся.

— Если вы удовлетворены, канцлер, мы можем двинуться дальше,— сказал Гаффенс.

Группа пошла к выходу. Ральф Авершам задержался. Он поднял одну из пленок, посмотрел на свет, нахмурился. Он повернулся к Гаффенсу, который уже выходил из лаборатории.

— Мистер Гаффенс,— позвал он.

Вэйлок сидел в Кафе Далмация, вертя в руках стакан чаю. Делать ему было нечего, и он не мог придумать, чем бы себя занять.

Из Актуриана донесся звук тревоги. Вэйлок повернулся, чтобы видеть здание Актуриана. Но большое

здание не сказало ему ничего. Вскоре сирена стихла. Люди, остановившиеся при звуках сирены, пошли дальше по своим делам.

Прошло полчаса. Распахнулись ставни на верхнем этаже, закрипели цепи и над площадью повисла Клетка Стыда.

Вэйлок привстал со стула. В Клетке Стыда сидел Винсент Роденейв и его взгляд раскаленной иглой проник в полумрак кафе Далмация и вонзился в мозг Вэйлока. Вэйлок почти физически ощутил этот взгляд, но в душе его не шевельнулось ничего, никакого сочувствия, лишь горькое сожаление, что хорошо задуманная идея сорвалась.

ЧАСТЬ 14

Полночные улицы Кларжеса всегда тихие, только слышится приглушенный гул субвея. Людей на улицах почти не было. В ночных кафе и театрах веселятся только гларки. Те же, кто решил снять напряжение и рассеяться, уехал в Карневаль.

Площадь перед Актурианом была пуста. В такое время кафе Далмация не страдает наплывом посетителей. Только несколько посетителей сидит за столиками: ночные служащие Актуриана, убийцы, вернувшиеся с очередного задания, человек, обеспокоенный медленным слопом, пара влюбленных... Но сегодня все столы заняты людьми, прячущими свои лица.

Редкий туман с реки окутал площадь. Клетка Стыда висела над площадью, как нечто страшное, жуткое, пришедшее из глубины веков.

Откуда-то донесся мрачный звон. Полночь. Цепи закрипели Клетка Стыда медленно опустилась. Открылась дверца, и Винсент Роденейв стал свободным.

Он посмотрел на площадь и прислушался. Станные шорохи. Он сделал первый шаг. Из темноты вылетел камень, ударил его в плечо. Роденейв вздрогнул. Леденящий кровь вой раздался в темноте. Это было неожиданно, так как Вейрды всегда действовали в полной тишине.

Роденейв бросился бежать по направлению к кафе. Град камней обрушился на него. Они вылетали из мрака, как метеоры. Сегодня Вейрды были настроены очень агрессивно.

В небе появился какой-то предмет. Он быстро опустился на площадь — неосвещенный воздушный кар. Он

мгновенно приземлился, дверь открылась, и Роденейв нырнул туда. Кар взлетел. Камни гулко ударялись в его обшивку, не принося вреда. Темные фигуры вышли из тени и смотрели на удаляющийся кар. Затем они стали смотреть друг на друга. Впервые Вейрды вышли на открытое пространство. Они немного поговорили и затем растащились в темноте.

Площадь снова была пуста.

Роденейв сидел, скорчившись, в кабине кара. Глаза его были похожи на осколки мутного стекла. Он пробормотал благодарность и затих.

Вэйлок посадил кар и провел Роденейва в свою квартиру. Роденейв колебался на пороге, осматривая комнату, но затем вошел, бросился на диван:

— О, боже. Все кончено. Обесчещен. Выброшен.— Он взглянул на Вэйлока.— Почему ты молчишь? Тебе стыдно?

Вэйлок промолчал.

— Ты спас меня. Но в этом для меня нет ничего хорошего. Где теперь моя работа? Я встречу с терминатором как Серд. Это катастрофа для меня.

— И для меня,— сказал Вэйлок.

— А тебе-то что? Твои пленки остались.

— Что?

— Пока остались.

— Где они?

Выражение лица Роденейва внезапно изменилось.— Они теперь хлыст в моей руке.

Вэйлок задумался.— Если ты сдержишь свое слово и отдашь мне пленки, я сдержу свое.

— Со мной все кончено. Зачем мне теперь женщина?

Вэйлок ухмыльнулся.— Анастасия излечит твою боль. И еще не все потеряно. Ты образован и умен. Весь мир перед тобой. Есть много работ с гораздо большими возможностями продвинуться.

Роденейв фыркнул.

— Где пленки? — мягко спросил Вэйлок.

Они смотрели в глаза друг другу, и Роденейв, не выдержав, отвернулся.— Они за обшлагом пальто канцлера.

— Что?

— Этот идиот секретарь поднял тревогу. Он прошел через пост проверки с куском пустой пленки. Тревога отключилась и тогда я взял канцлера за руку и сунул ему пленки за обшлага.

— А потом?

— Гаффенс увидел пустую пленку. Он сразу заподозрил меня, прошел в лабораторию и просмотрел остальные пленки. Все пустые. Но на всех отпечатки моих пальцев. Поэтому меня передали на допрос убийцам, а затем бросили в Клетку Стыда.

— А Имиш?

— Ушел с пленками.

Вэйлок вскочил. Час ночи. Он прошел к телефону, набрал номер резиденции канцлера в южном пригороде Трайенвуд.

После долгой паузы на экране появилось лицо Рольфа Авершама:

— Да?

— Я должен говорить с канцлером.

— Это невозможно. Он отдыхает.

— Всего несколько минут.

— Мне очень жаль, мистер Вэйлок. Может вы назовете удобное для себя время?

— Завтра в десять.

Авершам посмотрел в книжку:

— В это время канцлер занят.

— Тогда в любое время, какое назначите вы.

Авершам нахмурился.— Может быть, я выделю для вас десять минут в десять сорок.

— Прекрасно.

— Вы скажите, в чем состоит ваше дело?

— Нет.

— Как угодно.— Экран погас.

Вэйлок повернулся к Роденейву.

— Ты не сказал, для чего тебе нужны эти пленки,— сказал тот.

— Я не уверен, что тебе нужно это знать,— ответил Вэйлок.

В своем доме на Вандунских холмах Джакинт Мартин не могла отдыхать. Ночь была душной. Джакинт вышла на балкон. Город лежал возле ее ног, Какая-то необъяснимая тяжесть навалилась на нее. Ей захотелось плакать. Великолепный Кларжес не должен погрязнуть в грехе. Человеческий гений создал этот город и он же должен спасти его теперь. Он должен встать стеной на пути гнусных монстров.

Утром она позвонит Роланду Зигмунту, председателю Общества Амарантов. Он человек с головой, он разделит

ее беспокойство, и он уже согласился действовать с ней против Вэйлока.

Но она должна настоять на конклаве. Необходимо добиться встречи всего общества. Встречи и обсуждения проблемы, чтобы выработать один общий план действий, призванных защищать Кларжес от разложения. Золотой Век должен продолжаться...

ЧАСТЬ 15

Резиденция канцлера располагалась в большом парке с мраморными статуями. И дом и сад были выдержаны в стиле старого Бижу. Из крыши дома поднимались шесть башен, стены которых были украшены мозаикой и витринами. Между башнями тянулись балконы с причудливой металлической решеткой. Посадочная площадка отделялась от дома воротами, которые охранялись.

Вэйлок вышел из кэба и к нему тут же подошел охранник. Он посмотрел на Вэйлока с автоматической враждебностью, и Вэйлок получил право войти.

Он поднялся на большую террасу, пересек ее и перед ним открылись громадные двери высотой в 12 футов. Вэйлок очутился в фойе. Точно в центре прямо под огромной старой люстрой стоял Рольф Авершам.

— Доброе утро, мистер Вэйлок.

Вэйлок произнес вежливое приветствие, на что Рольф ответил коротким кивком. — Я должен информировать вас, мистер Вэйлок, что канцлер не просто занят, он очень занят. Как вы знаете, я — вице-канцлер. Может, вы изложите свое дело мне?

— Я уверен, что вы могли бы мне помочь, но мне в любом случае хочется увидеть моего друга канцлера Имиша.

Авершам поджал губы. — Сюда, пожалуйста.

Он провел Вэйлока по тихому коридору. Лифт поднял их на верхний этаж. Авершам пригласил Вэйлока в маленькую боковую комнатку. Он посмотрел на часы, выждал тридцать секунд, затем постучал в дверь.

— Войдите, — глухо донесся голос Имиша.

Авершам открыл дверь, отступил в сторону. Вэйлок вошел. Канцлер Имиш сидел за столом, лениво листая старый фолиант.

— Как ваше здоровье? — спросил Вэйлок.

— Благодарю, ничего, — ответил Имиш.

Авершам сел в дальнем конце кабинета. Вэйлок не обращал на него внимания.

Закрыв фолиант, Имиш откинулся в кресле и ждал, когда Вэйлок изложит свое дело. Он был одет в просторную блузу, явно не в ту одежду, где находились пленки.

— Канцлер, я пришел к вам не как знакомый, а как гражданин, обычный человек, хотя мне и пришлось оторвать вас на время от своей работы.

Имиш нахмурился. — В чем же дело?

— У меня еще нет полной информации по делу, но, возможно, оно представляет угрозу.

Вэйлок колебался. — Вы полностью доверяете своим служащим? Они абсолютно надежны? — Он красноречиво удержался от того, чтобы не бросить взгляд на Авершама. — Может случиться так, что слово, даже неосторожный взгляд увеличат опасность.

— Какая-то чепуха.

Вэйлок пожал плечами. — Может быть. — Затем он рассмеялся. — Пожалуй, я не буду говорить больше ничего, пока не случится что-либо, что подтвердит мои подозрения, сделает их более очевидными.

— Может, это будет самое лучшее.

Вэйлок расслабился, поудобнее устроился в кресле. — Мне очень жаль, что ваш визит в Актуриан кончился так неудачно. В некотором смысле в этом виноват я.

— Как это?

Краем глаза Вэйлок заметил блеск глаз Авершама.

— В том смысле, что я предупредил о вашем визите.

Имиш махнул рукой. — Не думай об этом. Просто глупая история.

— У вас очень интересный дом. Но... не подавляет ли он?

— Очень. Я бы не жил здесь, если бы того не требовали правила.

— Сколько ему лет?

— Он построен лет за сто до Хаоса.

— Прекрасное здание.

— Да. — Внезапно канцлер обратился к Авершаму. — Рольф, может вы займетесь рассылкой приглашений на официальный прием?

Авершам молча поднялся и вышел из кабинета. — Ну, Вэйлок, о чем ты говорил? — спросил Имиш.

Вэйлок осмотрелся.— В вашем доме нет подслушивающих устройств?

На лице канцлера появилась смесь сомнения и негодования.— Кому нужно за мной шпионить? — Он горько усмехнулся. Я всего лишь канцлер — можно сказать — ничто.

— Вы глава Пританеона.

— Ха! Я ничего не могу. Если я воспользуюсь своей якобы властью, я попаду под домашний арест, либо в Паллиаторий!

— Может быть. Но...

— Что «но»?

— Вы знаете, что недавно были волнения среди жителей? Недовольство.

— Недовольство приходит и уходит.

— Вам не приходило в голову, что за этим стоит организация?

Имиш заинтересовался.— К чему ты ведешь?

— Вы когда-нибудь слышали о Визерерах?

— Естественно. Банда болтунов.

— С виду. Но их ведет и организует практический ум.

— Куда ведет?

— Кто знает? Мне говорили, что их первая цель — офис канцлера.

— Но это смешно. Мне ничего не грозит, по закону срок моего пребывания на посту канцлера — шесть лет.

— А, предположим, переход,— сказал Вэйлок, не рискуя произнести слово «смерть».

— Это уже дурной вкус.

— Попробуй рассмотреть эту гипотезу: что произойдет в этом случае?

— Канцлером станет вице-канцлер Авершам. Так что...

— Совершенно верно,— сказал Вэйлок.

Канцлер посмотрел на него.— Не хочешь же ты сказать, что Рольф...

— Я ничего не говорю. Я только излагаю факты, из которых ты можешь сделать выводы.

— Почему ты говоришь мне все это?

Вэйлок уселся поудобнее:

— Я сделал ставку на будущее. Я верю в стабильность и хочу ее. Я могу помочь защитить стабильность и при этом повысить слоп.

— А,— с легкой иронией произнес Имиш.— Теперь ясно.

— Пропанганда Визереров использует вас как символ роскошной жизни и автоматического слопа.

— Автоматического слопа! — Канцлер горько рассмеялся. Если бы они знали!

— Прекрасная идея — дать возможность узнать всем! Уничтожить этот символ.

— Как?

— Самая эффективная пропаганда — это телепрограмма экскурс в историю Пританеона и ваша биография, из которой ясно, что вы по праву занимаете этот пост.

— Но вряд ли кого это заинтересует. Ведь в наше время канцлер — всего лишь пешка.

— Но канцлер становится истинным главой во времена смуты и беспорядка.

— Такого в Кларжесе не может быть. Мы цивилизованный народ.

— Времена меняются. В воздухе носится дух недовольства. Одно из проявлений этого — усиление деятельности Визереров. Телепрограмма, о которой я говорил, заткнет основные положения их пропаганды. И если нам удастся существенно поднять ваш престиж, мы оба можем рассчитывать на повышение слопа.

Имиш задумался. — Я не имею возражений против этого, но...

— Я принесу вам материалы для окончательной редакции.

— Да, это не повредит.

— Значит, я начинаю работать с сегодняшнего дня.

— Я хочу подумать, прежде чем принять окончательное решение.

— Естественно.

— Я уверен, что ты преувеличиваешь серьезность положения. А что касается Рольфа... Я не могу в это поверить.

— Давай не будем сейчас делать выводов, — согласился Вэйлок. — Но лучше пока не доверяй ему.

— Хорошо, — Имиш поерзал в кресле. — У тебя уже сложился план передачи?

— Главное, — сказал Вэйлок, — показать вас человеком старых традиций, очень ответственным, но простым и неприхотливым в жизни.

Имиш хмыкнул. — Это будет трудно. Все знают, что я люблю хорошо пожить.

— Неплохо было бы,— задумчиво продолжал Вэйлок,— показать свой гардероб: церемониальные костюмы и прочее...

Имиш был озадачен:

— Я думаю, вряд ли...

— Это будет хорошее вступление к разговору,— сказал Вэйлок.— Дань человеческому любопытству.

Имиш пожал плечами.— Может, ты и прав.

Вэйлок встал.— Пожалуй, я прямо сейчас посмотрю твой гардероб и сделаю кое-какие заметки.

— Как хочешь. Я позову Рольфа.

Вэйлок перехватил его руку, протянувшуюся к звонку.— Я не хотел бы работать с мистером Авершамом. Вы только скажите куда идти. Я сам найду.

Имиш засмеялся.— Это весьма экстравагантно.— использовать мой гардероб в качестве контрпропаганды! Впрочем, твое дело...— Он стал подниматься.

— Нет, нет,— запротестовал Вэйлок.— Я не хочу нарушать порядок вашей жизни больше, чем необходимо. Лучше я схожу один.

Имиш пожал плечами:

— Как хочешь.

Он рассказал Вэйлоку, куда идти.

— Я скоро всрнусь,— сказал Вэйлок.

Вэйлок пошел по коридору. У нужной двери он остановился. Вокруг никого не было. Он распахнул дверь и вошел.

Образ жизни Имиша, как он и предполагал, трудно было назвать аскетическим. Белый мрамор, зеленый малахит, черное и красное дерево, на высоких окнах шелковые шторы...

Вокруг него были пальто, накидки, туники, плащи, пиджаки, брюки, бриджи. Сотни видов разнообразной обуви, церемониальные одежды нескольких десятков цветов, спортивная одежда, охотничья одежда... маскарадные костюмы... Вэйлок шарил глазами, стараясь найти алый пиджак, в котором канцлер был вчера.

Он шел вдоль вешалок, внимательно рассматривая все. И вот во втором ряду он нашел этот пиджак и снял его с вешалки. Но тут же замер. В дверях стоял Авершам. Он медленно пошел вперед. Глаза его блеснули.

— Я не мог понять интереса к гардеробу канцлера, пока...— он кивнул на пиджак.— Я понял, что тебе здесь нужно.

— Ты знаешь, для чего я здесь? — спросил Вэйлок.

— Ты держишь пиджак, в котором канцлер ездил в Актуриан. Это единственное, что я понял. Дай его мне.

— Зачем?

— Из любопытства.

Вэйлок отошел в конец комнаты и, отвернувшись, стал доставать пленки. Он чувствовал их, но не мог зацепить. Сзади слышались шаги Авершама. Руки его схватили пиджак. Вэйлок рванул, но Авершам держал крепко. Вэйлок ударил Авершама в лицо, тот пнул его в низ живота. Вэйлок схватил ногу Авершама, резко вывернул ее. Авершам упал, покатился к окну, вскочил на ноги, но Вэйлок уже был рядом и снова ударил его. Авершам схватился за шелковые занавески, но не удержался, хрипло вскрикнул и упал. Вэйлок в ужасе смотрел на пустой прямоугольник окна. Снизу донесся вопль, а затем слышались странные звенящие звуки.

Вэйлок выглянул из окна и увидел тело Рольфа Авершама. Он упал прямо на металлическую ограду и напоролся на одну из острых пик. Ноги его судорожно дергались, задевая о металлическую решетку. — Вот откуда этот звон, — подумал Вэйлок. Но и звон скоро прекратился.

Вэйлок вернулся к пиджаку, быстро вытащил пленки и повесил пиджак обратно.

Через мгновение он уже ворвался в кабинет Имиша. Канцлер быстро выключил экран, на котором обнаженные женщины и мужчины разыгрывали какую-то непристойную сцену. — Что случилось?

— Я был прав, — задыхаясь, сказал Вэйлок. — Авершам пришел в гардеробную и напал на меня! Он подслушивал нас!

— Но... но... — Имиш привстал с кресла. — Где же он?

Вэйлок сказал ему, где.

Канцлер Имиш с трясущимися щеками и кожей цвета прокисшего молока диктовал рапорт Трайндервудскому шефу убийц.

— Его работа всегда изобиловала небрежностью. А затем я обнаружил, что он следит за мной. Я объявил ему, что увольняю его и взял мистера Вэйлока Гэвина на его место. Он ворвался в мой гардероб и напал на меня. К счастью, рядом был Гэвин Вэйлок. В завязавшейся борьбе Авершам выпал из окна. Это случайность, чистая случайность.

Убийца принял рапорт и ушел. Имиш, пошатываясь, прошел в комнату, где ждал Вэйлок.

— Все,— сказал он.— Я надеюсь, что ты прав.

— Это был единственный способ оправдаться. В любом другом случае вас ждал бы громкий скандал.

Имиш покачал головой, все еще ошарашенный тем, что случилось.

— Кстати,— сказал Вэйлок, когда мне приступить к выполнению своих обязанностей?

Имиш удивленно посмотрел.— Ты действительно хочешь занять место Рольфа?

— Мне не нравится в Актуриане, и мне хочется помогать вам.

— Так слоп не сделаешь — прыгая с места на место.

— Я доволен,— сказал Вэйлок.

Имиш покачал головой.— Секретарь канцлера — это секретарь ничтожества. А это еще хуже чем быть ничтожеством.

— Я всегда хотел иметь титул. Как ваш секретарь я становлюсь вице-канцлером. А кроме того, вы же сами сказали убийцам, что взяли меня на службу.

Имиш поджал губы.— Ну и что. Ты можешь отказаться.

— Я боюсь, это вызовет подозрения. А кроме того, нам нужно подумать о Визерерах.

Имиш уселся в кресло, бросил на Вэйлока обвиняющий взгляд:

— Ужасное событие!

— Я сделаю все, чтобы вытащить вас из неприятностей.

Долгое время они смотрели друг на друга.

— Пожалуй, пойду, освобожу комнату от пожитков Авершама,— сказал Вэйлок.

ЧАСТЬ 16

Прошел месяц. В Кларжес пришла осень. Деревья стали красно-желтыми, луга посерели, ветер становился все холоднее.

В Кларжесе отмечался один из больших ежегодных праздников. Весь народ вышел на улицы. На Эстергази Сквер один человек внезапно пришел в неистовство,

вскочил на скамейку и произнес гневную речь, указывая в сторону Актуриана и потрясая кулаками. Многие оставались послушать его, и его пылкая речь нашла отклик в их душах. Двое убийц в черной форме остановились рядом, и сумасшедший обратил свою ярость против них. Толпа повернулась к ним, и убийцы пошли прочь. Но они сделали ошибку, удаляясь слишком быстро. Толпа взревела и устремилась за ними. Убийцы прибавили шагу и вскоре побежали. Оратор, истощивший свои силы, упал на землю, закрыв лицо руками.

Толпа, лишенная руководителя, вскоре пришла в себя и рассеялась. Но в течение некоторого времени люди ощущали силу и гнев массы, они действовали как одно целое против существующего порядка. Газета, описывающая это событие, назвала свою заметку так:

ВЕЙРДЫ НА УЛИЦАХ ДНЕМ?

Вэйлок провел этот день в своей квартире на Фаринот Вэй, где теперь жил и Винсент Роденейв. Роденейв исхудал. Глаза его светились из-под бровей демоническим блеском.

Роденейв работал над пленками. Крупномасштабная карта висела на стене. Она вся была утыкана булавками с алыми головками. Каждая отмечала местонахождение убежищ, где амаранты хранят свои суррогаты. Вэйлок с большим удовлетворением изучал карту.

Он сказал Роденейву:

— Это самый опасный лист в мире.

— Я понимаю, — ответил Роденейв. Он показал на окно. На улице все время дежурит убийца. За квартирой следят. А что, если они ворвутся сюда?

Вэйлок нахмурился, сложил карту, сунул ее в карман. — Продолжай работу с остальными. Если я уеду на неделю...

— Ты можешь уехать? Ты работаешь?

Вэйлок улыбнулся. — Я работаю за троих. Авершам минимизировал свои обязанности. Я хочу сделать себя незаменимым.

— Как?

— Во-первых, укрепив положение самого Имиша. Сам он уже сдался и ждет, будучи Сердом, убийц. Теперь он уже надеется стать Вержем. Мы много ездим. Он укрепляет свой общественный статус, как может. Он произносит речи, дает интервью прессе, ведет себя как человек, обладающий властью. — И немного погода Вэйлок произнес задумчиво:

— Он еще удивит нас всех.

Вернувшись в Трайенвуд, Вэйлок прошел прямо к канцлеру. Тот спал на диване. Вэйлок опустился в кресло.

Имиш проснулся, сел, сонно моргая.— А, Гэвин. Ну как праздник в Кларжесе?

Вэйлок задумался.— Так себе.

— Почему?

— Чувствуется какое-то напряжение. Все возбуждены. Свободный поток расстрачивает свою энергию. Но если поток запрудить, энергия его нарастет до угрожающих размеров.

Имиш почесал голову и зевнул.

— Город переполнен,— сказал Вэйлок.— Все вышли на улицу. Никто не знает, почему, но все вышли.

— Может, для моциона,— зевнул Имиш.— Подышать воздухом, посмотреть город...

— Нет. Люди возбуждены. Их не интересует город, они ищут только общества друг друга, они собираются в толпы.

— Это звучит так печально...

— Я этого и добиваюсь.

— Чепуха,— сказал Имиш.— Такие люди не создали бы Кларжес.

— Я согласен. Но великие дни приходят и уходят.

— Но...— воскликнул Имиш,— еще никогда в нашем обществе производительность не была такой большой, отходы производства такими маленькими...

— И еще никогда не были так переполнены Паллиатории.

— В тебе сегодня совершенно отсутствует оптимизм.

— Иногда я удивляюсь, почему я борюсь за слоп? Зачем стремиться стать амарантом в мире, который стремительно падает вниз?

Имиш был наполовину встревожен, наполовину расшатаен. Сегодня у тебя очень желчное настроение.

— Великий человек, великий канцлер может изменить будущее, сможет спасти Кларжес!

Имиш встал, наклонился над столом:

— Ты полон интереснейших идей. Наконец,— он засмеялся,— теперь я понимаю, откуда берутся слухи, которые ходят о тебе.

— Обо мне?

— Да.— Имиш смотрел на него сверху вниз.— Я слышал очень любопытную вещь.

— Что именно?

— Говорят, что черная тень тянется за тобой. Куда бы ты ни пошел, везде за тобой ужас.

Вэйлок фыркнул:

— Кто автор этой чепухи?

— Генерал-директор убийц Каспар Джарвис.

— Генерал-директор занимается сплетнями, в то время как Вейрды и Визереры нависли как топор палача над нашей цивилизацией.

Имиш улыбнулся:

— Сейчас, я думаю, ты не так серьезен, как тогда.

Вэйлок использовал Визереров как пугало, чтобы проникнуть в гардероб канцлера, но теперь он уже трезво относился к ним.

Имиш продолжал:

— Вейрды — это неорганизованная масса психопатов, Визереры витают в облаках, они романтики. Единственно опасные преступники укрываются в районе Тысячи Воров.

Вэйлок покачал головой. — Мы их знаем. Они изолированы. А эти — часть нас. Они здесь, там, везде. Если Визерерам удастся распространить свою главную идею, что Кларжес болен, что Кларжес нужно лечить — число Визереров увеличится намного.

Имиш в замешательстве потер лоб. — Но именно это ты говорил мне пять минут назад! Ты сам Архивизерер!

— Возможно, — сказал Вэйлок, — но мои предложения не столь революционны.

Имиш был непоколебим. — Каждый знает, что мы живем в Золотом Веке. Генерал-директор говорил мне...

— Завтра вечером, — сказал Вэйлок, — состоится встреча Визереров. Я возьму вас на эту встречу и вы увидите все своими глазами.

— Где они встречаются?

— В Карневале. Холл Откровений.

— Это сумасшедший дом? И ты еще принимаешь их всерьез? Вэйлок засмеялся. — Сходим и увидим.

Карневаль, как всегда, был заполнен людьми в ярких костюмах. Вэйлок надел новый костюм ярко-оранжевого цвета, украшенный перьями. На лице его была бронзовая маска, в которой отражались огни факелов, свет фонарей, вспышки фейерверков. Теперь он сам походил на ходячий сноп пламени.

Имиш не отстал от него по оригинальности: на нем был костюм Матаганского воина. От него исходил звон

колокольчиков, яркие бляхи отражали свет, голубые и зеленые перья колыхались в такт шагам. Его головной убор представлял собой умопомрачительную коллекцию пластин из разноцветного стекла, приклеенную к серебряному обручу.

Всеобщее возбуждение захватило Имиша и Вэйлока. Они громко смеялись и оживленно разговаривали. Имиш даже высказал желание забыть о деле, которое привело их в Карневаль, но Вэйлок был тверд и проходил мимо различных увеселительных домов. Они прошли под роскошным мостом Шепота с его пагодообразной крышей и колоннами в форме сердец. Теперь перед ними возвышался Холл Откровений. Голубые колонны поддерживали зеленый фронтон, на котором красовалась надпись:

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Копия древней статуи — человек-мыслитель: локоть на колене, подбородок в ладони — стояла возле входа. Вэйлок и Имиш бросили свои флорины в ящик и вошли.

Шум голосов оглушил их. Вдоль стен стояли с пустыми глазами античные богини, держащие зажженные факелы. Высокие потолки терялись во мраке. Под каждым факелом было возвышение и на каждом из них стояли или мужчины или женщины. Все они излагали свои доктрины с разной степенью горячности, и возле каждого из них толпились последователи. У одних — больше, у других — меньше. На одно из возвышений забрались сразу два человека и, после напрасных попыток перетянуть к себе слушателей, они бросились друг на друга с кулаками.

— Кто поплывет со мной? — кричал с одного из возвышений оратор. — Я строю ковчег и мне нужны деньги. На моем острове, клянусь, будет настоящий рай. Там полно фруктов.

— Это Кизим, примитивист. Он уже десять лет собирает людей для своей колонии, — сказал Вэйлок.

— А как насчет каннибалов-варваров? — спросил кто-то ехидно. — Нам придется съесть их раньше, чем они съедят нас. Толпа дружно расхохоталась.

— Мы будем купаться в теплой воде, спать на горячем песке — это же натуральная жизнь, спокойная, мирная... — но его уже мало кто слушал. — При чем здесь каннибалы? — надрылся Кизим. — Остров мой, и им придется уйти!

— С сотней черепов в качестве трофеев, — добавил кто-то, и Кизим вконец смешался и исчез.

Имиш и Вэйлок пошли дальше.

— Лига заката солнца,— сказал Вэйлок.— В основном гларки.

— ... и затем, в конце, о, братья и сестры, не отворачивайтесь, потому что я скажу: наступает конец! Мы снова возвращаемся в лоно Великого Друга, мы будем жить вечно в славе, которая недоступна амарантам! Но мы должны сейчас верить, должны отречься от земных соблазнов, отдать свои души Великому Другу!

— ... десять тысяч сильных мужчин — вот все, что нам нужно! — кричал с другого возвышения тщедушный мужчина. Зачем нам потеть и изнурять себя работой в Кларжесе? Я поведу вас, поведу Легион Света! Десять тысяч, закованные в металл, хорошо вооруженные! Мы пройдем через Таппанию, мы освободим Мерсию, Ливернь, Эскобар. И затем — мы сами станем амарантами. Всего только десять тысяч, Легион Света...

На противоположном возвышении стояла хрупкая женщина с бледным лицом. Черные волосы развевались вокруг ее головы. Глаза ее, большие и дикие, смотрели куда-то вдаль, не видимую другим. Она как-будто не знала, что ее слушают... страх и зависть, они с нами, а с кем справедливость? Бессмертие принадлежит одинаково — и амарантам, и гларкам: никто не умирает. Как живет амарант? Они используют суррогаты, он полностью сливается с ними! Как будет жить гларк? Почти так же. Он будет сливаться не со своими суррогатами, а с Человеком. Все люди будущего его суррогаты. Он будет сливаться с человечеством, он будет жить вечно!

— Кто это? — спросил Имиш.

— Не знаю. Я ее вижу впервые... А вот Визереры. Идем послушаем.

Женщина исключительной красоты стояла на возвышении... сейчас трудно определить тенденцию, если она, конечно, есть. Однако ответ могут дать Паллиатории. Некоторых пациентов излечивают и выпускают. Эти излеченные возвращаются к работе, к борьбе за фил. А человек, как веревка — где тонко, там и рвется — ведь в этом месте развивается наибольшее напряжение. И он уже снова в Паллиатории.

Чтобы решить проблему, нужно не укреплять веревку, нужно уменьшить напряжение. Но напряжение не уменьшается, оно растет. Поэтому, как мы согласились на прошлой встрече, нужно к чему-то готовиться. Здесь Моркас Марр, который даст вам дальнейшую информацию.

Она сошла с помоста. Имиш подтолкнул Вэйлока. — Я знаю эту женщину. Это Иоланда Бенн! — Он был ошарашен. — Иоланда Бенн! Подумать только!

Моркас Марр уже стоял на возвышении. Невысокий, крепкий человек с суровым лицом. Он говорил ровным тоном, заглядывая в записную книжку.

— По рекомендации комитета мы упрощаем администрирование и оставляем только главных по районам. Здесь у меня список главных, который я оглашу. Естественно, кандидатуры могут быть одобрены не всеми, но мы полагаем, что сейчас не до выборов. Сейчас важно как можно быстрее привести организацию в действие.

Имиш прошептал Вэйлоку в ухо. — О чем это он, черт побери?

— Слушайте!

— Каждый главный, назовем его лидер, организует свой район, назначает свою исполнительную группу, выработывает план действий. Сейчас я прочту список лидеров. — Он поднял книжку.

— Координатор Якоб Мил.

В стороне по толпе прошло волнение. Вэйлок повернулся и увидел Мила. Рядом с ним стояла женщина с длинным нервным лицом, впалыми щеками, рыжими волосами: Пледж Каддиган.

Моркас Марр закончил чтение и спросил:

— Вопросы есть?

— Конечно есть! — прозвучал голос рядом с Вэйлоком, и он с удивлением увидел, что это крикнул канцлер Имиш.

— Я хочу знать, какова цель этой мощной законсервированной организации?

— Мы надеемся защитить человечество и цивилизацию от надвигающегося катаклизма.

— Катаклизма? — Имиш был удивлен.

— Разве можно подобрать более подходящее слово для полной анархии? — Марр снова обратился ко всем. — Еще вопросы?

— Мистер Марр, — Сказал Мио, выступив вперед. — Мне кажется, я узнал крупного политического деятеля. — Тон его был язвительным. — Это канцлер Пританеона Клод Имиш. Может, нам удастся привлечь его в свои ряды?

Имиш поддержал его иронию. — Я мог бы вступить в вашу организацию, если бы я знал, чего вы хотите.

— Ха! — воскликнул Мил. — На этот вопрос никто не может дать ответа. Мы не хотим определять свою цель. И в этом наша сила. Каждый из наших уверен, что основная цель организации совпадает с его личной целью. Мы связаны только общим вопросом: «Куда катится мир? Как его переделать?»

Имиш разозлился. — Вместо того, чтобы болтать о катклизме и блеять «Куда, куда», вы бы лучше спрашивали себя: «Что могу сделать я, чтобы разрешить те проблемы, которые сотрясают Кларжес?»

Наступила тишина, затем раздался взрыв негодования. Вэйлок оставил Имиша и подошел к Пледж Каддиган и Якобу Милу.

— Как ты оказался в столь изысканном обществе? — спросила Пледж.

— Моя дорогая Пледж, — ответил Вэйлок. — Я сам теперь изысканное общество. Я вице-канцлер.

Якоб Мил нашел эту ситуацию очень занимательной. — И вы, номинальные главы правительства — почему вы здесь, в такой подозрительной компании, как мы?

— Мы надеемся повысить свой слоп, доказав, что Визереры это конспиративная подрывная организация.

Мил рассмеялся. — Если вам будет нужна помощь, обратитесь ко мне.

Сердитые возгласы прервали их. Этот вечер превзошел все ожидания Вэйлока.

— Послушайте этого осла, — прошептал Мил.

— Если вы не партия преступных синдикалистов, — кричал Имиш, — то почему вы создаете целую организацию?

Десяток голосов ответил ему, но Имиш не слушал.

— Вы можете быть уверенными в одном. Я намереваюсь напустить на вас убийц. Я выведу вас на чистую воду!

— Ха! — вскричал Моракс Марр презрительно. — Давай, давай! Кто будет слушать тебя? У самого младшего из нас больше влияния, чем у тебя!

Имиш махнул рукой. Он не мог найти слов и только плюнул. Вэйлок взял его за руку. — Идем.

Ослепленный гневом, Имиш позволил увести себя. В Помадре, на четвертом этаже знаменитого Кольца Садов, они сели и выпили прохладительное.

Имиш молчал. Он стыдился того, что ему пришлось уйти так позорно. Вэйлок тактично молчал. Они смотрели на залитый огнями Карневаль. Была полночь, и праздник был в полном разгаре. Даже воздух вздыхал и вибрировал.

Имиш поставил стакан на стол.— Идем,— прокрипел он. Пора.

Они шли по эспланаде, в «Аргонавте» они выпили ликеру и Имишу стало нехорошо. Они решили возвратиться домой и пошли по эспланаде по направлению к выходу.

Карневаль был каким-то призрачным, нереальным. Огни цветных фонарей поглащались темной водой реки, сторбленные фигуры пробирались в полумраке. Некоторые из них были ревелерами, никому не известными, как клочок бумаги, плывущие в темной воде реки, другие — берберами, которые, как и Вейдеры, находили удовольствие в мрачных преступлениях и насилиях. Группа таких личностей вышла из мрака и направилась к Имишу и Вэйлоку. Они внезапно набросились на канцлера с его помощником.

Имиш сразу рухнул на колени и старался покинуть поле боя на четвереньках. Вэйлок отступил. Тени наступали на него, нанося удары. Один из ударов пришелся по лицу. Вэйлок ответил, но силы были неравны. Вскоре он уже был на земле. Маска свалилась с его лица...

— Это же Вэйлок! — послышался шепот.— Гэвин Вэйлок.

Вэйлок выхватил нож, ударил по чьей-то ноге, услышал вскрик. Он вскочил на ноги и бросился вперед, нанося удары направо и налево. Берберы побежали, рассеялись во тьме.

Вэйлок вернулся к Имишу, который со стонами старался подняться. Одежда их была в полном беспорядке, волосы растрепаны. Несколько синяков украшали лица.

В конце набережной они взяли кэб и полетели через реку, в Трайенвуд.

Канцлер Имиш был в дурном настроении несколько дней. Вэйлок, как обычно, исполнял свои обязанности.

В одно тусклое утро позднего ноября, когда серая вуаль осеннего дня обволокла Глэйд Каунти, Имиш вошел в кабинет Вэйлока. Он уселся в кресло. Ребра его все еще болели, синяки не полностью сошли с лица. И психологическая травма была сильна: он похудел, вокруг рта прорезались морщины.

Вэйлок слушал, как Имиш, путаясь в словах, пытается изложить идею.

— Как ты знаешь, Гэвин, я анахронизм. Золотой Век не нуждается в сильном лидере. Но...— Он промолчал,

задумавшись.— При чрезвычайных обстоятельствах...—
Имиш отошел к окну и стал смотреть в серое небо.—
Странные вещи творятся в Кларжесе — но никого это не
беспокоит. Я намереваюсь заняться этим. Поэтому...—
Он повернулся к Вэйлоку. Позвони генерал-директору
убийц Каспару Джарвису, попроси его быть здесь в
одиннадцать часов.

Вэйлок кивнул:

— Хорошо, канцлер.

ЧАСТЬ 17.

Вэйлок позвонил на Центральную Станцию в Гар-
станге и попросил соединить его с генерал-директором
Джарвисом. Этот процесс потребовал много времени и
усилий. Ему пришлось связаться с оператором, чиновни-
ком Главной Станции... и, наконец, перед ним на экране
возник сам Джарвис могучий человек, сидящий за своими
бумагами, как собака над костью.

— Какого дьявола вам надо?

Вэйлок объяснил и Джарвис стал более дружелю-
бен.— Значит, канцлер желает видеть меня в одиннад-
цать часов?

— Да.

— А ты вице-канцлер Вэйлок?

— Да.

— Интересно. Я надеюсь познакомиться с тобой
поближе, вице-канцлер!

— Значит, в 11,— бесстрастно сказал Вэйлок.

Джарвис появился за десять минут до одиннадцати с
двумя помощниками. Он прошел в приемную, оста-
новился возле стола Вэйлока, осмотрел его внимательно
и улыбнулся, как заговорщик.— Вот мы и встретились
лицом к лицу.

Вэйлок встал и кивнул.

— Надеюсь не в последний раз,— продолжал
Джарвис. Где канцлер?

— Я провожу вас к нему.

Вэйлок проводил Джарвиса в кабинет канцлера. Воз-
ле дверей Джарвис оставил своих помощников.

В кабинете ждал Имиш. Он сидел в массивном старом
кресле. За ним на стене висели портреты его предше-
ст-

венников. Он был полон достоинства. Имиш приветствовал Джарвиса, затем дал знак Вэйлоку оставить их одних.

— Ты нам не нужен, Гэвин. Можешь идти.

Вэйлок с поклоном ушел. Джарвис с развязным дружелюбием сказал:

— Я занятой человек, канцлер. Полагаю, вы хотите мне сказать что-то важное.

Имиш кивнул.— Думаю, да. С некоторых пор меня стало беспокоить положение в Кларжесе.

Джарвис поднял руку.— Один момент, сэр. Если Вэйлок имеет отношение к делу, можно позвать его сюда. Потому что он все равно будет подслушивать.

Имиш улыбнулся.— Может он и хитрец, но тут нет подслушивающих устройств. Мой кабинет тщательно проверяется.

Джарвис скептически осмотрел комнату.— Вы не будете возражать, если я сам проверю кабинет.

— Ради бога.

Джарвис достал какой-то прибор в форме трубки и прошел по комнате, проверяя показания на шкале, прошел во второй раз.

— Странно. Действительно, ничего нет.

Он подошел к двери, открыл ее. Возле двери стояли его люди. Все было спокойно.

Джарвис вернулся в свое кресло.— Теперь будем говорить.

Вэйлок, стоящий в соседней комнате, приложив ухо к отверстию, которое он предусмотрительно проделал, улыбнулся.

— В некотором смысле да, здесь замешан Вэйлок,— послышался голос Имиша.— Из своих собственных соображений он показал мне ту опасность, которую вы не хотите замечать.

— Мое дело только непосредственная опасность.

Имиш кивнул.— Наверное, это мое дело. Я говорю о любопытной организации — Визерерах.

Джарвис пренебрежительно махнул рукой.— В них нет для нас ничего интересного.

— У вас есть агенты в этой организации?

— Нет. Их нет и в Лиге Солнечного Заката, и у Абракадабристов, и в Гильдии Масонов, и в Объединенном Земном Шаре, и у Серебрянных Сионистов...

— Я хочу, чтобы вы немедленно занялись Визерерами.

Начался спор. Имиш был неумолим. Наконец Джарвис поднял руки.— Хорошо. Я сделаю, что вы просите. Времена неустойчивы, возможно мы слишком беспечны.

Имиш кивнул, откинулся в кресле. Джарвис наклонился к нему через стол.— А теперь у меня к вам настоятельная просьба. Бросьте Вэйлока. Избавьтесь от него. Это темная лошадка. Более того, он монстр. Если вы заботитесь о репутации Пританеона, вы уволите его до того, как мы придем за ним.

Достоинство Имиша поколебалось.— Вы имеете в виду случаи с моим предыдущим секретарем?

— Нет.— Джарвис внимательно посмотрел на Имиша. Тот отвел взгляд.— Согласно вашему свидетельству, Вэйлок в этом невиновен.

— Нет,— поспешно сказал Имиш,— конечно, нет.

— Я говорю о преступлении, которое совершилось несколько месяцев назад в Карневале, где Вэйлок убил Джакинт Мартин. Мы вошли в контакт с его сообщником: неким бербером по имени Карлеон. Карлеон может дать показания, достаточные для осуждения.

— Почему вы говорите это мне? — напряженно спросил Имиш.

— Потому что вы можете помочь нам.

— Как?

— Карлеон хочет прощения. Он хочет покинуть район Тысячи Воров и вернуться в Кларжес. У вас есть право дать ему прощение.

Имиш мигнул.— Моя власть чисто номинальная. Вы это прекрасно знаете.

— Тем не менее она есть. Я сам могу пойти в Колледж Трибунов или в Пританеон и просить амнистии для Карлеона. Но тогда будет огласка, дурацкие вопросы.

— Но этот Карлеон... Разве он не виновен так же, как и Вэйлок? Почему нужно простить одного, чтобы наказать другого?

Джарвис молчал. Оказывается, Имиш не так глуп, как он предполагал.— Это политическое дело,— наконец сказал он. Вэйлок — это специальный случай. Я получил приказ осудить его любым способом.

— Вне всякого сомнения, это давит общество амарантов?

Джарвис кивнул.— Рассмотрите ситуацию с этой точки зрения. Два преступника — Вэйлок и Карлеон на свободе. Подарив амнистию Карлеону, мы схватим Вэйлока. Очевидный выигрыш.

— Я понимаю... У вас есть необходимые бумаги?

Джарвис достал из кармана документ.

— Нужно только подписать здесь.

Имиш прочел список преступлений, за которые он прощает Карлеона. Негодование охватило его.— Это же исчадие ада. И вы хотите простить этого человека, чтобы схватить Вэйлока, святого по сравнению с ним!

Он бросил документ на стол.

Со стоическим терпением Джарвис снова начал объяснять ситуацию:

— Я же говорю, сэр, мы ничего не теряем, простив Карлеону его преступления — он все равно живет свободным в Карневале. Но зато мы получаем Вэйлока. И, кроме того, нам следует не забывать об интересах высокопоставленных особ...

Имиш взял перо, нацарапал свою подпись.— Хорошо. Пусть будет так.

Джарвис взял документ, сложил его встал.— Спасибо за помощь, канцлер.

— Я надеюсь, что не буду иметь неприятностей в Пританеоне.

— В этом я могу вас заверить. Они ничего не узнают.

Джарвис вернулся к себе и тут же ему позвонил Имиш. Директор Вэйлок исчез.

— Исчез? Как?

— Не знаю. Он ушел, не сказав мне ни слова.

— Хорошо. Благодарю за звонок.

Экран погас. Джарвис глубоко задумался. Затем он нажал кнопку и проговорил в микрофон:

— Прощение Карлеона готово. Свяжитесь с ним. Договоритесь о встрече. Чем скорее, тем лучше.

Человек в медной маске быстро шел по открытому тротуару. Возле маленькой стальной двери он остановился, осмотрелся, вошел, быстро сделал три шага и остановился. Он ждал две секунды, пока сработает ловушка: огненные молнии ударили в пол перед ним и позади него. После этого он пошел вперед.

Он поднялся по ступеням и вошел в комнату, где не было ничего, кроме деревянных скамеек и грубого стола. За столом сидел человек со сморщенным лицом и большими горящими глазами.

— Где Карлеон?— спросил человек в маске.

Человек кивнул на дверь.

— В своем Музее.

Человек в маске быстро подошел к двери, открыл ее и пошел по темному коридору, то прижимаясь к левой стене, то прыгая к правой. В самой темной части коридора он нащупал боковую дверь и открыл ее, оказавшись в длинной комнате, обставленной с мрачной роскошью. Комната была освещена зеленоватым светом, что еще больше усиливало гнетущее впечатление.

Огромный человек с круглым мертвенно-бледным лицом вопросительно посмотрел на вошедшего:

— В чем дело?

Его посетитель снял маску.

— Вэйлок! — Карлеон схватился за пистолет, но оружие Вэйлока было наготове, безжизненное тело Карлеона рухнуло на пол. Вэйлок с удивлением смотрел на распростертое тело Карлеона. Этот человек собирался стать свободным ценой жизни Вэйлока. Да, Вэйлок недооценил решительность своих противников и их неразборчивость в средствах...

Он вернулся в мрачную приемную. Маленький человек сидел в той же позе. — Я убил Карлеона, — сказал Вэйлок.

Человек не высказал ни удивления, ни интереса.

— Карлеон захотел на ту сторону реки. Он договорился с убийцами об амнистии.

Человек посмотрел своими лучистыми глазами через стол на Вэйлока. Тот сказал:

— Мне нужна сотня человек, Рубель. У меня большие планы и мне нужна помощь. Я буду платить по пятьсот флоринов за ночь.

Рубель угрюмо кивнул. — Есть опасность?

— В какой-то степени.

— Деньги вперед?

— Половину.

— А у тебя они есть?

— Да, Рубель. Грейвен Варлок, издатель Кларжес дирекшен, был богатым человеком. Ты будешь играть роль нанимателя.

— Когда тебе нужны люди?

— Я скажу тебе за четыре часа до начала. Они должны быть сильные, быстрые, умные, хитрые и точно выполнять приказы.

— Сомневаюсь, чтобы в Карневале набралась сотня таких.

— Тогда бери и женщин. Они тоже пойдут. В некоторых отношениях даже лучше.

Рубель кивнул.

— Еще одно. Убийцы в основном действуют через тебя, Рубель. Ты их агент.

Рубель улыбнулся змеиной улыбкой, которую Вэйлок проигнорировал.

— Возможно, ты знаешь и других информаторов. Предупреждаю: полная тайна. Никакой утечки информации. Ты отвечаешь за это. Понял?

— Абсолютно.

— Прекрасно. на следующую нашу встречу я принесу деньги. Зазвонил телефон. Рубель искоса взглянул на Вэйлока, ответил. Голос говорил на сленге, не понятном для непосвященных.

Рубель повернулся к Вэйлоку.— Убийцы хотят Карлеона.

— Скажи им, что Карлеон мертв.

Эту новость передали Джарвису. Он действовал решительно:

— Пошлите Специальный отряд в Карневаль. Приказ— найти Гэвина Вэйлока и схватить его.

Прошло два часа и отряд вернулся ни с чем.

— Он ускользнул.

Джарвис сидел в кресле, глядя на черные крыши города. Мы найдем его... Жаль, что нельзя использовать телевекцию... Они связывают нам руки!

Он встал и отдал сотню приказов...

ЧАСТЬ 18

Общество Амарантов собралось на свой 229 конклав. Каждый член Общества сидел в комнате своего дома перед большой стеной, сделанной из десяти тысяч плиток. На каждой плитке-экране виднелось лицо амаранта и лампочка, отражающая его мнение по какому-либо вопросу. Если лампочка светилась красным светом, это означало крайнее неодобрение. Оранжевым просто неодобрение, желтым нейтральное отношение, зеленым одобрение и голубым— полное одобрение.

В центре мозаики было смонтировано устройство, которое обсчитывало все данные, и его специальный индикатор отсвечивал мнение большинства, так сказать, обобщенное мнение общества, групповое решение.

Сегодня вечером на конклав собралось девяносто два процента всех его членов.

После официальной церемонии открытия Роланд Зигмонд занял экран оратора.

— Я не буду терять время на вступление. Мы сегодня встретились, чтобы обсудить дело, которое каждый из нас старался не замечать: насильственное уничтожение амарантов.

Мы игнорировали эту проблему до сих пор из ложного стыда и не считали ее серьезной. Действительно, в противном случае — зачем нужны были бы наши суррогаты?

Сейчас мы должны выступить за свои принципы: посягательство на жизнь есть крайнее зло, и мы должны бороться с любым проявлением этого. Вы удивляетесь, почему этот вопрос поднялся только сейчас. Основная причина — это продолжающаяся серия уничтожений. Последнее — это Анастазия де Фанкур. Ее убийца покончил с собой, и пока среди нас не появились ни новая Анастазия, ни новый Абель.

Но главное — это Гэвин Вэйлок, известный нам как Грэйвен Варлок.

Я передаю слово Джакинт Мартин, которая занималась этим делом.

Лицо Джакинт появилось на центральном экране. Глаза ее расширились и сияли странным блеском. Видимо, она была перевозбуждена и напряжена.

— Дело Гэвина Вэйлока — это общая тенденция отношения к нам, амарантам. Впрочем, может я несправедлива к Вэйлоку, потому что человек он уникальный!

Давайте посмотрим преступления, за которые он несет прямую ответственность: Абель Мандеваль, я — Джакинт Мартин. Предположительно: Сет Каддиган, Рольф Авершам; только вчера бербер Карлеон. Все это события, известные нам. А сколько неизвестных? Зло идет за Вэйлоком.

Почему? Случайность? Может, Вэйлок невинное орудие зла? А, может, он дошел до такой степени эгоизма, что ему ничего не стоит взять человеческую жизнь для достижения своих целей?

Голос ее зазвенел, слова запрыгали, как дождевые капли с крыши. Она тяжело дышала.

— Я изучила Гэвина Вэйлока. Это невинное орудие зла! Это Монстр! У него мораль хищника, и она дает ему могущество — могущество, направленное против жителей Кларжеса. Это физическая угроза каждому из нас.

Вся мозаика всполошилась:

— Почему? Почему? Почему?— неслись крики с каждого экрана.

Джакинт продолжала:

— Вэйлок презирует наши законы. Он нарушает их тогда, когда ему нужно. А успех заразителен. За Вэйлоком могут последовать и другие. Он загрязняет наше общество, как вирус заразы!

Вся мозаика гудела и перешептывалась.

— Цель Гэвина Вэйлока— стать амарантом, и он из всех сил стремится к этому.— Она посмотрела на мозаику из тысяч маленьких взволнованных лиц.— Если мы решим, мы можем проигнорировать законы Кларжеса и дать ему то, что он хочет. Какова ваша воля?

Шум голосов, как звуки прибоя, вырвался из громкоговорителя. Индикаторы засветились всеми цветами радуги, но больше всего было красного и оранжевого. Панель центрального регистра стала розовой. Джакинт подняла руку.— Но если мы не сдадимся, я предупреждаю вас, нам придется сразаться с этим человеком. Нам придется не просто подчинить его, этого будет недостаточно, мы должны...— Она наклонилась вперед.— ... мы должны уничтожить его!

С мозаики не донеслось ни звука.

— Некоторые из вас потрясены. Но к этой мысли нужно привыкнуть. Этот человек хищник и должен быть уничтожен.

Она села. Роланд Зигмонд, председатель Общества, снова занял место на центральной панели. Он тихо заговорил:

— Джакинт осветила специальный объект общей проблемы. Без сомнения, Грейвен Варлок умный преступник. Он каким-то образом перехитрил убийц и скрывался семь лет, после чего зарегистрировался в Будды как свой же реликт с намерением снова пробиться в амаранты.

— Разве это плохо?— спросил кто-то.

Роланд проигнорировал вопрос.— Однако...

На экране снова появилась Джакинт. Она обшаривала глазами тысячи людей.— Кто это спросил?

— Я.

— А кто ты?

— Я Гэвин Вэйлок. Или Грейвен Варлок, если вам это больше нравится. Я— вице-канцлер Пританеона. Дай мне слово, председатель.

Лицо Вэйлока появилось на центральной панели. Десять тысяч пар глаз рассматривал волевое лицо.

— Семь лет назад, — начал Вэйлок, — я был передан убийцам за преступление, в котором виновен лишь технически. Благодаря большому везению я сегодня здесь, чтобы выразить протест. Я прошу конклав отменить свой ордер, признать мою ошибку и восстановить меня в членах Общества со всеми правами.

Роланд Зигмонт заговорил. В его голосе чувствовалось волнение. — Конклав проголосует, принять или не принять твою просьбу.

— Ты монстр, — сказал ему чей-то голос. — Мы никогда не подчинимся твоему требованию.

Вэйлок сказал голосом, в котором звучала сталь. — Я прошу голосования.

Контрольная панель стала красной.

— Вы отвергли мою просьбу, — сказал Вэйлок. — Роланд Зигмонт, могу я узнать, почему?

— Я могу только предположить мотивы, которыми руководствовалось Общество, — проговорил Роланд. — Очевидно, мы чувствуем, что твои методы неприменимы, неприемлемы. Ты обвинен в готовности совершить преступление. Нас тревожит твоя агрессивность. Мы не считаем тебя достойным занять место среди амарантов.

— Но при чем здесь мой характер? Я Грэйвен Варлок и я уже был признан амарантом.

Роланд сослался на слова Джакинт Мартин. — Ты зарегистрировался в Актуриане как Гэвин Вэйлок. Так?

— Верно. Но это всего лишь...

— Значит, для закона ты и есть Гэвин Вэйлок. Грэйвен исчез. А ты Гэвин Вэйлок. Бруд.

— Я зарегистрировался как Гэвин Вэйлок, реликт Грэйвена. Однако я точная копия Грэйвена и, следовательно, имею право на все, на что имел право сам Грэйвен.

Джакинт рассмеялась. — Пусть на это ответит Роланд. Он специалист в этих делах.

Роланд много говорить не стал:

— Я отвергаю притязания мистера Гэвина Вэйлока. Грэйвин был амарантом очень мало времени, и его суррогаты не успели развиться.

— Но вы можете, — сказал Вэйлок, — проэкзаменовать меня по всему прошлому Грэйвена. И когда я отвечу на все вопросы, вы сможете признать меня суррогатом Грэйвена, и тогда я буду считаться новым Грэйвеном.

— Я не могу понять это. Вы можете быть реликтом Грэйвена, но никак не его копией, суррогатом.

Спор затянулся. На центральном экране теперь были они оба. Спор продолжался.

— Но разве это не ваша доктрина относительно суррогатов?— спросил Вэйлок.— Разве вы не считаете каждый суррогат своей копией?

— Нет. Каждый суррогат абсолютно индивидуален до тех пор, пока в него не введут личность прототипа. Только тогда он становится копией. Только тогда он становится амарантом.

Вэйлок в первый момент не нашелся что ответить. Он казался на экране смущенным и потерявшимся.

— Значит, суррогаты абсолютно независимые личности?

— В общем да.

Вэйлок обратился ко всем.— Вы все согласны?

На контрольной панели вспыхнул голубой цвет.

— Признаявая это,— задумчиво сказал Вэйлок,— вы признаетесь в ужасном преступлении.

Наступила тишина.

Вэйлок продолжал окрепнувшим голосом:

— Как вы знаете, я выполняю общественные функции. Они минимальны, но реальны. В отсутствие канцлера я, вице-канцлер, обвиняю Общество Амарантов в нарушении одного из основных законов.

Роланд Зигмонт нахмурился.— Что за чепуха?

— Вы содержите в плену взрослые личности, да. Моя обязанность прекратить это насилие. Вы должны немедленно освободить личности, или понести соответствующее наказание.

Негодующий шепот постепенно перешел в рев. Сквозь него прорывался голос председателя:

— Вы сумасшедший.

Лицо Вэйлока на экране казалось маской из темного камня.— Вы сами признали, что держите в заключении тех, кто не является вашими копиями. Теперь вам нужно выбирать. Либо суррогаты— независимые личности, либо они— копии протоамаранта.

Председатель отвел глаза.— Я буду рад предложить членам общества ответить на это идиотское заявление. Секстон ван Эк?

— Это обвинение действительно идиотское,— сказал Секстон ван Эк после некоторого колебания.— Более того, оно оскорбительно.

— Джакинт Мартин?— Ответа не было. Ее экран был пуст.

— Гражданин Планагент?

— Я согласен с Секстоном ван Эк. Это обвинение нужно игнорировать. И вообще, что он хочет?

— Либо примите меня в Общество Амарантов, либо отпустите свои суррогаты,— сказал Вэйлок.

Тишина. Затем слабые смешки.

— Вы же знаете, что мы никогда не выпустим суррогаты в мир. Это идиотизм,— сказал Роланд.

— Значит, вы признаете мое право войти в Общество Амарантов?

Панель стала оранжевой, затем красной.

Вэйлок заметно разозлился.— Вы забываете о разуме, о здравом смысле.

— Ты не обманешь нас. Мы не пойдем на твои условия, слышались голоса.

Я предупреждаю: я не беспомощен. Однажды вы принесли меня в жертву, и я много лет прожил в страданиях.

— Как это мы принесли тебя в жертву?— спросил председатель.— Разве мы виноваты в преступлении Грэйвена Варлока?

— Вы осудили его на тягчайшее наказание за поступок, который совершает один из сотни. Абель Мандевиль убил сразу двоих— но он возродится в одном из своих суррогатов.

— Я могу только сказать,— проговорил Роланд,— что Грэйвен должен быть осторожнее до тех пор, пока не развились его суррогаты.

— Я не отойду в сторону,— страстно вскричал Вэйлок. Я буду требовать то, что положено мне по праву. Если вы отвергнете меня, я буду столь же безжалостен, как и вы.

На всей мозаике отразилось удивление. Роланд с легкой улыбкой сказал:

— Хорошо. Если хочешь, мы рассмотрим твое дело, но я сомневаюсь...

— Нет. Я использую свою силу сейчас. Так что выбирайте сейчас...

— Какую силу? Что ты сможешь сделать?

— Я могу освободить ваши суррогаты.— Вэйлок смотрел на них с улыбкой.— Вообще-то я предполагал исход моих переговоров, так что их освобождают прямо сейчас. И освобождение будет продолжаться до тех пор,

пока вы не признаете мои права или все суррогаты не будут освобождены.

Амаранты онемели. С экранов не доносилось ни звука.

Роланд неуверенно засмеялся.— Ну, теперь все ясно. Этот человек— Гэвин и Грэйвен— понятия не имеет, где они находятся. Он не может выполнить свою угрозу.

Вэйлок поднял лист бумаги.— Вот суррогаты, которые уже выпущены:

Барбара Венбо
1513 Англеси Плэйс.

Альберт Пондиферри.
20153 Скайхэвен.

Мэйдел Харди
Клодекс Чендэри, Уиблесайд.

Карлотта Миппин
32863 Пять углов.

Раздались крики ужаса. Амаранты начали обсуждать, нужно ли оставаться у экрана или бежать в места хранения суррогатов.

— Покидать конклав бессмысленно,— сказал Вэйлок.— Сегодня будет выпущена только часть суррогатов. Около четырехсот. Работа уже наполовину сделана и будет закончена до вмешательства. Завтра будут выпущены следующие четыреста суррогатов. И каждый следующий день тоже. А теперь— вернете ли вы мне свои права, или я вас сделаю несчастными?

Лицо Роланда побледнело.— Мы не можем нарушить закон Кларжеса.

— Я не прошу нарушать закон. Я амарант и хочу, чтобы вы просто подтвердили это.

— Нам нужно время.

— Я не могу дать его. Решайте сейчас.

— Я не могу говорить за всех.

— Голосуйте.

Роланд услышал звонок телефона, взял трубку. Когда он положил ее, лицо его было окаменевшим.

— Все верно. Он прав. Суррогаты на свободе!

— Вы должны признать мои права!

— Пусть начнется голосование! — крикнул Роланд.

Замелькали огни... Все цвета... Зеленый... Желтый... Оранжевый... И вот установился зелено-голубой цвет.

— Ты выиграл, — слабо сказал Роланд.

— И что теперь?

— Я поздравляю тебя, брат амарант.

— Вы снимаете с меня все обвинения и преступные намерения?

— Они уже сняты.

Вэйлок испустил глубокий вздох. Он сказал в микрофон. Прекратить операцию.

Затем он снова повернулся к экранам. — Приношу свои извинения тем, кому я причинил неудобства. Могу сказать, что я смогу исправить все, восстановить справедливость.

Раздался хриплый голос Роланда. — Ты доказал, что можно стать амарантом при помощи жестокости и наглости. А теперь...

Лязгающий звук прервал Роланда. Десять тысяч пар глаз в ужасе смотрели, как безголовое тело Вэйлока отваливается от экрана. А за ним появилась Джакинт Мартин. На ее лице играла жуткая улыбка, глаза расширились и сверкали:

— Вы говорили о справедливости — она свершилась. Я уничтожила монстра. Теперь я запачкана кровью Гэвина Вэйлока. Вы никогда больше меня не увидите.

— Подожди! — закричал Роланд. — Где ты?

— В доме Анастازии. Где еще может быть свободный экран для конклава?

— Тогда подожди. Я сейчас буду там.

— Давай быстрее. Все равно ты найдешь только тело обезглавленного монстра.

Джакинт Мартин выбежала на посадочную площадку, где ее ждал Старфлаш. Она вскочила в кабину. Кар взлетел, как ракета, в темное небо.

Кларжес ярким сиянием горел внизу — и на севере, и на юге, и со всех сторон.

Старфлаш сделал вираж и со свистом устремился вниз, к реке Шант.

В каре сидела женщина. Большие глаза ее горели решимостью, лицо превратилось в безжизненную маску. Кларжес, любимый Кларжес, окружал ее со всех сторон. А впереди ее ждала черная маслянистая река, на поверхности которой играли блики оранжевых огней Кларжеса...

ЧАСТЬ 19

В городе было на удивление спокойно. Утренние газеты с большой осторожностью сообщили о прошедших событиях, так как издатели не были уверены, какой линии им придерживаться. Население пошло на работу, почти не понимая, что же предпринял Гэвин Вэйлок.

А среди амарантов имя Гэвина Вэйлока вызывало целые взрывы страстей— ведь Вэйлок сообщил на конклаве, что четыре сотни убежищ суррогатов открыты. 1762 суррогата были выпущены.

Амаранты были в шоке. Ведь они теперь стали уязвимы, как простые смертные. Вечность для них стала делом случая.

Четыреста амарантов получили сильнейший нервный шок. Они прятались в убежища, в подвалы, боясь выйти на улицы.

Совет Трибунов собрался на чрезвычайную сессию, но так и не смог найти какое-либо решение.

Канцлер Имиш выступил по радио и заявил, что Вэйлок не имел права использовать свое служебное положение, так как к этому времени он был уволен. И все его действия были незаконными.

Общественность понемногу начала воспринимать случившееся и реагировать. Некоторые были возмущены посягательством на старые традиции, другие потихоньку радовались. Вэйлока считали и жертвой и по всей справедливости наказанным преступником. Лишь немногие могли заниматься работой. Многие тысячи бросили все и проводили время, обсуждая то, что произошло. Куда это должно привести? Проходили часы, дни... Кларжес ждал...

Винсент Роденейв также принимал участие в событиях драматической ночи. Наняв кар, он полетел в Суверен Аплэнд, который находился в сорока милях к югу от Кларжеса, и приземлился возле одинокой маленькой виллы. После некоторых усилий он проник на виллу и вошел в центральный холл.

На голубых матрацах там лежали три версии Анастазии де Фанкур— абсолютные копии просто-Ана-

стазии. Глаза их были закрыты. Они находились в трансе— все абсолютные копии друг друга— вплоть до завитков черных волос.

Роденейв с трудом сдерживал свои эмоции. Он наклонился к ним. Дрожащие руки ласкали обнаженные тела трех Анастазий.

Но вот одна из них проснулась. И тут же проснулись остальные две.

Они воскликнули от удивления. В смятении они старались чем-нибудь накрыть себя от жадного взгляда Роденейва. Хорошо, что их было трое: одна сгорела бы под таким взглядом.

— Анастазия умерла,— сказал Роденейв.— Кто из вас старшая?

— Я,— сказала одна из них. Перед Роденейвом вместо трех копий вдруг оказалась Анастазия и две ее копии.

— Я Анастазия.— Она повернулась к своим копиям. Возвращайтесь ко сну. Я выйду в мир.

— Вы выходите все,— сказал Роденейв.

Анастазия в замешательстве посмотрела на него.— Так нельзя!

— Но так будет,— сказал Роденейв.— С тех пор, как последняя Анастазия посещала вас, она вышла за меня замуж. Так что ты теперь моя жена.

Новая Анастазия и ее две копии с интересом посмотрели на него.

— Это трудно понять,— сказала Анастазия.— Твое лицо нам знакомо. Как твое имя?

— Винсент Роденейв.

— А. Теперь я тебя узнала. Я слышала о тебе.— Она пожала плечами и рассмеялась.— Я делала много странного в жизни. Возможно, я вышла за тебя замуж. Но я не очень уверена в этом.

Она уже полностью вошла в роль Анастазии. В ее тело вошел талант большого мира...

— Идем,— сказал Роденейв.

— Но мы не можем идти все,— запротестовала Анастазия.

— Вы должны идти все,— сказал Роденейв.— В противном случае я буду вынужден применить силу.— Было заметно, что ему очень хочется сделать это. Все-таки сразу три Анастазии в его объятиях...

Все трое попятились, поглядывая на него.— Это слышанно. Что случилось с Анастазией?

— Ревнивый любовник убил ее.

— Это, должно быть, Абель.

Роденейв нетерпеливо махнул рукой.— Нам надо идти.

— Но тогда же будет три одинаковых Анастасии. И все одинаковые...

— Одна из вас может быть Анастасией, если ей это нравится. Другая будет моей женой. А третья может делать то, что хочет.

Три Анастасии смотрели на него с недоумением. Наконец старшая заговорила:

— Мы не собираемся идти к тебе. Если была свадьба, то надо совершить развод. Мы выйдем из нашего убежища, но не больше.

Роденейв посерел.— Одна из вас пойдет со мной. Выбирайте— кто именно!

— Не я. Не я. Не я,— три голоса прозвучали с одинаковой интонацией.

— Но свадьба! Вы не можете игнорировать ее.

— Можем. И мы так сделаем. Ты не тот, кто может принести нам удовольствие.

Роденейв заговорил сдавленным тоном:

— Все суррогаты амарантов должны покинуть свои убежища. таков приказ.

— Чепуха.

— Чепуха.

— Чепуха.

Роденейв шагнул вперед, поднял руку, и щека одной из Анастасий вспыхнула алой краской. После этого он вышел, уселся в кар и полетел в Кларжес один.

С тех пор, как Джакинт Мартин впервые познакомил Роланда Зигмонта с делом Гэвина Вэйлока, он испытывал постоянное ощущение нерешительности, гнева...

Роланд был очень старый человек, один из первой группы Большого Союза Амарантов. Он был высокий, тощий, с тонкими костями. Время смягчило его, и он совсем не разделял страстной непримиримости и фанатизма Джакинта. После той апокалипсической ночи, которая принесла столько волнений, первое, что он ощутил— было облегчение, что худшее уже позади.

Но следующие дни пришлось заниматься последствиями той ночи. 1762 суррогата вышли в мир, и теперь требовалось решить грандиозную проблему: каков статус этих новых граждан? Для каждого из четырех ама-

рантов, чьи убежища были опустошены, имелось теперь четыре или пять абсолютно одинаковых копий, с одинаковым прошлым, одинаковыми надеждами на будущее. Каждый имел право считать себя амарантом со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Так что ситуация сложилась кошмарная.

Это положение обсуждалось на сессии Директората, и эта сессия была самая бурная за всю историю общества. Сессия приняла единственное решение, которое можно было принять: все 1762 копии были приняты в общество амарантов как отдельные личности. После этого неминуемо всплыло имя Гэвина Вэйлока. Карл Фергюс — один из тех, кто лишился своих суррогатов, кричал:

— Недостаточно просто уничтожить этого человека, надо подвергнуть его ужасным мукам в стиле варваров!

Роланд вышел из терпения и резко возразил:

— Ты в истерике. Ты смотришь на свое сложившееся только со своей колокольни.

— Ты защищаешь монстра? — вспыхнул Карл.

— Я просто констатирую факт, что Вэйлок был вынужден принять крайние меры. Он дрался за то, чтобы вернуться в ряды амарантов тем, что было у него в руках.

В комнате установилась беспокойная тишина. Вице-председатель Олаф Мэйбу примирительно сказал:

— Как бы то ни было, все кончилось.

— Не для меня! — взревел Карл Фергюс. — Роланду легко разыгрывать святую простоту: его суррогаты в безопасности. Если бы он не был так решителен, медлителен...

Нервы Роланда были напряжены до предела, и это обвинение вывело его из себя. Он вскочил, схватил Карла за отвороты пиджака, прижал его к стене. Карл вырвался и между ними завязалась борьба. Их удалось разнять лишь через несколько минут.

На этом встреча и кончилась — нападки, взаимные обвинения, чуть ли не переходящие в драки.

После встречи Роланд пошел в свой кабинет. Войдя в него, он увидел, что там находится человек. Роланд остановился, как будто его ударили по голове:

— Гэвин Вэйлок! — хрипло прошептал он.

Вэйлок встал. — Если вам так нравится, то Гэвин.

— Но... но ты же уничтожен!

Вэйлок пожал плечами. — Я мало знаю о том, что случилось. Обо всем я прочел лишь в газетах.

— Но...

— Почему вы удивлены?— спросил Вэйлок даже с некоторым раздражением.— Вы забыли, что я Грэйвен Вэйлок?

И тут на Роланда снизошло просветление.

— Ты старший из суррогатов Грэйвена?

— Естественно. У Гэвина Вэйлока было семь лет, чтобы обеспечить себя суррогатами.

Роланд плюхнулся в кресло.— Почему я не подумал об этом раньше?— Он потер виски.— О, боже. Что теперь делать?

Вэйлок удивленно вскинул брови:

— Разве есть сомнения?

Роланд вздохнул:

— Увы, нет. Ты выиграл. Приз твой. Идем.— Он провел его в свой кабинет, открыл сейф, окунул древнее перо в пурпурные чернила, Грэйвен Вэйлок.

Он закрыл сейф.— Ну вот. Ты в списках. Завтра я выдам тебе бронзовый медальон. Все формальности пройдены.— Он осмотрел Вэйлок с головы до ног.— Я не претендую на дружелюбие по отношению к тебе, ибо я его не чувствую. Но я предлагаю тебе стакан бренди.

— Я приму его с удовольствием.

Двое мужчин сидели в тишине. Роланд откинулся на спинку стула кресла.— Ты достиг своей цели,— тяжело сказал он.— Ты амарант. Жизнь лежит перед тобой. Ты получил сокровище...— он сделал паузу,— но как ты получил его? Четыреста амарантов сейчас должны прятаться по своим убежищам. Им нужно выращивать новые суррогаты. Некоторые могут за это время погибнуть, умереть... и без суррогатов это будет навсегда. Их жизни на твоей совести.

Вэйлок спокойно выслушал это.— Всего этого можно было избежать семь лет назад.

— Сейчас это не при чем.

— Возможно. Но нужно помнить, что любое повышение слопа оплачивается жизнью других. На моей совести будет лежать жизнь двух или трех амарантов, о котором вы упомянули. Но каждый амарант узурпирует жизнь двух тысяч человек.

Роланд Зигмонт горько рассмеялся.— Ты считаешь, что не участвуешь в отнимании жизни у этих двух тысяч? То, что ты стал амарантом, отзовется и на Вержах, и на тех, кто ниже их.— Он махнул рукой.— Но ты не думай, что, став амарантом, ты попал в исключительные условия. Все далеко не так

— Почему?

— Вместе с тобой получили статус амараната еще 1762 человека.

— Ну и что? Какие сейчас у амарантов льготы?

Роланд нахмурился:

— Амарант может делать только то, что считает правильным. Вэйлок встал. — Я хочу пожелать вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Роланд.

Вэйлок пошел на посадочную площадку, где оставил свой кар.

Он поднялся высоко в небо. Под ним раскинулся Кларжес. Древний город. Богатый город. Современный город. Город, где было место далеко не всем.

Что теперь? Пожалуй, нужно отдохнуть и подумать. Самое подходящее место для этого старый порт. Он рассмеялся. Он, Гэвин Вэйлок. Перед ним распростерлось будущее. Будущее без границ и пределов. Теперь не нужна борьба, напряжение, хитрости, планирование, расчеты, защита... А когда всего этого нет, зачем нужна жизнь?

Вэйлок ощутил разочарование. Он выиграл, приз у него, но какой ценой? Что толку в выигрыше, если человек не может воспользоваться им так, как ему хочется? Амаранты такие же робкие и запуганные, как и гларки.

Вэйлок подумал о Стар Энтерпрайз, которая сейчас заправляется горючим и готовится к полету. Может ему стоит совершить путешествие в порт Зельденбург и нанести визит Рейнгольду Бибурсону?

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ»

Реликт украдкой спустился со скалы, неуклюжее тощее создание с уродливыми голодными глазами. Он двигался быстрыми толчками, используя полосы темного воздуха как укрытие, перебегая от тени к тени, временами припадая на все четыре ноги и пригибая голову к земле.

Приблизившись к последнему выступу скалы, он остановился, всматриваясь в равнину.

Вдали возвышались низкие холмы, сливавшиеся с небом, испещренным и бледным, словно матовое стекло.

Открывавшаяся внизу равнина простиралась ветхим бархатом, темно-зеленым и морщинистым, тронутым проплешинами и тлением. Фонтаны жидкого камня били в воздух и разветвлялись черным кораллом.

Где-то посредине развернулось семейство серых субъектов, изменившихся с целенаправленной стремительностью: сферы переходили в пирамиды, превращались в купола, распускались пучками громадных белых игл, вонзались в небо огромными мачтами и, наконец, в кульминации становились кубиками разноцветной мозаики.

Реликту было на это наплевать, он хотел есть и только, а на равнине виднелись какие-то растения, и на лье вокруг не было ничего лучшего.

Они росли на земле, иногда на плавающих островках воды или в сердцевине черного тяжелого газа. Там были серые черные лохмотья листьев, глыбы чахлой колючки, бледно-зеленые луковички, стебли с листьями и изнеможенными цветами.

Там не было знакомых видов, да и Реликт не имел понятия, что листья и побеги, съедобные вчера, не будут ядовитыми сегодня.

Он попробовал поверхность равнины ногой.

Стекловидная поверхность, которая тоже на вид была создана красными и серо-зелеными пирамидами, напружинилась, приняла его вес и затем внезапно поглотила ногу.

В ярости он выдернул ногу назад, отпрыгнул и приземлился на корточки на зыбкую твердую поверхность.

В его желудке скрежетал голод, ему необходимо было наесться.

Он окинул взглядом равнину. Не так далеко отсюда играла парочка организмов— катались, разбегались, танцевали, вставали в пыльные позы. Если бы они приблизились, он убил бы одного из них.

Они напоминали людей и поэтому наверняка послужили бы хорошей пищей.

Он ждал.

Долго ли, коротко ли— не имело значения: оценивать было невозможно ни качественно, ни количественно. Солнце исчезло, а с ним и естественный цикл смены дня и ночи. Понятие времени перестало существовать.

Больше ждать было невозможно, так дальше продолжаться не могло. У Реликта сохранилось несколько

ко отрывочных воспоминаний о далеком прошлом, когда логика и система еще не безнадежно устарели.

Человек утвердился на земле только благодаря единственной возможности: следствию всегда предшествовала причина, а причине— следствие.

Умелое обращение с этим основным законом дало богатые всходы, остальные способы и возможности казались совершенно ненужными.

Человек сделал себя центром всей структуры.

Он мог жить в пустыне, в степи, на льду, в лесу, или городах, он перестал зависеть от окружающей среды.

И он не подозревал о своей уязвимости. Логика оказалась чересчур узким полем деятельности, а разум— узко-специализированным инструментом.

А потом грянул урочный час, когда Земля свалилась в мешок беспричинности и лопнули все прежние причинно-следственные связи. Стали неприменимы узко-специализированные инструменты, которые не потянули на новую реальность.

Из двух миллиардов людей выжило только несколько сумасшедших.

Они называли себя Организмами, хозяевами новой эры.

Их несоответствие настолько хорошо вписывалось в причуды мира, что вплеталось в общую дикую мудрость, или возможно, деорганизовывало материю вселенной, возникшей из старой структуры, менее чувствительной к психокинезу.

Осталась существовать и кучка других— Реликтов, но только благодаря счастливым обстоятельствам, они сами очень сильно изменились, судя по старым причинно-следственным связям.

Правда, те тоже частично сохранились, хотя бы для управления метаболизмом тел, но не более.

Они очень быстро вымирали, психика не предусматривала заслона против такого окружения. Иногда мозг Реликтов нагревался, и они, бессвязно бормоча, выпрыгивали на равнину.

Организмы же смотрели вокруг без тени любопытства, да и чему тут было удивляться?

Любой Организм мог запросто задержать обезумевших Реликтов, которые попытались бы продлить свое существование.

Как и Организмы, Реликт набивал полный рот растений, как и Организмы, Реликт натирал ноги толченой

водой, но потом вскоре Реликт погибал, отравившись ядом, а Организм тем временем спокойно продолжал нежиться в черной сырой траве.

Или же Организму могло прийти в голову съесть Реликта, и тогда тому ничего не оставалось делать, как спастись бегством.

Объятый ужасом, не способный больше оставаться в этом мире, он бежал, прыгал, вдыхал густой воздух, широко раскрыв глаза, разинув рот и задыхаясь, пока не падал в омут черного железа или не грохался в вакуумный мешок, заметаившись в нем, как муха в бутылке.

Теперь Реликтов осталось очень мало.

Финн, тот, что забрался на скалу и оглядывал окрестности, жил с четырьмя другими особями. Две из них были старыми самцами, которым предстояло скоро умереть. Если не найдется пища, Финну тоже придется разделить их участь.

Один из Организмов на равнине, Альфа, вдруг сел, зачерпнул пригоршню воздуха, шарик голубой жидкости, взял камень, смешал их вместе, взболтал, словно микстуру, и хорошенько согрел.

Раствор скатился с ладони, словно бечевка. Сказать, что за чертовщина на уме у этого существа было невозможно. Действия его и всех остальных казались совершенно непредсказуемыми. Реликту нравилось есть их мясо, но случилось по-иному, они тоже неприминули им полакомиться. Правда, при такой конкуренции он оказался бы в весьма невыгодном положении. Их непредсказуемые действия явно сбивали его с толку. Ища спасения, он бросился бежать, и тут начался кошмар.

То, направление, которое лежало перед его взором, на редкость изобиловало почвой с самым различным сцеплением, что как-то позволяло ему передвигать ноги. Позади был Организм, случайный и незавершенный, как само окружение. При чем альтернатива заключалась в скопище причуд, иногда сливавшихся вместе, иногда нейтрализующих друг друга. В худшем случае Организм мог бы схватить его. Это было необъяснимо, а впрочем, почему бы и нет?

Слово «необъяснимо» давно потеряло всякий смысл. Организмы направились к нему. Ну, неужели заметили? Он припал к тусклой желтой скале.

Организмы невдалеке остановились.

Он услышал их крики и скрючился, раздираемый двумя противоположными чувствами— голодом и страхом. Альфа припал к коленям, и перевернулся на спину, раскинув как попало ноги и руки и посылая к небу серии мелодичных криков и гортанных стонов. Это был собственный язык, только что им выдуманный, но Бета, конечно, должен его понимать.

— Видение,— прокричал Альфа.— Я вижу белое небо, вижу скалы, свивающиеся круги. Они сжимаются в твердые точки, и их никогда больше не будет.

Бета перегнулся через пирамиду и взгляделся, откинув плечи, в испещренное небо.

— Интуиция,— пропел Альфа.— Картина другого времени. Она тверда, безжалостна и непреклонна.

Бета перегнулся через пирамиду, нырнул под зеркальную поверхность, проплыл под Альфой, вынырнул и лег рядом с ним.

— Взгляни на Реликта на склоне холма. В его крови— вся древняя раса— ограниченные людишки с тронутыми мозгами. Он повинуется инстинкту. Топорная работа, неудачник,— заключил Альфа.

— Они умирают! Все умерли! — громко прокричал Бета,— осталось только трое или четверо.

Когда: сейчас, в прошлом, будущем— было неважно.

Эти символы относились к другой эпохе, словно лодки на высохшем озере— с тех пор процесс не имел начала и конца.

— Это видение,— проговорил Альфа.— Я видел на Земле Реликтов, затем их смахнуло куда-то, словно ветром мошкарку. Для нас это уже в прошлом.

Организмы лежали спокойно, обсуждая видения.

С неба упал камень или может метеор, и ударился о поверхность пруда.

За ним медленно затягивалась круглая дыра. С другого конца водоема ударил в воздух фонтан жидкости и унесся прочь.

— Вновь интуиция усиливается! Скоро в небе будет много огней,— сказал Альфа.

Возбуждение его оставило.

Он указал пальцем в небо, поднявшись на ноги.

Бета лежал спокойно.

На нем ползали, скакали и множились жуки, пауки, муравьи и мухи.

Альфа понимал, что Бета мог бы подняться, стряхнуть с себя насекомых, переселиться на другое место, но Бета, казалось, предпочитал оставить все как было.

Ну и пусть, этого было вполне достаточно.

Он может создать другого Бету, какого только пожелает, даже целую кучу их.

Иногда мир буквально кишел организаторами всех цветов и размеров, высоких, как колокольни, коротких и коренастых, как цветочные горшки.

Иногда они скрывались в глубоких пещерах, а иногда недолговечная субстанция земли и раз, и тридцать раз сворачивалась в единый кокон, и все угрюмо ждали того времени, когда Земля развернется, и они смогут вылезти на свет, бледными и моргающими.

— Меня мучает потребность, — сказал Альфа. — Съем я Реликта.

Он пригнулся и перекинул себя к подножию желтого утеса.

Реликт Финн в ужасе вскочил на ноги.

Альфа попробовал сообщить, что Финну давалась некоторая отсрочка перед тем, как его съедят.

Но Финн, должно быть, не уловил многочисленных обертонов Альфиного голоса. Он схватил камень и запустил им в Альфу.

Едва оторвавшись от руки, камень превратился в облако пыли, ударившее Реликта в лицо.

Альфа придвинулся, вытянув свои длинные руки.

Реликт ударил его. Его ноги поскользнулись, и он полетел на равнину.

Альфа, ликуя, кинулся за ним.

Финн попытался отползти прочь.

Альфа двинулся вправо — теперь одно направление ничем не отличалось от другого. Он столкнулся с Бетой и вместо реликта принялся пожирать Бету.

Реликт, стесняясь, поколебался, затем подошел и присоединился к Альфе, набивая свой рот кусками розового мяса.

— Я почти сообщил ему о предчувствии, о том, что все это кончится. Помнишь, я тебе рассказывал.

Финн не понимал персонального языка Альфы. Он лишь торопился насытиться как можно быстрее.

— В небе будут огни, — разглагольствовал Альфа, — гигантские огни.

Финн поднялся на ноги, с опаской поглядывая на Альфу, и, ухватив ноги Беты, поволок его к холму. Альфа наблюдал за ним с веселой беспечностью.

Это была не легкая работа для изнеможенного Реликта.

Бета то взлетал, то его сносило ветром, то прибывало к земле. Наконец, он утонул в глыбе гранита, которая застыла вокруг него.

Финн пытался освободить Бету, тыкая в него хвостинкой. Но безуспешно. Он заметался туда-сюда в полной растерянности.

Бета начал сжиматься, усыхать, словно медуза на горячем песке. Реликту ничего не оставалось делать, как убираться восвояси. Слишком поздно. Пища пропала зря. Мир был мерзким скопищем разочарований. Правда, на какое-то время его желудок оказался полон.

Он полез на гору и скоро отыскал лагерь, где ждали его четверо Реликтов— два древних самца и две самки. Обе самки, Гиза и Рик, как и Финн, ходили на промысел.

Гиза вернулась с охапкой лишайника, а Рик принесла какую-то безымянную падаль.

Старцы, Бад и Тагарт, спокойно сидели и ждали не то еды, не то смерти.

— Где же добыча, за которой ты отправился?— угрюмо встретили Финна женщины.

— Я отхватил целую тушу,— сказал Финн.— Только не смог ее притащить.

Между тем Бад втихомолку стащил охапку лишайника и принялся набивать им рот, но тот оказался живым, затрясся и задрожал, выпустил красное облако ядовитого дыма, которое ту же прикончило незадачливую старикашку.

— Вот вам и пища,— сказал Финн.— Давайте поедим.

Но от яда пошло быстрое разложение. Тело забурлило, покрылось голубой пеной и растеклось в разные стороны.

Женщины обернулись ко второму старику, который пролепетал дрожащим голосом:

— Вы, конечно можете меня съесть, но почему бы не выбрать Рик, которая куда сочнее и моложе меня?

Рик, самая молодая из женщин, не устаивая своим ответом, вцепилась зубами в кусок своей добычи.

— К чему мучаться?— проговорил Финн глухо.— Пищу становится добывать все труднее, и мы, очевидно, остались последними людьми.

— Нет,— запротестовала Рик.— Не последние. Помните, мы видели других за зеленой насыпью.

— Это было очень давно,— сказала Гиза.— Теперь, наверное, они уже погибли.

— Может быть, они нашли какой-нибудь источник пищи,— предположила Рик.

Финн поднялся на ноги и окинул взором равнину.— Кто знает, может быть, за горизонтом лежат более благодатные земли.

— Там нет ничего, только пустыня и чудовищные создания,— огрызнулась Гиза.

— И что, нам будет хуже, чем здесь?— спросил Финн.

Возражений не последовало.

— Вот что я предлагаю,— сказал Финн.— Видите этот высокий пик? Видите слои твердого воздуха? Они бьются и отскакивают от него. Они летают туда и обратно и исчезают вдаль. Давайте взберемся на эту скалу и оттуда перенесемся в прекрасные страны, которые лежат где-нибудь за горизонтом.

Теперь пошли возражения.

Старый Тагарт запротестовал, ссылаясь на свою немощь, женщины подняли насмех предложение Финна, но потом, поворчав и поспорив, начали карабкаться на вершину горы.

На это ушло много времени, обременен был вязок как желе. Несколько раз Тагарт признавался, что находится на грани смерти, но все-таки они с грехом пополам взобрались на вершину скалы.

Там едва хватало места перевести дух и осмотреться.

Их взорам открылась местность до самого горизонта, уводившая в седую, белесую мглу.

Женщины перепирались, указывая в разные стороны, но что там их ждут райские куши, верилось с трудом.

В одном направлении сине-зеленые холмы дрожали, будто наполненные маслом пузыри, в другом пролегла темная полоса— не то ущелье, не то река грязи.

В остальных же направлениях простирались сине-зеленые холмы, напоминавшие уже виденные, но в них чувствовалось какое-то отличие. Внизу лежала равнина, сверкающая и переливающаяся, словно крылья глянцевого жука, местами покрытая чертными

бархатными пятнами и заросшая растениями сомнительного вида.

Они увидели около десятка Организмов, слонявшихся около озер, жевавших побеги растений, маленькие камни или каких-то насекомых.

К ним направлялся Альфа.

Он двигался медленно, внушая трепет своим чудовищным обликом и игнорируя другие Организмы.

Те продолжали играть, но завидев его, останавливались, чувствуя какое-то смущение и неловкость.

С обсидановой вершины Финн поймал тугую прядь воздушного облака и подтянул ее к себе.

— А теперь вперед. Нас ждут райские кущи. Летим.

— Нет, — воспротивилась Гиза. — Там нет пещер, и вообще, кто знает, вдруг нас занесет куда-нибудь не туда?

— А куда нам нужно? — спросил Финн. — Кто-нибудь знает?

Никто не знал, но женщины все же отказывались лезть на прядь.

Тогда Финн обернулся к Тагарту. — Давай, старый хрыч, покажи бабам, как это делается. Лезь!

— Нет! — залепетал тот. Я боюсь высоты, она не для меня.

— Залезай старик, а мы за тобой!

Сопя и дрожа от страха, глубоко запуская руки в губообразную массу, Тагарт вскрабкался на облако воздуха, свесив в пустоту свои тощие ноги.

— Ну, — проговорил Финн, — кто следующий?

— Лезь сам, — огрызнулась Гиза.

— И бросить тебя, мою последнюю гарантию от голодной смерти? Давай вперед.

— Нет, это облако слишком мало, пусть старец уплывает на нем один, а мы подождем следующего, побольше.

— Отлично.

Финн разжал руку.

Облако поплыло над равниной, унося Тагорта, изо всех сил цепляющегося за свою драгоценную жизнь.

Они внимательно следили за ним.

— Смотрите, — сказал Финн, — как легко и быстро движутся облака над Организмами, над хлябью равнины, над всем этим зыбким и изменчивым миром.

Но воздух оказался таким же ненадежным, как и все прочее, и вскоре плот старика растаял без следа.

Хватаясь за расплывшиеся клочья воздуха, Тагарт попытался удержаться на своей воздушной подушке, но та улетучилась и он полетел вниз. На вершине горы трое Реликтов наблюдали, как скрюченная фигурка, размахивая руками и ногами, летела все ниже к земле.

— А теперь,— с досадой заключила Рик,— мы остались совсем без мяса.

— Совсем,— сказал Гиза,— кроме Финна.

Вдвоем они бы запросто разделались.

— Эй, поосторожнее! — вскричал Финн.— Я все-таки последний мужчина, а вы— мои женщины и должны повиноваться.

Они его игнорировали, бросая косые взгляды и перешптывались друг с другом.

— Осторожней! — прикрикнул Финн,— я сброшу вас со скалы.

— Ну как раз это мы тебе и обеспечим,— сказала Гиза.

Они с опаской приближались в зловещем молчании.

— Остановитесь. Я же последний мужчина.

— Нам без тебя хуже не будет.

— Одну секунду, взгляните на Организмов!

Женщины посмотрели вниз.

Организмы собрались кучкой, глядя в небо.

— Взгляните вверх!

Женщины посмотрели.

Молочное стекло лопнуло, рассыпалось, завернулось по краям.

— Голубое. Небо голубое, как прежде!

Опалив глаза, ударил ослепительно яркий свет.

— Солнце,— проговорили они трепещущими головами,— на Землю вернулось Солнце.

Небесный купол исчез, и на его месте в мире синевы выплыло яркое и величественное солнце.

Земля внизу сжалась, растрескалась, отяжелела и отвердела.

Они почувствовали, как обсидан каменеет у них под ногами. Его свет стал глянцево-черным.

По-видимому, Земля, Солнце, вся галактика покинули свободную зону, и снова наступило время логики и ограничений.

— Древняя Земля! — закричал Финн.— Мы люди Древней Земли, и она снова наша!

— А как же Организмы?

— Если это Древняя Земля, то пусть Организмы поостерегутся!

Организмы стояли на низком пригорке рядом с потоком воды, который быстро перерастал в реку, прокладывая себе путь по равнине.

— Вот она, моя интуиция! — прокричал Альфа. — Точно, как я предсказал. Исчезла свобода, вновь царят узость и ограничения!

— Сможем ли мы их уничтожить? — спросил другой Организм.

— Запросто, — отозвался третий. — Каждый должен внести свой вклад в общую битву. Я решил взять на себя Солнце, кинуться на него и сокрушить.

Он пригнулся, разбежался и подпрыгнул, потом грохнулся на спину, сломав себе шею.

— Во всем виноват воздух, — сказал Альфа, — потому что он окружает все вокруг.

Шестеро Организмов, убегая от воздуха, бросились в реку и утонули.

— Как бы там ни было, но я голоден, — сказал Альфа.

Он огляделся вокруг, ища привычную пищу. Схватил насекомое, но оно тут же его ужалило и убежало.

— Хм. А голод остался.

Он заметил Финна и женщин, спускавшихся со скалистого кряжа.

— Съем-ка я одного Реликта, — проговорил он. — А может, съесть их всех?

Трое оставшихся сорвались с места и, как обычно, разбежались в разных направлениях.

По чистой случайности Альфа оказался лицом к лицу с Финном.

Он приготовился есть, но Финн поднял камень. Камень оказался камнем, твердым, острым и тяжелым.

Финн размахнулся, познав радость инерции, и Альфа упал с проломленным черепом.

Один из Организмов попытался перешагнуть расщелину двенадцати футов шириной и исчез — только его и видели.

Другой, усевшись на землю, принялся глотать камни, удовлетворяя чувство голода, но тут же забился в конвульсиях.

Финн кивнул на появившиеся участки свежей новой земли.

— Видите, вон улицы нового города, как в легендах. А там фермы, скот.

— Но ведь там ничего нет,— возмутилась Гиза.

— Сейчас нет,— сказал Финн.— Но теперь снова будет вставать и заходить Солнце, снова у камня будет вес, а у воздуха— нет. Снова вода выпадет дождем и заполнит море.

Он наступил на поверженного Организма.

— Теперь можно помечтать.

СОДЕРЖАНИЕ

1. АЛАСТОР-2262	3
2. ЭЛИКСИР ЖИЗНИ	245

ДЖЕК ВЭНС

"Аластор-2262". /Сокровищница боевой фантастики и приключений"/.

**Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАЙЧКИНА, И.ТЫРВА
Корректор С.НИКИФОРОВ.**

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

**ЛР №06693 выдана 7.06.93г. Сдано в набор 27.04.95г.
Подписано в печать 9.06.95 г. Формат бумаги 84х108 1/32.
Бумага офсетная N1. Гарнитура "Таймс". Печать офсет-
ная. Заказ N 4918. Тираж 10 000 экз. Заказное.**

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

**Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати.
214020, г.Смоленск, ул.Смолянинова, 1.**

СОКРОВИЩНИЦА
БОГОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АЛАСТОР-2262

СОКРОВИЩНИЦА
БОГОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

